

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
СЛАВИСТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

Комиссия по истории славистики

*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ СЛАВИСТИКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ СЕРИИ:

Д. Ф. МАРКОВ (СССР) (председатель),
Э. ГЕОРГИЕВ (НРБ), Й. ГРОЗИЕНЧИК (ЧССР),
В. А. ДЬЯКОВ (СССР), П. ЗВОЛИНЬСКИЙ (ПНР),
М. ПАНТИЧ (СФРЮ), Й. ХАММ (АВСТРИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Советский комитет славистов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. БЕРНШТЕЙН,

В. А. ДЬЯКОВ (ответственный редактор),

В. И. ЗЛЫДНЕВ, Д. Ф. МАРКОВ,

А. С. МЫЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

В книге исследуются важные теоретические и методологические вопросы истории славяноведения (определение предмета славистики, периодизация, основные научные направления и т. д.). Авторами статей являются видные советские ученые, а также зарубежные слависты из Австрии, Болгарии, ГДР, Польши, Франции, Чехословакии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим томом открывается пятитомная серия сборников, которые подготавливаются Комиссией по истории славистики при Международном комитете славистов. По своему содержанию серия должна охватить всю историю славяноведения¹ со времени превращения его в самостоятельную отрасль науки (т. е. примерно с середины XVIII в.) до второй мировой войны².

В данном томе, посвященном методологическим проблемам истории славистики, статьи распределены по двум тематическим разделам.

Первый из них охватывает вопросы, связанные с определением предмета славистических исследований и периодизацией истории славистики. Предмет славяноведения является главной темой в статьях Д. Ф. Маркова (СССР) и М. Куделки (Чехословакия). Оба названных автора рассматривают как теоретическую сторону вопроса, так и конкретные определения предмета славистики, имеющиеся в литературе, причем первый из них сосредоточивается преимущественно на современных представлениях, тогда как второй уделяет много внимания историографическому аспекту, начиная его рассмотрение со второй половины XVIII в. Вместе обе статьи дают полную и разностороннюю картину дискуссий по поводу предмета славистических исследований. Их задача состоит в том, чтобы через критический разбор существующих представлений и мнений, которые высказывались когда-то, подвести читателя к достаточно обоснованному и приемлемому для большинства специалистов определению предмета славистики.

Следующая группа статей, вошедших в первый раздел, начинается работой А. С. Мыльникова (СССР), которая намечает общие принципы периодизации и содержит попытку выделить основные этапы истории мировой славистики. Далее идут статьи, рассматривающие проблему периодизации в чисто национальных или региональных рамках: М. Г. Булахов — для славянского языкознания в России, Э. Георгиев (Болгария) — для славянских стран, Й. Хамм (Австрия) — для неславянских стран, В. Цайль и Г. Порт (ГДР) — для славистики в Германии и Д. Бовуа (Франция) — для французского славяноведения. Материалы этой группы, разумеется, неисчерпывающи ни с территориальной точки зрения, ни в смысле охвата научных дисциплин, образующих славистический комплекс. Тем не менее в совокупности они содержат довольно богатый материал для размышлений как по поводу принципов периодизации, так и относительно их конкретного применения к истории мировой славистики и ее национальным ответвлениям.

Во втором разделе сборника — работы об отдельных методологических проблемах славяноведения, имеющих существенное значение для разработки его истории. Статья В. И. Фрейдзона (СССР) рассматривает взаимоотношения между национальными и интернациональными тенденциями в истории славянских народов, которые являются важным фактором развития славяноведения. К этой статье в определенной мере примыкает работа С. М. Стецкевича и В. А. Якубского (СССР), анализирующая генезис и развитие методологии исследования по крупным проблемам, разрабатываемым или разрабатывавшимся советскими историками-славистами. Две статьи второго раздела посвящены взаимосвязям славяноведения с общественно-политическими интерпретациями идеи славянской солидарности. В одной из них (В. А. Дьяков, СССР) сделана попытка рассмотреть соответствующий круг вопросов на материале всех славянских стран и в сравнительно широких хронологических рамках — с середины XVIII в. до 1939 г., в другой — речь идет о русском славянофильстве (Е. А. Дудзинская, СССР).

Если четыре названные работы связаны преимущественно с общими вопросами славистики и исторической тематикой, то статья С. Вольмана (Чехословакия) целиком посвящена методологическим проблемам филологической части славяноведения, а именно методологии сравнительного изучения славянских литератур. Настоящая серия должна стать исходным рубежом для подготовки исследовательского обобщающего труда, охватывающего развитие славяноведения во всех странах. Совершенно очевидно, что осуществление этого весьма сложного, но и весьма нужного дела потребует объединения усилий многих специалистов, ибо историографические вопросы славяноведения до сих пор слабо разрабатывались даже в национальных рамках. Данный том представляется нам одним из звеньев в осуществлении указанного проекта. Мы стремились охватить в сборнике возможно более широкий круг вопросов, но сознаем, что это удалось не во всех случаях. Определенное расхождение мнений, а также терминологические различия, которые читатели заметят в тексте сборника, мы считаем делом естественным и неизбежным в процессе научной дискуссии по нерешенным вопросам.

Редколлегия

¹ В современном русском языке термины «славистика» и «славяноведение» практически являются синонимами; именно так они и употребляются ниже во всех случаях, где это специально не оговорено.

² Подробнее о структуре и содержании серии см. ниже в статье председателя Международной комиссии по истории славистики члена-корреспондента Академии наук СССР Д. Ф. Маркова.

ПРЕДМЕТ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВИСТИКА КАК КОМПЛЕКС НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Д. Ф. Марков

Славистика имеет давние и глубокие традиции. С ее историей связаны имена многих выдающихся ученых мира. Особенно большого размаха достигает развитие славистических исследований после второй мировой войны. Эта обширная, все расширяющаяся область знаний, как и всякая иная наука, требует четкого осмысления ее методологических принципов и особенностей. Недаром проблемам истории славистики посвящены труды в прошлом и в наши дни. Мы стоим сегодня перед необходимостью обобщения огромного исторического опыта исследователей-славистов, и с этим связана задача создания истории мировой славистики.

Такую задачу ставит перед собой Комиссия по истории славистики при Международном комитете славистов. Трудность ее выполнения очевидна. Мы не тешим себя иллюзией сразу охватить историю этой науки в полном объеме и представить ее в систематическом изложении. Поначалу речь должна идти о постановке и освещении узловых проблем ее развития в различные исторические периоды, к освещению деятельности наиболее значительных ее представителей. Очень важной представляется постановка общих, часто нерешенных методологических проблем, касающихся истории славистики всех периодов. Им в основном и посвящена настоящая книга. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего: с какого времени начинается славистика как наука? Как она формировалась? Не будем сколько-нибудь подробно называть факты ее истории — об этом говорится в других статьях. Коснемся этих вопросов лишь постольку, поскольку они связаны с определением содержания самого понятия славистики, по поводу которого и по сей день не утихают споры.

Очевидно, следует отличать собственно историю славистики от ее подготовительного этапа — предыстории. С пониманием род-

ства и близости славянских языков, общности происхождения славянских народов связана, например, деятельность Кирилла и Мефодия, Нестора-летописца и Ю. Крижанича. Но славистика как наука формируется значительно позже — во второй половине XVIII в., широко развивается в XIX столетии, чему способствовали определенные исторические условия: подъем национально-освободительного движения западных и южных славян, национальный подъем в России. И возникала она, вполне естественно, как наука комплексная, связанная с различными сторонами общественной и духовной жизни славянских народов.

Хотя славяноведение уже имеет более чем 200-летнюю историю, на славистических форумах нередко возникает вопрос о его предмете, который толкуется зачастую по-разному. Объясняется это, очевидно, многосоставностью самого предмета исследования, а значит, и понятия славистики, комплексный характер которой не всегда учитывается. Иногда мы сталкиваемся с абсолютизацией отдельных компонентов целого. Так, некоторые ученые толкуют славистику как исключительно филологическую дисциплину. Но достаточно вспомнить, как она возникла, чтобы не согласиться с таким мнением. Ведь она рождалась как одна из форм выражения национального самосознания славянских народов, их борьбы за национальную и культурную независимость. И потому нелогично исключать из понятия славистики историю и историю культуры.

Иной подход совершенно противоречит и теоретическим положениям, и исследовательской практике Йозефа Добровского, Павла Шафарика, Вука Караджича и других ученых, стоявших у колыбели мировой славистики. Будучи по преимуществу филологом, патриарх славистики Добровский много занимался также историей и историей культуры, в частности такими вопросами, как древнейшие поселения славян; деятельность Кирилла и Мефодия; идеология гуситского движения. Он написал цикл статей «Критические опыты очищения чешской истории от позднейших вымыслов» и вместе с Ф. М. Пелцлем издал два тома исторических документов¹. Еще больший удельный вес занимала история в научных интересах Шафарика, который наряду с крупными филологическими работами издал такие известные исторические труды, как «Славянские древности» и «Славянское народописание»². Что касается Караджича, то он, как известно, не только был реформатором сербохорватского литературного языка, но и первым исследователем новой истории Сербии, Боснии, Черногории, Боки Которской³.

Как уже подчеркивалось, славистика выделилась из других областей знания и превратилась в науку в эпоху, когда во многих славянских странах шел процесс формирования наций, складывания национальных языков и национальных культур. Историче-

ская обстановка была такова, что в отличие от западноевропейского региона, где возникновение централизованных государств стимулировало консолидацию национальных общностей, в Центральной и Юго-Восточной Европе процессы эти происходили по-другому: на первый план выдвигалось формирование языковой общности, затем возникло и развивалось национальное самосознание и лишь после этого мог решаться (или ставиться) вопрос о национальной государственности. Особенности исторического развития объективно обуславливали, с одной стороны, выдвижение на первый план филологических проблем в славяноведении, а с другой — определяли комплексность его задач, ибо развитие национальных языков было теснейшим образом связано со складыванием национальных культур, а вслед за ними возникала общественная потребность в изучении и осознании исторического прошлого данного народа через сохранившиеся письменные и вещественные памятники, фольклорные и этнографические материалы.

Изучение языков, культуры и истории славянских народов не могло не привести и действительно привело в начале XIX в. к более глубокому пониманию этнической близости славян и определенной общности их исторических судеб. На этой базе появилась и начала свою сложную эволюцию идея славянской взаимности, которая на первых порах играла немалую стимулирующую роль в развитии славяноведения и в то же время стала одним из важнейших элементов складывающейся национальной идеологии славянских народов, прежде всего тех, которые не имели своей государственности. В тогдашних условиях идея славянской взаимности (при всей утопичности и несостоятельности ее трактовки в форме призыва к созданию единой нации) во многом способствовала объединению славянских народов в их борьбе за национальную независимость. Важно отметить также, что неразрывная связь между политическим и научным содержанием идеи славянской взаимности создавала вполне очевидные дополнительные стимулы для обращения славистов к чисто исторической проблематике или к тому, что стоит на пограничье филологии и истории, связывала воедино филологические и исторические проблемы, создавала объективную потребность в специалистах широкого профиля, способных охватывать все славяноведческие дисциплины.

Общественно-историческая обстановка в России отличалась существенным образом, однако и здесь развитие славяноведения шло аналогичными путями. До 60—70-х годов XIX в. многие видные русские ученые, например О. М. Бодянский, А. Ф. Гильфердинг, В. И. Григорович, И. И. Срезневский и др., совершенно сознательно соединяли в своем научном творчестве филологические интересы с интересами историческими, с занятиями вспомога-

тельными историко-филологическими дисциплинами, в том числе палеографией, археографией и т. д. О. М. Бодянский, например, занимался не только вопросами, связанными с историей славянской письменности и находящимися на пограничье истории с филологическими дисциплинами, но и собственно историей западных и южных славян, не говоря уже об истории Украины и России. А. Ф. Гильфердинг написал несколько работ о славянских языках, но более известны его исследования о западных и южных славянах, которые имели в основном исторический характер, хотя в них и затрагивалась этнографическая и филологическая проблематика. В. И. Григорович и И. И. Срезневский руководили длительное время университетскими кафедрами истории и литературы славянских наречий, публиковали исторические источники — первый о южных славянах⁴, второй — о религии и письменности древних славян⁵.

Любопытна позиция некоторых других русских славистов первой половины XIX в., в частности П. И. Прейса, который руководил кафедрой истории и литературы славянских наречий в Петербургском университете до И. И. Срезневского. Ученик А. Х. Востокова и лингвист по подготовке и основным научным интересам, П. И. Прейс особое внимание обращал не только на филологическую, но и на историческую подготовку студентов. В своей программе университетского курса (1840 г.) он писал: «При обозрении каждого славянского племени будет оно рассматриваться в отношении: а) географическом; б) историко-политическом; в) этнографическом; г) лингвистическом; д) литературном»⁶. Эта программа дает вполне отчетливое представление о том, что включали П. И. Прейс и его современники в понятие славяноведения. Речь шла об историко-филологическом комплексе дисциплин, очень близком к тому, который относят к славяноведению и большинство современных специалистов.

В 60—70-е годы XIX в. славяноведение в России вступило в новый этап своего развития. В последующие десятилетия в славистике, как и в других отраслях знания, происходила дифференциация наук, которая вела к более узкой специализации отдельных ученых и порождала тенденцию к обособлению каждой из дисциплин славистического комплекса. В славяноведении появились «чистые» лингвисты (А. Л. Дювернуа и И. А. Бодуэн де Куртене), «чистые» литературоведы (А. Н. Пыпин) и «чистые» историки, специалисты исключительно этнографического профиля, фольклористы и т. д. Это содействовало совершенствованию методики исследования, более глубокому проникновению в суть изучаемых явлений, накоплению огромной массы конкретного материала. Но позитивный в своей основе процесс имел и определенные негативные последствия, выразившиеся в некотором нарушении целостности взгляда на объект исследования, а ведь

объект этот — общественная жизнь славянских народов — оставался единым.

Обособление дисциплин славяноведческого комплекса привело через какое-то время к выделению более или менее широко понимаемого комплекса «славянская филология», который нередко стали идентифицировать со славистикой в целом, пытаясь отодвинуть в сторону всю ее чисто историческую часть, которая в прежние годы почти всегда органически включалась не только в понимание предмета, но и в круг научной деятельности отдельных славяноведов. В этом смысле характерны взгляды И. В. Ягича, который в разное время дал два определения термина «славянская филология». В одном случае (1875 г.) он говорил о понятии «филология в широком смысле», включая туда «не только языки, которые с полным правом выдвигаются на первый план, но и памятники языка и литературы, произведения народного духа и в целом литературные древности славян». В другом случае (1892 г.), разрабатывая план «Энциклопедии славянской филологии», Ягич выделил в самостоятельные разделы язык, литературу, фольклор, религию и правовые обычаи, археологию.

Ограничивая славистику указанными рамками и называя все это «славянской филологией», ученый не решился довести разграничения с историей до логического конца и так или иначе включил в понятие «славистика» такие отчасти или целиком исторические дисциплины, как археология, эпиграфика, нумизматика, палеография, не говоря уж о «произведениях народного духа», куда, конечно же, относятся не только многие объекты исторического исследования, но также их результаты — разного рода исторические сочинения.

Тенденции к дифференциации дисциплин славяноведческого комплекса, достигшие апогея на рубеже XIX и XX вв., стали затем постепенно ослабевать и сменяться интеграционными стремлениями, которые явились отражением внутренней взаимосвязи этих дисциплин, их взаимопроникновения. Интеграционные стремления стали особенно ощутимыми в межвоенный период и в годы второй мировой войны. Представляется, что объективным их выражением было понимание необходимости в единых научных учреждениях, охватывающих весь славяноведческий комплекс. Первая попытка такого рода была предпринята в нашей стране, где в 1932—1934 гг. в системе Академии наук СССР существовал возглавляемый Н. С. Державиным Институт славяноведения (в Ленинграде). В 1947 г. был создан Институт славяноведения (ныне Институт славяноведения и балканистики) АН СССР, объединивший историков и филологов в самом широком смысле этих слов и ставший в послевоенные годы крупнейшим центром мировой славистики.

Итак, если не в понимании отдельных ученых, то объективно славяноведение было и остается комплексом научных дисциплин, изучающих общественную жизнь славянских народов. Такая формулировка для определения предмета славистических исследований как будто не вызывает возражений. Однако она имеет настолько общий характер, что ее нельзя считать удовлетворительной. Какие научные дисциплины и в какой мере входят в славяноведение? Правильно ли говорится о комплексе наук или нужно вести речь о комплексной науке?

В славяноведение включаются не все науки об обществе (общественные науки), а те, которые в него входят, представлены в нем далеко не одинаково. Не перечисляя всех наук этого цикла, связанных так или иначе со славяноведением, но не входящих в него непосредственно, назовем, например, политическую экономию, экономическую географию, философию, социологию. В качестве составных частей славистического комплекса наук в него входят языкознание, литературоведение, искусствоведение, история и история культуры славянских стран, так как в этих областях знания сравнительно с наибольшей глубиной отражены традиционные связи славянских народов, этнонациональная специфика их развития.

В славянском языкознании или истории и истории литературы славянских стран ученые имеют дело и с более общими проблемами — с целыми пластами материала, являющегося составной частью общего языкознания, истории всемирной литературы или всеобщей истории. И совершенно очевидно, что языкознание, литературоведение, история, прочно входящие в славистический комплекс, не утрачивают постоянных органических связей с соответствующими научными дисциплинами как целым. Из них они черпают очень многое — не только общее понимание важнейших процессов или материал для аналогий и сопоставлений, но — это особенно существенно — методiku и приемы исследований, выработанные данной отраслью науки. Вместе с тем достаточно прочно и полезно для исследователя междисциплинарное взаимодействие, складывающееся внутри славистического комплекса, ибо оно обогащает его кругозор, повышает методологическую вооруженность и позволяет ставить и решать более сложные задачи. Можно привести немало доводов в подтверждение того, что существуют внутреннее единство и взаимозависимость между научными дисциплинами, образующими славистический комплекс. Однако думается все же, что применительно к славяноведению правильное говорить о комплексе наук, а не о комплексной науке в полном смысле этого слова.

В связи со сказанным нередко возникают вопросы: какие исследования являются собственно славистическими? Очень часто звучат голоса, что изучение одной из славянских стран, одного

языка, одной литературы еще не является славяноведением, что славяноведение начинается там, где речь идет об общеславянской или межславянской проблематике, о сравнительном изучении по меньшей мере двух стран, языков или литератур. Думается, что категоричность таких выводов неправомерна. Скорее следовало бы говорить о характере, масштабности постановки и решения определенных проблем как о мере их оценки. Безусловно, работы сравнительного плана имеют преимущества перед работами, анализирующими частные, отдельно взятые факты и явления. Но эти последние также необходимо учитывать.

Единое и научно правильное определение предмета славяноведения чрезвычайно важно при разработке его истории. Поэтому вполне естественно, что соответствующий круг вопросов так или иначе обсуждался едва ли не на каждом заседании Международной комиссии по истории славистики, начиная с Московского (1958 г.) и Венского (1960 г.). Единство мнений пока не достигнуто, но важнейшие практические шаги в разработке истории славяноведения опираются на комплексное понимание предмета. Из него исходили, в частности, чехословацкие специалисты, подготовившие и издавшие библиографический словарь славистов этой страны. В предисловии к словарю они определили свою позицию следующим образом: «Мы считали вполне естественным и безусловным, что термин „славистика“ является понятием более широким, чем понятие „филология“. Поэтому мы включаем в словарь все [...] работы из области обществоведения, которые имеют или имели с точки зрения своего времени научный характер»⁷. На такой же основе советские ученые работают над созданием аналогичного словаря «Славяноведение в дореволюционной России»⁸.

Коснемся еще одного вопроса, связанного с пониманием предмета славистики. Как известно, славистика в неславянских странах охватывает изучение истории, языков, культуры всех славянских народов, практически всю их общественную жизнь. Несколько по-другому решается этот вопрос в различных странах славянского языка.

Еще П. И. Прейс в упоминавшемся «Наброске программы университетских чтений по славистике» писал, что предметом исследования для российского славяноведения являются «славяне за исключением русских». Аналогичное понимание бытовало и бытует также в других славянских странах. Вполне понятны сугубо практические соображения, которыми оно обусловлено. Однако совершенно очевидно, что нелогично ни разрывать, ни тем более противопоставлять, например, русистику славистике в СССР, славистику богемистике в Чехословакии, болгаристику славистике в Болгарии и т. д. Это противоречие неизбежно, но из него нужно сделать правильные выводы. В каждой славянской стране отечест-

венная история, литература, язык были, есть и будут предметом особого внимания, с целью их изучения всегда создавались специальные научные учреждения. Однако не должно быть изоляции их тематики от изучения зарубежных славян. Ведь, скажем, область связей национальной истории данного народа с другими славянскими народами — одна из важных задач каждого слависта, а именно здесь такая изоляция может создать помехи и препятствия. Специалисты по зарубежным славянским странам в СССР должны неизбежно заниматься многосторонними связями и отношениями изучаемых ими стран с историческим и историко-культурным развитием русского, украинского, белорусского народов; богемисты, болгаристы, русисты, югослависты, например в Польше, должны обращаться к изучению связей соответствующих стран с развитием польской истории, литературы, языка, к исследованиям сравнительного характера. То же соответственно относится ко всем славянским странам.

Исследуя процесс генезиса и развития мировой славистики, необходимо охватывать его целиком, вне зависимости от того, как толковался предмет изучения в то или иное время и каким образом исходя из практических целей распределялись функции между различными учреждениями внутри стран. При этом исключительно важны принципы отбора материала — здесь, очевидно, должен действовать критерий, обеспечивающий ориентировку на общезначимые, закономерные тенденции указанного процесса.

Каждая наука имеет свой специфический объект познания, который она исследует в его изменениях, развитии. Славистика, занимаясь общественной жизнью славянских народов, должна, если она стремится быть объективной наукой, следовать реальному ходу истории, изучать не только прошлое, но и современность. Известно, что после 1944—1945 гг. все славянские страны вошли в социалистическое содружество, включающее не только славянские народы. Поэтому нельзя, разумеется, сейчас оперировать представлениями, сложившимися в XIX столетии, нельзя не видеть новое содержание исторического процесса и говорить о «славянской общности» в традиционном духе столетней давности. Конечно, это не означает, что исторические традиции могут быть отброшены и забыты. В недавнем прошлом, в период борьбы против фашизма, мы были свидетелями жизненности идей славянской солидарности. В настоящее время славянские народы, как и другие народы социалистического содружества, тесно связаны между собой единством целей, сотрудничеством в политической, экономической и идейной сферах. Они имеют богатое прошлое, берегут его как драгоценное наследие, нужное им и сегодня. Вместе с тем они творят свою новую историю. Объективно исследовать это новое, роль и место славянских народов

в мировой общественной и духовной жизни XX в. — одна из важнейших задач современной славистики.

Интерес к истории славистики за последние десятилетия значительно вырос и воплотился в ряд важных начинаний. Международная комиссия по истории славистики должна содействовать и в меру своих сил содействует развитию исследований по истории славяноведения в рамках каждой славянской страны и тех неславянских стран, где ведутся славистические исследования. Но вместе с тем она стремится организовать разработку проблем межнационального характера, т. е. всего того, что характеризует славистику как единую отрасль мировой науки. Мы давно пришли к такому пониманию ситуации и именно поэтому возник рассчитанный на далекую перспективу план создаваемого общими усилиями систематического труда по истории мировой славистики, а в качестве важнейшего подступа к нему — серии международных сборников, в которых предполагается осветить наиболее существенные принципиальные вопросы и накопить материал по слабо изученным темам и периодам.

Серия состоит из пяти сборников. Первый из них, посвященный теоретическим и общеметодологическим проблемам, издается в Советском Союзе. Остальные сборники, характеризующие отдельные этапы развития мировой славистики, будут изданы в Чехословакии (славистика в конце XVIII—первой половине XIX в.), Югославии (вторая половина XIX в.), Болгарии (конец XIX в.—1918 г.) и Польше (период между первой и второй мировыми войнами). Организационные функции выполняют национальные комиссии перечисленных стран, но участие в подготовке каждого сборника принимают и ученые многих других стран — как славянских, так и неславянских. Несомненно, сборники дадут немало фактического материала для предстоящего обобщения. Однако важнейшая их задача состоит в выработке более или менее единого подхода к той массе фактов, которые уже введены в научный оборот или будут выяснены дополнительно, т. е. в выработке методологических принципов исследования и главных направлений будущего синтеза. Сказанное относится не только к первому из названных сборников, специально посвященному методологическим проблемам, но и ко всем остальным, ибо в своих рамках каждый из них также должен придавать первостепенное значение методологическому и теоретическому аспектам исследования.

Один из важнейших методологических вопросов истории славяноведения, как и истории других наук, связан с правильной оценкой соотношения между внутренними закономерностями развития данной отрасли науки и влияния общих исторических условий, т. е. факторов социально-политических и идейных, без учета которых невозможно ни правильно оценить наиболее существенные поворотные пункты в развитии славистики, ни точно

определить самую суть рассматриваемых процессов. Речь идет, разумеется, не о вульгарно-социологическом подходе к развитию науки, но об учете реальных объективных факторов, так или иначе обуславливающих это развитие.

Важнейшее методологическое значение для истории славистики имеет, о чем уже говорилось выше, определение круга тех научных дисциплин, которые образуют в комплексе славяноведение как науку. Не менее важно в методологическом отношении определение основного предмета исследования в тех работах по истории славяноведения, которые мы будем издавать. Предельно схематизируя расхождение точек зрения, ситуацию, пожалуй, можно свести к дилемме: история «славянской идеи» или история «славянских изучений»? Идея славянского единства оказала огромное влияние на возникновение и развитие славяноведения, хотя ее политические интерпретации были весьма разнородными, а конкретная роль оказывалась то позитивной, то негативной. Однако сведение наших задач к изучению только того, что связано с развитием славянской идеи, представляется делом неправомерным и неоправданным ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Занявшись только «славянской идеей», мы можем выпустить из виду значительную часть славистических исследований. Создать историю «славистических изучений» гораздо труднее, чем историю «славянской идеи», но это необходимо, чтобы охватить то, что нам интересно и полезно, а именно показать поступательную динамику научной мысли в исследованиях языков, исторического и историко-культурного развития славянских народов.

Далее следует существенный методологический вопрос о целях и содержании истории мировой славистики в отличие от истории славяноведения в отдельно взятой стране. Конечно, мировая славистика складывается из того, что сделано в отдельных странах, но это не простая сумма, а новый синтез, обобщения, сделанные на качественно ином уровне. Результаты развития мировой славистики связаны с результатами славистических исследований в национальном масштабе, но отличаются от них и в количественном и в качественном смысле. Общее соотношение между этими результатами, их конкретные оценки и сопоставления будут успешны в том случае, если мы будем базироваться на основных принципах материалистической диалектики и используем достижения современной компаративистики.

Перечисленные вопросы не исчерпывают всего того, что связано с подготовкой истории мировой славистики, а лишь отмечают круг основных методологических проблем, решение которых представляется необходимым на начальной стадии нашей работы.

- ¹ Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von spätern Erdichtungen zu reinigen. Praha, 1803—1819; *Scriptores rerum Bohemicarum*, t. 1. Praha, 1783; t. 2, 1784.
- ² *Slovanské starožitnosti*. Praha, 1837; *Slovanský národopis*. Praha, 1842.
- ³ Подробно об этом см.: *Никитин С. А.* Караджич и Ранке. — В кн.: *Проблемы историографии*. Воронеж, 1960.
- ⁴ О Сербии в ее отношениях к соседним державам преимущественно в XIV и XV столетиях. Казань, 1859.
- ⁵ Святые места и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Казань, 1846.
- ⁶ Архив АН СССР, ЛО, ф. 106, оп. 1, д. 5, л. 1.
- ⁷ *Ceskoslovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760*. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972, s. 6.
- ⁸ См.: *Дьяков В. А.* О подготовке библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России». — В кн.: *Археографический ежегодник за 1972 год*. М., 1974, с. 98—101.

О СЛАВИСТИКЕ КАК СФЕРЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

М. Куделка

Необходимость размышления о содержании, сущности и смысле славистики вытекает не только из естественной обязанности науки стремиться к ясности в понятиях и однозначности, но прежде всего из общественной практики. Действительность такова, что доля науки во всей общественной жизни непрерывно возрастает, в связи с чем качественно меняются ее общественная функция и значение в организации и руководстве обществом.

Это обязывает науку постоянно познавать самое себя, свое прошлое и вероятное будущее. Необходимость такого самопознания встает во всей своей неотложности потому, что мы понимаем науку не как простое накопление определенных знаний, но видим ее истинное значение и цель прежде всего в том, чтобы не пререстанно уточнялся и совершенствовался метод научного исследования как относительно верного отражения действительности, чтобы проверялись и корректировались основные гносеологические исходные начала и предпосылки и тем самым увеличивались возможности познания. Если научная дисциплина или какая-либо определенная область науки будет пренебрегать необходимостью самопознания, она начнет отставать в общем научно-познавательном процессе и вступит в противоречие с общим уровнем научно-теоретического и философского сознания своей эпохи.

В славистике, как и в других областях науки, непрерывная проверка отношений теории к изменяющейся общественной действительности является одной из основных предпосылок плодотворного научного и общественного развития данной, особым образом ограниченной сферы познания. За время почти двухстолетнего существования славистики возникли и стабилизировались основные понятия и принципы, которые составляют ее теорию, даже если они и не были ясно объединены в систему. Необходимость исследовать эти вопросы является настоятельной, ибо простое репродуцирование традиционных представлений о славистике могло бы привести к замкнутой, застывшей, неизменной и поэтому изолированной системе, которая все меньше реагировала бы на общее развитие научного познания и развитие общества. А ведь желательно, чтобы славистика развивалась в прогрессивном направлении, служила бы развитию связанных с ней наук. Подобная миссия может быть осуществлена славистикой лишь в том случае, если мы определим ее сущность и цели с полной научной и гражданской ответственностью, если подойдем

к ее традициям осторожно и критически, в соответствии с достигнутым уровнем научного познания в целом.

Среди основных проблем теории славистики центральное место занимает вопрос о том, что является предметом этой области научного познания, как этот предмет исторически развивался и изменялся, каким образом может быть определен сегодня. Вопрос этот до сих пор решается по-разному. Для обычной культурно-политической, научно-организационной и популяризаторской практики несущественно, истолковывается ли это понятие с достаточной точностью, однако для славистики как науки однозначное определение ее предмета имеет принципиальное значение.

1

Размышления о предмете славистики могла бы облегчить критическая история ее развития; однако систематическое изучение соответствующего круга вопросов, особенно теоретических, находится пока в начальной стадии.

Опираясь на имеющиеся данные, сделаем общий обзор существующих представлений о предмете славяноведения.

Первое развернутое определение объема и задач славистики сформулировал в 40-е годы XIX в. П. Й. Шафарик в связи со своим проектом создания славистических кафедр в Праге, Берлине и Вроцлаве¹. Понимание им славистики было по существу филологическим и опиралось на характерное для той эпохи романтическое восприятие национального языка, который считался главным проявлением и одновременно источником своеобразного национального характера и национальной культуры. Шафарик и его современники предполагали существование единого славянского народа, у которого, несмотря на внутренние различия, существовало единство, обусловленное исторической общностью языка. Языковое единство (а позднее родство славянских языков) являлось доказательством единства исторического развития славян, оно было источником их общности в различных областях культурной жизни, а потому его необходимо было подвергнуть всестороннему изучению. Отправным пунктом и главной предпосылкой научного познания прошлого и настоящего славян было сравнительно-историческое изучение славянских языков во всех их проявлениях. Однако представление о центральном положении языка в жизни народа способствовало тому, что изучение языка сопровождалось всеобъемлющими историческими исследованиями, которые были взаимосвязаны с другими областями науки, особенно с географией, топографией, демографией, демокартографией и т. п.

Представления Шафарика, выразившие современное ему понимание славистики и тогдашнюю исследовательскую практику в этой области, оказали влияние на начальный период развития славистики в России. Позднее, в 70-е годы, там развернулись дальнейшие дискуссии о ее предмете и задачах. Филологическая точка зрения отошла постепенно на задний план, а изучение языка стало лишь составной частью широкого фронта славистических исследований, которые охватывали в основном все существовавшие тогда общественные науки. Хотя возможность свести предмет славистики к филологическим исследованиям иногда и принималась во внимание, однако такой подход считался искусственным и бесплодным².

Наиболее стройная система в изложении этого понятия принадлежит А. С. Будиловичу³, который исходил из представления, что славяне образуют во всех отношениях своеобразное целое, начиная с географического типа своих земель и особых антропологических черт, через единство языка и склада вплоть до общности культуры в самом широком ее понимании. Будилович основывался на убеждениях, что славяне имеют общие моральные ценности, религиозные устремления, художественный вкус; вдобавок для подавляющего большинства славян он считал типичными также сходные социально-политические воззрения консервативного характера, которые, по его мнению, вытекали из преобладавшего земледельческого образа жизни. Он считал, что этот своеобразный и самостоятельный славянский мир должен быть всесторонне изучен с учетом его противопоставления Западной Европе. Будиловичу принадлежало, таким образом, едва ли не самое широкое понимание предмета славистики, которое включает в себя славянскую географию, этнографию, языковедение, а также историю политического, социального, экономического, литературного, культурного и религиозного развития. Эта концепция славистики, профессионально многогранная и выраженная понятием «славяноведение», из которого более здравый подход исключил позднее географическую тематику и преувеличенные антропологические и социально-политические предпосылки, преобладала в русской дореволюционной науке. Из теоретических формулировок такого рода заслуживает внимания определение К. Я. Грота в «Энциклопедическом словаре» и Т. Д. Флоринского на съезде русских филологов в 1903 г. в связи с планом создания славянской энциклопедии. Особенно важным для методологии было мнение о том, что славистика занимается как славянами в целом, так и отдельными славянскими народами, а также убеждение, что «всякая славянская народность в обычном употреблении несколько ограничивает объем понятия славистики, выключая из него себя и разумея под ним всю область инославянских изучений»⁴.

Не будем подробно говорить о связи этих воззрений с идеологическими течениями того времени и специфическими историческими особенностями славяноведения в России⁵. Отметим лишь важное с точки зрения нашего вопроса обстоятельство, заключающееся в том, что изучение исторического прошлого понималось в этих концепциях как естественная составная часть славистики, равноценная проблематике языковедческой и филологической.

Тогда же сформулировал свое понимание предмета славистических исследований В. Ягич⁶. Основное различие между приведенными формулировками русских ученых и пониманием Ягича состоит в том, что Ягич ограничил славистику рамками славянской филологии, которая, по его мнению, «обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях литературных, то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях». Определение Ягича исходило из опыта классической филологии, устоявшиеся принципы которой переносились на славянский материал. Если принять во внимание, что в определенной части Европы классическая филология долго была стержнем всего образования, главным носителем научных и культурных традиций, формировавшим мировоззрение своей эпохи, становится понятным, почему Ягич придал этому опыту такое значение, почему в некоторых странах филологическое понимание славистических исследований получило преобладающее значение.

Филологическое понимание славистики привело к появлению весьма важной теоретической проблемы, которой не знало комплексное понимание славистики: встал вопрос, какие научные дисциплины относятся к «славянской филологии», каковы взаимоотношения «филологических» и «нефилологических» дисциплин в славяноведении. Ягич к собственно филологическим дисциплинам отнес языковедение, историю литературы, включая изучение устных традиций (фольклор); прочие дисциплины он зачислил в категорию так называемых вспомогательных наук. Такая дифференциация, никогда, впрочем, точно не конкретизированная, не осуществленная последовательно и в «Истории славянской филологии» Ягича, не могла полностью удовлетворить науку, хотя бы потому, что не принимала достаточно во внимание различие между работами о классической древности и славистическими исследованиями, которые касались живой и стремительно меняющейся их современности. Вопрос, какие дисциплины относятся к славянской филологии, и попытка его решения составляют тем не менее значительную и характерную для того периода составную часть наследия Ягича в области теории славистики. Основное значение имеет то обстоятельство, что в противовес мнению упоминавшихся выше русских ученых⁷ филоло-

гическое понимание славистики исключало исторические исследования в собственном смысле слова, причем Ягич обосновал это различием между методами и делами соответствующих дисциплин⁸.

Из теоретических наблюдений Ягича, касающихся сущности и задач славистики, заслуживает внимания также его мнение о том, как соотносятся в славистике занятия славянством как единым целым с изучением отдельных славянских народов. Ягич был свидетелем того, как в конце XIX—начале XX в. под воздействием общественно-политических факторов начало ослабевать первоначально целостное понимание славянской филологии с главенствующим положением палеославистической проблематики, как это понимание стало уступать место все возрастающему интересу к отдельным национальным языкам и иной национальной тематике. По мнению Ягича, такое развитие способствовало тому, что славистика в славянских странах распадалась на две области научных интересов: с одной стороны, изучение собственного национального языка и культуры, с другой — интерес ко всем остальным славянским языкам и литературам. Ягич уже тогда указывал, что под угрозой поставлено единство славистического подхода, а в конце своей научной деятельности высказал убеждение, что славистика требует реформы именно в этом вопросе, если не хочет сбиться на ложный путь⁹.

В чисто исторической проблематике, которую Ягич не включал в свою концепцию славистики, развитие интереса к отдельным славянским народам также привело к размышлениям теоретического характера. Предметом этих размышлений являлся вопрос, который в пределах филологической проблематики уже не вызвал спора, а именно вопрос о том, было ли историческое развитие славян в такой степени целостным и единым, чтобы оно могло изучаться как единое целое. Этот вопрос привлекал внимание специалистов в тех дисциплинах, где то или иное его решение могло быть использовано в области идеологии, т. е. прежде всего в так называемой гражданской истории и истории права. Начало рассуждений на эту тему положило сочинение А. С. Будиловича 1898 г.¹⁰, которое доказывало, что «славянскую историю» можно считать самостоятельной наукой, так как славяне вследствие своего племенного единства и общности исторических судеб образуют своеобразное целое. Ему возражал И. Бидло, который считал, что основанная на априорных тезисах славянофилов попытка Будиловича доказать единство славян является напрасной тратой сил, ибо историю славянства можно писать и без теоретического обоснования, как всякую иную историю¹¹. Гораздо позднее, в накаленной атмосфере межвоенной Европы дискуссия на эту тему становилась все более острой, стороны открыто преследовали политические цели, и потому спор не при-

вел и не мог привести к определенным позитивным научным результатам, оставаясь в замкнутом круге идеалистической аргументации¹².

Концепция комплексного славяноведения и филологическая концепция определили суть двух основных мнений о том, что является предметом славистики. В этих границах и велось в дальнейшем большинство дискуссий. Попытки свести область славистики только к изучению языка были единичными и безуспешными. Ведущие слависты по преимуществу придерживались филологической точки зрения и, хотя находили в дефиниции Ягича непоследовательность и противоречия, по существу принимали ее как определение своей сферы исследований. Дискуссия, которая развернулась после первой мировой войны, показала, однако, что определение Ягича неудовлетворительно, причем речь идет не только об отдельных коррективах и дополнениях, но о решении оставшегося открытым существенного вопроса: какие дисциплины входят в понятие славистики, а какие в него не входят. Критерий, примененный с самого начала и в концепции «славяноведения», и в концепции филологической, был связан с позитивистскими принципами классификации наук, что существенно сужало спор и содействовало скорее накоплению критических аргументов, нежели позитивному решению вопроса. Это лучше всего видно из рассуждений Г. А. Ильинского и М. Вайнгарта¹³, которые воочию показали непоследовательность, неопределенность и противоречия филологического понимания славистики, впервые отчетливо выявив неудовлетворительность определения предмета. Ильинский и Вайнгарт пришли к выводу, что определение славянской филологии Ягичем мало чем отличается от истории культуры, что при таком разнородном содержании славянская филология утрачивает характер науки. Поэтому Ильинский стремился сузить понятие, тогда как Вайнгарт, придавая особое значение сравнительному подходу, призывал к уточнению категории вспомогательных наук.

Вопрос о предмете славистики возникал также при организации съездов славистов в межвоенный период. После Пражского съезда (1929 г.), имевшего филологический характер, этот вопрос возник на съезде в Варшаве (1934 г.), а позже в дискуссии, которая предшествовала несостоявшемуся съезду в Белграде. На самых радикальных позициях находился тогда Г. Улашин, считавший, что славянская филология лишь научная конструкция, которая удерживается установившимися традициями и практическими потребностями, однако как собственно наука не существует. Изучать духовную жизнь славянских народов, следуя определению Ягича, означало для него по существу изучать широко понимаемую историю славянской культуры (slowianoznawstwo)¹⁴.

Тенденциям расширить понятие славистики, включив в него «нефилологические» дисциплины, особое сопротивление оказал тогда М. Мурко, видный представитель чешской славистики межвоенного периода. Он с упорством поддерживал определение Ягича «славянская филология»¹⁵, отвергая введение понятия «славистика». Вопрос научного определения предмета славистики при таком расхождении в точках зрения не мог быть окончательно решенным.

Мурко констатировал, и это заслуживает особого внимания, что понятие «филология» в различные эпохи и в разных дисциплинах различное и что неясности в этом вопросе продолжают, Мурко полагал, что представление о филологии как науке о народности создала романтическая эпоха. Ею же порождена точка зрения на единый характер «славянского духа», а в определении Ягича — «духовной жизни славянских народов», отражающейся в их языке и письменных памятниках.

Еще Ягич обратил внимание на то, что в Германии и других западноевропейских странах возникло другое, более широкое понятие славистических изучений, которое перешагнуло за рамки филологической концепции. Оно не имело четко ограниченной программы исследования, но отличалось целостным пониманием славянского мира, тогда как в славянских странах все больше отделяли собственную национальную проблематику от проблематики «инославянской».

В области теоретической началом новых веяний представляется полемика 1908 г. между К. Гетцом и пропагандистом славянской филологии, византинистом К. Крумбахером¹⁶. Под воздействием полемики появилось сочинение Х. Ф. Шмида и Р. Траутмана, которые включали в программу немецкой славистики как филологические, так и исторические исследования, этнографию и искусствоведение. Их программа исходила из предпосылки, что существует культурная общность славянских народов, которая, быть может, неравномерно, но проявляется в различных сферах их развития¹⁷. Мнение о том, что славяне являются единым целым лишь в языковом отношении, они считали распространенным предрассудком, обоснованным политическим опасением, что признание культурной общности славянских народов будет содействовать распространению идей «панславизма». Стремление к комплексному пониманию славистики имело в то время определенное позитивное ядро и вело к расширению немецко-славянских культурных связей. Однако последующее развитие политических отношений в Германии изменило обстановку настолько, что представление о единстве славян и требование всестороннего изучения славянства стали для большинства немецких ученых аргументами для обоснования расистской идеологии немецкого фашизма.

Многоплановое понимание славистики постепенно вступило в свои права также в славистике французской, английской, а позднее и в славистике США¹⁸. Политические аспекты славистических исследований после первой и особенно после второй мировых войн привели к весьма широкому пониманию славистической деятельности, открытой для всех общественных наук, в том числе и филологических. При таком понимании теоретические рассуждения о научном ограничении славистики были, разумеется, бесполезными, и попытки четкого теоретического ограничения ее предмета оставались поэтому совершенно единичными¹⁹.

Стремление дать определение предмету славистики и славянской филологии, если оно выходило за рамки традиционных представлений, сталкивалось каждый раз с принципиально важным вопросом: на чем основана специфика славянства как единого целого и каким образом создается то, что называют единством славянских народов? Решение этого вопроса открывало неисчерпаемые возможности для высказывания различных политических взглядов и мотивировок. Одну из научных попыток в этой области сделал Бодуэн де Куртенэ, который пришел к крайнему выводу, что своеобразная и специфическая «славянская» культура и «славянская» психика не существуют и что объективно доказуемую общность славяне образуют только в области языка²⁰.

Коренной перелом в филологическом понимании славистики произвела в 30-е годы советская славистика. Программные статьи Н. С. Державина содержали критику точки зрения Ягича и отвергали филологический формализм и метафизику, которые оставляли без внимания вопросы общественного развития. Державин отвергал как применение к славистике отправных точек идеологического характера, так и методологические основы буржуазной науки. С позиций материалистического понимания исторического процесса он критиковал представление о своеобразном и замкнутом культурно-историческом единстве славянского мира как враждебное пролетариату и противопоставил расовым и националистическим тенденциям классовую точку зрения. Из такого понимания как следствие его появилось затем определение славистики как комплекса специальных дисциплин, которые занимаются всеми областями общественного развития славянских народов. В этом широком плане на долю филологии выпало конкретное место и конкретные задачи²¹. При этом указывалось и на идеологические аспекты современной славянской филологии в Западной Европе и на использование понятия «духа народа» в расистской идеологии²².

Работы советских славистов того периода выдвигали на первое место идеологические вопросы, которые для новой концепции славистики имели первостепенное значение. Проникновение материалистического понимания исторического развития в слависти-

стику проявилось в переходе от точки зрения филологической к подчеркнуто комплексному определению предмета славистики с преобладанием интересов исторических и культурно-исторических.

Высказывания советских славистов кануна второй мировой войны стимулировали к теоретическим размышлениям о задачах славистики Зденека Неедлы. Он пришел к выводу, что филологического понимания славистики уже недостаточно и что границы ее интересов необходимо раздвинуть так, чтобы главной славистической дисциплиной стала история в самом широком смысле. В связи с этим он считал также, что необходимо изменить идеологическую основу славистики, поставить ее на новую почву, связав с общественным прогрессом и социализмом²³.

После второй мировой войны наступил период расцвета славистики. Наряду с энергичной разработкой конкретных тем в отдельных дисциплинах появились и теоретические исследования, вызванные стремлением определить новую программу и новые перспективы. Большую роль сыграло при этом постепенное овладение материалистической концепцией истории и марксистской методологией в Болгарии, Польше, Чехословакии и других странах социалистического содружества, приводившее к сближению точек зрения ученых этих стран с позицией советских ученых, которая в первые послевоенные годы была сформулирована В. И. Пичетой и Н. С. Державиным²⁴. В соответствии с этой позицией, подкрепленной организационной структурой и научной программой Института славяноведения Академии наук СССР, славистика понималась и рассматривалась как комплексная разработка проблем истории, языкознания и литературы. Советские ученые особое значение придавали новейшему периоду и отвергали любые попытки утверждения какой-либо исключительности «славянской расы» как противоречащее идее революционной солидарности между народами.

Несмотря на существование такой трактовки и наличие других попыток широкого определения славистики²⁵, первая послевоенная встреча славистов в Белграде в 1955 г. опять имела филологическую направленность; в подобном же плане был организован и IV Международный съезд славистов в Москве в 1958 г., где работали секции лингвистическая, литературоведческая и литературно-лингвистическая²⁶. Эту концепцию славистических исследований обстоятельной критике подверг сборник «Актуальные проблемы славяноведения»²⁷, который и поныне является наиболее систематической попыткой определить предмет славистики. Кроме того, в сборнике выкристаллизовались некоторые основные теоретические вопросы, требующие неотложного решения. В сборнике констатировалось отставание научной работы в области комплексного изучения истории культуры, при этом подчеркива-

лась необходимость комплексного понимания славистики, и в этом смысле была сформулирована обширная программа исследований. Идеологическое обоснование этой концепции определило в качестве новой задачи славистических исследований всестороннее изучение вопроса о том, что сближает славянские народы с народами неславянскими, которые строят социализм, что помогает преодолеть чувство национальной изолированности, воспитывать идеологию интернационализма. Советская славистика (славяноведение) была определена в сборнике как «комплекс научных дисциплин, изучающих историю, язык, литературу, материальную и духовную культуру славянских народов и их исторические и культурные связи между собой и с другими народами». Некоторые теоретические аспекты этой концепции развила программная статья журнала «Советское славяноведение»²⁸, где между прочим изучение славянских народов СССР также было исключено из области славистических интересов.

Приведенные формулировки стимулировали дальнейшую разработку вопросов, связанных с определением предмета славистики и особенно с оценкой роли исторических наук как ее интегральной составной части²⁹, а также привели к тому, что историческая проблематика была включена в программы всех дальнейших международных съездов славистов³⁰.

Выходящее за филологические рамки понимание славистических исследований проявилось и в послевоенных научных трудах западноевропейских и американских славистов, стоящих, однако, на других идеологических и методологических позициях. Филологическая концепция наиболее последовательно применялась и применяется в австрийской славистике, которая опирается по существу на определение Ягича и видит научно обоснованную целостность во взаимодействии языкознания, истории литературы, так называемых древностей и этнографии³¹.

На современном этапе, несмотря на указанное различие во взглядах, славистика выделяется из всего общественно-научного познания как отдельная область. Эта реальность с новой силой проявилась на заседании Международной комиссии по истории славистики в Вене в 1960 г. в связи с дискуссией о предмете истории славистики³².

Обзор литературы, который охватил лишь самые важные точки зрения и вынужден был в значительной мере почти не затрагивать нередко поучительную аргументацию, показывает, что с того момента, когда ученых, работающих в славистике, начал волновать вопрос о выделении их собственной области интересов, они не пришли к единому мнению в определении своего предмета. Теоретические и методологические проблемы, которые возникают из этой ретроспективной конфронтации, едва ли удастся решить объективно и научно убедительно без нового, последовательного

переосмысления накопленных фактов. Существующее положение, при котором размышления о предмете славистики неизменно возвращаются к вопросу о том, какие дисциплины относятся к славистике и в каком соотношении находится изучение собственного славянского народа к изучению остальных славянских народов, побуждает к размышлению о том, хорошо ли сформулирована основная проблема и исходят ли ученые при ее исследовании из адекватных научно-познавательных предпосылок.

2

Как видно из всего сказанного выше, предметом размышлений является славистика как единая, определенным образом выделенная область науки, а не славистическая проблематика в отдельных научных дисциплинах.

Попытки решить вопрос о предмете понимаемой таким образом славистики не могут уже сегодня обещать удовлетворительных результатов, если не принять во внимание исторический характер явления и в особенности если оставлять в стороне вопрос научно-познавательной ценности славистической точки зрения.

Исторический характер славистики в общем является очевидным, необходимо только последовательно и до конца обдумать тот факт, что на протяжении всего своего развития славистика всегда была тесно связана с общественной идеологией эпохи и что в процессе исторического развития менялись познаваемое общество, познаваемый предмет и способы познания. Гносеологический аспект вопроса до сих пор был почти полностью заброшен, а это может привести к тому, что в славистике наряду с реальными проблемами могут возникнуть также весьма трудные псевдопроблемы. Встает, например, вопрос, можно ли с полным правом обществоведческую проблематику народов, говорящих на славянских языках, считать заведомо славистической проблематикой и согласуется ли такой подход с основными принципами материалистической теории познания, не следует ли различать, когда формулировка вопроса как проблемы славистической имеет смысл с научно-познавательной точки зрения и приобретенное знание является реальным отражением объективно существующей действительности, а когда такая формулировка смысла не имеет, поскольку исходит из ошибочных предпосылок и создает искусственную проблему, которой не существует в природе.

Определяя предмет славистики, следует исходить из того, что славистика как целостное понятие не является сама научной дисциплиной, если подходить к ней с требованиями современной теории и систематики наук, но является совокупным понятием

для обозначения объединенных общей тематикой областей различных научных дисциплин. Поскольку славистика еще не определена как дисциплина, постольку представляется, что она не имеет собственного точно очерченного предмета познания, как другие дисциплины, не располагает собственным специфическим методом исследования, применяемым во всех ее разветвлениях³³.

Исходя из сказанного считать славистику научной дисциплиной представляется ошибочным, по тем же причинам нельзя ее считать интердисциплинарной областью науки. Диалектический процесс непрерывной дифференциации и интеграции наук, создание и стирание вообразаемых границ между ними и возникновение новых смежных отраслей, по нашему мнению, являются процессом иным и для научного определения славистики непригодным, потому что речь не идет о новой специфической познавательной структуре на стыке двух или более дисциплин, которая адекватным образом изучает по-новому определенную как часть объективной реальности, закономерно обособливаемую от всего остального³⁴. Но если славистика является особым образом выделенной областью деятельности различных общественных наук с их собственными объектами познания и методами разработки, то из этого следует, что с научно-познавательной точки зрения правильнее говорить только о славистическом аспекте в отдельных научных дисциплинах и что только в этом смысле является разрешимой проблема научно-познавательной ценности.

Осознание этого может иметь важные гносеологические последствия. Если мы понимаем каждую отдельную научную дисциплину как внутренне устойчивую систему достоверных и проверенных опытом знаний, которые отражают сущность и закономерность объективно существующих явлений и процессов, то является очевидным, что славистический аспект данной дисциплины может иметь научно-познавательное значение только тогда, когда славистическая проблематика полностью гармонирует с ее характером как специфической системы научного знания, т. е. когда предмет данного славистического исследования познаваем лишь специфическими методами и приемами данной дисциплины. С точки зрения материалистической теории познания в высшей степени необходимо также учитывать объективное существование предмета познания и его познаваемость. Все это вместе позволяет распознать, существует ли предмет познания объективно или является лишь плодом несоразмерных дедукций, а также определить, является ли познавательный образ относительно верным отражением существования объекта исследования или всего лишь субъективным искажением, искусственной конструкцией. Конкретно речь идет о тех случаях, когда в какой-либо общественно-научной дисциплине, кроме языкознания, проблема сформулирована как славистическая лишь потому, что исследуемое явление

или процесс касаются национального сообщества, говорящего на одном из славянских языков.

Подход к научной дисциплине как специфической системе познания ставит под вопрос филологическое толкование славистики. В самом деле, строго лингвистическая точка зрения и бесспорный факт родства славянских языков может создать и создает ложное представление, будто существует гомогенная славистическая проблематика для всех «филологических» дисциплин в смысле единства предмета, метода и цели каждой отдельной дисциплины, хотя очевидно, что в развитии они к такому единству не пришли³⁵.

Вопрос о том, что же все-таки является предметом славистики, сформулированный в гносеологической плоскости и с позиции материалистической теории познания, требует также учета критерия практики для оценки объективной истинности наших рассуждений и выводов. Маркс говорил: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — во все не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, по-сторонность своего мышления»³⁶.

Это общее требование имеет принципиальное значение и для славистики, потому что и здесь можно только практикой подтвердить, что предмет нашего познания действительно существует. Тесная взаимосвязь славистических изучений с идеей славянской взаимности и использование научных выводов славистики в общественной идеологии различных направлений самым настоятельным образом подтверждают необходимость критерия практики. Однако необходимо, чтобы общественная практика как решающий критерий истинности научного познания не была бы истолкована неверно, чтобы мы не останавливались у бросающихся в глаза, но несущественных деталей, мешающих пониманию сути дела и закономерностей, чтобы она была в состоянии распознать субъективизм и волюнтаризм и не подменить научный критерий практики узко понимаемым и поверхностным практицизмом.

Другим принципиальным вопросом теории славистики, без обстоятельного анализа которого невозможно и определение предмета славистических изучений, является вопрос об этнической общности славян. Для научного определения предмета славистики понятие славянской этнической общности и ее всестороннее точное определение имеет решающее значение, потому что именно объективным существованием славянской общности обосновывается существование славистики как области научного познания. Является очевидным, что если какая-либо проблема формулируется как проблема славистическая, то она исходит из предпосылки, что существует нечто, дающее право выделить из сово-

купности предметов и отношений их определенную часть именно таким, а не иным образом и что именно такое выделение имеет смысл с научно-познавательной точки зрения. Вопросы славянской этнической общности еще недостаточно разработаны как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Можно с уверенностью предполагать, что последовательное проведение материалистической концепции также и в вопросе славянской этнической общности приведет к качественному изменению в ее понимании и вместе с тем и в понимании славистики как области научного познания.

Если при современном состоянии наших знаний невозможно всесторонне развернутое определение этнической общности славян, то попробуем наметить пути ее исследования.

Решение этого сложного вопроса, который здесь можно изложить только в самых общих чертах, требует строго исторического подхода. Потому что и здесь, конечно, нужно учитывать один из основных принципов исторического материализма, отвергающий абсолютизацию каких-либо отношений, навязывающих природе или нашему сознанию нечто им не свойственное, могущее касаться только части нашей рефлексии в противовес тому, что существует в действительности³⁷. При отсутствии исторического подхода в этническом единстве видят раз и навсегда данную величину, которая проявляется в разной форме и для которой историческое развитие только создает более или менее благоприятные условия развития, предполагая какую-то внеисторически существующую в своей основе неизменную этническую субстанцию, проявляющуюся в похожем либо в одинаковом характере человеческих существ. Такой способ понимания был типичным для большей части старых славистических исследований. Метафизическая умозрительность создавала в них априорные предположения, которые не проверялись на практике и часто находились в принципиальном противоречии с основами научного познания. Едва ли нужно доказывать, что подобное понимание славянской этнической общности сегодня нельзя уже считать приемлемым подходом для дальнейшего исследования, поскольку он преграждает путь к познанию объективной реальности. Исторический подход, напротив, должен рассматривать этническое сходство славян прежде всего как категорию историческую, а значит, явление изменчивое в своей основе, требующее исследования того, как оно возникло и развивалось в его конкретных формах в конкретных исторических условиях³⁸.

Если мы стремимся к познанию славянской этнической общности как объективной действительности, мы должны исключить из своих рассуждений явно ошибочное мнение, которое отождествляет этническое единство славян с сознанием этого этнического единства. Это сознание может быть, разумеется, важным

объектом славистического изучения, ибо оно является составной частью общественного сознания эпохи, существенным социально-психологическим явлением. Однако оно может быть сознанием ложным и потому не являться надежным исходным началом для научного познания этнической общности славян как объективной реальности.

В прошлом нередко высказывалось в науке мнение о том, что славянская этническая общность обусловлена единством происхождения народов, говорящих на славянских языках. Соответственно группа людей, в определенной мере гомогенная в языковом отношении, принималась за гомогенную также и с точки зрения антропологической; ныне такой взгляд уже окончательно преодолен, а потому может не приниматься во внимание. Без ущерба можем мы оставить в стороне и так называемую «славянскую душу» и «славянский характер», в которых идеалистическая этнопсихология с различными политическими умыслами односторонне выискивала мнимые общие и специфические особенности, равнодушно обходя общечеловеческие свойства. С вопросом подобных или одинаковых черт характера славянских народов неразрывно связан вопрос о единстве материальной и духовной культуры. В этой обширной и чрезвычайно запутанной области особенно проявилась априорность неисторических представлений об этническом родстве. Именно здесь сказывалось недостаточное понимание конкретных и специфических экономических и социальных условий культурного развития отдельных славянских народов и в первую очередь полное пренебрежение к классовой сути и внутренним социальным противоречиям в развитии национальных культур. Явным либо скрытым истоком рассуждений этого порядка было языковое родство и ложное представление о прямой зависимости между национальным языком и характером национальной культуры. Поскольку язык занимал центральное место в духовной жизни национального сообщества, постольку были сделаны выводы, будто языковое родство ведет к аналогичному способу понимания и аналогичной интерпретации действительности³⁹. Это представление, в которое переносились остатки романтического понимания языка как основы и проявления «национального духа», особенно нашло применение в филологическом понимании славистики, которое именно поэтому ограничивало ее предмет языком и языковыми проявлениями духовной жизни общества.

Вопрос о характере близости славянских народов, о единстве или родстве их культур марксистская наука ставит сегодня совершенно иным образом, исходя из принципиального положения, что человеческий характер и характер всего, что люди создают, в решающей степени обуславливаются соотношением социальных и классовых интересов. Новейшие выводы советской науки в об-

ласти этнографии и социальной психологии подтверждают, что социальная и классовая принадлежность человека детерминирует его культурный уровень и оценочные суждения намного больше, нежели его этническая принадлежность⁴⁰. Однако намечены лишь подходы к бесконечно обширному и сложному вопросу о характере славянской этнической общности и ее культуры, и потому к конкретным решениям необходимо пока подходить с большой осторожностью, учитывая, что мы имеем дело с далекой от завершения, чрезвычайно сложной и спорной исследовательской проблемой⁴¹.

Если признать правильным требование изучать проявления славянской этнической общности только методами отдельных общественных наук и в соответствии с их специфическими определениями предмета исследования, то придется констатировать, что это требование далеко не всегда соблюдается. Чаще всего несоответствие возникает между языкознанием и другими общественными науками. То обстоятельство, что предметом интересов языкознания служат явления языковые, «славянскость» которых легко устанавливается специальными методами лингвистики, имеет своим последствием соответствующую научно-познавательную ценность славистических изучений в языкознании. Механически переносить знание о бесспорном родстве славянских языков в другие отрасли и на его основе делать предположения о сути славистического подхода в каждой из них было бы, однако, научно бесполезным. Это подтверждается, в частности, тем, что в формулировках славянской проблематики языковедами не находят места такие категории, как идеология славянства, сознание этнического родства, «славянский дух» и другие представления, которые в иных общественных науках неоднократно использовались и используются в качестве аргументов для определения сути славистического подхода.

Из теоретических вопросов, которые непосредственно касаются определения предмета славистики, необходимо особо поставить вопрос о том, в каком отношении друг к другу находится изучение истории, языка и культуры одного славянского народа к изучению вопросов общеславянских, разобраться в обоснованности подхода, который исключает из славистики изучение собственного славянского народа, а славистическую проблематику ограничивает только другими славянскими народами. Для традиционного понимания славянской этнической общности первый вопрос не является существенным и не встает как особая методологическая проблема; второй же вопрос стал непосредственной составной частью приведенного выше определения славистики К. Я. Гротом. а В. Ягич прямо побуждал к размышлениям о том, чем грозит такой подход к славистике, указывая на необходимость соответственного реформировать ее понимание.

Из самого понятия славистики следует, что предметом славистических изучений должны быть явления, общие всему славянскому этносу. При филологическом определении славистики можно, разумеется, понимать предмет иначе, потому что для лингвиста, например, изучение языковых проявлений каждого отдельного народа, говорящего на славянском языке, является одновременно исследованием славистическим. В комплексном понимании славистики с его качественно отличным пониманием славянской этнической общности такой подход был бы научно необоснованным. И в этом понимании можно, разумеется, изучать отдельные вопросы отдельного народа как проблему славистическую, но только в том случае, если она формулируется с учетом принадлежности этого народа к славянскому сообществу. Без осуществления этого основного условия не является славистическим ни изучение одного народа, ни даже изучение отношений двух народов, говорящих на славянских языках, ибо такое изучение относится к собственной истории этих народов или к всеобщей истории.

Игнорирование этого важного и естественного гносеологического требования славистических трудов привело к тому, что на практике осуществляется стремление выделить из славистики проблематику собственного славянского народа. Такой подход, хотя и является формальной уступкой потребностям повседневной практики (чаще всего требованиям научно-организационного характера), с точки зрения анализа научно-познавательной не обоснован⁴². Если, с одной стороны, взвесить не обоснованное теоретически понятие славистики в западноевропейской и американской исследовательской практике, позволяющей различные варианты славистического подхода (от комплексного изучения славянства как предполагаемого этнического целого вплоть до какой угодно части вопроса одного народа, говорящего на славянском языке), а с другой стороны, последствия упомянутого подхода, осуществленного во всех славянских странах, то является очевидным, что славистика стала на практике произвольно изменчивой и аморфной областью с весьма необязательным содержанием и объемом, в которой перестают действовать некоторые основные категории и принципы научно-познавательного процесса.

Выходом из этой непоследовательности и разногласий могло бы оказаться такое понимание славистики, которое бы за предмет ее интересов последовательно принимало только явления общеславянские, сравнительные исследования славянской проблематики и изучение отношений между славянскими народами, поскольку они так или иначе связаны с сознанием их этнической общности. При таком понимании славистики нашел бы естественное решение вопрос, в каком отношении находятся славистические исследования к области богемистики, русистики и т. д. и в ка-

кой мере эти области составляют или не составляют часть славистики, потому что собственным, а в определенном смысле и специфическим предметом своих интересов славистика параллельно с ними создавала бы особую область исследований общественных наук. Нет необходимости подчеркивать, что эти области научного познания были бы тесно взаимосвязаны.

Славистическая практика и теоретические рассуждения позволяют сделать несколько рабочих выводов. Прежде всего можно считать бесспорным, что филологическое понимание не исчерпывает предмета славистики и что с научной точки зрения необходимо расширить понятие предмета. Хотя некоторые славистические труды за пределами языкознания и показывают, что формулировка исследуемой проблемы как славистической может иногда исходить из ложных предпосылок и терять из-за этого свое научно-познавательное значение, другие работы однозначно подтверждают, что в нелингвистической проблематике существуют реальные славистические темы с научно-познавательным значением. Можно даже сказать, что в некоторых так называемых филологических областях (например, в литературоведении и фольклористике) лингвистических аргументов для отнесения этих наук к славистике уже недостаточно, потому что их собственным предметом является не язык, а специфическое единство ценностей общественно-идейных и языково-эстетических и именно в них надо находить проявление славянской этнической общности. Более широкое понимание славистики не означает, однако, лишь механического расширения исследовательского пространства за счет большого количества дисциплин, но заменяет также чисто лингвистический подход качественно отличной соединяющей точкой зрения, учитывающей общественное развитие, а также социальные и классовые моменты. Если филологическое понимание славистики находит свое научное обоснование в частичном языково-этническом определении, то комплексное понимание славистики применяет воспринимаемую исторически категорию славянской этнической общности как общую точку зрения всего общественно-исторического развития.

При комплексном понимании славистики прежнее различие дисциплин славистических и неславистических, различие славистических областей основных и вспомогательных теряет смысл. Как явление общественно-историческое славянская этническая общность является предметом исследовательского интереса всех общественных наук, которые находятся во взаимоотношениях сложного единства и взаимодействия. В комплексном понимании предметом славистики является, стало быть, все историческое развитие народов, говорящих на славянских языках, во всем объеме обществоведческих дисциплин, однако формулировка славистической проблематики не должна исходить из их этнического

родства как априорной, всегда одинаково действующей предпосылки, а должна предполагать строго исторический подход к этому вопросу. Возможно, в некоторых областях общественной жизни и на некоторых этапах исторического развития не удастся обнаружить проявления славянской этнической общности как объективной действительности. Но это даже в самой малой степени не опровергает справедливости указанного определения славистического подхода.

Вопрос о том, какие дисциплины относятся к славистике, являвшийся яблоком раздора в прошлых попытках определения славистики, утратил бы свое значение и был бы заменен вопросом о том, какие проблемы относятся к славистике, а какие к ней не относятся. При решении этого вопроса главную роль играло бы научно-познавательное значение славистической проблематики, с точки зрения которого определялись бы также содержание и объем славистики как целостной области научного познания. Славистику можно было бы затем понимать как этнолингвистически ограниченную область научного познания развития общества, в которой общественные науки в согласии с предметом своих интересов и своими методами изучают проявления этнического родства народов, говорящих на славянских языках, поскольку эти проявления существуют как объективная действительность, или исследуют, существуют ли такие проявления. Предметом изучения было бы возникновение, продолжительность, характер и действенность этих проявлений, с одной стороны, в границах данного этноса, с другой стороны, в отношениях к иным этническим сообществам.

Соображения о предмете славистики сформулированы здесь в самом сжатом виде и в форме материала для размышлений над несколькими весьма актуальными и неотложными вопросами. Они направлены на то, чтобы славистика также была познавательной системой, которая постоянно открыта для новых знаний и теорий, системой, способной неустанно совершенствоваться и уточняться, и в том числе по вопросу своей собственной сущности и смысла. Если же говорить об истории славистики, то для определения ее предмета следует учитывать прежде всего не сегодняшнее, а характерное для описываемой эпохи понимание славистики у различных народов и в различных государствах, в его взаимосвязях с теми конкретными социальными и культурно-историческими условиями, в которых развивались славистические исследования.

¹ *Francev V. A. Korespondence P. J. Safařika, t. I. Vzájemné dopisy P. J. Safařika s ruskými učenci (1825—1861). Praha, 1927,*

přilohy III—V; Rösel H. Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland. Berlin, 1957, S. 164—170.

- ² *Kottjarevskij A.* Uspěchy slavistiky na Rusi v poslední době. — «Casopis Českého musea», 1874, R. 48, 23 ad.
- ³ *Будилович А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира. СПб., 1878.
- ⁴ *Грот К. Я.* Славяноведение. — Энциклопедический словарь, т. XXX. СПб., 1900; *он же.* Об изучении славянства. СПб., 1901, с. 5; Предварительный съезд русских филологов (10—15 апреля 1903 г.). Бюллетени. СПб., 1903, с. 4.
- ⁵ Ценные соображения по этому вопросу содержит статья: *Пыпин А. Н.* Русское славяноведение в XIX столетии. — «Вестник Европы», 1889, № 24, с. 238 сл.
- ⁶ *Archiv für slavische Philologie*, 1. Berlin, 1876, S. 1—4; *Веселовский А.* Вступительная лекция проф. Ягича в Венском университете по славянской филологии. — «Вестник Европы», 1886, № 21, т. VI, с. 412—415; цит. по: История славянской филологии. СПб., 1910, с. 1.
- ⁷ *Jagič V.* A Survey of Slavistic Studies. — «The Slavonic Review», 1922/1923, p. 40—58.
- ⁸ *Archiv für slavische Philologie*, 1911, Bd. 32, S. 571—572.
- ⁹ *Jagič V.* Prošlost i budućnost slovenske nauke (slavistike). — In: Prace lingwistyczne ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay. Kraków, 1921, s. 16—20.
- ¹⁰ *Будилович А. С.* Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах. Юрьев, 1898.
- ¹¹ *Bidlo J.* O historii Slovanstva jako celku. — «Česky časopis historický», 1911, R. 17, s. 143—151.
- ¹² Ср.: *Kudělka M.* Dějiny Slovanstva a východní Evropy v pojetí J. Bidla. Příspěvek k dějinám a teorii československé slavistiky. — «Slezský sborník», 1974, R. 72, s. 1—15.
- ¹³ *Ильинский Г.* Что такое славянская филология? — «Ученые записки Саратовского гос. университета», 1923, т. 1, вып. 3; *Weingart M.* O podstatě slovanské filologie. — «Sborník filosofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislavě». 1924, II, s. 591—605.
- ¹⁴ O istocie filologii słowiańskiej. — In: II międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich), sekcja 1. Warszawa, 1934, s. 140—144.
- ¹⁵ *Murko M. K.* diskusi o sjezdach slovanských filológů. — «Slavia», 1937/1938, R. 15, s. 311—313; *idem.* Les études slaves en Tchécoslovaquie. Paris, 1935, p. 128—129; Podstata a úkoly německé slavistiky. — «Prager Presse», 1.III 1928.
- ¹⁶ *Krumbacher K.* Der Kulturwert des Slawischen und die slawische Philologie in Deutschland. — «Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 1908, 2, S. 267 f.; *Götz K.* «Slawische Philologie» oder «Slawische Geschichte und Landeskunde»? — «Beilage der Münchener neuesten Nachrichten», 23.VIII 1908.
- ¹⁷ *Schmid H. F., Trautmann R.* Wesen und Aufgaben der deutschen Slawistik. Leipzig, 1927.
- ¹⁸ Из-за недостатка места невозможно процитировать все основные статьи сравнительно обширной литературы по этому вопросу. Такое развитие было характерно для американской науки и изложено в книге: *Manning C. A.* A History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, Wisconsin, 1957.
- ¹⁹ *Mazon A.* Le patrimoine commun des études slaves. — «Revue des études slaves», 1924, t. 4, s. 113—132.
- ²⁰ Czy istnieje osobna kultura słowiańska? — «Przegląd warszawski», 1925, R. 5, Ser. 2, s. 223—226.
- ²¹ *Державин Н. С.* О филологическом формализме к марксистско-ленинской методологии. Задачи Института славяноведения. — «Вестник АН СССР», 1931, № 1, с. 149—159; *он же.* Наши задачи в области славяноведения. — «Труды Института славяноведения АН СССР», 1932, т. I, с. 1—14.
- ²² *Димитров Д.* Славянская филология на путях фашизации. К характеристике ее состояния на Западе. — «Язык и мышление»,

- 1935, т. V, с. 125—133; ср. также: *Пичета В. И., Шустер У. А.* Славяноведение в СССР за 25 лет. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942, с. 222—235.
- ²³ *Janeček O.* K Nejedlého koncepci historické slavistiky z roku 1939. — «Slovanský přehled», 1966, R. 52, 103—109.
- ²⁴ *Пичета В. И.* Институт славяноведения Академии наук СССР и его задачи. — «Вопросы истории», 1947, № 5, с. 165—167; *Державин Н. С.* О задачах современного славяноведения. — «Славяне», 1947, № 9, с. 3—7; *Пичета В. И.* Основные проблемы советского славяноведения. — В кн.: Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М.—Л., 1947, с. 677—700; *Королюк В. Д., Хренов И. А.* Историко-славистические исследования в СССР (1945—1961). — «Slavia», 1963, R. 32, с. 260—282; *Марков Д. Ф.* 25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР. — «Советское славяноведение», 1972, № 1, с. 3—20.
- ²⁵ *Batowski H.* W sprawie zakresu pojęcia «słowianoznawstwo». — «Zycie nauki», 1949, t. 7, s. 437—446.
- ²⁶ См. концепцию сборников: «Beogradski međunarodni slavistički sastanak 15.—21.IX 1955», Beograd, 1957 и «IV Международный съезд славистов. Отчет». М., 1960.
- ²⁷ Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961.
- ²⁸ «Советское славяноведение», 1965, № 1, с. 3—8 (от редакции).
- ²⁹ Ср.: *Вингер Э.* К вопросу об объеме и содержании понятия «славистика». — В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965, с. 223—226; дискуссия в журнале «Slovanský přehled», 1965, R. 51; 1966, R. 52; *Macůrek J.* Slavistika a historické vědy. — «Slovanské historické studie», 1968, VII, s. 9—43; *Куделка М.* Über die Begrenzung des Begriffs «Slawistik». — «Zeitschrift für Slawistik», 1967, Bd 12, S. 512—516.
- ³⁰ Ср. дискуссию об определении славистики на съезде в Праге в 1968 г.: VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu, 2. Praha, 1970, s. 519—527.
- ³¹ *Jagoditsch R.* Die Lehrkanzel für slawische Philologie an der Universität Wien 1849—1949. — «Wiener slawistisches Jahrbuch», 1950, Bd 1, S. 1—52; *Hamm J.* Rückblick auf die Geschichte der Slawistik und die Slawistik in Jugoslawien. — «Wiener slawistisches Jahrbuch», 1960, Bd 8, S. 61—74.
- ³² Bericht über die erste Arbeitstagung der Internationalen Kommission für Geschichte der slawischen Philologie in Wien. — «Wiener slawistisches Jahrbuch», 1960, Bd 8, S. 7—202.
- ³³ Нет необходимости доказывать, что сравнительный подход, который иногда требуется для славистики, не является «славистическим методом», а только одним из основных подходов научного познания вообще.
- ³⁴ С этим ср.: *Кедров Б. М.* Классификация наук, II. От Ленина до наших дней. М., 1965, с. 529.
- ³⁵ Ср. также: *Horálek K.* Aktuální otázky dějin slavistiky. — In: «Práce z dějin slavistiky», 1975, d. II, s. 19—25.
- ³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 1—2.
- ³⁷ *Кедров В. М.* Předmět marxistické dialektické logiky a jeho odlišnost od předmětu formální logiky. — In: Zákony a formy myšlení. Praha, 1964, s. 62.
- ³⁸ Об этом более широко в предисловии к книге: *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968, s. 9—10.
- ³⁹ Ср.: *Horálek K.* Filosofie jazyka. Praha, 1967.
- ⁴⁰ Из обширной литературы по данному вопросу см.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Кон И. С.* К проблеме национального характера. — В кн.: История и психология. М., 1971, с. 122—158; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.

⁴¹ Необходимость сдержанного подхода к вопросу этнического единства славянских народов проявилась в последнее время при работе с конкретным фольклорным материалом, т. е. в той области, на которую чаще всего ссылались поборники этнического единства славян (ср.: *Horálek K. Studie o slovanské lidové poesii. Praha, 1962*; *Sirovátka O. Česká lidová slovesnost a její mezinárodní vztahy. Praha, 1967*; *Peukert H. Gibt es eine «slawische» Volksdichtung? Berlin, 1972*). Аналогичный подход проникает также в теоретические рассуждения на данную тему (ср.: *Ровда К. И.*

Славянская общность и проблемы культуры. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международные съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 237—285; *Чистов К. В. Этнические аспекты славянской фольклористики. — Там же, с. 365—385*).

⁴² Корректировки данных представлений и практики справедливо требовал Д. Ф. Марков на симпозиуме по истории славистики в Праге в 1971 г. (*Марков Д. Ф. Некоторые вопросы истории славистики. — In: «Práce z dějin slavistiky», 1975, d. II, s. 13—17*).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ МИРОВОЙ СЛАВИСТИКИ: ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

А. С. Мыльников

История славистики, как и история любой науки, имеет большое теоретическое и практическое значение. Она призвана не только подвести итог тому, что в этой области сделано, но в еще большей мере осмыслить закономерности предшествующего развития, с тем чтобы определить тенденции и проблематику дальнейших исследований. О том, насколько важное место занимает история славистики в системе этой комплексной отрасли знания, можно судить хотя бы по тому, что первые опыты истории славяноведения хронологически почти совпадают с эпохой его становления, что основоположники славяноведения в разных странах, начиная с И. Добровского, одновременно уделяли внимание и его истории. В XIX—начале XX в. это без особого труда прослеживается в деятельности крупнейших представителей данной отрасли науки. Едва ли необходимо специально останавливаться на известных трудах по истории славистики А. Н. Пыпина, А. А. Кочубинского, К. Я. Грота, И. В. Ягича, М. П. Погодина, В. А. Францева, А. А. Потебни, И. Первольфа, И. Шишманова, Я. Якубца, К. Иречека и других славянских ученых, а также пионеров разработки славистики в неславянских странах XIX в., например Д. Боуринга в Англии, Л. Леже и Э. Дени во Франции и т. п. В их трудах мы находим не только стремление к рассмотрению, хотя в отдельных случаях и краткому, путей развития национальных славистических школ, но и мысли, касающиеся более общих вопросов истории славяноведения в современной им науке. Отмеченный интерес в полной мере был унаследован славистами текущего столетия, о чем свидетельствуют, например, работы Н. С. Державина, В. И. Пичеты, Б. Д. Грекова и других основателей советского славяноведения, выступления по вопросам истории славистики Д. Ф. Маркова, С. Б. Бернштейна, Н. И. Толстого, В. Д. Королюка, В. А. Дьякова, З. Нееды, К. Крейчи, Ю. Доланского, К. Горалека, Т. Лер-Сплавиньского, П. Динекова, Э. Винтера, Р. Якобсона, И. Хамма и многих других советских и зарубежных славистов. Все же до сих пор капитальный труд по истории мировой славистики отсутствует. В этой связи нельзя не подчеркнуть значения деятельности Международной комиссии по истории славистики, которая на протяжении ряда последних лет прилагает усилия по объединению ученых разных стран в реализации этой идеи¹. Очевидно, создание труда по истории мировой славистики — дело крайне сложное. Оно требует не только сосредоточения и анализа огромнейшего фактического материала —

а без коллективных усилий международного масштаба это попросту невозможно, — но и решения основополагающих, методологических вопросов, которые должны лежать в основе такого труда. Среди них проблемы периодизации занимают далеко не последнее место. Не претендуя ни в коей степени на окончательное разрешение этого применительно к истории славистики малоизученного вопроса, мы хотели бы сосредоточить внимание на трех узловых, по нашему мнению, моментах: цели, задачи и принципы научной периодизации истории мировой славистики.

Выдвижение на первое место вопроса о *целях* такой периодизации не случайно. В самом деле, для чего необходима ее выработка, какие функции должна решать периодизация?

Можно, конечно, сказать, что выработка периодизации истории славистики служит практическим целям организации материала, помогает его систематизации, членению и оформлению. Однако такой ответ был бы заведомо неполон. Развитие славянских исследований в отдельных странах и в мировом масштабе отличается крайней неравномерностью как с точки зрения географии их распространения, так и в смысле определения объекта изучения.

Славистика в качестве научной дисциплины формируется не ранее XVIII в. как в славянских (прежде всего в России и Чехии), так и в неславянских (особенно в Германии) странах и трактуется то в широком историко-культурном, то в более суженном филологическом или даже почти исключительно лингвистическом плане. Борьба различных точек зрения в понимании предмета красной нитью проходит через все последующее развитие славистики и дает знать о себе вплоть до настоящего времени². Отмеченное обстоятельство, естественно, накладывает определенный отпечаток на предмет истории славистики и не может не учитываться историками славистики.

С конца XIX в. славистические исследования все более интернационализируются и приобретают международное научное значение. Наиболее яркими тому примерами могут служить принимавшиеся на рубеже XIX—XX вв. русскими, чешскими и некоторыми другими учеными опыты создания международной библиографии славистики, подготовка международных съездов славистов и другие, аналогичные им акции³. Таким образом, развитие национальных школ славистики органически дополняется историей их международного сотрудничества, которое в наши дни приобрело особо важное значение. Эти факторы имеют непосредственное значение для истории мировой славистики и должны получить соответствующее закрепление в общей ее концепции, а следовательно, и в применяемой исторической периодизации. История славистики не может ограничиться сбором и описанием фактов, а должна явиться научной дисциплиной, ставящей своей

целью изучение развития славяноведения «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»⁴. Отсюда следует, что периодизация истории славяноведения является не просто условной методической схемой, а внешним выражением глубинных процессов формирования и функционирования славяноведения как науки.

Будучи важным элементом научной абстракции, периодизация истории славистики выступает в качестве способа познания внутренних закономерностей эволюции этой дисциплины в целом и отдельных частей научного комплекса (истории, лингвистики, культуры и т. д.) и связей славистики с тенденциями современного ей общественного и культурного развития. Иными словами, цель периодизации, важного аспекта стратегии научного исследования, заключается в решении двуединой кардинальной проблемы — наука и общество.

Один из крупнейших историков науки нашего века, Д. Бернал, подчеркивал: «Сознательно или бессознательно ученые обязательно руководствуются теориями и взглядами, почерпнутыми из общего фонда человеческой культуры»⁵. И если это верно для наук точных и естественных, то в еще большей мере отмеченная связь присуща наукам общественным, гуманитарным, к которым славистика относится.

Примечательно, что понимание такой связи было присуще многим славистам прошлого, в том числе представителям русского дореволюционного классического славяноведения. Нельзя не обратить с этой точки зрения внимания на полемику по поводу выхода в свет капитального труда И. В. Ягича «История славянской филологии» (СПб., 1910). Рассматривая эту работу, один из видных в то время русских славистов, Н. М. Петровский, упрекал И. В. Ягича в том, что в его книге факты славянской науки зачастую рассматриваются в отрыве от современной им общественной обстановки. Рецензент прямо указывал, что славянская филология в первой половине XIX в. «была лишь частью того обширного процесса, который называется славянским возрождением»⁶. Впрочем, подобный подход в то время был во многом новым и непривычным настолько, что, например, редакция «Журнала министерства народного просвещения», поместившая рецензию Н. М. Петровского, сочла необходимым выразить в этой части несогласие с мыслью рецензента. Правда, в настоящее время понимание связи науки с развитием общества, очевидное для историков-марксистов, начинается в той или иной форме находить понимание и у многих историков науки на Западе⁷.

*

Если цель периодизации истории мировой славистики представляет собой, так сказать, фактор стратегический, то определение задач такой периодизации можно охарактеризовать как тактику исследования. Вопрос этот представляет значительный интерес, поскольку именно здесь происходит конкретизация общих целей, стоящих перед историком славистики. Выше уже отмечалось, что славистика в разных регионах развивалась не одновременно, что по-разному понимался и предмет изучения. Было ли случайным такое положение? Вся история славянских изучений показывает, что здесь находила проявление не случайность, а несомненная закономерность, раскрытие которой на материалах разных национальных школ и в целом, т. е. с учетом местных, региональных и общих черт развития, составляет важнейшую задачу историка славяноведения. По-видимому, и причины, по которым славистика формировалась в тех или иных научных центрах, и объем информации, вкладывавшийся в разное время в понятие славистики, и, наконец, общественная значимость ее были определенным образом детерминированы. Раскрытие их потребует сопоставительного, сравнительно-исторического и комплексного исследования, например, истории славяноведения в России и остальных славянских странах, с одной стороны, и в Германии, Франции, Англии и некоторых других западноевропейских странах — с другой, особенно в XVIII—XIX вв. Историк славистики не может пройти мимо славистических изучений в некоторых странах Америки (прежде всего в США), а также Азии и Африки, отчасти формирующихся на наших глазах. Конечно, история славистики не может сводиться к заурядной иллюстрации общекультурного развития, хотя она с ним и теснейшим образом связана. Исходя из сказанного следует предположить, что в истории славяноведения как науки действуют два ряда закономерностей. С одной стороны, выражающие собственно развитие славистики и отражающие факторы ее имманентной эволюции. С другой — отражающие воздействие на нее общественных условий, в обстановке которых эта отрасль знания развивалась и развивается. Эти закономерности носят относительно общий, универсальный характер, однако конкретные формы их проявления в разных странах и в разное время не могут не носить специфических черт. В этом можно убедиться, сравнивая, например, освещение истории языка и культуры славян в трудах таких весьма, впрочем, разных ученых XVIII в., как В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов в России, Г. Добнер и Й. Добровский в Чехии, А. Нарушевич и И. Потоцкий в Польше, Д. Обрадович и А. Линхарт у южных славян, у первых немецких славистов (И. Фриш, Ф. Альгер, Г. Лейбниц и т. д.). В еще большей мере эти различия и специфи-

чески национальное или — в отдельных случаях — региональное преломление наблюдаются в эпоху так называемого национального Возрождения конца XVIII—середины или второй половины XIX в. у западных и южных славян, а также в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. в России. Подобные факторы должны учитываться при конкретизации общих задач периодизации истории мировой славистики. При этом хотелось бы обратить внимание на следующие соображения.

Во-первых, следует помнить о неравномерности развития славистических изучений как в диахроническом (т. е. в рамках одной страны или региона), так и в синхроническом (т. е. в контексте мирового развития науки о славянах) отношениях. В самом деле, известно, что как самостоятельное научное направление славяноведение, охватывавшее преимущественно языковедение и некоторые общие вопросы истории культуры, сложилось к концу XVIII—началу XIX в. в определенных, достаточно четко очерченных центрах — в Чехии, России и Германии, начав затем распространяться в другие славянские и неславянские страны. При этом менялись и представления о предмете славистики, и проблематика славянских изучений, и удельный вес в них тех или иных дисциплин. По-разному рассматривались задачи славистики в славянских и неславянских странах, на них оказывали воздействие идейные позиции ученых и общая атмосфера того или иного периода. Как и в других общественных науках, здесь происходила борьба мнений и идеологических направлений, ученые, стоявшие на гуманистических, прогрессивных, демократических позициях, выступали против использования славяноведения определенными реакционными силами для проповеди шовинизма и национализма. Очевидно, все это должно учитываться при создании периодизации истории славистики.

Во-вторых, необходимо уточнить содержание объекта такой периодизации. Сама по себе история мировой славистики не есть механическое сложение ее национальных или региональных школ и направлений. Она призвана осмыслить развитие славянских изучений в целом, т. е. не только в рамках отдельных стран или регионов, но в международном масштабе, с учетом взаимосвязей и взаимодействий, которые по существу с первых же шагов формирования славяноведения как науки наблюдаются в его истории. Эта задача потребует дополнительных усилий по сравнительно-историческому изучению процессов развития славистики. Чтобы избежать кажущейся вследствие отмеченной вначале противоречивости фактического материала, необходимо, по-видимому, и при разработке исторической его периодизации принимать во внимание существование не одного, а, так сказать, нескольких «уровней» осмысления фактов: общемирового, регионального и национального. Имея в виду указанные ранее страте-

гические цели исследования, чисто логически необходимо придерживаться определенной поэтапности, т. е. наметить основные этапы развития славистики в отдельных наиболее типичных в этом отношении странах. Кроме славянских стран к ним относятся Германия, Италия, Франция, Англия, США, некоторые Скандинавские страны (особенно Швеция и Финляндия) и т. д. Следующим шагом был бы синтез, который позволит интернационализировать периоды и создать широкую картину общественного развития славистики. Но практически такая поэтапность ни в коей мере не должна исключать работы по созданию уже в настоящее время предварительной, рабочей схемы общей периодизации, веки которой по мере накопления и осмысления местного материала уточнялись бы и все полнее выражали бы общие и частные закономерности развития славистики как науки в целом. «Явление богаче закона», — предупреждал В. И. Ленин⁸, и эта глубокая мысль имеет важнейшее методологическое значение и в данном случае.

В-третьих, предварительным и необходимым условием создания периодизации истории славистики должна стать выработка ее исходных принципов и критериев. Соблюдение этого условия обязательно для обеспечения научности и исторической объективности периодизации, которая лишь при этом условии будет «работать» в качестве подлинно научной абстракции⁹. Очевидно, что это одна из наиболее трудных и сложных задач. Если под данным углом зрения рассмотреть уже упоминавшуюся книгу И. В. Ягича, можно заключить, что автор в какой-то мере стремится к синхронизации собранного материала и к отражению этого в принятой им периодизации. Так, он последовательно разбирает следующие вопросы: «Средние века. Отзывы историков и поэтов о славянах...», «Грамматические рассуждения о церковнославянском языке. Грамматики и словари. Крижанич», «Славянские вопросы в Германии, Лейбниц, Спарвенфельд...», «Новые влияния в России и Чехии. Шлецер, Ломоносов. Предшественники Добровского. Дурих», «Иосиф Добровский», «Польские современники Добровского», «Славяно-русские историко-филологические и библиографические занятия в России в конце XVIII — и начале XIX столетия. Состояние науки у южных славян во времена Добровского» и т. д. Заключает свою монографию Ягич главами «Новое поколение представителей славяноведения в университетах австрийских и русских» и «Представители сравнительного изучения памятников древнерусской письменности и фольклора... и юридического быта». Из приведенного примера, однако, нетрудно заключить, что в книге И. В. Ягича — по охваченному ею периоду фактически не превзойденной до сих пор, — собственно исторический подход сплошь и рядом перекрещивается и переплетается с тематическим и биографическим, не го-

вора уже о тех недостатках, на которые в свое время справедливо обращал внимание Н. М. Петровский.

Принципиально иной подход характерен для советской школы славяноведения, базирующейся на методологии марксистско-ленинского понимания общественного развития. Одним из первых советских ученых, обратившихся к разработке истории славистики, в том числе и ее периодизации, был Н. С. Державин. В последние годы жизни он был занят подготовкой капитального «Введения в славянскую филологию». Сохранилось две редакции, к сожалению, незавершенного труда «История славяноведных филологических изучений в России и СССР». Во введении к нему автор писал: «Настоящая книга представляет собой первую часть „Введения в славянскую филологию“. Вторая часть предположительно будет посвящена обзору славяноведных филологических изучений у зарубежных славян». Третья и четвертая части, по замыслу Н. С. Державина, должны были касаться происхождения славянской письменности и истории древнейших славян¹⁰. В тексте второй редакции, относящейся к 1950 г., отражена следующая периодизация истории славянской филологии в России и Советском Союзе: русско-славянские экономические, политические и культурные связи с древнейших времен до начала XIX в.; М. В. Ломоносов и славяноведение; сравнительный словарь Екатерины II и Российской академии; подъем славяноведческих исследований в России в начале XIX в.; начальный период развития славяноведения как науки (деятельность А. Х. Востокова); словари древнеславянского языка Миклошича и Востокова. Калайдович, Венелин; славянская филология в русских университетах и Академии наук. А. С. Шишков и П. Кеппен в истории русского славяноведения. Вслед за этим следовало изложение истории развития славянской филологии в отдельных научных центрах (Петербург, Москва, Казань, Киев, Харьков, Одесса, Нежин, Варшава). В периодизации Н. С. Державина еще чувствуется некоторое влияние традиций, идущих от представлений классического русского славяноведения, хотя в некоторых вопросах заметен новый подход, заключавшийся в стремлении показать общественную функцию славистики. Вместе с тем Н. С. Державин намеревался проследить историю славяноведения не только в нашей стране, но и за рубежом: у западных и южных славян (во второй редакции 1950 г.) и даже на Западе в целом (как видно из текста первой редакции 1949 г.)¹¹. Впрочем, понимая обширность темы, автор с самого начала стремился и тематически (беря только развитие славянской филологии) и фактически ограничить рамки задуманного труда. Он сообщал в предисловии 1950 г., что «останавливался только на наиболее крупных... представителях и на наиболее значительных достижениях русской науки в этой области знания за последнее столетие начиная с 1835 г.,

когда славянская филология впервые получила самостоятельную кафедру в русских университетах»¹².

Следующей вехой в разработке проблем истории отечественного славяноведения стал сборник документов по его истории второй половины XIX—начала XX в., подготовленный к печати В. В. Лейкиной-Свирской и Л. В. Разумовской под редакцией Б. Д. Грекова. Принципы отбора документов были охарактеризованы в предисловии С. А. Никитиным, который, в частности, отмечал: «Прежние издания ставили перед собой частные задачи — дать материал, освещающий научную деятельность отдельных крупнейших представителей славянской науки, и имели значение главным образом как дополнительный источник для их биографии»¹³. Несмотря на недостатки публикации, тогда же отмеченные рецензентами¹⁴, здесь отчетливо проявилось стремление советских ученых отойти от персонификации исторического процесса как основного подхода к истории славяноведения и приступить к его более широкому и комплексному осмыслению. Такой подход, например, получил дальнейшее закрепление в периодизации истории славяноведения, примененной в «Советской исторической энциклопедии». Авторы названной статьи выделяют в истории мировой славистики три этапа: «начальный период развития» — от ранних свидетельств о родстве и близости славянских народов в средневековой анналистике до складывания славяноведения как научной дисциплины к началу XIX в.; «славяноведение во второй половине XIX—начале XX в.» и «славяноведение в новейшее время», одновременно разделяя историю славистики в Советском Союзе на три этапа: «первый открывается 1917 г. и завершается в 1938—1939 гг.; второй по времени совпадает с периодом второй мировой войны; третий охватывает послевоенный период»¹⁵. В данном случае мы не касаемся некоторых спорных вопросов этой периодизации — важнее подчеркнуть стремление ее авторов обобщить сложный и многомерный процесс ее формирования и развития на основе синтеза истории ведущих национальных школ и интернационализации данной отрасли знания как комплекса общественных наук, изучающих происхождение, историю, язык, культуру и современное положение славянских народов. Вместе с тем это еще раз настойчиво подчеркивает необходимость выработки исходных принципов создания периодизации истории славистики как одну из первостепенных задач.

Вопрос о *принципах*, лежащих в основе такой периодизации, можно рассматривать в качестве существенного логического звена, с помощью которого конкретизируется и практически реализуется историческая периодизация как научная абстракция. В методологии советской исторической науки эти вопросы не случайно занимают в последние годы все большее место. Теоретической основой принятой в советской историографии периодизации яв-

ляется, как известно, марксистское учение о прогрессивной смене социально-экономических формаций, которое индивидуализируется, конкретизируется при изучении истории отдельных стран и народов, тех или иных периодов и эпох. «Научная периодизация мировой истории никак не может довольствоваться указанием на прогрессивную смену социально-экономических формаций. И именно здесь на помощь приходит понятие исторической эпохи как такого периода в мировой истории, который характеризуется достаточно устойчивой тенденцией развития общества, определяемой соотношением и взаимодействием существующих социально-экономических формаций»¹⁶. Отсюда следует, что периодизация развития отдельных форм духовной деятельности, в том числе и славистики как науки, не может решаться простым «накладыванием» на нее общеисторической периодизации, хотя диалектически и соотносится определенным образом с последней. В. И. Ленин, неоднократно обращавшийся к этой проблематике, настоятельно подчеркивал, что границы отдельных периодов в пределах больших всемирно-исторических эпох в зависимости от избираемого для исследования критерия могут быть различны. На примере выделения отдельных периодов в истории капитализма В. И. Ленин указывал: «Разумеется, грани здесь, как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны»¹⁷. Важно лишь, избрав определенный и научно обоснованный критерий, последовательно проводить его в жизнь при разработке принципов исторической периодизации. Так, определяя этапы общественного развития эпохи домонополистического капитализма и империализма, В. И. Ленин указывал: «...мы лишь примерно берем особенно выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений»¹⁸.

Мысль В. И. Ленина помогает решению весьма важного в данном случае вопроса о диалектическом сочетании общего и частного в исторической периодизации. Один из специалистов по истории рабочего движения, например, со всей определенностью писал: «Мы полагаем, что соотношение стадиальных вех гражданской истории, с одной стороны, и с другой — вех, определяющих этапы истории международного рабочего движения, неодинаковы в различные эпохи». По мнению этого автора, со времени Великой Октябрьской социалистической революции рубежи всеобщей истории все больше совпадают с рубежами истории международного рабочего движения, в то время как «для более отдаленных периодов... такое полное и безусловное совпадение было бы не всегда обязательно»¹⁹. В еще большей мере эта тенденция прослеживается на материалах истории культуры, в том числе науки, как об этом свидетельствуют, в частности, некоторые выступления на XIII Международном конгрессе по истории науки. Значи-

тельный интерес представляет доклад Б. М. Кедрова, в котором затронуты некоторые принципиальные вопросы периодизации истории научной мысли. «Как правило, — подчеркивал советский ученый, — в развитии любой науки условно можно выделить три стадии: сначала мы видим эмпирическую, или собирательную, когда исследователь выясняет, как протекал исторический процесс; затем теоретическую, или объяснительную, когда исследователь стремится выяснить, почему данный процесс протекает именно так, а не иначе, другими словами, стремится раскрыть его причины; наконец, прогностическую, когда исследователь пытается заглянуть в будущее и раскрыть перспективы изучаемого предмета. В развитой науке эти три стадии в виде различных ее функций совмещаются»²⁰. Впрочем, вопросы периодизации истории науки, чаще всего решаемые на примерах наук точных и естественных, вызывают оживленные дискуссии, а многие гипотезы, выдвигаемые при этом, по меньшей мере спорны. Так, болгарский историк И. Божков в основу выдвигаемой концепции кладет представление о цикличности в развитии науки: «Если проследить историю науки за последние несколько столетий с периода Ренессанса до наших дней, то нетрудно увидеть, что ее развитие протекает циклично. Цикл продолжается в общей сложности 80—120 лет и переходит через три более или менее ясно очерченные фазы: подготовительную фазу, фазу научной эволюции и фазу научной революции... Начало каждого цикла начинается с подготовительной фазы. Подготовительная фаза — это период возникновения научных идей, которые лежат в основе развития науки в течение следующих лет до конца цикла»²¹. Нам представляется, что в рассуждениях И. Божкова при наличии верных наблюдений (например, о необходимости учитывать в периодизации внутренние закономерности развития науки) заложены предпосылки для трактовки истории науки как совокупности нескольких циклов, а не как закономерного процесса познания мира «по спирали», о чем в свое время писал В. И. Ленин. Ясно, что именно сформулированный В. И. Лениным закон познания объективно существующей реальности должен лежать в основе периодизации истории науки, в том числе и славистики.

Итак, исходным критерием выработки периодизации интересующей нас области должны быть общие и частные закономерности развития славистики на путях ее генезиса и формирования как науки. При этом должны учитываться не только логика, внутренние закономерности, но и ее общественные связи, стимулировавшие ее развитие и выдвигавшие перед ней задачи, которые в то или иное время славистика решала или во всяком случае была призвана решать. Отсюда вытекает, что периодизация истории славистики должна учитывать, во-первых, процесс развития познания своего объекта (историю славянских изучений и их

проблематики на том или ином этапе развития научной мысли, отдельных школ, национальных центров и т. п.) и, во-вторых, соотношение славяноведения с общественными и культурными движениями той или иной эпохи (проблему «наука и общество»). Ни один из названных элементов нельзя абсолютизировать или игнорировать — оба они должны находиться в органической и диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности.

Сказанное выше позволяет наметить *основные контуры* схемы будущей периодизации истории мировой славистики, которую в настоящем ее виде следует рассматривать в качестве предварительной, реализующей в общих чертах сформулированные нами цели, задачи и принципы.

Как наука, причем наука комплексная, славяноведение возникает не ранее XVIII в., хотя эмпирический, а отчасти и специальный интерес к истории и культуре славянских народов возникает в качестве сравнительно устойчивой тенденции уже в раннее средневековье — таково, например, содержание деятельности Кирилла (Константина) и Мефодия в IX в., соответствующие разделы начального летописания у славянских, а также у некоторых соседних с ними народов. Однако сведения эти носили еще разрозненный характер и в сознании их авторов и современников пока не осмыслялись как нечто целостное. По мере дальнейшего развития культуры славянских народов шел процесс роста их этнического самосознания, порождавший с XVI—XVII вв. разного рода идеи славянской общности (Я. Длугош, М. Меховский, Даниэль Адам из Велеславина, В. Прибоевич и др.).

Возрастание политической и культурной роли славянских народов в жизни Европы, особенно России и Польши, приводит в XVII—XVIII вв. к заметному усилению интереса к ним в западноевропейской науке, литературе и публицистике (итальянские гуманисты, Герберштейн, Поссевин, Олеарий, Геснер и др.). С XVII в. как своеобразный итог предшествующего развития появляются первые научные и публицистические труды, в которых прослеживается зарождение целенаправленного интереса к осмыслению прошлого, настоящего и отчасти будущего славянских народов, что было тесно связано как с внутренней эволюцией славянских народов, так и с ролью их в политической жизни Европы. Таковы работы Ю. Крижанича, М. Орбини, Б. Бальбина, публицистика польских и русских авторов, «Грамматика» М. Смотрицкого, а на Западе — деятельность Лейбница, Спарвенфельда, Лудольфа и некоторых других ученых. В результате к началу XVIII в. сложились необходимые идейно-культурные и научные предпосылки для последующего становления славистики как науки. Мы остановились на древнем этапе несколько подробнее именно потому, что он во многом предопределил направленность и тематику славянских исследований на довольно длительный период и вместе с тем

свидетельствовал о глубоких корнях, которыми славистика уходила в научное и общественно-политическое развитие как самих славянских народов, так и соседних с ними стран. В целом древний этап может быть назван подготовительным: это была предыстория славистики как научной дисциплины.

Превращение славистики в науку происходило на протяжении ряда десятилетий XVIII в. и теснейшим образом связано с развитием общественной мысли и культуры славянских народов, с распространением в Европе идей Просвещения. Этими чертами проникнута деятельность В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова в России, просветителей в Польше, Чехии, Словакии, у лужицких сербов и южных славян. В итоге к концу XVIII в. усилиями славянских и западноевропейских ученых славистика формируется как самостоятельная научная дисциплина, в составе которой преобладающее место принадлежало языкознанию. В конце XVIII — середине XIX в. славяноведение оказывается в фокусе национально-освободительной борьбы славянских народов (поистине международную значимость приобрели труды Й. Добровского и А. Х. Востокова), оно вызывает все больший интерес среди прогрессивных кругов русского общества (например, у А. С. Пушкина и декабристов). Важным событием в истории славистики явилось основание кафедр славянских языков и литературы в университетах России, а также в научных центрах Германии, Австрии, Франции. Период от конца XVIII в. до 60—70-х годов XIX в. оказался временем становления славистики как науки не только в национальном, но и в международном масштабе.

Следующий, третий, этап был временем дальнейшего развития славистики, углубления ее содержания, разработки методологических проблем, формирования научных школ и направлений, поисков форм международного сотрудничества. Наряду с лингвистическими аспектами в поле зрения ученых-славистов все чаще включается общеисторическая и историко-культурная проблематика. На важность разработки широкого круга вопросов, связанных с историей и культурой славянских народов, обращали, в частности, большое внимание еще основоположники русской университетской славистики П. И. Прейс, И. И. Срезневский, О. М. Бодянский, крупный вклад в осмысление задач и предмета славяноведения внес выдающийся русский ученый прогрессивного направления А. Н. Пыпин. Вместе с тем рассматриваемый период явился временем обострения идейной борьбы между представителями разных направлений, что отразило общие тенденции общественного и культурного развития в пореформенной России и у зарубежных славянских народов, усиливавших борьбу за национальное и социальное освобождение.

Великая Октябрьская социалистическая революция, распад лоскутной Австро-Венгерской монархии, коренные перемены на

международной арене повлекли за собой переоценку ценностей и в области славистики, открывая вместе с тем новый этап в ее истории. Одним из важных следствий этого было утверждение и дальнейшее развитие славяноведения, основанного на марксистской методологии. Крупный вклад в выработку ее исходных принципов был внесен такими советскими историками и филологами, как Н. С. Державин, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, выдающимся чехословацким ученым и общественным деятелем З. Неудлы. После второй мировой войны славяноведение переживает новый подъем, ознаменовавшийся как значительным развитием славянских изучений в международном масштабе (свидетельством тому служат международные съезды славистов, «Славянский проект» ЮНЕСКО, сотрудничество национальных культурных центров и другие межгосударственные акции), так и расширением самой проблематики исследований, которые наряду с традиционной филологией включают историю, историю культуры, археологию и этнографию. В послевоенный период различные области славистики стали ареной острой идеологической борьбы, в ходе которой марксистское направление, возникшее в Советском Союзе и утвердившееся в странах социалистического содружества, находит сторонников и среди ученых других стран мира. Одновременно повышается международный общественный интерес и к разработке основ истории славистики как особой, самостоятельной отрасли знания в рамках славистического научного комплекса.

Резюмируя сказанное, примерную схему периодизации истории мировой славистики можно представить в общих чертах следующим образом.

1. Начальный этап (или «предыстория») славистических изучений (от раннего средневековья до XVIII в.), в рамках которого можно наметить два периода, разграниченных эпохой Ренессанса.
2. Этап становления славистики как науки (от второй половины XVIII в. до 60—70-х годов XIX в.), в пределах его вырисовываются по крайней мере два периода, вехой между которыми является создание университетских кафедр славяноведения в России и других европейских странах.
3. Этап формирования классической, по преобладающему идейному содержанию буржуазной, славистики, заключительной гранью которого является первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция. С учетом конкретного хода развития славистических исследований и организации науки здесь могут быть намечены два периода, границей которых служит рубеж XIX—XX вв.
4. Этап развития славистики как комплексной науки, ознаменованный утверждением качественно нового, марксистского направления и характеризующийся упрочением организационных

форм международного сотрудничества. Этот этап современного развития славистики продолжается.

Намеченная схема, носящая предварительный характер, представляет собой попытку учесть в наиболее обобщенном виде основные рубежи в истории мировой славистики как научного комплекса. Она не исключает, а, наоборот, предполагает, во-первых, выработку систем периодизации истории славистики в отдельных странах и, во-вторых, разработку схем периодизации отдельных компонентов, входящих в славистический комплекс, например истории славянского языковедения, обладавшей своими, специфическими для нее особенностями и чертами развития.

Так, рассматривая историю русского дореволюционного славноведения в целом, можно наметить следующие основные этапы: постепенное выделение славянских изучений из смежных областей знания и консолидация их в относительно устойчивый комплекс наук о славянах в тесной связи с процессами формирования и развития русской национальной культуры и подъемом национально-освободительного движения у других славянских народов (XVIII в. — 60—70-е годы XIX в.); оформление славноведения не только как развитого научного комплекса, в котором ведущую роль играла филология, в частности языковедение, но и как заметного компонента общественно-культурной жизни и идейной борьбы в пореформенной России (вторая половина XIX в. — примерно до 1890-х годов); дальнейшее развитие науки, расширение ее предмета (в частности, настойчивые попытки включить сюда историю) и выход русской славистики на международную арену при одновременном усилении в ней идеологической борьбы, нарастания кризиса старой, буржуазно-дворянской методологии и первых признаков проникновения в изучение славянских народов марксизма, чему содействовала теоретическая деятельность В. И. Ленина и литературно-публицистические выступления таких видных представителей большевизма, как, например, В. Воровский (примерно с 1890-х годов до 1917 г.). Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую страницу не только в истории человечества, но и в истории науки, привела в дальнейшем к складыванию принципиально нового, марксистско-ленинского направления в славноведении, оказав тем самым огромное воздействие и на общее развитие мировой славистики. Таким образом, основные этапы развития отечественного славноведения отражают большой путь, пройденный им от превращения конгломерата разрозненных знаний о славянских народах в устойчивый интегрированный комплекс с последующей, «вторичной» дифференциацией славистических дисциплин, но уже в пределах этого научного комплекса.

Если бы мы попытались проследить пути развития отдельных его компонентов — славянского языковедения, славянской фило-

логии, славянской истории или этнографии, — то, очевидно, в каждом конкретном случае хронологические границы исторической периодизации могли бы различаться между собой, отражая тем самым конкретные особенности эволюции отдельных составных частей славяноведения. И такое положение едва ли следовало бы считать чем-то из ряда вон выходящим или же отрицающим возможность и даже целесообразность существования общей схемы периодизации истории национальной, региональной или мировой славистики. В этом в сущности проявились бы лишь разные уровни научной абстракции («Явление богаче закона»), та самая условность, подвижность, относительность, а не абсолютность граней в процессе развития природы и общества, на что специально обращал внимание В. И. Ленин.

Следовательно, проблемы периодизации истории мировой славистики относятся к числу наиболее сложных вопросов методологии этой области знания. Успех их дальнейшей разработки предполагает широкое обсуждение этих и других проблем, которыми следует руководствоваться при создании обобщенной картины славяноведческих исследований в широком международном масштабе.

Мировая панорама истории славистики, основанная на прочной методологической основе, проникнутая идеями гуманизма, будет содействовать интересам дальнейшего прогресса в области науки, делу международного культурного сотрудничества и мира.

- ¹ См., например: «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1960, Bd 8; *Проккофьева Н. А.* Научная сессия международной комиссии по истории славяноведения. — «Советское славяноведение», 1972, № 6, с. 120—121; она же. Международный научный симпозиум по истории славистики. — «Советское славяноведение», 1976, № 2, с. 124—126.
- ² См., например: *Beiträge zur Geschichte der Slawistik*. Berlin, 1964.
- ³ *Горяинов А. Н.* Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX—начала XX в. — «Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», 1963, т. 7, с. 143—175; *Горяинов А. Н.* Русско-чешские библиографические связи начала XX в. — «Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», 1966, т. 9, с. 155—178; *Kudělka M.* Česká slavistika a Svaz slovanských akademii. — «Slovanský přehled», 1975, N 6, s. 482—490.
- ⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 137.
- ⁵ *Бернал Д.* Наука в истории общества. Пер. с англ. М., 1956, с. 15.
- ⁶ *Петровский Н. М.* История славянской филологии. Труд И. В. Ягича. — «Журнал министерства народного просвещения». Новая серия, 1910, т. 30, № 11, отд. 2, с. 183.
- ⁷ См., например: *Science and culture. A study of cohesive and disjunctive forces.* Boston, 1965; *Science and Society (1600—1900).* Cambridge, 1972; *Civilization and Science in conflict or collaboration? Symposium on civilization and science.* Amsterdam, 1973; *Микулинский С. Р., Маркова Л. А.* Основные методологические направления в зарубежной истории науки. М., 1971.
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 137.

- ⁹ Жуков Е. М. О периодизации всемирной истории. — «Вопросы истории», 1960, № 8, с. 31—32; Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — «Вопросы истории», 1973, № 10, с. 81; Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 64; см. также: Стефанов Н., Качаунов С., Симеонова К. Структура и методология на исторического познание. София, 1971; Кедров Б. М. История науки и принципы исследования. М., 1971; Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1968; Probleme der Geschichtsmethodologie. Berlin, 1972; и др.
- ¹⁰ Архив АН СССР, ЛО, ф. 827, оп. 1, д. 49, л. 6.
- ¹¹ Архив АН СССР, ЛО, ф. 827, оп. 1, д. 48.
- ¹² Там же, д. 49, л. 6—7.
- ¹³ Документы к истории славяноведения в России. 1850—1912. М.—Л., 1948, с. III.
- ¹⁴ Бернштейн С. В., Дигякин В. (реп.). — «Вопросы истории», 1949, № 1, с. 132—135.
- ¹⁵ Королюк В. Д., Тульчинский М. Р. Славяноведение. — Советская историческая энциклопедия, т. 13. М., 1971, стб. 13—32.
- ¹⁶ Жуков Е. М. Ленин и понятие «эпохи» в мировой истории. М., 1965, с. 10; Миллер А. Ф. Периодизация истории. — Советская историческая энциклопедия, т. 11. М., 1968, стб. 40—41.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.
- ¹⁹ Заборов М. А. Периодизация истории рабочего движения в новое время. — «Вопросы истории», 1974, № 2, с. 76, 79.
- ²⁰ Кедров Б. М. История науки и принципы исследования. М., 1971, с. 2.
- ²¹ Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Секция I. Общие проблемы истории науки и техники. М., 1974, с. 95.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ (до 1917 г.)

М. Г. Булахов

Славянское языкознание как самостоятельная отрасль славяноведения, изучающая праславянский, церковнославянский (старославянский), средневековые и современные западно- и южнославянские языки, формировалось в России (а также в Белоруссии и на Украине) в течение нескольких веков. Зародыши этой науки следует искать в сочинениях древнерусских историков и филологов, которые, располагая определенными сведениями о происхождении славян, указывали и на единую, праславянскую основу их языков или диалектов. Так, в «Повести временных лет» читаем: «А словенский азыкъ и руский одно есть... первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словенская рѣчь бѣ. Полянами же прозвани быши, зане в поли сѣдаху, а азыкъ словенски единъ» (запись под 898 г.).

В средние века основное внимание уделялось практическому изучению древнеславянского (церковнославянского) языка, игравшего важную литературную и культовую роль в большинстве славянских стран вплоть до XVI—XVII вв. Правда, уже в тот период благодаря значительному расширению филологических знаний, введению книгопечатания, организации переводческой работы и школьного дела возникает потребность в более глубоком научном осмыслении фактов как древнеславянского (церковнославянского), так и других, к тому времени в основном сформировавшихся, славянских языков. В XIV—XVII вв. намечились основные линии структурного и стилистико-экспрессивного разграничения древнеславянского (церковнославянского) и восточнославянских языков. Следовательно, с того времени изучение данных языков постепенно приобретает сравнительный характер, что уже имеет непосредственное отношение к предмету славистики в широком понимании этого термина и в его специальном лингвистическом смысле.

Древнеславянский (церковнославянский) язык в целом или отдельные явления его грамматического строя, звуковой системы и письма были предметом описания в сочинении Псевдодамаскина «Стго Іоанна Дамаскина о осмихъ частѣхъ слова, елика пишемъ и глѣмъ», в переводе латинской грамматики Доната, осуществленном Дмитрием Герасимовым (Толмачом) в 1522 г. (оригинал перевода не сохранился, имеются списки, изданные И. В. Ягичем в 1885—1895 гг.), в печатной «Грамматике» («Азбуке») Ивана Федорова (Львов, 1574), в анонимном пособии «Словенска граматика» (Вильно, 1586), в пособии, составленном учителями и уча-

щимися львовского братства, «*Αδελφότης. Γραμματικά dobroglagolivaго еллино-словенскаго Азыка. Совершеннаго искѣства осми частей слова. Ко наказанію многоименитомѣ російскомѣ родѣ*» (Львов, 1591).

Последнее из указанных пособий предназначалось для изучения греческого языка, однако оно состояло из параллельных текстов на греческом и древнеславянском языках, так что читателям предоставлялась возможность сопоставления звуков и грамматических форм этих языков, и, следовательно, уже здесь намечались приемы введения славянского языкового материала для решения более сложных задач исследования родственных индоевропейских языков.

Важно и то, что с конца XVI в. русские, белорусские и украинские филологи стремятся расширить круг славистических наблюдений, привлекая наряду с фактами старославянского языка факты среднерусского (великорусского), белорусского, украинского, польского и латинского языков. В той или иной степени это получило отражение в работах Л. Зизания «*Грамматика словенска съвершеннаго искѣства осми частій слова и иных нѣждных*» (Вильно, 1596), его же букваре «*Наѣка кѣ читаню и роздмѣню писма словенскаго*», учебном пособии М. Смотрицкого «*Грамматика славенскиА правильное сунтагма*» (Евье, 1619; 2-е изд. М., 1648). В сравнении с предшествующими составителями грамматических пособий М. Смотрицкий проявил больше самостоятельности при истолковании строя древнеславянского языка и тех изменений, которые произошли в нем к XVII в. под влиянием живых славянских языков.

Любопытным свидетельством того, что интерес к изучению древнеславянского языка в его поздней восточнославянской модификации в XVII в. не угасал, может служить «*Граматыка словенскага*» И. Ужевича, написанная по-латыни (один экземпляр ее датирован 1643 г., находится в Национальной библиотеке в Париже, второй экземпляр датирован 1645 г., находится в библиотеке французского г. Аррас). Вполне возможно, что автор этого сочинения (несомненно, родом из Восточной Европы) имел целью познакомиться с элементами письменного языка славян в первую очередь западноевропейских читателей. Если бы эта грамматика, построенная на фактах древнеславянского и украинско-белорусского письменного языка, была в свое время напечатана, содержащиеся в ней ценнейшие материалы могли бы войти в широкий научный оборот при освещении проблем взаимоотношений между индоевропейскими языками. Из литературы известно, что попытки сравнения славянского языка с греческим, латинским и немецким были предприняты еще в середине XVI в. уроженцем Богемии Гелением (см. его «*Λεξιλόγος σύμφωνος*». Базель, 1544); в конце XVII в. некто Френцель сравнивал сербский язык с греческим,

латинским и еврейским (см. его «De originibus linguæ Sorabicae», 1693—1695).

К XVII в. относится еще одно оригинальное сочинение, написанное в Сибири хорватом Юрием Крижаничем, — «Грамагично изказânje об руском језику» (1666). Имея очень солидную филологическую подготовку и располагая фактами о роли древнеславянского языка в разных славянских странах, Ю. Крижанич совершенно четко представлял, что к середине XVII в. этот язык далеко отошел от своих первоначальных классических норм и что он как общеславянский литературный язык должен быть по возможности точнее реконструирован на основе данных всех славянских языков, в первую же очередь тех языков, которые лучше сохранили книжнославянскую традицию. Такими языками он считал родной сербскохорватский, а также русский (великорусский). В определенной мере эта задача являлась продолжением той деятельности, которая осуществлялась на Руси представителями южнославянской науки и просвещения в связи с исправлением языка и орфографии богослужебных книг и литературных произведений (XV—XVI вв.). Однако с точки зрения лингвистической теории постановка такой задачи означала, что Ю. Крижанич чувствовал, может быть еще интуитивно, необходимость выработки исторического взгляда на проблему зарождения и дальнейшего функционирования книжнославянского языка. Пожалуй, это было самым важным моментом в языкознании середины и второй половины XVII в., хотя практически ни Ю. Крижанич, ни другие грамматисты того времени и не смогли произвести реконструкцию строя древнеславянского языка на строгих научных принципах. Собственно говоря, тогда еще не сложились методы и методики восстановления языковых систем прошлых эпох.

В XVI—XVII вв. были достигнуты значительные успехи в изучении словарного состава древнеславянского языка, правда, это изучение сводилось преимущественно к выборочному переводу и толкованию слов и выражений книжной речи в азбуковниках и словарях. Ценным представляется то, что объяснения значений слов давались с помощью лексических эквивалентов (синонимов) или самого древнерусского, или других славянских языков: русского, белорусского, украинского, польского. К числу наиболее известных лексикографических трудов того периода, в которых зафиксированы определенные разряды слов книжнославянской лексики и фразеологии, относятся «Ле҃ѣис сирѣчь реченїа, въкратѣѣ събранны и из словенскаго іазыка на простый рѣскїй діалектѣ истолкованы» Л. Зизания (Вильно, 1596), «Ле҃ѣиконѣ славеноросскїй и именѣ тлъкованїе» П. Берынды (Киев, 1627; 2-е изд. Куртеин [Орша], 1653), «Синонїма славеноросска» (анонимный, XVII в.), «Ле҃ѣїконѣ латински [й]» Е. Славинецкого (XVII в.), «Книга лѣксиконѣ греко-славено-латинскїй» — его же (XVII в.),

«Лѣѣикон словенолати[н]скѣй» А. Корецкогo-Сатановскогo и Е. Славинецкогo (XVII в.).

Ни один из указанных словарей не являлся полным по охвату лексики древнеславянского языка, причем выбор самих слов и помещение их в словарях не мотивировались какими-либо лингвистическими принципами. В реестровой и объяснительной частях обычно совмещались как древнейшие, так и поздние книжнославянские лексические образования. При толкуемых словах, как правило, не было грамматических, стилистических и этимологических пометок. Несмотря на это, азбуковники и переводные словари XVI—XVII вв. сыграли положительную роль в теоретической разработке славянской лексики.

Между прочим, уже тогда уделялось серьезное внимание изучению ономастики в составе древнеславянского и других славянских языков. Поскольку среди собственных имен было много заимствованных слов, лексикографы XVI—XVII вв. стремились выяснять их происхождение и первоначальное значение в языке-источнике. Так закладывались основы этимологического исследования, в дальнейшем распространившегося и на другие разряды славянской лексики.

Одним из первых ономастов на Руси был Максим Грек, составивший словарь под названием «Толкованіе именамъ по алфавиту» (сохранился во многих списках конца XVI—XVII в.). В его словаре представлены главным образом христианские имена греческого, латинского и древнееврейского языков: АгаѠагелъ блгѣи вѣстникъ; Аввакумъ еврѣиска пословица, толкѣтсѣ ѡцъ востанію; Викторъ да Викентеи римскіе имена обоимъ единъ толкъ побѣдитель; ЕлпидіѠоръ надеждоносець; Ѡалассеи морскыи; Калиникъ добропобѣдитель.

Еще более полным и совершенным является ономастический словарь П. Беринды, помещенный им после «Лѣѣикона славно-русскогo» под названием «Ѡ еврейскагo, греческагo же и латинскагo и Ѡ иныхъ гызыковъ начинающаасѣ имена свойственна». Наряду с собственными именами здесь объяснены и нарицательные существительные, обозначающие понятия христианской религии (архидиаконь, архиерей, архимандрить, архистратигъ и др.). Таким образом, в течение первого периода истории славянского языкознания в России, Белоруссии и на Украине был накоплен значительный фактический материал для изучения древнеславянского (церковнославянского) языка самого по себе и в его связях с другими славянскими языками. Частично эти данные были использованы для решения проблемы родства и отношений между европейскими языками. Но большая часть работ, подготовленных в тот период, имела практический характер, в силу чего в них не ставились теоретические вопросы.

*

В XVIII в. благодаря известным реформам, осуществленным по инициативе Петра I, главным объектом исследования становится русский язык, что значительно ограничило рамки славистических интересов. Правда, в течение первой трети XVIII в. по традиции еще составлялись учебные пособия с использованием фактов древнеславянского (церковнославянского) языка. Таковы, например, были «Руководение въ грамматику во славяно-российскую или московскую ко употреблению учащимся языка московскаго» И. Ф. Кошневича (Голландия, 1706), «Грамматика славенская, вкратце собранная в греко-славенской школе, яже в Великом Новеграде при доме архиерейском» (СПб., 1723) и другие грамматические сочинения, во многом следовавшие за текстом грамматики М. Смотрицкого. Что касается лексики древнеславянского языка, то она довольно тщательно изучалась Ф. Поликарповым-Орловым, который выпустил в свет «Лексиконъ трехъязычный сирѣчь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище...» (М., 1704). Значение этого труда бесспорно. Здесь книжнославянская лексика и фразеология выступали как объект сравнения с соответствующими фактами классических европейских языков и, следовательно, вводились в широкий научный оборот. На основе такого систематического сопоставления фактов родственных языков можно было делать глубокие теоретические обобщения (например, о типологической близости и взаимодействии данных языков на разных исторических этапах их функционирования, о сходстве их судеб и т. д.). К сожалению, недостаточно высокий уровень филологии в начале XVIII в. не позволил по достоинству оценить этот оригинальный труд, посвященный трем когда-то очень развитым, но уже омертвевшим литературным языкам.

Характер новой эпохи в корне изменил отношение к древнеславянскому языку. С 30-х годов XVIII в. он перестает быть непосредственным объектом изучения. Показательно, что пособия, подготовленные в 30—40-е годы XVIII в. (например, «Грамматика французская и русская нынѣшняго языка сообщена с малым лексикономъ ради удобства сообщества» И. С. Горлицкого. СПб., 1730; «Грамматика по списку 1738 г.», составленная, возможно, В. А. Адодуровым), совсем не дают сведений о грамматической системе древнеславянского языка, они целиком ориентируют читателей на усвоение строя русского литературного языка того времени с учетом петровской реформы графики и письма. Наступал момент, когда филологи должны были сформулировать новые лингвистические задачи, выдвигавшиеся новыми общественными и культурными условиями развития России. Это было сделано гениальным русским ученым М. В. Ломоносовым,

который в своих филологических трудах строго разграничил понятия древнеславянский язык, русский язык и доказал, что древнеславянский (церковный) язык отныне следует изучать лишь с точки зрения его исторической роли, т. е. как один из важнейших источников обогащения русского языка. Не случайно М. В. Ломоносов, прекрасно знавший древнеславянский язык по грамматике М. Смотрицкого и первоисточникам (письменным памятникам), говорил лишь «о пользе книг церковных в российском языке», а не о том, чтобы этот мертвый язык был восстановлен в правах литературного органа.

В последующие десятилетия XVIII в. уже никто не задавался целью писать обширные работы о древнеславянском (церковно-славянском) языке, однако, бесспорно, факты его строя не исключались из круга лингвистических наблюдений, особенно когда дело касалось оценки стилистических категорий русского литературного языка (в период подготовки «Словаря Академии Российской», новой грамматики и других трудов).

Из работ второй половины XVIII в., специально посвященных древнеславянскому языку, необходимо назвать «Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах» П. А. Алексеева (М., 1773; дополнения к словарю опубликованы в 1776 г.).

Значительное количество церковнославянского лексического материала попало также в начатый Екатериной II и законченный П. С. Палласом лексикографический труд «Сравнительные словари всех языков и наречий...» (СПб., 1787—1789). Сюда же впервые были включены словарные материалы из других славянских языков, что отмечено было крупнейшим славистом того времени Й. Добровским (последний использовал некоторые факты словаря в своей книге «Сравнение русского и чешского языков». Прага, 1796, на нем. яз.). Позже заслуга П. С. Палласа в изучении лексики славянских языков получила должную оценку в обзорах С. К. Булича и И. В. Ягича.

Во второй половине XVIII в. в России были подготовлены две учебные грамматики польского языка, а К. А. Кондратович выпустил в свет «Польский общий словарь и библейный, с польскою, латинскою и российскою новоисправленною библиями смечеван...» (СПб., 1775). Этот словарь служил практическим пособием при переводах научных и художественно-литературных сочинений с польского языка на русский.

Из сделанного обзора видно, что в XVIII в. славистическая работа в области языкознания продолжалась сначала в рамках сложившейся традиции (т. е. с уклоном в сторону старославянского языка), а затем приобрела специфические формы. Можно было ожидать, что открытие в 1724 г. Петербургской академии

наук, университета и гимназии при ней, в 1755 г. — Московского университета, в 1783 г. — Российской академии значительно расширяет лингвистическую тематику по славяноведческим проблемам и открывает пути к планомерной работе в этой области. Но приходится констатировать, что этого не произошло в ту сложную и весьма противоречивую эпоху. За исключением нескольких переводчиков и лиц, чисто практически знавших некоторые славянские языки, в России в XVIII в. не было специалистов, которые бы проводили систематическую исследовательскую работу по изучению западно- и южнославянских языков. Конечно, о родстве славянских языков, об их взаимоотношениях в более позднее время высказывал определенное мнение М. В. Ломоносов, но его идеи не получили дальнейшего развития. Словарные материалы западно- и южнославянских языков привлекались для освещения исторических вопросов В. Н. Татищевым (он занимался также древнерусской и древнеславянской письменностью). Известны также этимологические рассуждения с использованием южнославянских языковых материалов В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и некоторых других филологов, однако они, как правило, были неудачными и не оставили заметного следа в славистике.

Таким образом, вопросы славянского языкознания в XVIII в. нашли отражение преимущественно в лексикографических трудах. Методология же славистических исследований оставалась почти неразработанной областью филологии в России.

Подлинно научное славянское языкознание в России началось с XIX в., на протяжении которого достаточно четко определились его предмет, задачи и методы. Следует, однако, подчеркнуть, что становление этой отрасли славяноведения в XIX в. было сложным и противоречивым процессом. Формирование данной науки обуславливалось многими внутренними и внешними факторами, среди которых немаловажную роль играли особенности общественного развития России в этот период. Отечественная война 1812 г., декабристское движение, расширение связей России со славянскими странами способствовали пробуждению интереса к общественному устройству, быту, культуре и языку славянских народов. Серьезное значение имели мероприятия по увеличению числа высших учебных заведений (на протяжении первой трети XIX в. были открыты Харьковский, Казанский, Киевский университеты), открытие в университетах филологических факультетов и славистических кафедр, реорганизация академических учреждений (в первой половине века на базе бывшего Российского собрания Петербургской академии наук и всей Российской академии было создано Второе отделение Академии наук). Во всех основных научных центрах России была начата подготовка специалистов по славянской филологии с обязательной стажировкой в славянских и

других странах. Первым, кто с этой целью в 1817 г. посетил польские, чешские, лужицкие, сербские и словенские земли, был белорусский славист М. К. Бобровский (1784—1848), опубликовавший работу «О старинной славянской рукописи Хроники Далматской» (1824), статьи по польской филологии и открывший знаменитую Супрасльскую рукопись. В самом начале XIX в. внимание к славистической проблематике было привлечено дискуссионным «Рассуждением о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова (СПб., 1803; Прибавление к «Рассуждению...» опубликовано в 1804 г.).

В 20—30-е годы XIX в. значительный интерес к славянскому языкознанию и вообще славянской филологии проявлял воспитанник Московского университета К. Ф. Калайдович, взгляды которого нашли отражение в содержательных работах: «О древнем церковном языке славянском» (1822), «О времени перевода нашей библии» (1823), «В ответ на замечания В. В. Капниста о древности языка русского перед славянским» (1823), «Иоани, экзарх болгарский» (1824), «Замечание... на статью Горенкина о древности письма славянского» (1827) и др. Для развития славистики чрезвычайно важное значение имел совместный труд К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстова. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век» (М., 1825, LXVII. 811 с.).

Широкую известность приобрело исследование К. Экономида «Опыт ближайшего сродства славяно-русского языка к греческим» (СПб., 1828), в котором автор производит остроумные сопоставления некоторых явлений старославянского и древнерусского языков с явлениями древнегреческого языка. И хотя нельзя согласиться с выводом К. Экономида о том, будто славянский язык есть прямой потомок «языка фрако-пеласгийского», этот труд имел важное значение для разработки методов сравнительно-исторического изучения родственных индоевропейских, в том числе славянских, языков.

В конце XVIII—первой трети XIX в. славянским языкознанием довольно продуктивно занимался академик П. И. Соколов, который составил «Каталог обстоятельный российским рукописным книгам» (1818), «Каталог обстоятельный книгам богословским» (1832) и «Общий церковно-славяно-русский словарь...» (СПб., 1834). Специалисты по истории лексикографии вполне справедливо указывают на то, что словарь П. И. Соколова, содержащий около 80 тыс. слов, был важным этапом в изучении словарного состава книжнославянского языка в его отношении к древнерусскому и современному русскому литературному языку. Автор значительно усовершенствовал семантические характеристики славянской лексики, подбор иллюстративных при-

меров из письменных источников, грамматические и прочие пометы. К сожалению, в словаре не проведена четкая стилистическая и историческая дифференциация лексики.

С 30-х годов XIX в. проблемами западно- и южнославянских языков стал заниматься воспитанник Петербургского университета П. И. Прейс, который после пятилетней филологической стажировки в славянских странах, Германии и Австрии возглавил в 1843 г. вновь открытую кафедру славяноведения в Петербургском университете. Но ранняя смерть прервала его активную организаторскую и исследовательскую деятельность. Предварительные результаты изучения славянских языков П. И. Прейс успел сообщить лишь в своих отчетах о заграничной командировке.

Пожалуй, самым важным событием в истории славянского языкознания в России в 20—60-е годы XIX в. была разработка научных методов исследования славянской письменности и языков. Основателем теоретического направления в нашей славистике по праву считается выдающийся русский ученый А. Х. Востоков, снискавший себе мировую славу уже первой лингвистической работой «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820). Эта работа положила начало сравнительно-историческому изучению славянских языков и явилась образцом конкретного анализа древнеславянских текстов и современных славянских говоров. На основе тщательного разбора фонетических, грамматических и лексических особенностей древних памятников и живой современной славянской речи А. Х. Востоков открыл звуковые законы (образование носовых, редуцированных, гласного Ъ и др.), которые действовали в праславянскую эпоху, разграничил старославянские и древнерусские рукописи, обосновал периодизацию славянских языков, выяснил важнейшие исторические тенденции в развитии трех групп славянских языков.

Всю свою дальнейшую работу в области славянского языкознания А. Х. Востоков проводил путем массового обследования рукописных фондов и сравнительного изучения памятников различных эпох и территорий. Много ценных соображений и новых фактов содержится в статьях А. Х. Востокова «Известие о вновь открытых словенских рукописях» (1825), «О словенской рукописи XI в., содержащей перевод творений св. Григория Богослова» (1825), «Дополнения и поправки к известию о Супрасльской рукописи XI в.» (1826).

Исключительно важное значение для развертывания лингвистических и палеографических исследований имел труд А. Х. Востокова «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» (1842), выходу в свет которого предшествовала многолетняя работа ученого над 473 памятниками русского, болгарского и сербского изводов. Блестяще проведя лингвистическое,

палеографическое и текстологическое исследование многочисленных памятников указанного хранилища, А. Х. Востоков открыл новую страницу в истории русского славяноведения. Ведь только после этого стали формироваться такие самостоятельные дисциплины, как история древнеславянской литературы, история древнерусской литературы, история русского языка и др.

Заслугой А. Х. Востокова является издание и лингвистическое описание одного из крупнейших письменных памятников — *Остромирова евангелия*. Его труд «*Остромирово евангелие, с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями*» (1843) до нашего времени сохраняет научную ценность как для славистики, так и для русистики.

Большим вкладом в разработку практических и теоретических проблем славянского языкознания являются подготовленные А. Х. Востоковым «*Грамматика церковнославянского языка*» (1861, 1863), «*Словарь церковнославянского языка*», т. 1—2 (СПб., 1858—1861) и «*Славяно-русский этимологический словарь*» (последний остался в рукописи в незаконченном виде).

«*Словарь церковнославянского языка*» А. Х. Востокова по тому времени наиболее полно отражал лексику книжнославянской речи как древнейшего, так и более позднего периода, причем учитывались данные памятников разных редакций южно- и восточнославянского происхождения. Следовательно, материалы этого словаря давали возможность разрабатывать лексикологические проблемы в широком сравнительном плане.

Одновременно с А. Х. Востоковым языковые и палеографические особенности древнеславянской письменности тщательно изучал профессор Московского университета О. М. Бодянский. Свои взгляды на происхождение старославянского языка и на черты древней славянской речи, отраженной в памятниках, ученый высказывал в многочисленных работах: «*О древнейшем свидетельстве, что церковнокнижный язык есть славяно-булгарский*» (1843), «*Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского*» (1848), «*Снимки к сочинению о времени происхождения славянских писем*» (1855), «*Новые открытия в области глаголицы*» (1856), «*Московские глагольские отрывки*» (1859), «*Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся*» (1863—1866), «*Кирилл и Мефодий. Собрание памятников... Паннонское житие Кирилла. Списки XIII—XVI*» (1873), «*Акт Зографского монастыря на Афоне 980—981 гг. С двумя литографированными снимками*» (1873) и др.

На протяжении более 20 лет старославянскую письменность в ее постепенном развитии изучал профессор Казанского и Новороссийского университетов В. И. Григорович. Значительную часть своих работ он посвятил специально языковой стороне памятни-

ков. Этого вопроса он касался еще в магистерской диссертации «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» (1842), а затем в работах «О значении церковнославянского языка» (1851), «О трудах, касающихся древнего славянского языка до М. Смотрицкого» (1851), «Предварительные сведения, касающиеся литературы церковнославянской. О древней письменности славян» (1851), «О древнейших памятниках церковнославянской литературы» (1-е изд., 1851; 2-е изд., 1852), «Замечание о лексикальном изучении рукописей, писанных на древнеславянском языке» (1851), «Статьи, касающиеся древнего славянского языка» (1852), и др.

Значительных успехов в лингвистическом изучении старославянской письменности достиг русский славист П. С. Биллярский, написавший по материалам памятников обширную монографию «Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования. 1. О среднеболгарском вокализме по Патриаршему списку летописи Манассии. 2. О кирилловской части Реймского евангелия» (СПб., 1847—1848). Как видно из этого названия, П. С. Биллярский стремился выяснить эволюцию старославянского языка на втором этапе его функционирования в южнославянских странах, особенно в средневековой Болгарии, при этом он делает попытку реконструировать живые говоры болгарского языка того периода и показывает отражение их в памятниках.

Нельзя не вспомнить того, что с изучения старославянской письменности начинал свою научную деятельность выдающийся русский лингвист Ф. И. Буслаев, защитивший магистерскую диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык» (М., 1848). Позже он опубликовал работу «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV-ти рукописей московской синодальной библиотеки... С приложением 22-х снимков...» (в кн.: Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855).

Ф. И. Буслаев серьезное внимание уделял историко-этимологическому исследованию славянской лексики. В его работах мы найдем ценные сведения о происхождении названий славянских языческих божеств, этнонимов и топонимов, слов общего словарного фонда праславянских диалектов. Широко представлены также факты звукового и грамматического строя славянских языков, особенно в пособиях по истории русского языка. Важную роль в подготовке филологов-славистов сыграла книга Ф. И. Буслаева «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языка» (М., 1861).

Начиная с 40-х годов XIX в. различные вопросы славянского языкознания продуктивно разрабатывал выдающийся русский лингвист И. И. Срезневский, прошедший четырехлетнюю стажировку в славянских странах (1839—1842) и затем возглавивший

кафедру славяноведения в Петербургском университете (с 1847 г.). За фундаментальную разработку проблем славистики ему впервые в России в 1846 г. была присуждена ученая степень доктора славяно-русской филологии. О разносторонности славистических интересов И. И. Срезневского свидетельствуют его многочисленные исследования, статьи, заметки, обзоры и рецензии, опубликованные на протяжении всех 40 лет его научно-педагогической деятельности сначала в Харькове, а потом в Петербурге. Лингвистические вопросы старославянской письменности получили освещение в таких работах ученого, как «Предположения о Реймском евангелии...» (1840), «Издания Реймского евангелия» (1846), «Древние письма славянские» (1848), «Записка о новых трудах по части филологического изучения старославянского языка» (1851), «Новые исследования о наречии старославянском» (1852), «Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки» (1856, 1858), «Известие о глаголическом четвероевангелии Зографского монастыря» (1856), «Светильны из древней глаголической рукописи» (1856), «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857), «Еще несколько выписок к вопросу о Пражских глаголических отрывках» (1858), «Из обозрения глаголических памятников» (1681, 1863, 1865), «Глаголические буквы на Иверской грамоте 982 г.» (1861—1863), «Ватиканское глаголическое евангелие» (1861—1863), «Отрывки из древнего глаголического служебника» (1863), «Древние памятники письма и языка юго-западных славян (XI—XII вв.). Общее повременное обозрение с заметками о памятниках, доселе бывших неизвестными» (1865), «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866), «Несколько припоминаний о Супрасльской рукописи XI века» (1872, 1873), «Славянские рукописи Британского музея в Лондоне и Бодлейской библиотеки в Оксфорде» (1872), «Древний славянский перевод псалтыри. Исследование его текста и языка по рукописи XI—XIV вв.» (1877—1878).

Для развития славистических направлений в России важное значение имели работы академика И. И. Срезневского «Древние славянские памятники юсового письма...» (СПб., 1868), «Энциклопедическое введение в славянскую филологию» (1877). В первой из них сделан довольно подробный обзор старославянских памятников, сохраняющих юсы, охарактеризованы важнейшие особенности их языка и орфографии и опубликованы тексты как ранее найденных, так и вновь открытых памятников. Автор исследует и комментирует «Саввину книгу», «Слуцкую псалтырь», «Новгородские листки из книги евангельских чтений», «Супрасльскую рукопись», «Хиландарские листки», «Македонский листок», «Евангельские листки» Ундольского, затем памятники более позднего времени: «Евангельские листы», «Листки из Ма-

нуиловской книги апостольских чтений», «Листки из Стамавовского четвероевангелия», «Болонскую псалтырь», «Погодинскую псалтырь», «Норовскую псалтырь», «Служебную mineю» В. И. Григоровича, «Минейный листок» В. И. Григоровича, «Норовские листки стихираря», «Парижский стихирарь», «Паремейник» В. И. Григоровича, «Листок из Жеравинского устава», «Севастьяновский сборник», «Пражские листки из книги евангельских чтений», «Охридскую книгу апостольских чтений», «Слепченскую книгу апостольских чтений», «Триодь» В. И. Григоровича, «Трифологий Зографского монастыря», «Зографское четвероевангелие», «Хиландарское четвероевангелие», «Болонскую псалтырь» и др.

Несомненный интерес представляют соображения И. И. Срезневского относительно доисторических процессов образования славянских языков (праславянской эпохи), высказанные им в книге «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий» (СПб., 1850; 1887 и последующие издания).

Большое количество сравнительных данных из разных славянских языков И. И. Срезневский ввел в трехтомный лексикографический труд «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб., 1893—1903).

Несколько содержательных работ о южнославянских памятниках и сравнительном изучении славянских языков в 50—70-е годы опубликовал профессор Харьковского университета П. А. Лавровский. Таковы, в частности, статьи и исследования «О Реймском евангелии» (1852), «Коренное значение в названиях родства у славян» (1867), «Программа сравнительной грамматики славянских и родственных языков» (1871), «Значение настоящего времени (praesentis) в классификации славянских глаголов и образование его сравнительно с родственными языками» (1873) и др.

Разнообразная славистическая проблематика, в том числе и славянское языкознание, являлась предметом многолетних занятий воспитанника Московского университета А. Ф. Гильфердинга. Здесь назовем только некоторые его работы, в которых затрагиваются вопросы языка южнославянских памятников и сравнительного изучения славянских языков: «Сербские имена, записанные в Помяннике Сопочанского монастыря» (1858), «Сравнение языка славянского к языкам родственным» (1853), «Об отношении языка славянского к языкам родственным» (1853), «Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий» (1871), «О Кирилле и Мефодии и тысячетлетней их годовщине» (1862, 1865).

К первому этапу развития славянского языкознания в России в XIX в. относится книга М. Н. Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» (М., 1845), в которой освеща-

ются некоторые существенные стороны взаимодействия старославянского и древнерусского литературного языка; несколько работ профессора Московского университета А. Л. Дювернуа, в частности «О годе изобретения славянских письмен» (1862), «Об историческом наслоении в славянском словообразовании» (М., 1867), А. А. Кочубинского «Славянские наречия и сравнительное языкознание» (Одесса, 1872), В. И. Шерцля «Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков», ч. 1—2 (Харьков, 1871—1873).

Приведенные библиографические сведения убеждают нас в том, что в XIX в. примерно до середины 70-х годов русские слависты преимущественное внимание уделяли отысканию новых лингвистических источников, описанию языково-палеографических особенностей этих источников, установлению важнейших этапов развития старославянского языка, его отношения к древнерусскому, староболгарскому и старосербскому языкам. Иногда эти вопросы затрагивались даже теми филологами, которые специально не занимались славистикой. Так, например, К. С. Аксаков в монографии «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846) довольно подробно рассматривает исторические причины утраты старославянским языком первоначальных общественно-литературных функций на Руси и у южных славян. Эти же вопросы неоднократно поднимали филологи, занимавшиеся преимущественно литературной стороной древнеславянской письменности.

Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что в 40—60-е годы в связи с распространением идей сравнительно-исторического языкознания русские лингвисты вслед за А. Х. Востоковым начинают изучение древнеславянских диалектов и языков в сравнительном плане, сопоставляя отдельные элементы их строя (звуки, формы, слова, конструкции) с аналогичными явлениями других индоевропейских языков, в частности греческого, латинского, санскритского.

Русские лингвисты еще в первой половине XIX в. стали проявлять живой интерес к изучению строя средневековых и современных болгарского, сербскохорватского, словенского, польского, чешского, полабского, серболужицких и кашубского языков. Так, Ю. И. Венелин (Гуца) в течение десятилетия собирал материалы по болгарской диалектологии, грамматике литературного болгарского языка, подготовил много лексических материалов для задуманного им болгарского словаря, написал пособие «Грамматика нынешнего болгарского языка», открыл ценные болгарские памятники. Немало лингвистических данных содержится в его труде «Историко-критические изыскания» (т. 1, 1829; т. 2, 1841).

Для изучения болгарского языка важное значение имели историко-филологические и этнографические труды В. И. Григоро-

вича, который по праву считается основателем диалектологического направления в области русской болгаристики. Важные сведения о средне- и новоболгарских говорах содержатся в его работе «Очерк путешествия по европейской Турции», в лингвистических статьях и в отчетах о заграничных поездках.

В середине 50-х годов XIX в. как болгарист стал известен П. А. Бессонов, опубликовавший работу «Главные вопросы языка новоболгарского» (М., 1855), а затем хрестоматию «Болгарские песни» (М., 1855).

К новоболгарскому языку проявлял интерес академик В. И. Ламанский, который положил начало изучению в России новоболгарской литературы.

В первой половине XIX в. особенности словенского и западнославянских, в частности чешского, языков специально исследовал И. И. Срезневский, бесспорно располагавший ценными материалами о живой чешской и словацкой речи (как известно, он во время путешествия по Чехии и Сербии вместе с П. И. Прейсом записывал речь лиц, с которыми приходилось встречаться и вести непринужденные беседы).

В середине XIX в. изучением языка западных славян активно занимался А. Ф. Гильфердинг, особенно интересовавшийся говорами, которые сохранили архаические черты славянской речи (кашубскими, словинскими). Свои лингвистические наблюдения, проведенные во время путешествия в западнославянские земли, ученый обобщил в историко-этнографических трудах «Исследование о балтийских славянах» (1854—1855), «История балтийских славян», т. I (ч. 1. М., 1855; ч. 2. СПб., 1862), «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (СПб., 1862), «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» (1856) и др.

Еще в первой половине XIX в. в России стали изучать лужицкие языки, подвергавшиеся в течение веков сильному воздействию со стороны немецкого языка. Первым языковедом, который занялся этой проблемой, был Е. П. Новиков (см. его работу «О важнейших особенностях лужицких наречий». М., 1849).

Важной научной заслугой в области русской сербистики были два лексикографических труда П. А. Лавровского: «Сербско-русский словарь» (СПб., 1870. 806 с.) и «Русско-сербский словарь» (СПб., 1880. 578 с.), которые служили не только практическими пособиями при переводах с одного языка на другой, но и давали возможность осуществлять в сопоставительном, отчасти также в сравнительно-историческом плане лексикологические исследования.

Бесспорную для XIX в. ценность представляли работы П. А. Лавровского о польском языке, который он стал изучать еще во время путешествия по западно- и южнославянским землям (1859—1861), а затем продолжил знакомство с ним в период

пребывания на посту ректора Варшавского университета (1869—1872).

Из учебных пособий начала 70-х годов следует отметить «Практическое руководство к изучению наречий старославянского, польского и чешского» (1872).

Заключившая рассмотрение основных достижений в области славянского языкознания в России в период от начала XIX в. до середины 70-х годов, нельзя не вспомнить о славистических высказываниях академика И. И. Давыдова, который специально не занимался исследованием славянских языков, но в некоторых работах затрагивал эту область в связи с решением других филологических задач. Так, в лекционном курсе, читанном в Московском университете в 30-е годы, И. И. Давыдов приводит интересные соображения о роли церковнославянского языка в формировании древнерусского литературного языка. Ученый был убежден, что церковнославянский язык «только в аналитическом отношении служит нам сокровищницею; со стороны же синтетической он представляется искусственным» («Чтения о словесности. Курс первый». М., 1837, с. 16).

В другой работе — «Грамматика русского языка» (СПб., 1849) — И. И. Давыдов, выясняя вопрос о происхождении русского языка, делает попытку определить отношения между древними и современными славянскими языками. Он предполагал, что когда-то существовал «язык поколения древнего, великого, искони занимающего безмерное пространство земли и распавшегося на многие народы» (с. 21). В результате разделения этого этнического единства древних славян, по мнению И. И. Давыдова, образовалось несколько славянских наречий, причем «одни из этих наречий удержали более сходства и сродства между собою, а другие отдалились от прежнего племенного единства» (там же).

Далее И. И. Давыдов предлагает следующую классификацию славянских языков: «В славянском языке две отрасли: юго-восточная и юго-западная. Юго-восточная отрасль разделяется на три языка: русский, болгарский и иллирский. Западная представляет четыре языка: лешский, чешский, лужицко-сербский и недавно вымерший полабский» (там же). По мнению ученого, почти все эти языки в свою очередь подразделяются на наречия, в частности русский — на великорусское, малорусское и белорусское, болгарский — на церковное (или кирилловское) и новоболгарское, иллирский — на сербское, хорватское и хорутано-словенское, чешский — на чешское и угро-словенское, серболужицкий — на верхнелужицкое и нижнелужицкое; в лешском языке было только польское наречие, а в полабском — древанское. Кроме того, в великорусском наречии И. И. Давыдов выделял новгородское подречие, а в польском — кашубское.

Как легко можно убедиться, эта классификация славянских языков не вполне соответствует современным представлениям об исторически сложившихся группировках славянских диалектов и языков. В ней вообще нет лингвистического и этнологического обоснования данной схемы. Скорее всего И. И. Давыдов на веру принял те мнения, которые господствовали в славистике в первой половине XIX в. Тем не менее эта классификация как одна из первых попыток установления разграничительных признаков между современными славянскими языками довольно хорошо отражает общий уровень развития славянского языкознания в тот период. Разумеется, классификация И. И. Давыдова не могла остаться не замеченной теми, кто непосредственно обращался к лингвистическим фактам и на этой основе строил новые теоретические выводы о структурном сходстве и различии славянских языков. Это были представители второго поколения русских славистов XIX в., продолжавшие славистическую работу в период окончательного утверждения сравнительно-исторического метода и зарождения младограмматических идей.

*

В период с 70-х годов XIX в. до 1917 г. славянское языкознание в России окончательно оформилось в самостоятельную славяноведческую дисциплину и достигло новых крупных успехов как в изучении конкретных языков, так и в методологии исследований.

С 70-х годов XIX в. в русской славистике исследования велись в нескольких направлениях. Во-первых, разрабатывались принципы фонетических, грамматических и лексикологических сопоставлений элементов славянских языков; во-вторых, славянские материалы использовались для решения проблем реконструкции системы праславянского языка и родства индоевропейских языков; в-третьих, продолжалось изучение отдельных славянских языков (в историческом или синхроническом плане); в-четвертых, на основе достигнутых научных результатов создавались лекционные курсы, предусматривавшие изучение в вузах лингвистических проблем славяноведения. С этого времени во всех русских и украинских университетах велась планомерная подготовка специалистов по славянскому языкознанию, многие из которых стали затем выдающимися учеными и педагогами.

Одним из таких ученых был профессор Харьковского университета А. А. Потебня, автор четырехтомной монографии «Из записок по русской грамматике» (Воронеж—Харьков, 1873—1874; Харьков, 1888; М.—Л., 1941; М., 1958; М., 1968), книги «Мысль и язык» (Харьков, 1862; впоследствии книга переиздавалась неоднократно). В этих работах ученый широко исполь-

зовал факты всех славянских языков для реконструкции праславянской языковой системы и определения тех исторических процессов, которые привели к образованию близкородственных языков. При этом А. А. Потебня равномерно исследовал все стороны: фонетику, грамматику, словарный состав славянских языков. Ему принадлежит приоритет во многих лингвистических открытиях, среди которых отметим прежде всего определение исходной системы частей речи в праславянском языке, выяснение главных синтаксических категорий, установление взаимообусловленности между языковыми явлениями и мыслительно-психологическими факторами. Важной особенностью метода А. А. Потебни было исследование функционально-семантических свойств языковых средств славянских языков.

А. А. Потебня продолжал традицию этимологического изучения славянской лексики. Вслед за А. Х. Востоковым и одновременно с Ф. И. Буслаевым он подвергал глубокому историческому анализу разнообразные группы общеславянской лексики, готовя этимологический словарь русского языка. Словарь, к сожалению, остался незаконченным.

Существенным в деятельности А. А. Потебни-слависта была разработка акцентологических проблем славянских языков. Известно, что некоторые закономерности русского ударения выяснил академик Я. К. Грот, занимаясь грамматическими формами существительных и глаголов. А. А. Потебня в этом вопросе пошел значительно дальше. Он обратился к различным славянским источникам, чтобы проследить эволюцию ударения и сопоставить современные системы славянских ударений. Важнейшие результаты исследования данной проблемы ученый изложил в книге «Ударение», которая долго находилась в архиве и вышла в свет только в наше время (Киев, 1973). А. А. Потебня первый в славянском языкознании выдвинул морфологический критерий для определения различий в акцентовке соответствующих форм и категорий славянских языков и тем самым доказал, что славянские языки обладают собственными акцентологическими системами, которые обусловлены, с одной стороны, историческими закономерностями, а с другой — характером современного морфологического строя и словообразования.

Одновременно с А. А. Потебней данной проблемой занимался профессор Нежинского историко-филологического института и Московского университета Р. Ф. Брандт, написавший книгу «Начертание славянской акцентологии» (1880), которая была защищена в Петербургском университете в качестве магистерской диссертации (1881).

Весьма плодотворной в области славистики была деятельность И. В. Ягича, издавшего и лингвистически прокомментировавшего много древнеславянских письменных памятников (евангелия

Ассеманово, Зографское, Мариинское; Синайский требник и др.), опубликовавшего большое количество работ о южнославянских древних и современных языках. Из числа таких работ можно отметить следующие: «Declinacija imena samostavnoga usporedjena, kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku» (1862), «Образцы церковнославянского языка по древним кириллическим и глаголическим памятникам» (СПб., 1871), «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (СПб., 1895), «Отношение славянских наречий к церковнославянскому языку» (СПб., 1885, изд. литогр.), «Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache» (1900).

Общепризнанной заслугой И. В. Ягича является издание (с 1875 г.) международного журнала «Archiv für slavische Philologie» и «Энциклопедии славянской филологии», вып. 1—5, 10—12 (СПб., 1908—1929), сыгравших большую роль в развитии славистики вообще и славянского языкознания в частности.

Важные лингвистические проблемы (происхождение и взаимодействие славянских языков, образование первого литературного языка у славян, отражение языковых черт в древнейших письменных памятниках и др.) освещали В. И. Ламанский (см. его «Лекции по славяноведению». СПб., 1891, изд. литогр.) и Т. Д. Флоринский (см. его «Лекции по славянскому языкознанию», ч. 1—2. Киев, 1895—1897). В курсе, читанном Т. Д. Флоринским, дана подробная характеристика юго-западной группы (болгарский, сербохорватский, словинский) и северо-западной группы (чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкий, полабский) славянских языков.

Тщательный критический анализ этого лекционного курса Т. Д. Флоринского был сделан Р. Ф. Брандтом (см. Сб. ОРЯС АН, т. 66, отчеты о присуждении премий им. М. В. Ломоносова и А. А. Котляревского).

В конце XIX—начале XX в. в России были сделаны новые замечательные открытия в области славянской акцентологии. Так, в 1895 г. выдающийся индоевропеист и славист профессор Московского университета Ф. Ф. Фортунатов в рецензии на труд Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» сформулировал закон, согласно которому «длительная долгота еще в литовско-славянском языке переносила на себя ударение с предшествовавшего слога, если последний не имел сам длительной долготы». Данный закон объясняет все факты, связанные с подвижностью и неподвижностью ударения в грамматических формах славянских языков. Разъяснение этого закона мы находим и в других работах Ф. Ф. Фортунатова, в частности в «Кратком очерке сравнительной фонетики индоевропейских языков» и «Лекциях по фонетике старославянского (церковнославянского) языка».

Принципиально важны по своим результатам акцентологические исследования академика А. А. Шахматова «К истории сербскохорватских ударений» (1888, 1890), «К истории ударений в славянских языках» (1898). На основе тщательного анализа акцентологических особенностей современных южнославянских говоров он реконструировал характер музыкальных (восходящих и нисходящих) ударений в праславянском языке. Ученый назвал свой комментарий к четырем разновидностям нисходяще-восходящих праславянских интонаций «теорией общеславянских ударений», но мы теперь знаем, что этот комментарий, как и выводы Ф. Ф. Фортунатова, был едва ли не крупнейшим лингвистическим открытием в конце XIX в.

Несколько позже вопросы славянской акцентологии разрабатывались Л. Л. Васильевым (см. его рецензию в ЖМНП, 1904, № 354; работу «Богдановский Златоуст XVI в.», 1905 и другие сочинения), С. М. Кульбакиным (см. его «Заметки о славянском количестве и ударении», 1906 и другие работы), А. И. Соболевским (см. его статью «Древние церковнославянские стихотворения IX—X веков», 1910 и другие работы) и теми славистами, которые изучали отдельные языки западной и южной славянских групп.

Во второй половине XIX—начале XX в. русские языковеды много сделали для сравнительно-исторического изучения строя славянских языков. Здесь отметим прежде всего фундаментальные труды акад. Ф. Ф. Фортунатова «Сравнительное языковедение», «Сравнительная фонетика индоевропейских языков», «Сравнительная морфология индоевропейских языков», в которых обильно представлены факты праславянского, а также позднейших славянских языков. Отдельно укажем его курс «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка», где подробно рассмотрены исторические процессы образования звуковой и грамматической систем праславянского языка, а затем охарактеризованы все важнейшие черты первого древнеславянского литературного языка в сравнении с родственными индоевропейскими.

В указанной области славистики весьма продуктивной была деятельность профессора Р. Ф. Брандта, который опубликовал много специальных работ о фонетических, грамматических и словообразовательных чертах славянских языков древней эпохи и более позднего времени: «Некоторые вопросы славянской морфологии» (1881), «О личных вставках славянского глагола» (1881), «Идѣ, юдѣ и бѣдѣ» (1882), «Морфология славянского глагола» (1896, 1899), «Несколько соображений о склонении согласных основ у славян» (1882), «О слоговом «р» и «л» у славян» (1882), «Несколько замечаний о еревом и уковом склонении» (1883), «Об аористе бимь» (1883), «Нечто об аористах» (1884), «О силь-

ных и слабых формах» (1885), «О ятевых и ижевых глаголах» (1885), «Грамматические заметки» (1886), «Об инфинитивах на «шти» и подобных им формах» (1886), «Несколько замечаний по грамматике славянских языков» (1887), «Поправки и дополнения к русскому переводу «Сравнительной морфологии славянских языков» Франца Миклошича» (1891), «Славянское словообразование» (1911), «Черты доисторического быта славян по данному языку» (1911), «Введение в славянскую филологию» (1912), «Краткая сравнительная грамматика славянских языков» (1915) и др.

Ему же принадлежат учебные пособия по старославянскому языку, изданные литографским способом (1889—1902).

Ценными как в научном, так и в педагогическом отношении представляются «Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Лекции» (1891) и «Лекции по сравнительно-исторической фонетике русского и старославянского языков», вып. 1—2 (1903—1904) профессора С. К. Булича. Кстати сказать, ему же принадлежит критический разбор славистических работ русских ученых (см. его «Очерк истории языкознания в России», т. I. СПб., 1904).

Отдельно отметим большую работу С. К. Булича «Церковно-славянские элементы в современном литературном и народном русском языке», ч. I (СПб., 1893, 409 с.), которая решает принципиальные вопросы исторического взаимодействия двух славянских литературных языков.

В конце XIX—начале XX в. многие слависты усиленно разрабатывали вопросы праславянской фонетики, грамматики, словообразования и лексики. Следует признать, что наибольших результатов в этом отношении достиг профессор Нежинского историко-филологического института Г. А. Ильинский. Ему принадлежит множество статей и исследований по различным проблемам языка древнейшего славянства. Но главный его труд в данной области лингвистики — «Праславянская грамматика» (Нежин, 1916), который А. А. Шахматов назвал выдающимся явлением в истории славистики. Несмотря на то что отдельные положения Г. А. Ильинского были неверными или дискуссионными, «Праславянская грамматика» сохранила свое научно-теоретическое и практическое значение до нашего времени.

В изучаемый период одной из сложнейших славистических проблем была проблема лингвистического обоснования славянской прародины, дробления праславянского языка на диалекты и образования на их основе новых славянских языков. Наиболее часто по этому поводу высказывался в различных трудах А. А. Шахматов. Здесь укажем только две его монографии — «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Пг., 1915) и «Введение в курс истории русского языка» (Пг., 1916), содер-

жащие обзор мнений о происхождении славян и их языка, а также подробное изложение шахматовской теории локализации славянства в древнейшие эпохи. Не все из этой теории признается верным, тем не менее А. А. Шахматов поставил принципиальные вопросы, которые получили удовлетворительное освещение только в советский период развития славистики (взаимоотношения славян с балтами, иранцами и другими народами, выделение характерных черт праславянского языка сравнительно с другими родственными языками, формирование специфических явлений в славянских языках восточной, западной и южной групп).

Для выяснения особенностей развития славянского языкознания в России во второй половине XIX и начале XX в. необходимо в общих чертах охарактеризовать некоторые работы профессора А. С. Будиловича. Еще в 70-е годы прошлого века он опубликовал первую часть монографии «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян» (Нежин—Киев, 1878—1879). Эта работа наиболее полно для того периода отражает уровень лексикологической разработки праславянского языка. Книга содержит первую классификацию славянской лексики в зависимости от того, какие стороны общественной жизни обозначены теми или иными словами. Бесспорно, у автора есть верные семасиологические наблюдения и толкования, но в целом эта работа уже устарела.

Большой интерес представляет его двухтомная монография «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, 1892). Здесь дан подробнейший анализ всех славянских языков с точки зрения пригодности их для выполнения функций общеславянского литературного органа. Ценны прежде всего историческая часть этого исследования и тот огромный фактический материал, который использован автором для раскрытия темы. Однако А. С. Будиловичу был чужд демократически-интернационалистский взгляд на проблемы славянских взаимоотношений. Отсюда у него вытекали в корне ошибочные выводы о господствующем положении русского литературного языка в славянском мире как якобы языка господствующей нации.

Наша эпоха показала, что русский язык приобрел огромный международный авторитет в силу той прогрессивной роли, которую играл русский народ в социально-экономическом, политическом, научном и культурном развитии человечества.

Выше указывалось, что с 70-х годов XIX в. в России продолжалось начатое несколько раньше изучение фонетики, грамматики и словарных составов отдельных славянских языков. В этом отношении яркую страницу в истории славистики составляют

глубокие по содержанию и совершенно оригинальные по научному замыслу труды профессора И. А. Бодуэна де Куртене «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875), «Резья и резьяне» (1876), «Глоттологические (лингвистические) заметки...» (1877), «О славянах в Италии» (1893), «Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии», вып. 1—3 (1895—1913), «Резьянский словарь» (1966, опубликован частично, под ред. Н. И. Толстого) и работы о древнепольском и современном польском языке, о кашубских говорах. Богатейшее наследство И. А. Бодуэна де Куртене в области славянского языкознания требует дальнейшего тщательного изучения как в методологическом, так и в практическом плане, потому что идеи ученого оказывали и оказывают глубокое влияние на развитие всех направлений славистики, несмотря на то что некоторые его выводы (например, о происхождении славянских говоров Северной Италии, о группировке праславянских диалектов и дальнейшей их судьбе) в наше время подверглись известной корректировке.

Из лексикографических трудов второй половины XIX в. заслуживает внимания «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» (М., 1886—1889), составленный профессором Московского университета А. Л. Дювернуа. Впрочем, этому ученому принадлежат и другие славистические работы, среди которых можно указать следующие: «О годе изобретения славянских письмен» (1862), «Об историческом наслоении в славянском словообразовании» (1867), «Система основных элементов и форм славянских наречий» (1872), «Практическое руководство к изучению наречий старославянского, польского и чешского» (1872). Значительное количество фактов из разных славянских языков содержится также в его незаконченном труде «Материалы для словаря древнерусского языка» (1894).

С конца XIX в. в печати стали появляться исследования, статьи и учебные пособия по южно- и западнославянским языкам профессора С. М. Кульбакина. Отметим прежде всего его некоторые работы о старославянском языке и письменных памятниках: «Заметки о языке и правописании Волканова евангелия, I—IV (1898), «Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI в.» (1898), «Боянское евангелие XII—XIII вв.» (1899), «Софийский синодик в новом издании и характеристике» (1899), «Отрывок четвероевангелия Григоровича XIII—XIV вв.» (1900), «Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI века, с четырьмя фототипическими снимками» (1900), «Охридский апостол XII в.» (1901), «Лексика Хиландарских отрывков» (1902), «Охридская рукопись Апостола конца XII в.» (1907). Следует упомянуть еще два учебных пособия Кульбакина «Краткая фонетика и морфология сербского языка» (1909),

«Сербский язык», ч. 1—2 (Фонетика и морфология сербского языка) (1915).

С. М. Кульбакин уделял значительное внимание также польскому языку, о чем свидетельствуют его работы «Былые долгие гласные польского языка» (1902), «К истории и диалектологии польского языка» (1903), «Морфология сважендаского говора» (1904) и др.

Важное значение имели учебные пособия С. М. Кульбакина по древнеславянскому языку «Краткая морфология церковнославянского языка» (1908), «Древнецерковнославянский язык» (1911—1913) и др.

В конце XIX в. началась активная славистическая деятельность основателя белорусской филологии Е. Ф. Карского, который многие годы вел занятия по старославянскому языку в средних и высших учебных заведениях, выпустил в свет «Граматику древнего церковнославянского языка сравнительно с русским» (1888; изд. 19, 1917), «Очерки по синтаксису древнего церковнославянского и русского языков» (1913, изд. литогр.), книги «Из лекций по славянской кирилловской палеографии» (1896), «Очерк славянской кирилловской палеографии» (1901), «Славянская кирилловская палеография» (1928), «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» (1901; 2-е изд., 1912).

Следует заметить, что в указанных книгах по палеографии содержится также обильный лингвистический материал о древнеславянских языках.

Е. Ф. Карскому принадлежат статьи о языке старославянских письменных памятников, в частности: «Надпись Самуила 993 г.» (1899), «Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в.» (1904), большое количество рецензий и отзывов на славистические труды В. Вондрака, Н. К. Грунского, С. Северьянова, С. М. Кульбакина, Н. М. Каринского, И. В. Ягича, А. Лескина, Б. М. Ляпунова, Г. А. Ильинского, А. И. Соболевского, Ф. Ф. Фортунатова, С. П. Обнорского, В. Погорелова, В. Н. Щешкина, Я. Розвадовского, Ю. Поливки, Ф. Лоренца, Л. В. Щербы, Е. Бернекера, О. Гуйера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. К. Поржезинского, П. А. Лаврова, Р. Ф. Брандта и др.

Огромную славистическую работу провел ученый в период подготовки известной монографии «Белорусы» (т. 1, 1903—1904; т. 2, 1911; т. 3, 1921). В целях определения родственных связей с другими славянскими языками, показа исторических путей формирования белорусского языка Е. Ф. Карский систематически сопоставлял белорусские особенности с инославянскими языковыми чертами, прибегая при этом как к традиционным приемам сравнительно-исторического метода, так и к типологии славянских систем, хотя, конечно, последним термином он и не пользовался.

Для развития некоторых отраслей славянского языкознания в России и на Украине в конце XIX — первой трети XX в. большое значение имела деятельность Б. М. Ляпунова, который читал курс морфологии старославянского языка и занимался исследованием отдельных вопросов звукового и грамматического строя. Из числа его работ следует назвать «Формы склонения в старославянском языке. I. Склонение имен» (1905), «Несколько слов о рукописи евангельских чтений, хранящейся в библиотеке Новороссийского общества истории и древностей» (1906), «Из наблюдений над языком древнерусских и старославянских памятников» (1908), «О языке „Слова“ В. И. Григоровича» (1915).

Ценные славистические факты содержатся также в его этимологических статьях и заметках о русских словах, в монографии, посвященной языку Синодального списка 1-й Новгородской летописи (1899), и в рецензиях на лингвистические исследования отечественных и зарубежных славистов (А. Г. Преображенского, А. И. Соболевского, Н. К. Грунского, М. Плетершника, В. Облака, М. С. Дринова, А. А. Потебни, А. А. Кочубинского, М. Мурко, И. В. Ягича, Л. В. Щербы, И. Микколы, Фр. Пастрнека, В. Вондрака, Я. Лося, А. Мазона, А. А. Шахматова и др.).

С 80-х годов XIX в. началась славистическая работа В. А. Богородицкого, опубликовавшего сначала отзывы на диссертации Н. Тихова «Характеристика западноболгарского наречия по сборнику болгарских народных песен, изданных В. В. Качановским» (1888), С. К. Булича «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» (1894), а затем оригинальные статьи о южнославянских говорах: «Диалектологические заметки [вып.] 6. К словенской диалектологии — говор Бледа (Veldes) сравнительно с говором Циркно (Kirchheim)» (1905), «Диалектологические заметки [вып.] 9. Из наблюдений над сербскохорватским литературным произношением» (1912). Содержательна также рецензия В. А. Богородицкого на «Очерк физиологии славянской речи» О. Брока (1911).

В начале XX в. несколько славистических работ опубликовал А. М. Лукьяненко, среди которых для истории языкознания наибольший интерес представляет монография «Кайкавское наречие» (Киев, 1905), к настоящему времени уже полузабытая, но не утратившая своего значения как одна из попыток полного описания специфических черт народного говора на территории Сербии (в сравнении с другими сербскохорватскими говорами). Заслуживают упоминания также следующие работы А. М. Лукьяненко: «Основные методы и направления в области славянского языкознания в связи с историческим ходом науки языкознания вообще, индоевропейского в частности» (1909), «Носовые гласные в болгарском языке» (1910), «Древний церковнославянский язык, его значение в цикле наук филологических и богословских» (1912),

«Старославянский язык и его значение в цикле филологических наук» (1913).

На рубеже XIX и XX вв. появились первые славистические работы В. К. Поржезинского, который почти 20 лет возглавлял кафедру сравнительного языковедения в Московском университете и активно занимался исследованием различных проблем славянских языков. Его внимание было сконцентрировано на изучении полабского, польского и старославянского языков, а также на сравнительно-историческом аспекте индоевропейских, в том числе славянских и балтийских, языков. Для данного обзора наиболее важными представляются следующие работы В. К. Поржезинского первого (московского) периода его научно-педагогической деятельности: «Несколько слов о дошедших до нас памятниках полабских славян» (1900), «Заметки по языку полабских славян» (1902), «Критический разбор работ С. М. Кульбакина «К истории и диалектологии польского языка» (СПб., 1903) и «Морфология сважендского говора» (СПб., 1904), «Die baltisch-slavische Sprachgemeinschaft» (1911), «Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков. Пособие к лекциям» (1912, изд. литогр.), «Сравнительная морфология древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков. Конспект лекций, ч. 1. Склонение имен» (1916), «Очерк фонетики и морфологии польского языка. Пособие к лекциям» (1913), «Сравнительная грамматика славянских языков. Пособие к лекциям, вып. 1. Введение. Общеславянский язык в свете данных сравнительно-исторической прагматики индоевропейских языков. Фонетика. Формы склонения» (1914; 2-е изд., 1916).

К рассматриваемому периоду целиком относится научная деятельность В. Н. Щепкина, крупного знатока древней письменности и славянских языков. Ему принадлежат важные исследования, статьи и учебные пособия о древних и современных славянских языках: «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1899—1901), «Саввина книга» (1903), «Болонская псалтырь» (1906), «Старославянское чтение. Пособие для просеминария» (1911), «Учебник болгарского языка» (1909), «Введение в славяноведение» (1914), «История южных славян» (1912) и др.

Важные лингвистические материалы по славянским языкам содержатся в палеографических работах В. Н. Щепкина: «Конспект курса славянорусской палеографии» (1911), «Учебник русской палеографии» (1918; 2-е изд., 1967), а также в рецензиях на труды отечественных и зарубежных славистов.

В конце XIX в. ряды русских славистов пополнились такими известными исследователями, как П. А. Лавров, Д. Н. Кудрявский, А. Л. Погодин, А. И. Томсон. Не имея возможности охарактеризовать значение для славистики трудов всех указанных

языковедов, отметим только, что каждый из них внес довольно заметный вклад в разработку славистической проблематики и в сравнительно-историческом и в описательном аспекте. Так, П. А. Лавров открыл ряд древнеславянских памятников литературы и произвел лингвопалеографический анализ этих памятников, опубликовал работы «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка» (1893), «Краткая грамматика болгарского языка» (1910), «Болгарский язык» (1911, в словаре «Русская энциклопедия», т. 3), «Болгарские народные говоры. Хрестоматия» (1904). Кроме этого, П. А. Лавров принимал участие в обработке материалов и издании «Словаря болгарского языка» (1886—1889), начатого А. Л. Дювернуа, написал отзывы на труды по южно- и западнославянским языкам (Н. Герова, М. Хостника, Я. Лося и др.).

А. И. Томсон интересовался некоторыми вопросами синтаксиса славянских языков (см. его работы: «Родительный—винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках», 1908; «К вопросу о возникновении родительного—винительного падежа в славянских языках. Прилагательный падеж в праславянском языке», 1909; «К вопросу о возникновении родительного—винительного падежа в славянских языках. Сходные явления в других языках», 1910—1912; и др.).

В исследованиях А. И. Томсона значительное внимание уделялось также фонетике славянских языков (например, древнеболгарского) в связи с проблемами сравнительно-исторического и экспериментального изучения звуковых явлений.

Уже в первые годы XX века стал известен как славист Н. К. Грунский, занимавшийся изучением различных лингвистических и палеографических вопросов в области славистики. Из числа опубликованных им славистических работ необходимо назвать прежде всего следующие: «Памятники и вопросы древнеславянской письменности». т. 1, вып. 1—3 (1904—1906); т. 2 (1906), «К изучению древнехорватской глаголицы» (1905), «Грамматика древнецерковнославянского языка» (1906), «Лекции по древнецерковнославянскому языку» (1906), «Древнецерковнославянские тексты. Пособие при практических занятиях» (1910).

Особенно важное значение имела в тот период монография Н. К. Грунского «Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков», т. I, вып. 1—2 (1910—1911), которая содержала систематическое изложение методов и принципов исследования синтаксического строя славянских языков начиная с XVII в.

В начале XX в. некоторые проблемы славянского языкознания стали предметом исследований выдающегося русского лингвиста Л. В. Щербы. После посещения в 1907, 1908 и 1913 гг. лу-

жицких поселений с целью изучения мужаковского говора, находившегося продолжительное время под воздействием соседних немецких говоров, Л. В. Щерба написал магистерскую диссертацию «Востоchnолужицкое наречие» (1915), в которой рассмотрел звуковую и грамматическую системы, особенности ударения и интонаций, словообразование и лексический состав, характер двуязычия у лужичан и другие связанные с этим вопросы. Данная книга Л. В. Щербы явилась новым серьезным шагом в изучении западнославянских языков, что было отмечено академиком А. А. Шахматовым в тщательном ее разборе «Заметки по истории звуков лужицких языков...» (1917). Внимание рецензента привлекли не только убедительные факты живой лужицкой речи, записанные самим Л. В. Щербой, но и общие выводы относительно происхождения мужаковского наречия. А. А. Шахматов признал вполне обоснованным заключение Л. В. Щербы о том, что мужаковское наречие может быть возведено к общелужицкому праязыку как вполне самостоятельное его ответвление, образовавшееся в ходе членения данного праязыка на несколько более или менее автономных диалектов. Естественно, это предположение нуждается в дальнейшей научной проверке на основе более обширных фактов древних и новых славянских языков, тем не менее оно может пролить свет на общую проблему взаимоотношений праславянских диалектов в древнейшую эпоху истории славянских племен.

Вопросы, касающиеся происхождения, исторических судеб, классификации и строя славянских народных и литературных языков, довольно подробно в конце XIX—начале XX в. освещались профессором Киевского университета Т. Д. Флоринским. Особенно ценны фактическим материалом и его систематизацией вузовские курсы «Лекции по славянскому языкознанию» (ч. 1, 1895; ч. 2, 1897) и «Славяноведение» (1911).

В этих и некоторых других работах Т. Д. Флоринского обращает на себя внимание постановка некоторых методологических вопросов, отражающих официальную политику царского правительства России. Известно, что в данный период с особой остротой обсуждалась проблема взаимоотношений между языками в многонациональных государствах. Обнаружилось два принципиально различных подхода к этой проблеме. Один из них был выражением идеологии буржуазно-помещичьего класса, стремившегося утвердить в качестве обязательного государственного языка на всей территории страны язык господствующей нации. Другой подход отражал прогрессивную идеологию трудовых масс всех наций и народностей, населявших Россию.

Подобно А. С. Будиловичу, В. И. Ламанскому и другим пропагандистам теории панславизма, Т. Д. Флоринский пытался доказать, что как в России, так и в других славянских странах еди-

ным литературным языком должен быть русский язык; согласно этой точке зрения остальным языкам отводится второстепенная роль местных наречий, в лучшем случае органов «побочной, областной литературы». Игнорируя исторические факты формирования некоторых самостоятельных славянских национально-литературных языков, Т. Д. Флоринский обычно прибегал к одному и тому же «аргументу» — большой близости славянских диалектов, которая якобы исключает необходимость иметь два или несколько родственных языков в пределах одного государства. Он, в частности, утверждал, что в России достаточно одного, русского литературного языка и что, например, выделение малорусского из русской диалектической группы в какую-либо особую группу в такой же степени немыслимо, в какой немыслимо и выделение, например, великопольского, силезского и мазурского наречий из польской диалектической группы, или моравского наречия из чешской диалектической группы, или рупаланского наречия из болгарской диалектической группы¹.

Подлинно научное понимание этого вопроса мы находим в трудах В. И. Ленина, который, развивая марксистское учение об общественных явлениях, открыл закон образования национальных языков и показал, что в многонациональных буржуазных государствах языки господствующих наций навязываются угнетенным нациям и народностям, что полное устранение языкового, как и политического, неравноправия возможно только при социалистическом строе. Путем глубокого, диалектико-материалистического анализа языковой ситуации в различных странах мира, в том числе в славянских странах, В. И. Ленин обосновал положение о функционировании языков при капитализме и социализме. В статье «Либералы и демократы в вопросе о языках» (1913) В. И. Ленин специально останавливается на вопросе о взаимоотношениях между славянскими языками, подчеркивая тезис о необходимости ликвидации любых проявлений неравноправия этих языков: «Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться „ужасной“ мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений»².

В годы первой мировой войны, когда крайне обострились политические и экономические противоречия между капиталистическими странами Европы, В. И. Ленин неоднократно возвращался к научной разработке проблемы самоопределения наций, разъясняя позицию русских марксистов и по вопросу взаимоотношения национальных языков. И каждый раз В. И. Ленин подчеркивал, что действительная демократия возможна только при условии

полного политического равноправия наций, предоставления всем без исключения нациям и народностям права свободного развития своей культуры на родных языках, безусловной отмены обязательных государственных языков и любых привилегий тем или иным языкам³.

Таким образом, ленинское учение о нациях и национальных языках явилось принципиально новым этапом в разработке проблемы «язык и общество». Оно внесло полную ясность и в вопрос о так называемом общеславянском языке, в вопрос, который продолжительное время (почти столетие) дискутировался на страницах зарубежной славянской и русской печати, но так и не получил удовлетворительного теоретического освещения в лингвистике. Благодаря учению В. И. Ленина о нациях и национальных языках этот вопрос как совершенно неправомерный с научной точки зрения утратил свою значимость в славистике и фактически был снят с повестки дня.

Приведенные в данном обзоре факты показывают, что от начала зарождения до 1917 г. русская, украинская и белорусская славистика в своем постепенном развитии прошла несколько этапов, отличающихся друг от друга как по охвату изучаемых явлений, так и по методике и методологии исследования инославянских языков.

На раннем этапе (XVI—XVII вв.) основным предметом изучения был древнеславянский язык, строй которого на основе показаний письменности в той или иной степени описывался в грамматических пособиях и лексикографических работах М. Грека, Л. Зизания, П. Берынды, М. Смотрицкого, И. Ужевича, Е. Славинецкого, А. Корецкого-Сатановского, Ю. Крижанича и других ученых-педагогов. Изредка в труды этих ученых проникали факты других южно- и западнославянских языков.

В XVIII в. древнеславянскому языку уделялось уже меньшее внимание (он частично описывался в пособиях и словарях И. Ф. Коппевича, Ф. Поликарпова-Орлова, Ф. Максимова, В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, П. А. Алексеева), так как его общественные функции со времени петровских реформ значительно сузились и на первый план выдвигалось изучение собственно русского литературного языка. Вместе с этим усилился интерес к польскому языку в связи с известными общественно-историческими событиями. В XVIII в. в России (собственно в Киевской духовной и Московской духовной академиях) начинается преподавание польского языка, но оно не имело серьезных научных последствий в области лингвистической. В развитии этой отрасли славяноведения заметной роли не сыграли в тот период Петербургская и Российская академии наук и Московский

университет, еще не располагавшие профессиональными специалистами по славянским языкам. Следовательно, лингвистика тогда еще не представляла собой самостоятельной научной отрасли. Становление данной науки в России приходится на XIX в., когда значительно расширилась сеть высших и средних учебных заведений, введших в учебные планы славистические дисциплины. На протяжении первой половины и 60—70-х годов XIX в. в русских и украинских университетах были открыты славистические кафедры, а в объединенной Российской академии — отделение языка и словесности, которое значительное внимание стало уделять исследованию древнеславянского и новых славянских языков. С 20-х годов начинается систематическое изучение письменности славян и языка древних памятников. Чрезвычайно важным моментом было использование в славистических работах сравнительно-исторического метода (впервые применил его А. Х. Востоков в начале 20-х годов XIX в.). В 30—70-е годы велась подготовка словарей церковнославянского языка в Академии наук, а А. Х. Востоковым были осуществлены первые попытки описания болгарского, сербохорватского, чешского, польского, лужицких, полабского и кашубского языков, а также славянских говоров на территории Италии, Турции и Греции. Русскими учеными на Балканах в этот период были открыты ценнейшие письменные памятники. Успехи лингвистики в этот период были связаны с именами А. Х. Востокова, П. И. Прейса, Ю. И. Венелина-Гуцы, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, А. Ф. Гильфердинга, Е. Новикова, И. А. Бодуэна де Куртенэ.

С 70-х годов XIX в. фронт славистических исследований в России и на Украине значительно расширился. Началось углубленное монографическое описание и сравнительно-историческое изучение фонетики, грамматики и словарного состава славянских языков. В последней трети XIX и начале XX в. были сделаны крупные открытия в области акцентологии древних и новых славянских языков, выпущены в свет исследования по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике южно- и западнославянских языков, опубликованы словари болгарского, сербского и польского языков, подготовлены лекционные курсы по славянскому языкознанию. В решении этих проблем главную роль сыграла активная научная деятельность А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Корша, А. А. Соболевского, И. В. Ягича, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Р. Ф. Брандта, В. К. Поржезинского, Е. Ф. Карского, Л. В. Щербы, Г. А. Ильинского и других ученых-славяноведов.

В начале XX в. в методологию славистических, как и общезыковедческих, исследований важные коррективы были внесены трудами В. И. Ленина о нациях и национальных языках.

Во второй половине XIX—начале XX в. в России и на Украине сформировалось несколько славистических научных центров — в Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Харькове, Одессе, Юрьеве, которые вели не только исследовательскую работу, но и готовили квалифицированные кадры — преподавателей и ученых лингвистического профиля. Успехам русской, украинской и белорусской славистики указанного периода способствовало расширение научных связей с западно- и южнославянскими странами, в частности научные командировки и путешествия восточнославянских ученых в крупнейшие научные центры Польши, Чехии, Сербии, Болгарии, а также Германии и Австрии, где вели славистическую работу видные филологи и педагоги. В свою очередь важную роль сыграли зарубежные слависты, более или менее продолжительное время работавшие в русских научных центрах, в частности И. А. Бодуэн де Куртене, И. В. Ягич, М. С. Дринов, В. И. Шерцль, И. И. Первольф, П. Д. Драганов.

Для развития лингвославистики серьезное значение имели периодические и непериодические издания Российской академии, университетов и ученых обществ. Среди них отметим «Известия Имп. Академии наук», «Записки Имп. Академии наук», «Труды Общества любителей российской словесности», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Летописи русской литературы и древностей», «Памятники древней письменности», «Древние памятники письма и языка юго-западных славян», «Известия Археологического общества», «Летопись Археологического общества», «Известия» Киевского, Казанского, Новороссийского, Варшавского университетов, «Труды Славянской комиссии», «Памятники старославянской письменности», «Русский филологический вестник», «Филологические записки», а также основанный И. В. Ягичем в Берлине «Архив славянской филологии», в котором почти систематически печатались славяноведческие труды русских филологов. Следует заметить, что в русских изданиях XIX—начала XX в. печатали свои исследования и зарубежные языковеды-слависты.

¹ Флоринский Т. Д. Несколько слов о малорусском языке (наречии) и новейших попытках усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Киев, 1899, с. 8.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 424.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39—40; т. 23, с. 149—150, 423—426; т. 24, с. 293—295; т. 25, с. 255—320; т. 32, с. 142; т. 38, с. 111; т. 48, с. 233—236; и др.

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СЛАВИСТИКИ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ*

Э. Георгиев

Изучение славянских литератур, или славянское литературоведение, занимает существенное место среди славистических дисциплин наряду со славянским языкознанием, славянской фольклористикой, славянской этнографией, историей — той ее частью, которая изучает жизнь славянских народов и их взаимоотношения прежде всего в области культуры. Вначале славянское литературоведение было тесно связано с другими славистическими дисциплинами, ибо литература являлась предметом изучения для всех славистов. Однако постепенно оно обособляется и становится самостоятельной славистической дисциплиной. С развитием национальных литератур у отдельных славянских народов и ростом интереса к ним произошла дальнейшая специализация ученых-славистов. Среди них выделяются слависты-литературоведы, которые выходят в своих исследованиях за пределы проблематики национальных литератур и изучают славянские литературы в целом либо связи своей родной литературы со всеми или несколькими славянскими литературами.

При определении основных этапов в развитии славистики как в славянских, так и в неславянских странах необходимо принимать во внимание основные этапы исторического процесса. В славянском литературоведении необходимо учитывать течения и направления литературного развития. Разумеется, литературный процесс, как и развитие науки, находится в связи с общеисторическим процессом, но имеет и известную самостоятельность по отношению к общеисторическому процессу. Взаимосвязи эти очень сложны, вот почему подлинная история славистики еще ждет своих исследователей, способных раскрыть и осмыслить весь процесс ее развития. Значение истории славистики бесспорно. Оно не определяется только изложением результатов исследовательской работы в этой важной научной дисциплине и тем, что эти результаты дают для ее дальнейшего развития; история славистики раскрывает факты и процессы, которые вводят нас в новые пласты духовной жизни славянских народов и вообще в их историческую жизнь во всем ее объеме.

* В статье тема решается главным образом на филологическом материале, что, разумеется, не исчерпывает славяноведения, хотя дает основания для постановки и решения важных общих вопросов, тем более что автор статьи трактует термин «славянская филология» весьма широко (Примеч. редколлегии).

1

Обычно историю славистики начинают с последних десятилетий XVIII в., и ее основоположником считают чешского ученого и деятеля Возрождения Йозефа Добровского. Такой взгляд, однако, исключает тысячелетний период развития славянской культуры, науки и искусства, в который создавались филологические и исторические труды, концепции и теории. Конечно, эти труды, концепции и теории очень далеки от наших представлений о настоящей науке. И все же ими нельзя пренебрегать. Тысячелетие, предшествующее новому времени, охватывает не только «темное» средневековье, но и эпохи Ренессанса и барокко, явившиеся преддверием нового времени. Думается, было бы несправедливо исключать из истории славистики тех деятелей, чьи труды стали вехами в развитии славянской филологии, истории, искусства с IX по XVIII в.

Разве не имеют права на место в истории славянской филологии создатель славянской азбуки, первого славянского литературного языка и славянских литератур Константин-Кирилл философ (827—869), а также его брат и сподвижник Мефодий (около 820—885)? Первый из них был, несомненно, гениальным филологом и, разумеется, славистом. Он создал новую систему письма, которая и до сегодняшнего дня служит многим народам. Она отражает с большой полнотой фонетику старославянского (или в другой терминологии древнеболгарского) языка. Чтобы достичь совершенства этого письма, Кирилл не только тщательно, но и компетентно изучал звуковой состав славянского языка. Талантливый филолог проявил себя и тогда, когда создавал первый славянский литературный язык — древнеболгарский, и когда писал первые переводные и оригинальные тексты на этом языке. Морфология народного языка-основы представлена в текстах во всей своей стройной системе. Синтаксис отвечал требованиям отойти от примитивной информации, передать всю сложность современной мысли, ее глубину, ее выразительность, ритм. Лексика обогатилась, потому что нужно было воплотить в звуки человеческой речи новые понятия. Переводы стали эквивалентны оригиналам. Оригинальные произведения могли выдержать самую строгую литературную критику. Действительно, многие ли деятели могут быть названы создателями дела, равного делу Кирилла и Мефодия? В эпоху, когда перевод играл существенную роль для развития филологии, древнеболгарский писатель Иоанн Экзарх Болгарский (на рубеже IX—X вв.) создал «теорию» искусства перевода. Эта «теория» опиралась как на здравый смысл, так и на обширные познания. Он пришел к заключению, что перевод должен передавать смысл, а не букву или форму переводимого текста.

В эту эпоху славянская письменность нуждалась в защите от реакции со стороны представителей римской и византийской церкви, которые видели в ней угрозу для своего духовного и политического господства над славянами. Такие «защитительные» речи писал наряду с Кириллом Черноризец Храбр (IX—X вв.). Его трактат «О письменах» является замечательным произведением средневековой письменности. Храбр обосновывал в своем трактате право новых народов, вышедших на историческую сцену после упадка античности, иметь письменность на своем языке. Он был не только филологом, но и историком. В противовес воззрениям средневековья, утверждавшим, что вещи всегда остаются такими, какими они были созданы богом, Храбр выступил с идеей развития.

Проблемы литературного языка, правописания, перевода, оригинального литературного произведения, несомненно, стояли и перед первыми книжниками других славянских народов, которые усвоили письменность и развили ее на родной почве. Автор Киевской летописи, например, утверждал: «А словѣньскъ языкъ и рускыи — одинъ». Очевидно, он имел в виду как свой родной язык, так и усвоенный славянский язык, т. е. древнеболгарский. Восприятие этим языком черт русского языка было более длительным процессом и, без сомнения, во время этого процесса развернулся филологический гений древнерусских книжников. Об интересе к вопросам филологии в России свидетельствует распространение сочинений «О восьми частях речи» и «О письменах» Черноризца Храбра.

2

Новые задачи встали перед славянскими филологами в эпоху Возрождения, которое в большей или меньшей степени затронуло и славянские народы. Ренессанс повел человеческую мысль по новым путям; человек, недовольный средневековой духовной деятельностью, решил ее реформировать, а литература и язык стали для него сильным средством осуществления новых задач. Естественно, литература была включена в реформаторские начинания.

Как реформатор языка и литературы вошел в историю, например, болгарский деятель патриарх Евфимий Тырновский (вторая половина XIV в.). Он реформировал язык и правописание и дал новую редакцию основных христианских книг. Его реформа широко распространилась не только в Болгарии, но и в России, Сербии, а также Румынии, в литературе которой в то время пользовались славянским языком.

Евфимий Тырновский не оставил письменного изложения своих взглядов. Такое изложение было сделано Константином

Костенечким (первая половина XV в.) во время его деятельности в Сербии, где он искал спасения и поля деятельности после захвата Болгарии турками. В своем «Объяснительном сказании о буквах» он исходил из языковой и орфографической реформы Евфимия Тырновского.

Древнерусские книжники тонко чувствовали язык и литературную обработку текстов, и, когда в XIV в. в условиях развития Ренессанса болгарский патриарх Евфимий выступил с инициативой языковой и орфографической реформы и новой редакции книг, они поддержали эту инициативу. Вспомним митрополита Киприана (XIV—XV вв.) и Максима Грека (умер в 1556 г.). Максиму Греку приписывают сочинение, посвященное грамматике и ее содержанию.

На рубеже XIV—XV вв. назрели условия для эпохальной реформаторской деятельности в Чехии. Во главе нее встал Ян Гус (1369—1415). Его смелая мысль и практическая деятельность вызвали резкую реакцию со стороны мощной католической церкви, и Гус в поисках опоры обратился к широким народным слоям. Ему нужно было начать говорить с ними на их родном языке, потому что они не знали латыни, которая тогда употреблялась в литературе. Создавая свои работы на чешском языке, Гус чувствовал необходимость в упорядочении чешской орфографии, в ее кодификации и усовершенствовании. Трактатом «О чешской орфографии» («De orthographia bohémica») он заложил основы системы так называемых диакритических знаков — знаков, служащих для передачи звуковых особенностей языка, для которых в латинской азбуке нет буквенных обозначений. Система диакритических знаков нашла распространение и в письменностях других славянских народов.

К литературному делу и языку проявили значительный интерес представители так называемой «Братской общины», которые находились под влиянием возрожденческого гуманизма, а позднее испытывают влияние и барокко. В этой атмосфере Ян Благослав (1523—1571) создал свою «Чешскую грамматику». В ней он изложил собственные наблюдения над языком и высказал соображения о повышении силы воздействия речи. В дополнении к своему труду «Музыка» Благослав изложил также правила чешской прозоидии.

В Польше в эпоху Ренессанса развивалась литература на польском языке. Ее создатели — М. Рей (1505—1569) и Я. Кохановский (1530—1584) специально занялись литературной обработкой польского языка.

М. Рею принадлежат стихи:

Пусть все знают, что поляк не бессловесен,
Наш народ имеет свой язык, и язык этот чудесен.

Развитие филологии сопутствовало в рассматриваемую эпоху расцвету дубровницко-далматинской литературы. Б. Капич (1575—1650) написал грамматику так называемого иллирийского, т. е. сербохорватского, языка. Словенец А. Богорич издал словенскую грамматику, а правила правописания, выработанные им, действовали у словенцев и в течение первой половины XIX в.

3

В эпоху барокко расширился интерес к филологической деятельности — к языку, правописанию и вообще к книге. Объясняется это, по-видимому, тем, что контрреформационные идеи, которые характерны для этого периода, вводили человеческое общество к более «безопасным» языковым проблемам. Бурно развивалась историография, что обуславливалось стремлением обратить внимание общества в прошлое, т. е. ко времени, когда католическая церковь переживала свой расцвет.

В условиях многонациональных Австрийской и Османской империй, в которых большинство славянских народов были поработаны, а остальные запуганы угрозой порабощения, родилась идея общности славянских народов. С обращением филологии и историографии к этой идее возникает так называемый «барокковый славизм».

Крупнейший славистический труд был издан в начале XVII в. М. Смотрицким (1572—1630), происходившим из украинско-белорусской среды, — это была «Славянская грамматика». Труд представлял собой описание орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии церковнославянского языка. Он завоевал большую популярность и считался самым лучшим грамматическим пособием до конца XVIII в. Ломоносов называл его «вратами учености». Вскоре Памва Берында (умер в 1632 г.) издал первый русский словарь — «Лексикон словено-росский», который явился вкладом в создание общего литературного языка. К тому времени уже вышли труды знаменитого Я. А. Коменского (1592—1670).

Коменский известен как педагог, но его педагогическая деятельность тесно связана и с филологической. Именно к этой области относятся такие известные его работы, как «Врата, открытые к языкам», «Новейший метод для языков», «Мир в картинах», в которых он отказался от схоластической грамматики средневековья и в качестве основы для обучения иностранному языку брал родной язык, сочетая углубление языковых познаний с развитием общего умственного кругозора учеников.

В то время когда началось преследование и упадок чешского языка и литературы, видные писатели выступили с их защитой,

Здесь можно упомянуть Б. Бальбина (1621—1688), который написал «Защиту славянского языка, в частности чешского».

Для поляков в рассматриваемый период характерен интерес к польской литературной истории. Начало его прослеживается в эпоху барокко, когда одним из самых больших знатоков старопольской литературы Шимоном Старовольским (1588—1656) были собраны сведения о польских писателях и издан труд «Сто польских писателей».

Влияние «бароккового славизма» особенно ярко проявлялось в историографии. Труд Мавро Орбини (умер в 1614 г.) «Царство славян», вышедший на итальянском языке, охватывал историю всего славянства. Автор книги обнаружил горячее чувство славянского «патриотизма». Это чувство было свойственно не только его соотечественникам из Дубровника, но и населению соседних югославянских земель, что в определенной мере создавало основу для развития южнославянской общности. «Барокковый славизм» нашел выражение и у болгарских католических писателей, стремившихся объединить славян с другими католическими народами для борьбы с османским нашествием. Назовем К. Пейкича (род. около 1680 г.), который издал «Зеркало истины», труд, содержащий большой исторический материал; Ф. К. Пейчевича (1707—1781), автора «Истории Сербии». Среди авторов исторических трудов у чехов можно назвать упомянутого выше Б. Бальбина. В его «Извлечении из чешской истории» независимость чехов связывается с употреблением чешского языка. Польская литература эпохи барокко вообще обращается к истории.

4

Следующий этап в развитии славистики охватывает XVIII в. и начало XIX в. Это был период ее расцвета, когда славистика вступила на тот путь, по которому она потом шла в течение всего XIX в. Славистика в это время становится одним из средств, общественно необходимых славянским народам для выхода из феодального средневековья. Для этой цели нужно было создать новую литературу, новый литературный язык, историографию, которая служила бы формирующейся национальной жизни.

В эту эпоху М. В. Ломоносов (1711—1765) создал филологические труды, способствовавшие развитию русской литературы. В работе «О пользе книг церковных» Ломоносов выделяет три вида стиля: высокий, средний и низкий. Это разграничение вело к созданию языка новой русской литературы, русской культуры вообще, а можно сказать, и к созданию русского национального языка.

Для развития русской поэзии имели большое значение трак-

таты, посвященные русскому стихосложению. Среди них первое место принадлежит трактату В. К. Тредьяковского (1703—1769) под названием «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». В нем Тредьяковский указывал и обосновывал тонический принцип как наиболее подходящий для создания поэтического ритма в русской поэзии.

Среди работ, очерчивающих путь развития новой русской литературы, можно назвать и «Наставления» А. П. Сумарокова, предназначавшиеся тем, кто хотел быть писателями.

XVIII век — век складывания славянских наций. Историография становится чрезвычайно важным средством формирования национального самосознания. Появлялись исторические сочинения, которые оказывали большое влияние на славянские литературы, так как прослеживали историческую жизнь большинства славянских народов. Так, хорватский историограф А. Качич-Миошич (1702—1760) в труде «Приятный разговор славянского народа», написанном в духе дубровницко-далматинской традиции, затрагивал прошлое всех южных славян. Труд болгарского историографа Паисия Хилендарского «История славяноболгарская», сыгравший большую роль в национальном пробуждении болгарского народа, включал болгарский народ в общеславянскую историческую жизнь. Обширное сочинение посвятил прошлому южных славян сербский историограф И. Раич — «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов».

Формирующиеся славянские нации опирались на сознание славянской общности, которая вдохновляла их и вооружала средствами, необходимыми для развития национального языка, национальной литературы, национальной культуры и т. д. Вот почему это сознание служило толчком для развития славистики как большой национальной науки у славян.

Особенно благоприятные условия для своего развития славистика нашла в Чехии. Чешский язык не употреблялся в качестве литературного языка, писать книги на чешском языке было нельзя. Восстановление чешского литературного языка и чешской литературы требовало знаний не только прошлого чешского языка и настоящего чешских народных говоров, но и вообще славянских языков и литератур, славянского фольклора и этнографии, славянской истории и археологии.

Основоположником современной славистики называют чешского славноведа Й. Добровского (1753—1829). Уже его первые труды по богемистике, появившиеся в 80-е годы XVIII в., строились на общеславянской основе. Добровский занимался древнечешскими памятниками, историей чешского языка и литературы, современной чешской грамматикой и чешской просодией. Ступенями к созданию современной богемистики и славистики явились его труды «История чешского языка и литературы», «Подробное

руководство по чешскому языку», «Немецко-чешский словарь». Изучая языки и литературы славянских народов, Добровский подчеркивал славянское происхождение чехов, восстанавливал правильные формы чешского языка, воодушевлял чехов на подъем и борьбу, раскрывая древнюю культуру славян.

Добровский познакомился со всеми славянскими языками и написал труды, очень важные для развития славяноведения. Его внимание привлекали самые важные вопросы в этой области: о древнейших поселениях славян, о славянских этнонимах — чех, славянин и пр., о разделении славянских языков, о славянских азбуках, о принятии христианства славянами, о Кирилле и Мефодии и самом раннем славянском литературном языке. Результаты его исследований были изложены в журналах «Славянин» и «Славянка», в трудах «Основы славянского языка по древнему диалекту», «Кирилл и Мефодий, апостолы славянства», «Очерк всеобщей этимологии славянского языка» и многие другие. Особенно важно его сочинение «Основы славянского языка по древнему диалекту». Это была первая грамматика древнеболгарского языка с широким изложением языковых фактов и правильным объяснением языковых явлений.

В тесной связи с деятельностью Добровского разворачивалась деятельность известного словенского славяноведа Бартоломея Копитара (1780—1844). Б. Копитар также стоит в ряду основоположников современной славистики. Как и Добровский, который написал чешскую грамматику, он написал «Граматику славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», которая заложила основы нового словенского литературного языка. Большую роль в развитии славистики сыграло издание им «Клюцского сборника», это была первая научная публикация большого глаголического памятника. Публикация была снабжена обширным исследованием древнеболгарского языка, который уже прочно вошел в основную славистическую проблематику. Копитару принадлежит теория паннонско-словенского происхождения самого древнего славянского литературного языка — так называемая паннонская теория. Деятельность Копитара способствовала тому, что Вена стала важным центром славистики.

Среди основоположников современной славистики выделяется также русский славист А. Х. Востоков (1781—1864). Он изучил рукописное богатство, сохраненное в русских библиотеках. И сегодня его труд «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» заинтересует каждого, кто занимается древней болгарской, русской и сербской литературами. Одновременно Востоков изучал и славянские языки. Его работа «Рассуждение о славянском языке» стала эпохальным явлением в истории славистики. Древнеболгарский язык получил в ней объяснение в самых важных своих особенностях.

Существенное значение в развитии славяноведения имели исследование и издание древних славянских текстов: болгарских, русских, сербских и др. Заслуга инициатора и организатора в этой области в России принадлежит Н. П. Румянцеву (1754—1826). Благодаря его усилиям были открыты и введены в науку ценные рукописи. К. Ф. Калайдович (1792—1832) издал старославянские памятники IX—X вв., которыми открывается «золотой век» в истории болгарской литературы и культуры.

Польскую филологию конца XVIII—начала XIX в. создавали исследователи польского языка и литературы; в развитии польской славистики видную роль сыграли историки. Появился многотомный «Словарь польского языка» С. Б. Линде (1771—1847). История польской литературы получила обширный материал благодаря деятельности Й. С. Бандтке (1768—1835). Литературное развитие изучает Ф. Бентковский (1781—1852).

Новое направление польской историографии дал А. Нарушевич (1733—1796), автор «Истории польского народа». Историком славянства можно считать В. Суroveцкого (1769—1827), занимавшегося этногенезом славян. В области археологии и фольклора работал З. Доленга-Ходаковский (1784—1825), автор работы «О славянстве до христианства». Право и обычаи древних славян исследовал И. Б. Раковецкий (1783—1839).

5

Для славянских народов первая половина XIX в. — период бурного национального подъема. С ним тесно связан и подъем «славянской идеи», т. е. убеждения, что славянские народы могут решить исторические задачи только сознавая свою «славянскость» и что именно она является их отличием от иных народов и одновременно почвой для сближения друг с другом. Славистика развивалась как их национальная наука, ибо ученые славянских народов в большинстве случаев решали проблемы своего языка, литературы, фольклора, истории и т. д. как ее славистические проблемы.

Чехословацкие славяноведы эпохи романтизма — Й. Юнгман (1773—1847), В. Ганка (1791—1861), П. Й. Шафарик (1795—1861), Фр. Палацкий (1798—1876), Я. Коллар (1793—1852), Фр. Л. Челаковский (1799—1852) — рассматривали славянские народы как племенное целое, славянские языки как диалект одного языка, разные славянские литературы как одну литературу.

Все это можно увидеть в труде П. Й. Шафарика «История славянского языка и литературы» («Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten»). Эта работа была первой попыткой охватить общее литературное развитие славян.

Вслед за Добровским следующее поколение чехословацких славистов рассматривало славистику как единую, неделимую дисциплину и разрабатывало различные ее области. П. Й. Шафарик создал не только историю славянских литератур, но и славянскую археологию («Славянские древности»), славянскую этнографию («Славянская народопись») и др. При таком понимании славистики большое место в ней занимали проблемы первого славянского литературного языка — древнеболгарского — и первой славянской литературы. Шафарик посвятил древнеболгарской литературе исследование «Расцвет славянской литературы в Болгарии», в котором он характеризует «золотой век» болгарской литературы IX—X вв.

Изучение и популярность славянских литератур, взятых как целое, получили новые импульсы и новый облик, когда великий польский поэт А. Мицкевич (1798—1855) основал кафедру славянских литератур в высшем учебном заведении Франции — «Коллеж де Франс» и читал там курс лекций в период 1840—1844 гг. Он рассматривал свою задачу и как научную и как политическую. Научная задача была нелегкой, потому что поэт-профессор, как он сам отмечал, не располагал достаточным количеством «исторических документов». Что касается политической задачи, то она заключалась в том, что А. Мицкевич хотел привлечь внимание общественности к судьбе славянских народов, показать их право на место среди культурных и свободных народов, широко поставить польский и славянский «вопрос». Курс лекций основывался на важных положениях: на идее родственной близости славянских народов, на связи литературной истории с общей историей народа, на утверждении, что славянские народы должны быть включены в общеевропейский прогресс. Мицкевич одним из первых в истории славистики вводит сравнительное изучение славянских литератур.

Как единую научную дисциплину рассматривали славистику и русские слависты того времени. В ее развитие много сил вложил М. П. Погодин (1800—1875). Основание в 1835 г. славистических кафедр в русских университетах послужило новым толчком к развитию славяноведения. Руководители этих кафедр — О. М. Бодянский (1808—1874), И. И. Срезневский (1812—1880) и В. И. Григорович (1815—1876) — охватывали в своей научной деятельности всю духовную и историческую жизнь славянских народов. Но прежде всего они сосредоточивали свои силы на исследовании и издании древних литературных памятников. И до настоящего времени сохранили первостепенное значение изданные И. И. Срезневским «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы», «Древние славянские памятники юсового письма», «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», «Древние памятники русского письма и языка».

Археографическая работа привела этих славистов к обнаружению языковых и литературных особенностей древних памятников. О. М. Бодянский результаты своих исследований собрал в труде «О времени происхождения славянских письмен». В. И. Григорович написал исследование о Кирилле и Мефодии. И. И. Срезневский составил монументальный труд «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». В. И. Григорович изучил все славянские языки и сделал опыт написания обзора славянских литератур (курс лекций). Важно его издание «Путешествие по европейской Турции», в котором содержались ценные сведения о славянском, т. е. болгарском, населении описанных им областей. Диссертация О. М. Бодянского «О народной поэзии славянских племен» давала начало серьезному изучению народной поэзии славянских народов.

В конце 40-х годов словенец Ф. Миклошич (1813—1891) основал славистическую кафедру в Венском университете, которая скоро превратилась в важный центр славистических изучений. Благодаря деятельности Миклошича славистика достигла одной из своих вершин. Он высоко поднял научный уровень сравнительного славянского языкознания, которое побуждало к развитию и сравнительное славянское литературоведение. Основным трудом, охватывающим развитие славистики в целом, явился его словарь старославянского языка, созданный на основе известных к тому времени древнеболгарских текстов («*Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum*»).

Узкофилологическое и историческое изучение языка и литературных памятников не могло удовлетворить умы эпохи. Ф. И. Буслаев (1818—1897) поставил исследование русского языка и древней русской литературы на широкую основу, обратив особое внимание на народные верования, на нравы и обычаи, фольклор и искусство. Язык и поэзия у Буслаева связывались прежде всего с мифологией. Здесь Ф. И. Буслаев выступил как представитель русской мифологической школы. Не остался равнодушным он и к развивавшейся в то время теории заимствований. В многогранной научной деятельности Ф. И. Буслаева нашла свое место и славистика, выразившаяся в интересе этого ученого к древнейшей славянской письменности и культуре, к славянскому народному творчеству и славянской этнографии. Об этом свидетельствуют его труды «О влиянии христианства на славянский язык», «Палеографические и филологические материалы об истории славянских письмен» и т. п. Нужно, однако, отметить, что они не имели такого значения, как его эпохальные труды «Историческая грамматика русского языка» и «Исторические очерки русской народной словесности и искусства».

Свойственный славистике интерес к языку, литературе, этнографии, истории и пр. способствовал пробуждению и развитию на-

циональной жизни и у других славянских народов. Н. И. Костомаров (1817—1885) и П. А. Кулиш (1819—1897) обратились к изучению сокровищ украинского народного творчества, украинской народной культуры и историческому прошлому. Оба прошли долгий и противоречивый литературный, научный и общественно-политический путь.

Своими историографическими, филологическими и фольклорными трудами Ю. Венелин (1802—1839) способствовал новому подъему болгарского возрожденческого процесса. Самое большое значение имел его труд «Древние и нынешние болгары в их политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к русским». Он раскрывал славянский характер болгарского народа, его родство с русским народом и его славное прошлое. Болгарские читатели черпали из него воодушевление для своей новой деятельности и противодействия господствовавшему в Болгарии эллинизму. Большое влияние оказал Ю. Венелин на патриотическую и литературную деятельность болгарского просветителя В. Априлова (1789—1847).

У сербов плодородная почва развития славистики дала Вука Караджича (1787—1864). Языковедческими трудами — «Грамматикой сербского языка по прстонародным говорам» и «Словарем сербского языка» — Караджич заложил основы сербского литературного языка и сербского правописания. Его фольклористические труды знакомили с сокровищами сербского народного творчества. И те и другие прокладывали новый путь сербской литературе. Труд Караджича «Додатак к санктпетербургским сравнительным рјечницима» вводил болгарский язык, болгарскую литературу, болгарский фольклор и вообще болгар в современные ему славистические изыскания.

Аналогичный характер имела деятельность Л. Гая (1809—1872) и Ст. Врза (1810—1851) у хорватов. Хорватское возрождение ставило и решало те же вопросы языка и народной культуры, что и славистика.

У словаков деятельность Л. Штура (1815—1856) способствовала созданию и формированию национального литературного языка и литературы. О связях этой деятельности с общеславянской жизнью и со славистикой свидетельствует работа Л. Штура «Славянство и мир будущего».

Наконец, и лужицкие сербы начали свою национальную жизнь, включаясь в славянское и славистическое движение эпохи. Здесь нужно упомянуть деятельность Х. Зейлера (1804—1872), автора лужицкосербской грамматики, но прежде всего поэта; Я. А. Смолера (1816—1884), основавшего «Матицу лужицкосербскую» в Будишине; Я. П. Йордана (1818—1891), издававшего «Ежегодники славянской литературы, искусства и науки».

Во 2-й пол. XIX в. расцвет позитивизма и материализма в науке и господство реализма в литературе привели к расширению славистических исследований, к ее укреплению через использование новых фактов, к раскрытию глубинных процессов в языке, литературе, фольклоре, истории и пр. через изучение закономерностей общественного развития.

Как ведущий славяновед в новую эпоху выдвинулся В. Ягич (1838—1923), хорват по национальности. Он работал во многих славистических центрах — в Загребе, Одессе, Берлине, Петербурге, Вене. Продолжая дело своих знаменитых предшественников, он рассматривал славистику как единую целостную науку о славянстве. Больше всего внимания он уделял древнеболгарской филологии — древнеболгарскому языку и древнеболгарским памятникам, разумеется, имея в виду их значение для разработки проблем всех славянских языков и литератур. Так, он изучил и опубликовал самые ранние древнеболгарские евангельские тексты, такие важные памятники, как древнеболгарский апостол, псалтырь и др. Его капитальным трудом «История возникновения церковнославянского языка» была опровергнута теория паннонского происхождения древнейшего славянского литературного языка и доказано, что этот язык был древнеболгарским.

Труд «Графика у славян» явился серьезной попыткой решения глаголического вопроса, хотя при обилии собранных фактов и остроумии предлагаемых концепций вопрос остался нерешенным. Основные памятники, затрагивающие древнеболгарский, древнерусский и древнесербский языки, исследованы (и изданы) в труде «Рассуждения о древности церковнославянского языка». Среди литературоведческих трудов большим успехом пользовалась «История литературы хорватского и сербского народов». Большое научное значение имеет «История славянской филологии», являющаяся основным биографическим и библиографическим трудом по славянской филологии от последнего десятилетия XVIII в. и почти до конца XIX в.

С 1875 г. и до конца своей жизни Ягич редактировал периодическое издание «Архив славянской филологии» («Archiv für slavische Philologie»), которое стало центральным органом славистической деятельности в течение целой эпохи. Ягич явился инициатором и основателем «Энциклопедии славянской филологии», в которой были опубликованы основные труды по славистике. Его организаторским способностям обязаны своим появлением и другие издания.

Понимание Ягичем славянской филологии как единой научной дисциплины, предметом которой является духовная и культурная

жизнь славян, отражающаяся в их языке, памятниках и фольклоре, разделял видный немецкий славист Август Лескин (1840—1916). Как языковед он был одним из первых, кто развивал идеи младограмматиков в славянском языкознании. Уважение к фактам и закономерностям в науке, характерное для младограмматиков, привело его к убеждению, что язык самых ранних славянских текстов является языком болгар и что он правильно называется древнеболгарским. Об этом же говорится в предисловиях к его известным трудам «Руководство по древнеболгарскому языку» и «Грамматика древнеболгарского языка». Разумеется, и литература, которая создавалась на этом языке, являлась древнеболгарской и должна носить соответствующее название.

В течение этого периода делает большой шаг вперед развитие общего и сравнительного литературоведения, чему особенно способствовали русские литературоведы.

Среди крупнейших представителей общего славянского литературоведения видное место занимает А. Н. Пыпин (1833—1904). При участии историка польской литературы В. Д. Спасовича он написал и опубликовал замечательный труд «История славянских литератур». Правда, славянские литературы в нем выстроены в один ряд механически, не дается представления о единстве процесса, не рассматриваются взаимосвязи и взаимодействия между литературами. Несмотря на это, они все же выступают как единое целое. Пыпин в этой работе проявил себя сторонником культурно-исторического метода, высказывался за полное и углубленное изучение литературных явлений. В современную славистику вошли и другие труды Пыпина: 4-томная «История русской литературы», 4-томная «История русской этнографии», труд о панславизме и большое число других монографий и статей.

В своих научных исследованиях, составивших эпоху в истории филологии, А. Н. Веселовский (1838—1906) охватил необыкновенно много литератур — славянских и неславянских, древних и новых. При их изучении он привлекал не только самые разнообразные литературные факты, но и фольклор. Преодолевая устарелые положения мифологической школы, он вышел на путь сравнительно-исторического литературоведения, развил теорию заимствований, отдавая дань и «самозарождению» сюжетов. Конкретные проблемы славистики решались А. Н. Веселовским в таких трудах, как «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе» и западные легенды о Морольфе и Мерлине», «Судьбадоля в народных представлениях славян» и др. Разумеется, значительно обогатили литературную славистику, особенно ее методологию, и другие его труды, например работы о поэтике.

Новыми идеями обогатил языковедческо-литературоведческое мышление филолог-славист А. А. Потебня (1835—1891). Одна из ранних его работ называлась «О некоторых символах в славян-

ской народной поэзии». Большое место в трудах А. А. Потебни занимает поэтический язык. Исследование этого языка привело его к проблемам поэтики, теории литературы. Расширяя свою исследовательскую проблематику, он попытался определить сущность и смысл искусства и увидел его в познании, родственном научному познанию. Он стремился решить и более трудные проблемы, такие, как проблема происхождения языка, связи языка и мышления и т. п. Постепенно пришел он к своему известному труду «Язык и мышление».

По магистральному пути славистики шло большое число ученых, которые расширяли базу славистики фактами, документами, изданиями памятников, фольклорными материалами и т. п. Немало было сделано А. Ф. Гильфердингом (1831—1872), Н. С. Тихонравовым (1832—1893), В. И. Ламанским (1833—1914) и др. Н. С. Тихонравов, например, изучал и издавал апокрифические произведения. В. И. Ламанский сделал опыт полного исследования «Пространного жития Константина-Кирилла Философа». Он стремился также раскрыть правду о славянах, которая часто фальсифицировалась у неславянских исследователей.

Славистика продолжала выполнять важную общественную функцию у славянских народов, лишенных государственной жизни. Расцвету чешской национальной науки способствовала деятельность филолога Яна Гебауера (1838—1907). Чешский язык имел в его лице своего самого видного историка. Исследование истории чешского языка Я. Гебауер соединял с деятельностью, характерной для чешских славистов-возрожденцев. Кроме чешского языка он интересовался и славянским фольклором, и славянской литературной историей.

Возрожденческий славизм особенно ярко проявляется у Йозефа Первольфа (1841—1891), работавшего в нескольких славистических центрах и стремившегося охватить славянские народы как целое. В большинстве работ Й. Первольф исследовал связи между славянскими народами и обстоятельнее всего — в своем большом труде «Славяне, их взаимные отношения и связи». Его задачей было показать роль славян в средневековой Европе. Интересовался он и отношениями славян к своим соседям. Здесь можно указать на работу «Болгары и папская столица. Исторический очерк об отношениях римских пап к болгарам».

Эстафету руководителя лужицкосербского культурного движения принял в этот период Михал Горник (1833—1894). Он редактировал первый лужицкосербский литературный журнал «Лужичан» и научное издание «Журнал Матицы сербской», публиковал языковедческие и литературоведческие статьи и исследования.

Болгарская славистика растет в связи с ростом интереса к языку, фольклору, истории. Богатство народно-песенного творчества болгар привлекает к себе внимание братьев Димитра

(1810—1862) и Константина (1830—1862) Миладиновых. Ими издан большой сборник «Болгарских народных песен».

Непосредственно перед этим Любен Каравелов (1834—1879), чья литературная деятельность была этапом в развитии болгарской, а в известной степени и сербской литературы, опубликовал фольклорно-этнографический труд «Памятники народного быта болгар» (на рус. яз.) и стал в ряд первых исследователей болгарской народной культуры. Труд был создан автором в контакте с русскими славистами.

С русской славистикой связана и деятельность историка Марина Дринова (1838—1906), занимавшего кафедру славяноведения в Харьковском университете. Он опубликовал значительные труды о ранней исторической и литературной жизни южных славян. В славистику он вошел особенно своими трудами «Заселение Балканского полуострова славянами» и «Южные славяне и Византия в X в.», опубликованными на русском языке.

Интерес к исторической и духовной жизни южных славян и славян вообще лежит в основе деятельности хорватского историка Франьо Рачки (1828—1894). Началом его научного творчества явилась работа о деятельности Константина-Кирилла и Мефодия. Он написал также значительный труд о болгарском богомильстве — «Богомилы и патарены». Важной темой его научной деятельности явилась тема борьбы южных славян за свою государственную независимость.

В сербской славистике успешно работал Джура Даничич (1825—1882). Основное внимание он обращал на работу в области сербскохорватского языка, но издавал и труды, важные для ознакомления с древней сербской (до известной степени и древней болгарской) литературной историей: средневековые тексты и «Словарь литературных сербских памятников».

Изучением южнославянского прошлого занимался сербский филолог и историк-славист Стоян Новакович (1842—1915). Он публиковал большое число древнесербских и древнеболгарских текстов.

Словенец Грегор Крек (1840—1905) стал первым профессором славистики в Грацком университете. Им издано большое «Введение в славянскую литературную историю», богатое библиографическими сведениями и другими материалами, важными для литературоведения. Крек интересовался мифологией и фольклором. В этой области он сближался с представителями мифологической школы.

Как известно, в конце XIX—начале XX в. на Европейском континенте наступила эпоха империализма. В официальной науке распространились идеалистические течения; литература находилась

под сильным влиянием модернизма. Но эта эпоха была и временем развития марксизма-ленинизма.

Исследователи-слависты того периода изучали и издавали памятники, созданные древними писателями, занимались вопросами начала славянской письменности, ее графикой, ее развитием и т. д. Если заглянуть в издаваемый В. Ягичем журнал «Archiv für slavische Philologie» или в известные русские периодические издания «Известия ОРЯС» и «Сборник ОРЯС», везде можно найти исследования по названным выше вопросам.

В историю славянской филологии вписывают свои имена в этот период русские ученые Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский и А. А. Шахматов — выдающиеся языковеды, которые искали и находили новые пути в языкознании. Одновременно они интересовались славянскими литературными памятниками, их языковым строем, их графикой. К проблемам литературоведения обращались слависты П. А. Лавров, Е. Ф. Карский и М. Н. Сперанский.

П. А. Лавров (1856—1929) начал свою славистическую деятельность как исследователь южнославянских литератур и языков. Ранний его труд освещал жизнь и деятельность великого черногорского и сербского поэта П. Негоша. В дальнейшем он сосредоточил свое внимание на древнеболгарских и древнесербских текстах. Им был создан основной палеографический труд «Палеографическое обозрение кирилловского письма». В основной фонд славистики вошли и его труды о начале славянской письменности, о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия: «Кирилл и Мефодий в древнеславянской письменности» (на укр. яз.) и «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности».

Е. Ф. Карский (1861—1931) более всего известен как исследователь белорусского и русского языков. Он является основателем белорусского языкознания. Его труд «Белорусы» содержит, однако, кроме исследования белорусского языка также исследование белорусской народной словесности и белорусской литературы. Карский является серьезным исследователем и древнеславянской письменности и автором крупного труда «Славянская кирилловская палеография».

М. Н. Сперанский (1863—1938) как историк литературы интересовался древнерусскими и древнеславянскими памятниками. Он изучал апокрифическую литературу («Славянские апокрифические евангелия», «Из истории отреченных книг»), древние славянские повести («Девгениево деяние»), издал «Историю древней русской литературы», изучал влияние древней русской литературы на южнославянские литературы («Из истории русско-славянских литературных связей»). Он занимался и русским фольклором исходя из позиций так называемой исторической школы.

Древнеболгарскими рукописями и проблемами древнеболгарской литературы занимались П. А. Сырку, К. Ф. Радченко и А. И. Яцимирский. П. А. Сырку (1855—1905) написал важный труд «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.», а К. Ф. Радченко (1872—1908) — важную работу «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием». Радченко занимался изучением и богомильской литературы, написал большой труд о сербском писателе Досифее Обрадовиче. Яцимирский написал работу о современной польской литературе — «Новейшая польская литература» (1908). Известными филологами-медиевистами были Н. Л. Туницкий, Г. А. Ильинский и др.

В ряд с учеными-славистами встает известный украинский писатель Иван Франко (1856—1916). Он собирал, издавал и изучал памятники древнеболгарской и старославянской литературы и фольклор, защитил докторскую диссертацию на тему «Варлаам и Иоасаф, древнехристианский духовный роман и его история», занимался апокрифической литературой, изучал памятники, связанные с деятельностью Кирилла и Мефодия («Кирилло-Мефодияна», «Св. Климент в Херсоне») и др.

Польские филологи-слависты занимались преимущественно польским языком и литературой. Разносторонней была деятельность слависта Александра Брюкнера (1856—1939). Он автор «Истории польского языка», «Этимологического словаря польского языка», «Истории польской литературы». Заслуживают высокой оценки его исследования в области старопольской литературы, среди прочего он открыл один из самых древних польских литературных памятников — «Свентокшижские проповеди» XIII—XIV вв. В дальнейшем он занимался славянской этнографией и славянской морфологией. Его интересует кирилло-мефодиевский вопрос, которому он посвятил специальную работу. Им издана «История русской литературы».

В эту эпоху значительные имена появились в чешской славистике. Общее изучение славянских литератур и фольклора выдвинуло двух крупных представителей: Я. Махала и И. Поливку. Ян Махал (1855—1939) занимался вначале вопросами славянской мифологии и славянского фольклора. Обращаясь к славянским литературам, он особенное внимание уделял Л. Толстому, Ф. М. Достоевскому, Т. Шевченко и другим значительным славянским писателям. Постепенно он подошел к своему монументальному труду «Славянские литературы», относящемуся уже к следующей эпохе. Иржи Поливка (1858—1933) обращался в своих трудах к различным проблемам славянской филологии. Славу ему принесли главным образом работы в области фольклора, который он изучал сравнительным методом. Областью его изучений становятся и славянские народные сказки.

Древнеболгарской и старославянской литературой успешно занимаются Франтишек Пастрнек, Вацлав Вондрак, Йозеф Вайс. Ф. Пастрнек (1853—1940) издал свой известный труд «История славянских апостолов Кирилла и Мефодия с разбором и изучением главных источников». В. Вондрак (1859—1925), принадлежавший к школе Фр. Миклошича, — один из ведущих филологов-славистов в эту эпоху. Он изучал и издавал самые ранние древнеболгарские памятники — глаголические и кириллические (см. его издания «Глаголита Клоцианус» и «О происхождении Киевских листов и Пражских отрывков»). Он изучал деятельность древнеболгарских писателей Кирилла и Мефодия, Климента Охридского, Иоанна Экзарха Болгарского и др. Здесь следует упомянуть его монографии — «Студии из области древнеболгарской письменности» и «О языке Иоанна Экзарха Болгарского». Ему принадлежат опыты решения вопроса о происхождении древнеболгарской азбуки. Й. Вайс (1865—1959) посвятил свою деятельность глаголитизму и вообще древнеболгарским памятникам. Он является отличным знатоком хорватской глаголической письменности.

В области славянской истории и этнографии с большим успехом работали Константин Иречек и Лубор Нидерле. В их работах имеется немало положений, затрагивающих историю славянских литератур.

Проблемы сербсколужицкой филологии ставил и решал в эту эпоху К. Мука (1854—1932).

Значительных успехов достигла славянская филология в Болгарии. Появляются такие литературоведы и языковеды-слависты, как Александр Теодоров-Балан, Любомир Милетич, Беньо Цонев, Иван Шишманов, Йордан Иванов и др.

Деятельность А. Теодорова-Балана (1859—1959) связана с международной славистикой. Им написана первая, основанная на научных принципах «История болгарской литературы». Он издал и прокомментировал литературные произведения, документы и сведения о Кирилле и Мефодии в двухтомном труде «Кирилл и Мефодий». Б. Цонев (1863—1926), историк болгарского языка, описывал многочисленные древнеболгарские и старославянские рукописи, некоторые из них издал.

Как серьезный литературовед, фольклорист и этнограф выдвинулся И. Шишманов (1862—1928). Его деятельность тесно связана с развивавшимся в России и других славистических центрах сравнительным литературоведением, сравнительной фольклористикой и этнографией. Ему принадлежат такие работы, как «Песнь о мертвом брате в поэзии балканских народов», «Зачатки русского влияния в болгарской литературе», «Пушкин в болгарской литературе» (вышла на рус. яз.), «Роль Украины в Болгарском воз-

рождении», «Влияние Шевченко на болгарских поэтов в предосвободженную эпоху» (на укр. яз.) и др.

Как славист широкого профиля начинал свою деятельность Й. Иванов (1872—1947), позднее сосредоточивший свое внимание на древнеболгарских литературных памятниках и древнеболгарской литературе. Среди его ранних работ есть и «История славянских литератур». При ее написании он шел вслед за Пыпиным. Для истории болгарской литературы существенное значение имели публикации и исследования ученого в области древнеболгарской литературы: «Болгарские древности из Македонии», «Богомильские книги и легенды» и др.

В этот период сербская славистика уже имела крепкие традиции. Средневековой письменности посвятил свою деятельность филолог и историк Люба Стоянович (1860—1930). Он собрал и изучил большое число пометок, встречающихся в старинных книгах и других памятниках, которые издал в своем многотомном труде «Старые сербские записи и надписи». Заслуживает внимания литературоведческая деятельность Йована Скерлица (1870—1914). Наряду с такими крупными трудами, как «История новой сербской литературы», «Омладина и ее литература», «Сербская литература в XVIII в.», и критическими статьями о сербских писателях он писал статьи и очерки о русских писателях. Специальное исследование он посвятил вкладу болгарского писателя Л. Каравелова в сербскую литературу.

Среди видных славистов того времени выступает словенец Матия Мурко (1861—1952). В начале XX в. он опубликовал несколько значительных монографий: «Немецкое влияние на начало славянского романтизма» (*Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der slavischen Romantik*, Graz, 1897), «История древних южнославянских литератур» (*Geschichte der älteren südslawischen Literaturen*, Leipzig, 1908) и др. Позже он издал работу «Эпическая народная поэзия в Югославии в начале XX в.» (*La poésie populaire épique en Yougoslavie au début du XX siècle*). Paris, 1929).

Более узкий диапазон имела деятельность Р. Нахтигала (1877—1958). Его интересы лежали в области древнеболгарских и старославянских памятников письменности, старославянской и древнеболгарской культуры и литературы. Им издано «Слово о полку Игореве» с обширным комментарием и попыткой прочтения неясных мест.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции начинается перелом как в истории Европы и всего мира, так и в истории славянских народов. Для Советского Союза последующий период характеризуется поисками новых путей и в обще-

ственной жизни, и в науке, и в литературе. В славянских странах, не вступивших на социалистический путь развития, реакция пыталась не допускать ничего нового, что могло бы затронуть устой существовавшего общественного строя. Но она не могла сломить стремления к перемене действительности, стремления последовать примеру советских народов.

В эту эпоху возникают новые славянские государства — Польша, Чехословакия, Югославия, возникают и новые центры славистической деятельности, появляются новые периодические издания: «Рочник славистычны» в Польше, «Славия» в Чехословакии и т. д.

Господствующие классы славянских стран, оставшихся в капиталистическом мире, пытались высокой стеной враждебности отгородить свое население, включая и интеллигенцию, от славянских народов Советского Союза, строящих социализм, от их новой культуры, науки и литературы. В связи с этим славистику, которая строилась на славянской общности, в капиталистических странах оттеснила славистика, занимающаяся узкими проблемами отдельных славянских языков, литератур, истории и т. д.

В Советском Союзе славистика начала развиваться на основе марксистско-ленинской методологии. Но эта методология усваивалась не сразу. Старые кадры еще довольно долгое время пользовались привычным для них культурно-историческим методом. Продолжали свою деятельность такие слависты, как П. А. Лавров, М. Н. Сперанский, А. И. Яцимирский и др. В советский период выходят из печати их самые крупные труды.

Однако приобретают известность и более молодые ученые-слависты, которые руководствуются новыми исследовательскими методами.

Н. С. Державин (1877—1953), продолжая традицию широкого изучения истории и культуры славянских народов, их взаимоотношений, ищет новые методы исследовательской работы и по-новому освещает факты и процессы. Общеславянской является тема его труда «Славяне в древности», но наиболее близки ученому болгарские литературно-исторические и общеисторические проблемы, которые легли в основу его книг «История Болгарии», «Христо Ботев. Поэт-революционер», «Иван Вазов» и др. Державин исследовал и болгаро-русские отношения в труде «Шлеменные и культурные связи болгарского и русского народов». Работы Державина помогли болгарским историкам и литературоведам выйти на дорогу марксистско-ленинской науки.

Широко понимал задачи славистики И. С. Свенцицкий (1876—1956), занимавшийся памятниками древнерусской письменности и творчеством украинских писателей и, кроме того, оставивший работу «Очерки по истории болгарской литературы», изданную посмертно.

Ученые, изучающие древнерусскую литературу, часто обращаются к другим славянским литературам, с которыми она была в тесной связи. Это характерно для известных специалистов по древней русской литературе: Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц и др. Н. К. Гудзий, например, был автором работ «Перевод Жития святых П. Скарги в юго-западной Руси» и «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы».

Зарубежными славянскими литературами кроме Н. С. Державина и И. С. Свенцицкого занимались П. М. Аристов, А. И. Степович, К. А. Пущкаревич, В. Г. Чернобаев и др. Больше всего работ посвятили они болгарской и сербской литературам, а также польской и чешской.

Вне Советского Союза славистика продолжала пользоваться культурно-историческим методом, но этот метод в недостаточной степени связывал развитие языка, литературы, культуры с общим развитием, не вел к глубокому научному объяснению явлений и процессов, не раскрывал закономерностей, которым они подчинены.

Мера прогрессивности славистики в этих странах определялась главным образом тем, в какой степени она включалась в изучение общеславянской и русской проблематики.

В рассматриваемый период польские филологи-слависты ориентировались более всего на проблемы польского языка и литературы (Ян Развадовский, Казимеж Нич и др.). Как литературовед-славист выступал Юзеф Голомбек (1889—1939). Его труд «Пан Тадеуш в славянских переводах» свидетельствует о том, что автор воспринимает славянские литературы как нечто целостное. Ю. Голомбек глубоко входил в некоторые славянские литературы, что дало ему полное право называться литературоведом-славистом. Он исследовал творчество видного хорватского писателя-драматурга Иво Войновича и дал подробное изложение истории лужицкосербской литературы. Его труд «Лужицкосербская литература» занимает важное место в изучении литературы малых славянских народов вообще. Литературовед-русист Вацлав Ледницкий при изучении славянских литератур не исходил из позиций единой славянской общности, вследствие чего нельзя сказать, что он особенно обогатил литературную славистику. Литературоведом-славистом можно считать Мариана Шийковского (1883—1952). Будучи литературоведом-полонистом, он получил кафедру польского языка и литературы в Праге (1923 г.) и связал изучение польской литературы с чешской. Важной областью его научной деятельности становятся польско-чешские литературные связи. Создает он и большой обобщающий труд «Польское участие в чешском национальном Возрождении».

Чехи и словаки, утверждая свою новую республику как республику славянских народов, использовали и достижения слависти-

стики, так как перед этим с ее помощью развивали свою национальную жизнь, самоутверждаясь в борьбе с австрийскими и венгерскими господствующими слоями — в этом смысле можно говорить о том, что славистика расширяет поле своей деятельности. Распирается и научный диапазон славистических интересов. Как в период Возрождения, в славистике усиливается стремление охватить всю историческую и духовную деятельность славянских народов, рассматривая ее как целое.

Если в период Возрождения появляется «История славянского языка и литературы» Шафарика, то в период между первой и второй мировыми войнами создается трехтомный труд «Славянские литературы» упомянутого выше Яна Махала. Первый том посвящен литературам от начала славянской письменности до XVIII в., второй — романтизму, третий — реализму в славянских литературах. Дополнением к труду является работа «О символизме в польской и русской литературе». В ней привлекается огромный материал, последовательно проводится идея славянской литературной общности.

Славянские литературы в целом или большую часть славянских литератур изучают Иржи Горак, Франк Вольман, Антонин Фринта, Йозеф Пата и др.

И. Горак (1884—1975) рассматривает славянские литературы как целое, определяет место славянских литератур в развитии европейских литератур, ставит вопрос о сравнительной славянской литературной истории. Он публикует серьезные работы и по чешскому фольклору, обращая внимание на связи его с фольклором других славянских народов. Интересуются И. Горак и историей славистики.

Ф. Вольман (1888—1969) идет по пути Я. Махала и И. Горак, углубляя изучение славянских литератур с помощью методов сравнительного литературоведения. В его труде «Словесность славян» все славянские литературы рассматриваются в сравнительном аспекте. Автор ставит и решает теоретические вопросы сравнительного славянского литературоведения (этим вопросам посвящена специальная работа «К методологии сравнительной славянской словесности»). Изучал Ф. Вольман и отдельных писателей, а также те или иные жанры славянских литератур, сосредоточивая свое внимание особенно на южнославянской драматургии.

Межвоенный период дал немало ревностных исследователей проблем древнеболгарской и старославянской филологии. Упомянувшийся уже Й. Вайс издал «Руководство по глаголической палеографии». Проблемами древнеболгарской и старославянской филологии занимаются также Йозеф Вашица, Милош Вайнгарт, Йозеф Курц и др. М. Вайнгарт (1890—1939) издал «руководство» по старославянскому языку и изучал византийско-славянские

культурные и литературные отношения. Интересные факты и наблюдения содержат его работы «Византийские хроники в древнеболгарской литературе» и «Чехословацкий тип древнеболгарского языка, его памятники и значения».

В этот период закладываются основы марксистско-ленинского славяноведения. Наибольшие заслуги в этом отношении принадлежат Зденеку Неедлы (1878—1962). В нескольких трудах он раскрывает направление «славянского движения». Вошли в науку и некоторые его статьи о русских, украинских и польских писателях.

В 20-е годы чешские слависты участвовали в создании так называемого Пражского лингвистического кружка. Идеи, которые культивировались в нем, влияли и на литературную славистику. Чешскому литературоведению и вообще славистике посвящали свои труды основатели и участники этого кружка Ян Мукаржовский, Роман Якобсон, Н. С. Трубецкой и др.

В течение рассматриваемого периода болгарская славистика достигла новых успехов. Ее виднейшими представителями были Стефан Младенов (языковед), Боян Пенев (литературовед), Михаил Арнаудов (литературовед), Стоян Романский (языковед и этнограф).

Б. Пенев (1882—1927) был прекрасным знатоком славянских литератур. Исследуя болгарскую литературу, он ее связывал со славянскими литературами. Это мы наблюдаем в его четырехтомном труде «История новой болгарской литературы». Раскрывая типологические сходства и контакты, Б. Пенев исследовал рецепцию сербского литератора XVIII в. Досифея Обрадовича в Болгарии. Из славянских литератур, однако, наиболее близкой для него являлась польская. Он публиковал очерки о польских писателях, изучал болгаро-польские литературные связи. Обширная работа «Болгарские переводы „Крымских сонетов“» характеризует его как мастера литературоведческого анализа. Курс лекций «Западноевропейский романтизм и его отражение в славянских литературах», изданный посмертно, показывает, что Б. Пенев стоял на позициях сравнительного изучения славянских литератур.

М. Арнаудов (род. в 1878 г.) — автор многотомных сочинений преимущественно по истории литературы. Но М. Арнаудов является также фольклористом и теоретиком литературы. Многие из его работ затрагивают межславянские отношения или свидетельствуют об интересе к славянским литературам. Вот почему и его мы включаем в число болгарских славистов.

В этот период в Болгарии распространяет свое влияние марксистское литературоведение. Развивая вслед за Димитром Благоевым марксистскую критику и литературоведение, Георгий Бакалов (1873—1939) и Тодор Павлов (род. в 1890 г.) исходят

в своих определениях как из положений, содержащихся в произведениях классиков марксизма-ленинизма, так и из опыта русской классической и современной советской литературы, литературной критики и литературоведения. Значительное место в литературном развитии и особенно в развитии литературной теории занимают работы Т. Павлова «Художественная форма в поэзии Вл. Маяковского» и «Поэзия Маяковского и некоторые основные вопросы литературной теории и практики».

Характерным проявлением славянского литературоведения в Югославии в период межвоенного двадцатилетия можно считать попытки создания общего курса славянских литератур. В первых опытах охватывается развитие сербской и хорватской литератур, например у А. Гавриловича или Д. Богдановича, позже в курс вошла и словенская литература, у Милоша Савковича.

Негаснущий интерес к русской литературе вызывает к жизни статьи и очерки о Пушкине, Толстом, Достоевском, М. Горьком и др. Их пишут видный словенский литературовед Иван Приятель (1875—1937), хорватский русист Йосип Бадалич (род. в 1888 г.), словенский литературный критик Йосип Видмар (род. в 1895 г.) и др. И. Приятель опубликовал хорошо задуманные и проникающие в глубокие пласты русской литературы работы «Предшественники и идейные обоснователи русского реализма», «Достоевский и Толстой». Й. Бадалич освещает связи хорватской литературы с русской в работах «Достоевский в хорватской литературе», «Русская лирическая поэзия в хорватской литературе», «Л. Н. Толстой у хорватов», «Максим Горький в хорватской литературе». Со славянскими литературами был хорошо знаком словенский историк литературы Франце Кидрич (1880—1950), опубликовавший исследование «И. Добровский в словенском возрождении». О польской литературе пишет И. Приятель — «Поэзия Молодой Польши».

9

Новым этапом в развитии славистики является наша современность. Этот этап начинается с конца второй мировой войны. Освобожденные от фашистского рабства в результате всемирно-исторических побед Советской Армии, славянские народы вступили на новый путь — путь социализма. Войдя в социалистическое содружество, они начинают жить одними интересами, одними и теми же идеями с народами Советского Союза, они стремятся к тем же целям. Это отражается и на развитии славистики, которая достигает небывалого расцвета.

Возникают новые славистические центры, основываются новые периодические издания, создается и издается большое число славистических трудов.

Большую роль в развитии славистики в этот период играют международные славистические конгрессы, которые созываются регулярно каждое пятилетие. Эти конгрессы объединяют славистов в один огромный коллектив, который ставит и решает основные проблемы современной славистики. В связи с конгрессами публикуется большое число новых исследований.

Послевоенный этап в развитии культуры, науки, литературы ознаменовался торжеством марксизма-ленинизма, социалистической идеологии. Наука славянских стран развивается в целом на основе марксистско-ленинской методологии. В литературе упрочивается или упрочился — как это уже произошло в советской литературе — социалистический реализм. Литературоведческая часть славистики считает своей задачей распространение принципов марксистско-ленинской науки и принципов социалистического реализма, обобщение накопленного опыта, содействие строительству более высоких форм жизни и одновременно упрочение дружбы как между славянскими народами, так и между всеми народами вообще.

Литературная славистика получила новые средства и импульсы для своего развития в трудах, взглядах и теориях крупных советских ученых В. В. Виноградова, М. П. Алексеева, В. М. Жирмунского, М. Б. Храпченко, Д. С. Лихачева и др. В. В. Виноградов (1895—1969) принимал деятельное участие в славистической жизни и, хотя прежде всего языковедом, обогатил литературную славистику идеями о роли и значении художественного слова, о сущности литературного стиля, об основных постулатах поэтики. Эти идеи изложены в его книгах «О языке художественной литературы», «Стилистика, теория поэтической речи. Поэтика», «Сюжет и стиль», «Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития» и многих других. Важные теоретические проблемы, которые имеют значение для развития литературной славистики, разрабатывает также М. Б. Храпченко (род. в 1904 г.). Таковы его разработки и выводы о творческих принципах социалистической литературы, о мировоззрении художника, о творческом процессе и т. д. Большой успех имеет книга Храпченко о взаимосвязях между творческой индивидуальностью писателя и развитием литературы.

В послевоенный период как важная литературоведческая дисциплина утверждается общее и сравнительное литературоведение. В качестве виднейшего теоретика сравнительного литературоведения на современном этапе развития литературной науки выступает В. М. Жирмунский (1891—1971). Среди первых публикаций нового сравнительного литературоведения выделяются такие его работы, как «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса» и «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур». М. П. Алексеев

(род. в 1896 г.) освещает роль русской и других славянских литератур в истории мировой культуры и связей русской литературы с другими европейскими литературами. Здесь может быть названо его сочинение «Славянские источники „Утопии“ Т. Мора».

Древние славянские литературы также не остались вне внимания исследователей, несмотря на повышенный интерес к новым литературам. Как ведущий историк и теоретик литературы и культуры средневековья развертывает свою деятельность Д. С. Лихачев (род. в 1906 г.). Он является автором многих книг, среди которых — «Возникновение русской литературы», «Человек в литературе древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII вв.» и т. д. В отличие от подобных трудов прошлых лет, в которых при рассмотрении литературных памятников акцентировалось их культурно-историческое значение, Д. С. Лихачев рассматривает литературу именно как литературу, исследуя ее художественное своеобразие. Вот почему его работы имеют методологическое значение не только при изучении средневековых литератур. Творчество Д. С. Лихачева затрагивает и другие славянские литературы: «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России», «Старославянские литературы как система».

На развитии и проблемах славянских литератур сосредоточили свое внимание большое число исследователей.

К. Н. Державин (1903—1956) через изучение романских литератур пришел к славянским. Он написал работы о болгарском театре, о И. Вазове, Х. Ботева, о польских романтиках А. Мицкевиче и Ю. Словацком.

Д. Ф. Марков (род. в 1913 г.) издает книги, посвященные творчеству болгарских писателей, в которых содержатся важные наблюдения над развитием болгарской литературы или на основе болгарского материала строятся литературно-критические и литературно-исторические концепции. Он является видным специалистом по теории социалистического реализма. Наиболее значительными его книгами являются «Болгарская поэзия первой четверти XX века» (М., 1959), «Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур» (М., 1970), «Проблемы теории социалистического реализма» (М., 1975). Для истолкования проблем сравнительного славянского литературоведения большое значение имел доклад Д. Ф. Маркова «Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур» на VII Международном съезде славистов.

Активно выступают по вопросам межславянских литературных связей В. И. Злыднев, Н. И. Кравцов, Г. Д. Вервес, К. И. Ровда и др.

Благодаря усилиям литературоведов-славистов Советского Союза появились обобщающие труды и коллективные моногра-

фии. Во-первых, это истории отдельных славянских литератур: «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.», «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.», «История польской литературы» в двух томах, «История словацкой литературы». Названные работы содержат портреты славянских писателей или освещают важные литературные процессы и явления. Во-вторых, можно назвать такие сборники: «Писатели стран народной демократии», «Критический реализм в литературах западных и южных славян», «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе» и др. В ряде сборников исследуются межславянские литературные отношения — контактные и типологические: «Русская литература XI—XVII вв. в кругу славянских литератур», «Русская литература XVIII в. и славянские литературы», «Из истории русско-славянских литературных связей в XIX в.», «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.)», «Чехословацко-советские литературные связи», «Русско-югославские литературные связи», «Октябрь и развитие болгарской литературы», «Русско-болгарские фольклорные и литературные связи», «М. Горький в славянских странах народной демократии», «В. Маяковский в славянских странах народной демократии» и др.

Видными славистами в Польше в послевоенный период были Тадеуш Лер-Сплавинский и Витольд Дорошевский. В области славистической проблематики работают виднейшие представители литературной полонистики и теории литературы, какими являются Юлиан Кшижановский, Конрад Гурский, Казимеж Выка, Генрик Маркевич и др. В Кракове, где славистика развивается особенно успешно, кафедрой славянских литератур в рассматриваемый период руководил Тадеуш Грабовский (1881—1975). Он знал историю южных и западных славян и их литературу, изучал польско-славянские литературные связи. Наиболее значительны его публикации: «Современная Хорватия», «Польский романтизм у славян», «Болгары и поляки», «Лужичане, их борьба, упадок и триумф».

Кафедру славянских литератур во Вроцлавском университете занимает Мариан Якубец (род. в 1910 г.). Наиболее успешно он работает в области русской литературы и издаёт работы по польско-русским литературным отношениям: «Пушкин в Польше», «Русская литература у поляков в эпоху позитивизма», «Русская литература в парижских лекциях Ад. Мицкевича». Якубец посвящает работы также украинской литературе: «Иван Франко», «Украинская литература». Занимается он и югославским народным эпосом и русскими былинами.

Кафедру славянских литератур в Варшавском университете занимает Юзеф Магнушевский (род. в 1924 г.). Особенно его интересуют чехословацкая литература и чехословацко-польские ли-

тературные связи, но он занимается и другими славянскими литературами: болгарской, лужицко-сербской и др. Он издал «Историю чешской литературы».

Прочная традиция чехословацкой славистики — общеславянская проблематика. Ее можно проследить в работах наиболее значительных современных чешских славистов: Бохуслава Гавранека, Франка Вольмана, Юлиуса Доланского, Карела Крейчи, Карела Горалека, Славомира Вольмана и т. д.

Б. Гавранек (род. в 1893 г.) — языковед, но решает проблемы, которые интересуют и литературоведов. О Ф. Вольмане говорилось выше — это один из виднейших представителей славянского сравнительного литературоведения. В новый период он издал свой труд «Славянская общность в литературном и языковом возрождении у славян».

Ю. Доланский (1903—1975) показал еще раз, что один славист может охватить в своих исследованиях большую часть, если не все славянские литературы. Он автор работ по истории чешской литературы, посвящает свои труды представителям и явлениям других славянских литератур, успешно изучает межславянские литературные связи, решает проблемы сравнительного славянского литературоведения и отношений славянских литератур к неславянским. Бесспорными завоеваниями славистики являются его работы: «Влияние Мицкевича на чешскую литературу», «Русские основы сербского реализма», «Мастера русского реализма у нас», «Русские революционные демократы» и многие другие.

Значительно обогатил литературную славистику и продолжает в ней успешно работать К. Крейчи (род. в 1904 г.). Главная область его интересов — польская литература. Им написана «История польской литературы». Кроме этой области он работает и по чешской литературе. Другая сфера его деятельности — общее и сравнительное литературоведение. Здесь им создан большой труд «Героико-комическое в поэзии славян».

К. Горалек (род. в 1908 г.) прежде всего языковед. Однако он занимается и вопросами древней болгаристики, славянского фольклора, поэтики, стихологии и перевода. С. Вольман (род. в 1925 г.) интересуется славянской драматургией, Э. Урбан (род. в 1925 г.) — болгарист.

По известным причинам языковедение, литературоведение, историография и т. д. в Словакии обращены большей частью к проблемам словацкого языка, словацкой литературы, словацкой истории и т. д. Славистическую ориентацию имеет деятельность Яна Станислава, Андрея Мраза, Рудольфа Бртана, Диониза Дюрришина, Златко Клатика, Яна Кошки и некоторых других.

Я. Станислав (род. в 1904 г.) издал труд о Кирилле и Мефодии. А. Мраз (1904—1964) — историк словацкой литературы и литературный критик. Однако он интересуется и другими сла-

вянскими литературами, особенно русской литературой и словацко-русскими литературными связями. Привлекает внимание его книга «Из русской литературы и ее откликов в Словакии». В тематику Р. Бртана (род. в 1907 г.) входят работы о Махе, Мицкевиче, Пушкине, Гундуличе, «барокковом славизме». Д. Дюришин (род. в 1929 г.) написал довольно большое число работ по русской литературе и русско-словацким литературным связям. В последнее время он пришел к теории сравнительного литературоведения. Им изданы книги «Проблемы литературной компаративистики» и «Из истории и теории литературной компаративистики». З. Клатик (род. в 1922 г.) занимается южнославянскими литературами, особенно сербской и хорватской. Болгарской литературе посвящает свои труды Я. Кошка (род. в 1936 г.).

После второй мировой войны лужицкие сербы, до того подавляемые и подвергавшиеся преследованию, начали самобытную культурную жизнь. Центром этой жизни становится Лужицко-сербский институт в Будишине-Бауцене. Заслуги в его организации принадлежат его директору Павлу Новотному (род. в 1913 г.). Научная деятельность, ведущаяся в нем, находится в тесной связи с наукой в Германской Демократической Республике и славянских странах. Его научные сотрудники деятельно участвуют в международной славистической жизни.

Современная болгарская славистика продолжает ту же линию развития, что и на предыдущем этапе. Руководящую роль в ней играют Владимир Георгиев и Петр Динеков. В. Георгиев (род. в 1908 г.) — языковед, П. Динеков (род. в 1910 г.) работает в области болгарской литературы, польской литературы и фольклора. Он является автором таких обобщающих трудов, как «Древняя болгарская литература» и «Болгарский фольклор». Новое развитие получило общее и сравнительное славянское литературоведение. Можно указать на книги Эмила Георгиева «Очерки по истории славянских литератур», «Общее и сравнительное славянское литературоведение» и «Болгарская литература в общеславянском и общеевропейском литературном развитии». В области древней болгарской литературы и ее связей с другими древними славянскими литературами — русской и сербской — работают Куйо Кувев и Боньо Ангелов. К. Кувев (род. в 1909 г.) издал книгу, которая содержит болгарские, русские и сербские списки «Сказания о письменах» Черноризца Храбра. Он занимается также польской литературой и болгаро-польскими литературными связями. В области русской классической и советской литературы работают Велчо Велчев и Симеон Русакиев. В. Велчев (род. в 1907 г.) издал большую работу «Болгаро-русские литературные взаимоотношения». С. Русакиев (род. в 1910 г.) написал монографии о советских, русских и украинских писателях и о болгаро-русских и болгаро-украинских литературных связях. Важен его труд «Мая-

ковский и развитие болгарской литературы» (на рус. яз.). В развитии славистики участвуют другие более молодые литературоведы, некоторые из них достигли значительных успехов. Ценные славистические работы помещены в сборниках «Славянская филология» и «Славистические исследования», которые были изданы в связи со славистическими конгрессами.

Руководящую роль в славистической жизни современной Югославии играют Александр Белич и Братко Крефт. А. Белич (1876—1960) — сербский языковед, словенец Б. Крефт (род. в 1905 г.) — литературовед, кроме того, писатель и публицист. В своей докторской диссертации «Пушкин и Шекспир» он использует сравнительно-исторический метод. Написал несколько статей о русских писателях. Особенно его интересует Достоевский.

В современной Югославии ведется разносторонняя работа по исследованию славянской литературной общности, в частности продолжается работа по написанию общего курса югославских литератур. Сравнительно успешный опыт сделан Антуаном Барацем («Югославская литература»). Антуан Барац (1894—1957) — видный историк хорватской литературы. Он писал монографии, посвященные представителям иллирийского движения.

В области отдельных литератур народов Югославии и их связей с другими славянскими литературами работает немало число литературоведов. В предыдущем разделе был назван Й. Бадалич, который в течение рассматриваемого этапа написал часть из указанных исследований о хорватско-русских литературных связях. Рядом с ним можно назвать Д. Радоичича, К. Георгиевича, Д. Живановича, Д. Игнатовича, А. Флакера и др. Д. Радоичич занимается исследованием древней сербской литературы и ее связей с болгарской и русской литературами. К. Георгиевича более интересуют чешская и словацкая литературы и их связи с сербской и хорватской литературами. Можно назвать его «Обзор чешской и словацкой литератур». Д. Живанович публикует работы по польской литературе и сербско-польским литературным связям. Д. Игнатович издал труд «Болгарское возрождение. Культурные отношения между сербами и болгарами в XVIII и XIX веке». А. Флакер публикует работы о русских писателях-классиках и по сравнительному славянскому литературоведению.

В заключение я хочу отметить, что моя работа не претендует на исчерпывающее перечисление всех исследований в области литературной славистики и всех трудов упомянутых в ней литературоведов-славистов. Исследователи и труды упоминались только с учетом поставленной задачи: обозначить основные этапы в развитии литературной славистики в славянских странах. Исчерпывающее или более полное перечисление славистов-литературоведов и их трудов возможно только в обобщающем труде по истории славистики, который — я думаю — еще будет написан.

О СПЕЦИФИКЕ РАЗВИТИЯ СЛАВИСТИКИ В НЕСЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

И. Хамм

1

Чтобы получить возможность рассматривать славистику в неславянских странах во всей совокупности составляющих ее проблем, а затем сравнивать ее или противопоставлять славистике в славянских странах, необходимо предварительно выяснить следующее. Во-первых, ответить на вопрос о том, что считать славистикой — славянскую филологию, славянское языкознание или нечто третье; во-вторых, определить критерии, позволяющие отнести ту или иную страну к числу славянских. Начав со второго вопроса, рассмотрим также, что означает и в чем выражается «славистичность» трех названных наук: славистики, славянской филологии и славянского языкознания.

На первый взгляд представляется, что определить критерии для отнесения данной страны к числу славянских стран очень просто: славянской является страна, где живут славяне, где все население или большая его часть говорит на славянском или славянских языках. Но будут ли такие критерии во всем ясными и однозначными?

О Польше, земле древних полян, в которой ныне 98,6% славянского населения, никто не скажет, что это не славянская страна. То же самое можно сказать и о Болгарии, где славяне составляют 90% населения. Правда, название этой страны по своему происхождению не славянское и государственно-политические истоки ее, относящиеся к VII—VIII вв., также не были славянскими. Но об этом едва ли стоит вспоминать, когда речь идет о нашем времени, поскольку протоболгары еще в IX—X вв. были полностью славянизированы. В положении Чехии и Словакии следует отметить существенный нюанс: они являются «славянскими странами», объединенными в одно политическое целое. Это означает, что в данном случае понятие «страна» не является полным синонимом понятию «нация».

Еще более наглядно это видно на примере Югославии, являющейся федеративным, в основе своей славянским многонациональным государством, которое состоит из шести социалистических республик (Сербия, Хорватия, Словения, Македония, Черногория, Босния и Герцеговина) и одного переходного славяно-неславянского автономного края (Косово). Все они имеют свои университеты, а республики — и свои Академии наук. Однако по отношению к Косово из-за албанского большинства его насе-

ления и соответствующей ориентации университета в Приштине трудно применять термин «славянская страна». Другими словами, говоря о славистике в Приштине, хотя этот город находится в Югославии, мы должны были бы уточнить, имеем ли мы дело со славистикой в славянской или неславянской стране, на славянской или неславянской территории. Несмотря на то что славистика здесь и по своему положению и по нынешним связям с научными центрами органически включается в славянскую славистику, прежде всего сербскую, я бы отнес славистику в Приштине, если бы она имела более длительную историю и более ярко выраженные албанские элементы, в разряд славистики в неславянских странах.

В Советском Союзе живут два самых многочисленных славянских народа: русские и украинцы, в его состав входят три славянские страны: Россия, Украина и Белоруссия, в которых проживает две трети населения СССР. В связи с огромными размерами России, например, возникает вопрос, можно ли Tobольск XVII в., который Г. В. Лейбниц называл «сибирской метрополией»¹, во время пребывания там Ю. Крижанича (1661—1676) считать славянской территорией со всеми атрибутами, которые имели в то время Прага, Варшава, Краков, Киев или Львов? Я бы рассматривал лингвистические труды, созданные Ю. Крижаничем в Tobольске за время его 15-летней ссылки как работы, которые в своей основе не были связаны с Сибирью и точно так же могли возникнуть в Риме (если бы это допустила Конгрегация), как и в каком-либо другом месте.

Австрия в XVIII—XIX вв. считалась немецким государством. Однако до конца 1918 г. на немецком языке говорило менее четверти (23%) населения монархии, в которой почти половину населения (47%) составляли славяне (чехи, поляки, хорваты, словенцы, сербы, словаки). Но поскольку до XIX в. главными научными, университетскими центрами были Вена (1365 г.), Будапешт (1783 г.) и Грац (1586 г.)², т. е. города, не находившиеся на славянских территориях и с населением, которое в огромном большинстве не было славянским, постольку вставал и встает вопрос: может ли славистика, начавшая развиваться в этих культурных центрах, рассматриваться как славистика в «славянских» или «неславянских» странах. Вопрос усложняется тем, что сами славяне считали эти города (особенно Вену и Грац) своими культурными центрами, куда посылали учиться молодежь, и тем, что первые в современном понимании этого слова слависты были славянами (Б. Копитар, Ф. Миклошич, В. Ягич в Вене, Г. Крек в Граце).

С другой стороны, славистику в Вене и Граце нужно рассматривать как славистику особого типа, отличающуюся от славистики, например, в Германии, Англии или Скандинавии (разуме-

ется, во времена, когда здесь можно было говорить о научной славистике). Хотелось бы искусным, политически обоснованным расчетом объяснить тот факт, что австрийские (австро-венгерские) славяне не сплывались вокруг собственных культурных очагов, а объединялись в Вене и Граце, предназначенных для них культурных суперцентрах, в результате создавая нечто, получившее в истории политики и культуры название «австрославизм». Однако кроме всего прочего для славистики в этих двух центрах, особенно в Вене, главным было достижение более высокого, по возможности, европейского уровня и открытие новых горизонтов. Этот процесс продолжался и тогда, когда после Сен-Жерменского мирного договора 1919 г. «австрославизм», будучи для одних чем-то устрашающим, для других несбывшимся сном, стал уже давно пройденным этапом. В связи с этим Вена, избавившись от идей великодержавного шовинизма, которые привнесла в нее немецкие националистические элементы, смогла еще более послужить науке, а в развитии славистики в неславянских странах занять место, за которым следует Гарвард, Оксфорд, Париж, Рим, университетские центры в Германии и Скандинавии. Подтверждением того может послужить деятельность русского языковеда Н. С. Трубецкого. Хотя в Вене он и не находил активной поддержки со стороны некоторых коллег (Кречмер), а среди его учеников не было ученого, равного последователю Я. Бодуэна де Куртенэ — Н. В. Крушевскому, все-таки труды Н. С. Трубецкого связаны с венской атмосферой, с теми условиями для развития науки, которые там существовали.

Территориальные, административные, государственно-правовые связи старой Австрии и Австро-Венгрии со славянством и австрославизм в различных его интерпретациях (Ф. Палацкий, Б. Копитар, В. Ягич) имели при всем том довольно эфемерное воздействие, которое полностью утратилось, как только исчезли силы, которые делали Австрию ядром монархии. В конце концов осталось только то, что и в других крупных центрах славистики помогало науке подняться над унилингвальными процессами и рассматривать системы славянских языков как относительно простой вид комплекса, который ведет к более широким общелингвистическим и теоретико-лингвистическим генеративным и трансформационным обобщениям.

Из всего сказанного следует, что венскую славистику и славистику в Граце необходимо относить к славистике в неславянских странах несмотря на то, что студенты и преподаватели в большинстве своем во времена империи были славянами и оба центра считались в то время центрами славистической науки для южных и западных славян (Краков был таковым в меньшей степени, поскольку являлся прежде всего польским центром, точно так же Прага была чешским и отчасти словацким центром). Сле-

довательно, несмотря на то что словенцы могли бы считать Ф. Миклошича из-за его словенского происхождения «своим» славистом, в истории славистики необходимо было бы связывать его с местом, где он проявил себя и работал как славист, а именно с Веной. То же самое относится и к В. Ягичу, для которого Одесса, Берлин и Петроград были ступеньками, по которым он пришел в Вену, где он основал «Энциклопедию славянской филологии» и до конца жизни руководил изданием «Archiv'a». То же можно сказать и о Н. С. Трубецком, который на родине занимался кавказскими языками и только в Вене перешел на славистику (полабистику, русистику и т. д.) и стал заниматься вопросами общей лингвистики.

Таким образом, с точки зрения истории славистики между неславянскими странами имеется много существенных различий: так, в одних странах эта история уходит далеко в прошлое, в других она появилась гораздо позже, а в некоторых до второй мировой войны не было никаких учреждений для развития славистики. С самого начала особое место занимали те неславянские страны, в которых протагонистами славистики стали ученые славянского происхождения. Вместе со славистикой в неславянских странах необходимо будет рассматривать славистику в Вене, Граце, а также в Будапеште, который до середины прошлого столетия был важным культурным центром воеводинских сербов (в 1826 г. там была основана Сербская матица). Аналогичным образом я рассматривал бы и зачатки развития славистики в некоторых вновь осваиваемых районах, в частности в Сибири, где в XVII в. вынужден был работать Ю. Крижанич.

Но обратимся к вопросу о том, что такое славистика вообще, каковы ее границы и как она соотносится со славянской филологией.

2

Дискуссия о том, что входит в славистику и чем она отличается от славянской филологии, длится почти сто лет. За это время она не только отвлекала от конкретных исследований самые выдающиеся умы, но иногда наносила прямой вред развитию славистики и славянской филологии. Вот только один пример.

В 1958 г., после неудачной попытки 1948 г., в Москве состоялся первый после войны IV Международный съезд славистов, где на заседании специальной Комиссии по международным научным предприятиям был поставлен вопрос возрождения или продолжения «Энциклопедии славянской филологии» (ЭСФ), основоположником которой явился В. Ягич (11 томов ЭСФ были опубликованы между 1908 и 1929 гг.). Когда началась дискуссия, сразу же встал вопрос о названии энциклопедии. Большинство

высказалось за то, чтобы новое издание было названо «Энциклопедией славистики» (ЭС). В связи с этим возник вопрос о том, должны ли в рамки ЭС входить вопросы литературы или только вопросы языкознания. Решение комиссии носило компромиссный характер и содержало мнение, что в новом издании должно быть отражено то и другое. Резкое противопоставление участниками дискуссии лингвистики литературоведению погубило замысел. Даже не была избрана редакция проектируемого издания, которая бы смогла поставить на обсуждение какую-либо определенную концепцию издания. В итогах съезда, опубликованных на русском языке, содержится лишь краткое «Уточнение характера издания „Энциклопедии славянской филологии“»³ в качестве заявки на будущее, так и не получившей своего воплощения. Если бы был принят план издания ЭСФ, мы бы сегодня имели книги, которые бы великолепно входили в рамки одного общеславянского лингвистического проекта, подобного Общеславянскому лингвистическому атласу (ОЛА). Однако, несмотря на то что прошло двадцать лет, до сих пор даже не выработан план продолжения столь полезного издания.

В. Ягич сто лет назад (в октябре 1875 г.) начал дискуссию о содержании и объеме понятия славянской филологии, когда в уведомлении о выходе в свет журнала «Archiv für slavische Philologie» выразил свою точку зрения следующими словами: «Я интерпретирую понятие «филология» в широком смысле, подобно А. Бекху или Якобу Гримму, и предметом Archiv'a будут не только языки, хотя они с полным правом занимают первое место, но и памятники языка и литературы, произведение народного творчества и вся книжная старина славян»⁴.

Уже в 1892 г., через год после смерти Ф. Миклошича, Ягич в планах по созданию сначала Grundriss'a, а затем ЭСФ содержание своего понимания предмета славянской филологии разделил на пять частей: язык, литературу, фольклор, верования и обряды, археологию, которую он в свою очередь подразделял на эпиграфику, нумизматику и палеографию⁵.

Восемнадцать лет спустя (1910 г.) Ягич вернулся к точке зрения, высказанной в 1875 г. Возможно, это произошло потому, что он сам не смог определить всех областей исследования, например области изучения эпиграфики и нумизматики. Возвращение к прежнему пониманию предмета славянской филологии было выражено в «Истории славянской филологии», чего многие не заметили, возможно, потому, что невнимательно читали или не поняли проект Grundriss'a. Понимание предмета славянской филологии в широком смысле было выражено на этот раз следующим образом: «Славянская филология в обширном значении этого слова обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках».

ках, в произведениях литературных то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях»; следовательно, славянская филология сводится, прямо указано далее, к языку (рассуждения о языке), литературе (история славянских литератур) и фольклору (история бытовая)⁶. К этому Ягич добавил следующее: сознание внутреннего единства, которое он понимал скорее как результат, нежели цель⁷. И он, если посмотреть с сегодняшних наших позиций, в этом вопросе был первым. Его «сознание внутреннего единства» нужно только перенести в термины, принятые после Н. С. Трубецкого с 30-х годов XX в., и мы получим картину типологического осознания, которое и основывается на понимании того, чем является в кажущихся дивергентными явлениях единое и что представляет собой проявление их «внутреннего единства».

Вслед за В. Ягичем со своим определением в 1923 г. выступил Г. А. Ильинский: «Славянская филология есть культурно-историческая дисциплина, изучающая духовную деятельность славянства, поскольку она проявляется в слове (соответственно в языке) и его произведениях»⁸. В определении, которое на первый взгляд выглядит несколько номинальным, сводящим филологию к языку и тому, что им выражается, Г. А. Ильинский выразил то, что и сегодня подразумевают под славистикой. Здесь не хватает лишь типологической связи и определения критерия «внутреннего единства».

В дискуссии тотчас приняла участие также редакция пражской «Славии», утверждавшая, что предметом славянской филологии является не только язык, но и связанные с ним дисциплины: литература, древности, фольклор и кроме всего прочего «starší a kulturní dějiny», но тут же делалась оговорка, носившая характер ограничения «pokud souvisí s disciplinami filologickými», тем самым возвращая «kulturní dějiny» под начало языка. М. Вайнгарт как лингвист и славист свою точку зрения основывал на уже упомянутом сознании внутреннего единства. Однако среди славистов находились и такие, которые высказывали пожелания изучать славянские языки и литературы «se zvláštním zřetelem k jejich vzájemným stykům a společným rysům», что совпадало с пониманием предмета Г. А. Ильинским, лишь с добавлением генотипического понимания основы и того, что связывает различные явления воедино. Чтобы сохранить широту своей точки зрения, М. Вайнгарт вводил (разумеется, только методологически) вспомогательные дисциплины «pomocné vědy», к которым помимо палеографии присоединял археологию, этнографию и историю (политическую, общественно-экономическую и культурную). С этим можно было бы легко согласиться, поскольку упомянутые дисциплины при главном месте, уделяемом языку и литературе и их развитию, имели бы действительно вспомога-

тельный», чисто информативный характер. Однако Франк Вольман, который уже тогда говорил о «барочном» и «романтическом» славизме, с полным правом напомнил М. Вайнгарту о том, что если вводить «*prospé védu*», то в таком случае нельзя забывать об эстетике, истории искусств, социологии, психологии, этнографии, антропографии и т. д. Я бы добавил сюда музыкологию, а затем бы упомянул как аномалию то, что у М. Вайнгарта история культуры стоит *после* общественно-экономической и политической, так как культура, рассматриваемая в диахроническом и синхроническом аспектах, является результатом целого ряда комплексов, в число которых входит политическая, экономическая и как их синтез общественная история. Поэтому культуру, являющуюся высшим синтезом развития всех наук, а не только тех, о которых упоминали М. Вайнгарт и Ф. Вольман, не нужно было бы ставить ни в конец подобных перечислений, ни в их середину, лишь бы только она была упомянута.

Ф. Вольман был прав, когда говорил о том, что вспомогательным наукам не нужно ставить ограничения. Однако его требование, чтобы славянский компаративист (или компаративист в славистике) одинаково разбирался в целом ряде наук, таких, как политическая и экономическая история, этнология, социология, эстетика, искусствоведение, психология и т. п., и во всех отдельных областях перечисленных наук, представляется мне, не только для нашего времени, но и для его эпохи, как и для компаративистов более старой школы, чрезвычайно преувеличенным. Таковым не был даже В. Ягич, что ясно видно из его определений славистики и из задуманной им «Истории славянской филологии». А ведь В. Ягич вошел в историю славистики как первый и последний из универсалов славянской филологии.

Разногласия в вопросе объема и содержания понятия «славянская филология», породившие дискуссию, в которой помимо упомянутых вопросов принимали участие А. Белич, А. Мазон, А. Брюкнер, Х. Улашин и другие (здесь мы перечисляем лишь самые выдающиеся имена), достаточно наглядно показали (особенно после второй мировой войны), что традиционное понимание предмета славянской филологии (или понимание того, что должен представлять собой указанный предмет) не является удовлетворительным и что определения, посредственно или непосредственно связанные с именами Августа-Бекха и Якоба Гримма, необходимо заменить другими, которые соответствовали бы духу нашего времени и нашим потребностям.

На этом и основываются новейшие различия между традиционной ягичевской славянской филологией и современной славистикой (как у Г. А. Ильинского и М. Вайнгарта), по объему более узкой, а по методам и требованиям, предъявляемым к исследователям, более широкой, абстрактной и научной по сравнению

с традиционной филологией, которая в большей своей части была описательной, дескриптивной и не входившей в область генеративных процессов и их закономерностей. Филология еще в первые десятилетия нашего столетия была наукой очень широкой: язык и литература считались высшим продуктом культуры, и общее мнение было таково, что без всестороннего изучения отдельных компонентов из области духовной и материальной культуры невозможно правильно понять и оценить ни языковые, ни культурные явления. Каждое языковое и каждое литературное явление имели свои связи и свою историю. Таким образом, филология была по преимуществу исторической наукой. Близкое родство славянских языков способствовало очень раннему началу сравнительного изучения славянских языков и историческому толкованию достигнутых результатов. Это и до сих пор имеет отражение в некоторых лингвистических дисциплинах. Например, в акцентологии, одной из важнейших славистических дисциплин, зачастую диалектные явления объясняются «старым» ударением (например, старым акутом или циркумфлексом) или старым местом ударения, несмотря на то что неизвестно доподлинно, существовали ли вообще подобные типы ударения на данных местах и какая была их связь с данной системой⁹.

Славянская филология, т. е. филология на основе и в рамках славянских языков и славянских литератур, всегда исторична (потому и сейчас многие неразрывно связывают ее с изучением древних памятников и рукописей). Славистика же пытается оперировать не историческими, а сущностными изменениями, которые спонтанно приводят к определенной структуре, если один элемент системы до известной определяемой степени ослабляется или усиливается. Славистика изучает явления в системах и через системы, в точно определенном временном пространстве, рассматривая их в синхронной и гармоничной общности. Но синхронное изучение может сочетаться с диахронией: мы можем поставить перед собой задачу — изучить синхронно язык эпохи Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого, одновременно сопоставляя его с языком эпохи С. Жеромского, Врхлицкого или Иво Войновича. В этом смысле славистика приближается к славянской филологии, в которой всегда в какой-то мере имела и имеет место диахрония, обусловленная требованиями своего времени. Именно вследствие такой динамичной сущности славистика в последнее время все больше и все охотнее пользуется диахроническими сопоставлениями.

Сухая автоматика различительных признаков и дистинктивных механизмов, которая до недавнего времени господствовала в лингвистике, во многом утратила свою привлекательность и здесь ей не смогут помочь никакие алгоритмы. Что же касается славистики, то она и далее будет сохранять свои структурные

параметры, обращаясь к диахронии (и тем самым к филологии) лишь для того, чтобы иметь возможность исследовать изменения в системах на различных отрезках времени. Она будет трактовать эти изменения с помощью целого ряда трудов, относящихся к историческим наукам. Эта область в дальнейшем останется сферой, которой будет заниматься филология.

3

Теперь о том, кто может называться и кого нужно называть славистом. Славистом, естественно, будет всякий, кто в научном плане занимается славистикой, которая в самом широком смысле охватывает все научное изучение славянства, независимо от того, идет ли речь об одном народе или о нескольких, о каждом ли из них в отдельности или о всех вместе, независимо от того, ведется ли исследование синхронически или диахронически, контрастно или на контактной основе, сравнительным или иным методом, причем во всех областях, которые могут представлять более или менее значительный интерес для лучшего знакомства со славянством и славянскими культурами. Славистикой может заниматься каждый, кто в научном плане изучает то, что свойственно либо всему славянству, либо какой-либо одной его части. Разумеется, это была бы славистика в самом широком смысле.

В более узком, в принятом для сегодняшнего дня смысле, славистика ограничивается главным образом языком и литературой, реже фольклором и еще реже искусством. Ее центром прежде всего являются именно славянские языки, сфера изучения которых представляет возможность наиболее точно и эффективно применять объективные методы так называемых точных наук. Однако не каждый, кто занимается этими вопросами, может называться славистом. Мы называем славистом такого специалиста, который в сравнительном плане занимается славистикой (принимает во внимание либо все славянские языки, либо только некоторые из них, с тем чтобы типологически или контрастно сравнить славянские языки или литературы, фольклор или искусство между собой или с языками, литературой, фольклором, искусством других, неславянских народов). Если кто-то занимается только одним славянским языком или только одной славянской литературой, только одной дисциплиной или определенным методом исследования, мы будем для ясности и краткости называть его богемистом (если он занимается исключительно и в основном чешским языком или чешской литературой), либо полонистом (если занимается польским), русистом (если занимается русским), болгаристом (если занимается болгарским), македонистом (если занимается македонским), хорватистом (если занимается

хорватским), словенистом (словенским), словакистом (словацким), сорабистом (лужицкосербским), сербистом (сербским), украинистом (украинским) и т. д. Если же кто-то преимущественно на основе материалов славянских языков занимается определенной дисциплиной или определенным методом исследования, то мы назовем его славянским фонологом, акцентологом, аспектологом, морфологом, морфофонологом, диалектологом, синтаксистом, генеративистом и т. д. и т. п. Эпитет славянский (например, славянский диалектолог) в этом случае не означает этническую принадлежность ученого, т. е. не указывает, что исследователь славянского происхождения, а определяет только область науки, которой он занимается.

4

Из так называемых «вспомогательных наук» (см. определение М. Вайнгарта) лишь малое внимание в славистике до сих пор уделялось той, которая в состоянии принести много (не скажу больше остальных) пользы и которая ей наиболее близка: речь идет об истории искусства. Музыка, танцы и все изобразительные искусства имеют то преимущество перед языком, что в своем выражении они не должны проходить все те адаптационные глубинно-поверхностные фазы, которые проходит слово, прежде чем поэт или писатель внесет его в свой текст. Поэтому так трудно говорить о культуре без искусства, о славистике, особенно о славянских литературах, фольклоре и вообще славянской культуре или славянских культурах, не изучая их отражения в изобразительном и музыкальном искусстве.

Нужно разобраться в тех тенденциях, которые начали появляться после второй мировой войны и которые получили кульминационное выражение в предложениях, чтобы в славистику, когда она понимается широко и когда она не ограничивается тремя основными филологическими дисциплинами (литературоведением, языкознанием, фольклористикой), включить и музыкальную славистику (о которой несколько работ опубликовал И. Ф. Бэза) и вообще художественную славистику (славистику живописи, архитектуры, скульптуры). Необходимы здесь типологическое изучение, выявление общих славянских черт в искусстве. Плохо только то, что для соответствующих исследований в большинстве случаев пока недостает фундаментальных разработок. Так, например, Анежка Мерхаутова в своей книге о романтическом стиле в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Югославии подчеркнула мысль, что на Адриатическом побережье и в Сербии закрепилась особая, типологически интересная, своеобразная связь западных и восточных традиций, но тотчас добавила, что более углубленный просмотр того, что является славянским, а что

неславянским должен быть осуществлен только в будущих исследованиях¹⁰.

Могу представить себе, как будет выглядеть история славистики в эпоху, когда все эти предварительные исследования будут выполнены и когда к периодизации славистики станет возможным приступить с общих культурных позиций. Тогда в славистике (с учетом и лингвистики) можно будет выделить периоды реформации и антиреформации, раннего и позднего барокко, просветительства, позитивизма или период, которому недавно посвятила хорошую книгу Эва Курылюк, назвав ее «Венским Апокалипсисом»¹¹ (речь идет о периоде, предшествовавшем распаду монархии и особым образом отразившемся не только в искусстве, но и в литературе, и в лингвистике, которая в этот период готовилась к тому, чтобы после перемен 1917—1918 гг. двинуться новыми путями — путями поощрения стремления к точности, хотя она на первых порах была поверхностной и занималась главным образом простой регистрацией фактов).

Человеческая сущность во многом обусловлена природой и всем культурным окружением, в котором находится отдельное лицо и которое связано с обществом, принадлежностью которого является данное лицо. В то же время это окружение является супрасегментным, так же как супрасегментными являются условия, которые его порождают. Эти условия стирают многое из того, что ранее считалось положительным, в результате чего одновременно на различных меридианах почти независимо друг от друга в искусстве и науке сублимируются явления, которые еще в прошлом поколении, всего десять или пятнадцать лет назад, были неизвестными, почти недоступными пониманию.

Назовем, например, поэтов, которые у себя на родине считаются великими: П. Б. Шелли родился в 1792 г., Г. Гейне и Альфред де Виньи — в 1797 г., Джакомо Леопарди и Адам Мицкевич — в 1798 г., А. С. Пушкин — в 1799 г. Все они рождены в одном десятилетии, в местах, удаленных друг от друга на сотни и тысячи километров, а три последних родились один за другим в течение трех лет. Можно ли это назвать случайностью? Случайно то, что все шестеро родились в последнем десятилетии XVIII в. (в десятилетие термидора), но почему же каждому из них суждено было стать величайшим из поэтов своего народа? Ведь Г. Гейне, Альфред де Виньи, А. С. Пушкин и Джакомо Леопарди не имели ни в образовании, ни в поведении между собой ничего общего.

Или вспомним грамматиков и лексикографов, представителей тех наук, которые, по обыденным понятиям, являются самыми сухими и скучными в языкознании. «Диксьонер» Вранчица и «Книжка слов чешских» М. Бенешовского появляются почти в одно время со словарями Мегисера и «Arcticae horulae» Бого-

рича (конец XVI столетия). Или еще один пример: в конце XVIII в. появляются словарь Аделунга (1774—1786), словарь Палласа (1787) и «Словарь Академии Российской» (1789—1794) и почти в одно время с ними выходят в свет словари Аврамовича (1791), план словаря Орфелина (1789), словарь Гутсмана (1789), а также грамматики Рельковича (1767, 1774, 1789), Похлина (1768), Гутсмана (1777), Загайшека (1791), рукописная грамматика Кумердея (1789), грамматика М. В. Ланосовича (1778, 1789, 1795) и т. д.

Кто-то может возразить, что, говоря о поэтах, мы имеем дело с начатками романтизма, а говоря о грамматиках и лексикографах¹², мы сталкиваемся с потребностями контрреформации, что речь идет о барокко, о Просвещении и т. д. Однако все это в конце концов указывает на то, что не только произведения искусства, но и филологические труды зависели от элементов, приходящих извне, связанных с обществом, которые в качестве надстройки отражали изменения, происходящие в базисе, без которых этих произведений, может быть, совсем бы не было.

5

В непосредственной связи со сказанным выше находятся вопросы возникновения различных отраслей славистики в неславянских странах и оценки их роли в истории славистики, понимаемой в широком и узком смысле этого слова.

Ягич в своей «Истории славянской филологии» только Я. Гримму и А. Шлейхеру уделил относительно много внимания как филологам-неславянам, оказавшим своей деятельностью влияние и на славян. Некоторых из их предшественников он приводил в качестве примера в нескольких местах, не отделяя тех, кого бы мы сегодня зачислили в слависты, от тех, кто проявил больше интереса к одному (обычно русскому) славянскому языку. Для нас же особенно интересны первые, а к ним он, хотя бы частично, применил принятый нами критерий. Если по указанным причинам обойдем К. Геснера (несмотря на то что его замечания занимательны), возникает вопрос, кого из славистов, указанных В. Ягичем, следовало бы ввести в историю славистики в узком смысле слова?

Из сказанного ясно, что необходимо различать историю славистики в широком смысле и историю славистики в узком смысле слова, а также то, что в текстологическом и издательском плане вторая могла бы стать самостоятельной частью первой. Иными словами, я бы предложил следующее деление истории славистики: а) славистика в узком смысле, компаративная, структурная; б) славистика в широком смысле, в которую входит и славянская филология с основными дисциплинами: язык, литера-

тура, фольклор, история культуры и искусства, внутри которых следовало бы различать русистику, украинистику, полонистику, богемистику, словакистику, сорабистику, сербохорватистику, словенистику, македонистику, болгаристику, полабистику.

При разработке истории славистики тематику второго типа (Б) каждый народ (национальная редакционная коллегия) разработал бы сам для себя с самого начала (не обязательно на собственной основе) и к определенному сроку. Каждая страна издала бы текст на своем языке и позаботилась бы о его переводе на общий (скажем, русский) язык, на котором была бы опубликована затем вся история славистики. Выбор способа издания и языка, на котором писалась бы история сербо-хорватистики и сорабистики, следует предоставить национальным редакционным коллегиям этих народов. Написание истории полабских славян нужно было бы — *rebus sic stantibus* — предоставить центру, созданному Р. Олешом. Она могла бы быть опубликована или на языке этого центра или общем языке, на котором издавалась бы вся история славистики.

Тематика типа А была бы общей и представляла бы в какой-то мере свод всех наивысших достижений, которых за свою историю достигла славистика в области проникновения в тайны языка и его творений как средств общения между людьми. Задача редколлегии состояла бы в том, чтобы (незвизира на то, на какой национальной почве возникли эти достижения — на славянской или неславянской) соизмерять эти достижения с достижениями других народов, чтобы определить тем самым настоящую роль и подлинный вклад, которые внесли славянские народы в историю данных наук вместе с другими прогрессивными силами мира.

Все это лишь краткий проект, который мог бы дать результаты, без сомнения, более объективные, чем те, к которым пришел бы один национальный редакционный комитет, если бы ему было поручено осветить всю историю славистики на определенном этапе ее развития.

А теперь несколько примеров.

Учитывая ранее сказанное, Ф. Вранчич (Верантиус) вошел бы в историю хорватистики (сербохорватистики)¹³, Мончинский — в историю полонистики¹⁴, Тонниз Фенне¹⁵, Марк Ридли¹⁶, Г. В. Лудольф¹⁷ и многие другие — в историю русистики и т. д. В число предшественников славистики (тип А) нужно было бы, по моему мнению, включить (а следовательно, и описать), например, Г. В. Лейбница (1646—1716), И. Г. Спарвенфельдта (1655—1727), а также Ю. Крижанича (1618—1683) и более молодого М. П. Катанчича (1750—1825). Последних двух ученых упоминаю лишь потому, что о них в этой связи писалось очень мало и также мало о них известно.

О Г. В. Лейбнице В. Ягич писал, что «его разыскания в области славянских языков и древностей несут на себе печать гениальности» (ЭСФ, вып. 1, СПб., 1910, с. 61); о его славистических склонностях помимо его активного участия в собирании последних записей о языке полабских славян (Митгоф, Пфефингер) свидетельствует и письмо И. Г. Спарвенфельдту от 29 января 1697 г., в котором он пишет о книжном (русско-славянском) языке России на основании чтения Лудольфа (*loquendum est Russice et scribendum est Slavonice*): «Тем не менее покорнейше прошу, Вас сообщить мне Ваше мнение относительно природы этого славянского языка и имеет ли он что-либо общее с языком поляков или жителей Богемии или славянских народов, населяющих побережье Адриатики. Осталось еще немного славян в области Люнебурга вдоль Эльбы. Я интересовался ими»¹⁸.

Об И. Г. Спарвенфельде В. Ягич писал: «Спарвенфельдт занимался не только церковнославянским и русским языками, он обращал внимание также и на прочие славянские наречия. Он был убежден, что можно без больших затруднений понимать — при помощи и на основании церковнославянского языка — все прочие славянские наречия. В этом плане его можно назвать предтечей Добровского» (ЭСФ, вып. 1, с. 65).

О Ю. Крижаниче и М. П. Катанчиче и сейчас существуют противоположные (и к тому же неточные) мнения. Так, в энциклопедии Югославии (т. V, с. 417) о грамматике Ю. Крижанича можно прочитать, что «свое произведение он задумал как грамматику общеславянского литературного языка, на котором и сам писал. Между тем это не была попытка компаративной грамматики славянских языков, какой в то время еще не существовало, а лишь напрасное усилие, носившее на себе печать фантастичности».

Все это написано на основе мнения Даничича, не понимавшего Ю. Крижанича и вообще диалектами не занимавшегося. Ю. Крижанич же хорошо различал языки и диалекты по их структуре. Ягич в «Истории славянской филологии» (с. 34) справедливо отвергал «резкую незаслуженную критику Даничича» и в работе «Жизнь и деятельность Юрия Крижанича» (1917) выразил свою точку зрения: «Грамматика Крижанича имеет великое значение для своего времени в том, что опирается кроме русского, хорватского или сербского языка (он их различает) еще и на польский и церковный, который он называет словинским»¹⁹. Добавим еще, что Ю. Крижанич опирался также на чешский и белорусский языки, и тогда будет достаточно оснований для того, чтобы его зачислить в слависты (компаративные лингвисты, которые пользуются материалом многих славянских языков).

О М. П. Катанчиче, ничего не было известно, ибо его «Правословник» (более известный под названием «*Etymologicon* Шуги-

сум») не издан до сей поры. Он писал его в последние годы жизни, находясь в монастыре в Буде и зная, что власти это его произведение, как и другие, публиковать не будут. В его труде отразилось не только хорошее знание хорватских и сербских диалектов, но и знание польского, болгарского, словенского, русского, украинского, немецкого, венгерского, итальянского, французского, турецкого и, конечно, латинского и греческого языков. Он был самым образованным славянским французским францисканцем своего времени, и некоторые из его этимологических выводов лучше тех, что мы находим в этимологическом словаре П. Скока.

Все четверо были первопроходцами, учеными того времени, когда еще каждый занимался лингвистикой сам для себя (для Г. В. Лейбница, например, славистика в общем была маргинальным второстепенным занятием).

В славистике, которая развивается после них — особенно если иметь в виду биполярность славистики, развивавшейся в славянских и неславянских странах, — важно изучение ее крупнейших центров, а также выяснение того, в какой мере славистика в неславянских странах была зависима от развития славистики в славянских странах, кто были те, чье учение переходило национальные границы и в какие эпохи. Что касается славистики в неславянских странах, то для ее понимания было бы важно не только то, откуда она получала заряд (употребляю термин энергетике), но также и то, как она сама прокладывала свои пути, на кого и как влияла — позитивно влияла — и оставила ли она свой след в развитии славистики в славянских странах. Эти взаимосвязи и взаимовлияния очень важны. В подтверждение упомяну только, как В. Копитар и Ф. Миклошич учились у Й. Добровского, и как многие другие славяне почерпнули многое у двух словенских ученых. Или возьмем для примера В. Ягича, который, хотя и не признавал этого, был под влиянием И. И. Срезневского и, конечно, Ф. Миклошича и, как это обычно бывает с позитивным влиянием, преодолел эти влияния и пошел дальше своих учителей. Это отразилось не только на его деятельности, но и на его учениках, в число которых вошли Б. М. Ляпунов, М. Н. Сперанский, В. Облак, М. Мурко и Й. Матль. Учеником и преемником В. Ягича в Берлине был А. Брюкнер, который создал свою школу полонистики, оказывавшую влияние на польскую славистику, в то время как школа словенца М. Мурко в Праге влияла на югославянскую фольклористику и т. д. Подобные рефлексивные влияния все чаще встречаются в новое время, они могут иметь большое значение для общего и методического развития славистики в целом. Упомяну здесь ради примера определенное влияние Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и их учеников — Д. С. Ворта, Э. Станкевича, Т. М. Лайтнера — на молодое поколение славистов в Советском Союзе.

В новейшие времена — в XX в., — когда и книги и люди быстрее и легче передвигаются, необходимо было бы из-за большей легкости и возможностей миграции славистов в неславянских странах различать — генетически и исторически — две основные группы: эмигрантскую и неэмигрантскую, хотя бы созданные от второго или третьего поколения. Первая группа, переходящая со славянской почвы на неславянскую, переносила с собой то, что, еще будучи на славянской почве, влияло на формирование отдельных славистов и тем самым — на новую среду, в которой оказывались эмигранты. Они в этих случаях могут считаться носителями активных воздействий на неславянские страны, воздействий, которые в зародышевой или другой форме, с большей или меньшей силой воздействия существовали на славянской почве. В эту группу я бы отнес известных ученых: Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, С. Карцевского, В. Ледницкого, Дм. Чижевского, А. Брюкнера, С. Коновалова, Фр. Дворника, Вс. Сечкарева, Р. Олеша, Г. Бирнбаума, Л. Матейку, Х. Кучеру и др.

Во вторую группу вошла бы плеяда тех иностранцев (хотя некоторые из них могут состоять в далеком родстве со славянами), которые пришли в славистику путем личных контактов. Тут следует упомянуть помимо Микаэли, Шлецера и др. О. Брока, Й. Микколу, А. Лескина, А. Мейе, А. Мазона, А. Вайяна, Хр. Станга, А. Стендер-Петерсена, М. Фасмера, В. Кипарского, Н. ван Вейка, А. Галлиса, Э. Станкевича, Г. Ланта, Й. Феррела, Д. С. Ворта, В. Эджертон, А. Шмауса, К. О. Фалка, П. Мериджи и еще многих других, которые имеют выдающееся значение в славистике своих (неславянских) стран. Всех их славистика связывает в единое целое, они оказывали и оказывают в общем плане известное культурное влияние в мире. Это влияние, взятое в целом, немалое и его нельзя не учитывать.

Не стоит забывать и о том, что слависты в неславянских странах — все до единого — развивались в особой среде, жили в особых традициях и условиях, иногда довольно тяжелых; все они подвергались разным политическим, научным и общекультурным воздействиям, которые им нужно было или усваивать, или преодолевать. И в этих специфических условиях благодаря своей энергии они создавали славистические центры, влиявшие на специалистов соответствующей страны, и создавали новые поколения славистов, знакомя их с новейшими течениями славистической науки в целом и науки той страны, где они жили. Их трудно было бы снова интегрировать в ту среду, которую они покинули в то время, когда наука там стояла на ином уровне. Поэтому периодизация славистики в неславянских странах не будет своими

этапами совпадать с периодизацией славистики, развивавшейся спонтанно на славянской почве. Научные центры, создаваемые славистами-эмигрантами, в большинстве своем не копируют те центры, из которых вышли их основатели. Но они могут, и иногда позитивно, влиять на страны, где эти центры возникли и развиваются.

7

Славянские языки, с одной стороны, более или менее существенно отличаются от других языковых групп, а с другой — настолько близки друг другу, что ученому славянского происхождения, как правило, гораздо труднее анализировать принципы построения какого-либо иного славянского языка, чем специалисту из неславянской страны. Первый скорее замечает различия, может быть и не столь существенные, второй видит то, что является общим и, может быть, даже весьма существенным для всех славянских языков. Поэтому славянину, как нам представляется, надо приложить больше усилий, чтобы стать славистом или чтобы — по подлинно научным критериям — иметь право называться славистом, потому что для этого ему надо прежде всего хорошо изучить свою языковую систему и научиться отделять в ней более существенное от менее существенного, чтобы затем приступить к оценке этого последнего в каком-либо другом славянском языке. Иностранец, напротив, находясь как бы в стороне и не ощущая подобных препятствий, легче заметит и осознает то, что для данной славянской системы более существенно, а что менее.

Именно поэтому славистика в ее лингвистической части появляется у славян сравнительно поздно — лишь в XIX в. Два выдающихся слависта из славян, работавших в начале XIX в., — Йозеф Добровский и Бартоломей Копитар — стали таковыми лишь после того, как написали полные грамматики своих языков (первый — «*Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*, 1819; второй — «*Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark*», 1806—1809). Лишь после этого появился фундаментальный труд Й. Добровского — «*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*» (1822), который стал основой для создания научной славистики у славян и неславян на Западе. В славянских странах вообще довольно поздно начали появляться оригинальные исследования по сравнительному языкознанию. Примером такого исследования (несмотря на известные неправильные обобщения, на которые указал Ягич²⁰) может считаться работа Антуна Мажуранича «О важности хорватской акцентуации для истории славян» (1860), где сравнивается чакавское и русское ударение. Думается, и в России дела обстояли не лучше, что подтвердил Ф. Ф. Фортунатов, который в ноябре 1877 г.,

т. е. через неполные сто лет (и 57 лет спустя после появления «Рассуждения о славянском языке» А. Х. Востокова), писал Ягичу: «Впрочем, и вообще положение русского лингвиста не принадлежит к числу завидных...» и далее: «...нет, кажется, другой науки, которая бы так мало интересовала наших образованных людей, как именно языковедение, и слово «лингвист» иногда употребляется у нас как эвфемизм вместо «буквоед», «схоластик самого дурного типа»²¹.

Косвенным отражением трудностей, возникавших перед славянами, когда речь заходила о других славянских языках, можно считать и то, что у них сравнительно поздно (большей частью лишь в XX в.) начали появляться грамматики других славянских языков, точно так же как и сравнительные грамматики славянских языков. Исключением могут служить лишь лекции Т. Д. Флоринского («Лекции по славянскому языкознанию», I—II. Киев, 1895—1897), в то время как капитальное сочинение Миклошича «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» (I—IV, 1852—1874) является, по нашему мнению, классическим плодом немецкой филологической школы, начиная от Фр. Боппа и Я. Гримма до А. Шлейхера.

Вторым важным фактором развития славистики у славян были университеты. В зависимости от того, когда и как они открывались в славянских странах, находилось создание кафедр отечественного языка, истории и литературы (в последнюю первоначально входил и фольклор). Постепенно в области языка, а затем и литературы деятельность кафедр охватывала все более широкую проблематику, в первую очередь другие славянские языки и литературы. Таким образом, открытием университетов в определенной мере можно датировать начало систематического, более или менее интенсивного (по способностям и наклонностям профессоров этих кафедр) славяноведения (чаще всего в широком плане и с филологическим уклоном).

8

В неславянских странах университеты столетиями существовали без кафедр славистики, а некоторые не имеют их и сейчас. В течение всего XIX в. основание кафедр славистики в неславянских странах было исключением, что требует своего объяснения в каждом конкретном случае. Например, в США к болгаристике был расположен Денвер, а к полонистике — Канзас и Блумингтон, в то время как основным и главным предметом везде считалась русистика. На развитие славистики в Германии и Швеции повлияло то, что в состав соответствующих государственных образований на определенном историческом этапе входили те или

иные славянские земли. В целом на периодизацию славистики в неславянских странах влияло господствовавшее в каждой из них отношение к славянам и, следовательно, к славянским языкам и литературам (куда включалось и устное народное творчество, а частично и история), которое преобладало в тех или иных странах и со своей стороны зависело от определенных политических, экономических, национальных и прочих, порой чисто иррациональных, факторов²².

При определении начального периода развития славистики в неславянских странах исследователи охотно уходят далеко в прошлое. Например, явным преувеличением будет датирование зарождения славистики у венгров 1595 г., «от первой точной этимологии венгерских слов славянского происхождения» в пятиязычном словаре европейских языков, созданном, кстати сказать, хорватским лексикографом Фаустом Вранчичем²³. Трудно согласиться с тем, что в работе о главных этапах истории славистики в Румынии ее автор, Г. Михайлэ²⁴, уходит в прошлое вплоть до солунских братьев и до Жития Константина. Другое дело у болгар, где крупные слависты с правом — не только по времени, но и по внутренним мотивам, и по значению, которое принадлежит ему в истории культуры и истории филологии, в частности лингвистики, — на первое место ставят Константина-Кирилла как основоположника славянской лингвистики и славистики вообще.

9

Наряду со всеми индивидуальными чертами и отличиями, которые можно заметить у отдельных народов, когда речь идет об их отношении к славянам, их языкам и культурам, есть некоторые признаки, которые у всех из них — или почти у всех — довольно сходны, если не сказать одинаковы. Они, по крайней мере чисто внешне, могут помочь в обозначении целых эпох или периодов, на которые распадается история славистики в неславянских странах. Эти периоды, а поскольку они идут друг за другом, то их можно назвать этапами, мы бы назвали следующим образом: I. Слависты без славистики; II. Славистика без (или в значительной степени без) крупных отечественных ученых-славистов; III. Славистика, которая базируется на отечественных славистах. По времени самым длинным был первый этап, самым кратким — второй, а третий в отдельных случаях (например, в США)²⁵ мог даже предшествовать второму.

Приведу несколько примеров, опираясь при этом, как и до сих пор, на самую чувствительную — лингвистическую часть славистики. Славянский фольклор, взаимоотношения которого с неславянскими традициями восходят лишь к XVIII в. (Гердер,

Гёте, Тальви, Фортис), представляет собой особый случай. В области литературы не всегда ясно, можно ли считать наличие переводов со славянских языков свидетельством зарождения славистики и можно ли включать в историю художественные произведения, вдохновленные, например, Полтавой или Петром Великим. Такой же вопрос возникает и в связи с описанием путешествий по славянским землям, начиная с арабских путешественников вплоть до З. Герберштейна вместе с его предшественниками и последователями. Славянская филология не может обойтись без истории славян, но отсюда отнюдь не следует, что последняя должна быть частью филологии и вообще славистики. Скорее напротив, история, если она хочет быть настоящей наукой, должна охватывать наряду с политической историей также и историю культуры, а последнюю нельзя себе представить без филологии в широком смысле этого слова, включая сюда и лингвистику.

Из неславянских стран в настоящем кратком обзоре будут привлечены лишь те, которые представляются более или менее типичными. Это в первую очередь страны, граничащие со славянами: Германия, Италия, Скандинавские государства, Венгрия и Румыния. Кроме того, Франция, Англия, США.

10

Первый этап: слависты без славистики. Речь идет о периоде, когда не было славистики, имеющей определенные организационные формы и создающей определенную исследовательскую традицию. Это период неодинаковый по длительности и отличающийся тем, что отдельные ученые по своей инициативе или по примеру других приступили к изучению одного или нескольких славянских народов и их культур. Общим для них было то, что они не принадлежали ни к какой школе, сами таковой не создавали и не имели прямых последователей или продолжателей. В Швеции это был Нильс Гизинг (1670)²⁶, а в Германии — Генрих Вильгельм Лудольф²⁷, издавший справочник по русскому языку, а также такие несравненно более важные для науки личности, как Иоганн Габриэль Спарвенфельдт (1655—1727)²⁸ и Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716)²⁹. Первый из них — Спарвенфельдт — за целое столетие до Кошитары и Добровского сопоставлял старославянский язык с икавским диалектом хорватского языка, со словенским, чешским, польским и русским языками³⁰, Лейбниц же вошел в историю славистики хотя бы тем, что побуждал своих современников изучать и собирать материал по полабскому языку. Сохранившиеся письма этих двух ученых друг другу написаны одинаково интересно, содержательно и почти

в таком стиле, какой характерен для славистов, живших на два столетия позже³¹. Для иллюстрации процитируем небольшое письмо Лейбница от 1696 г., в котором он упоминает о некоторых работах Спарвенфельдта по русистике и в связи с этим высказывает также некоторые мысли по вопросу о языковых субстратах и адстратах. Они написаны старым французским письмом и орфографией, принятой в то время.

Il seroit bon cependant d'approfondir encore les langues Slavoniennes; il paroist, que vous l'avés fait, Mr. ayant tiré des lumières des ténèbres mêmes c'est à dire des Moscovites. En effect c'est un de mes étonnements, que souvent des peuples voisins ont des langues si différentes comme les Germaines et les Slaves. Peut-estre que les anciens peuples, qui estoient entre les deux et qui faisoient un passage moins sensible d'une langue à l'autre ont esté exterminés³².

А вот еще одно письмо от 29 января 1697 г., в котором он пишет о справочнике Лудольфа, изданном в 1696 г. в Оксфорде:

J'ai aussi reçu la Grammaire Russienne de Mr. Henry Guillaume Ludolf imprimée l'année passée à Oxfort. Elle me paroist trop magire aussi bien qu'à vous et puisqu'il dit, qu'une certaine langue slavone est la langue des sçavans en Moscovie il aurait été bon d'en dire un peu d'avantage et de la comparer avec la langue courante des Moscovites. Il falloit aussi un petit dictionnaire. (Mais nous aurons tousjours beaucoup d'obligation à l'auteur de ce livre, s'il a contribué à vous animer à donner ce que vous medités sur ces langues. J'ai appris qu'il a esté en Moscovie et que depuis il a fait quelque fonction de secrétaire auprès du prince George de Dannemark. Je vous supplie cependant de me dire vostre sentiment sur la nature de cette langue slavonne et si elle a plus de rapport à la langue des Polonois ou des Bohémiens ou des Esclavons voisins de la mer Hadriatique). Nous avons aussi un petit reste de Slaves dans le pays de Lunebourg le long de l'Elbe. Je me suis enquis d'eux et en ay demandé le Pater noster, où je trouve des mots, qui ne sont pas dans les Oraisons Dominicales des autres langues slavonnes et qui semblent venir du prussien, de sorte que je m' imagine, que cette espèce de Wendes est venue de ce coté là³³.

Лейбниц оказал непосредственное влияние на Митгофа, побудив его заняться полабским языком (и в своем комментарии к полабскому «Отче наш» Митгофа показал, что он в определенном объеме знал почти все славянские языки)³⁴. Но это была еще не «школа»; у Лейбница не было ее, как и у Геннига фон Ессена, который хотя и ссылался на своего современника и автора произведений на серболужицком языке Абрахама Френцеля (1656—1740)³⁵, но сразу же добавлял, что тот не придерживался графики и передавал полабские слова на свой лад: наполовину фонетическим способом.

В Италии в ряд таких одиноких предшественников научной

славистики можно зачислить Грегорио Аласия да Соммарипу — создателя первого итало-словенского словаря с краткой грамматикой (1607)³⁶ и Джакомо Микалю, составившего первый обширный сербохорватско-итальяно-латинский словарь («Thesaurus linguae illyricae sive dictionarium illyricum in quo verba illyrica italicè et latinè redduntur 1646, издан в 1649 г.) с интересной грамматикой штокавского наречия³⁷. Можно бы упомянуть еще и Арделио делла Беллу (Dizionario Italiano, Latino, Illirico. Venezia, 1728), который написал такую же грамматику и которого М. П. Катанчич (1750—1825) среди прочих критиковал также и за то, что он «никоим образом не упоминал Микалю или другого грамматика или ономаста, труды которого были им использованы»³⁸.

Упомянутый Катанчич также работал в одиночку. Он жил в Будапеште, где и создал свой «Pravoslavnik» — первый, до С. Младенова и П. Скока единственный, этимологический словарь на славянском юге. К сожалению, 150 лет спустя материалы «Pravoslavnik'a» не были использованы при подготовке этимологического словаря сербскохорватского языка³⁹. Катанчич работал, зная, что власти не издадут его книгу по политическим и узко-националистическим причинам.

Такой же одиночкой и не совсем понятной фигурой представляется нам Юрий Крижанич (1618—1683), писавший в далеком Тобольске на каком-то своем языке политические и грамматические сочинения⁴⁰.

Все перечисленные лица и многие другие деятели тех лет были предшественниками научной славистики, работавшими в одиночку и по-дилетантски. Им и в голову не приходило придать своим занятиям какую-либо организационную форму, или если они об этом думали (как, например, Копитар), то видели ее в тумане весьма неопределенного будущего.

11

В XIX в. славистика становится систематическим занятием, для которого в университетах, колледжах и других учебных заведениях ряда неславянских стран открывают специальные кафедры со своими профессорами и другим научным персоналом. Вначале люди, стоявшие на переднем крае славистических исследований и пробуждавшие научную инициативу в других, зачастую являлись славянами или людьми со славянским именем, имевшие славянское происхождение.

Во Франции в Коллеж де Франс с 1840 по 1844 г. это был Адам Мицкевич, наследниками которого явились уже французы (вначале Киприан Робер, а затем Луи Леже)⁴¹.

В Англии (1844 г.) первым и почти верным, принимая во внимание его дружбу с лордом Эшли и лордом Дэдди Стюартом, кандидатом на славянскую кафедру в Институте Тейлора был поляк граф Валериан Красиньский. Но карьере Красиньского помешало его активное участие в восстании в Северной Ирландии, и его место занял человек меньших способностей. Это был Ф. Г. Тритен, автор первой в Великобритании научной статьи о русском языке (о структуре русского глагола)⁴². Однако подлинным зачинателем славистических исследований в Англии был в 70-е годы Вильям Ричард Морфилл (1834—1909, с 1889 г. — приват-доцент, а с 1900 г. — профессор русского языка и славянских языков в Оксфорде)⁴³. Он был первым профессором, возглавлявшим кафедру славистики в английском университете. Впоследствии ведущее положение в английской славистике долгое время занимали эмигранты из славянских стран. И только в наши дни положение изменилось: славистической проблематикой занимаются ученые-англичане (Р. Оти, Д. Ворт, М. А. Парtridge, А. Пеннингтон, Дж. Стоун, из историков И. Феннелл и др.).

Первую кафедру славистики, которая была основана во Вроцлаве, возглавили славяне, прежде всего Франтишек Ладислав Челаковский (с 1841 г.), затем (после 1849 г.) Войцех Цибульский и Владислав Неринг⁴⁴. В Берлине первым профессором славистики был хорват Ватрослав Ягич, а его преемником — поляк А. Брюкнер. В Лейпциге в 1870 г. профессором славянской филологии стал доцент Йенского университета, известный младограмматик, специалист по балтийским и сербохорватскому языкам Август Лескин⁴⁵. Лишь в XX в. в Германии начинают преобладать отечественные слависты.

В Италии основоположниками славистики могут считаться также славяне⁴⁶. В Болонье в 1879—1880 гг. была основана кафедра истории и литературы славян, которую возглавил поляк Теофиль Ленартович. Тогда же (в 1879 г.) там была основана — и в этом заслуга Доменика Сантагата — Академия Адама Мицкевича. Но еще раньше, в начале 60-х годов, уроженец города Шибеника Николо Томмасео (1802—1874) пытался основать в Венеции кафедру славянских языков или кафедру сербохорватского языка⁴⁷.

Если проанализировать приведенные имена основоположников славистики в неславянских странах, то станет очевидным, что в первом ряду были поэты — Мицкевич, Челаковский, Ленартович; лингвистов же и филологов мы видим лишь на втором и третьем планах. Это означает, что необходимо было прежде всего вдохнуть жизнь в начинание с тем, чтобы в дальнейшем стало возможным решение других вопросов и проведение исследований, которые выявили бы основу и сущность предмета.

В Австрии, где на первом этапе история славистики была связана с именем гениального Копитара (1780—1844), периодизация частично остановилась на втором этапе. Например, в Вене и Граце (а также в Зальцбурге и Инсбруке), т. е. в городах с преимущественно немецким населением, разработку славистики начинали выходцы из славянских земель. Основателем славистики в Вене был Франтишек Миклопич (1813—1891), который в юные годы немало времени посвятил поэтическому творчеству, в Граце — Грегор Крек (1840—1905). В роли наследника Миклопича выступил В. Ягич (1838—1923), уже не имевший никакого отношения к поэзии; дело Ягича продолжили Милан Решетар (1860—1942) и Вацлав Вондрак (1859—1925), а после них в Вене работал Н. С. Трубецкой (1890—1938). Его же продолжателем — Ягодич (умер в 1976 г.) был славянином по происхождению, хотя и не осознавал себя таковым. И сейчас в Вене славяне являются профессорами по южной и западной славистике, общей и сравнительной лингвистике, а в Зальцбурге профессором славянской филологии стал болгарин. Поэтому можно сказать, что Австрия, вероятно, осталась единственной страной, в которой подерживается мало-мальски достойное развитие тенденции предшествующего периода.

По-иному обстояло дело в Соединенных Штатах, несмотря на то что число переселенцев из славянских стран в конце XIX в. было достаточно значительным по своей численности. На первый взгляд создается впечатление, что и здесь развитие как бы остановилось на втором этапе. Однако это впечатление ошибочно. В США, так же как и в Дании⁴⁸ или Норвегии⁴⁹, даже иногда в одно и то же время или немногим позднее началась разработка славистики своими силами, которые различным образом приходили в контакт с усилиями ученых славянского происхождения или в стране, или в Европе (Самюэл Н. Харпер, Дж. Принс, Эрнст Дж. Симмонс, Кларенс А. Меннинг и тут же уроженцы славянских стран — Лео Винер, Д. З. Патрик, ирландец по национальности, родившийся в 1883 г. в Нижнем Новгороде, Л. Ф. Мисковский, С. Б. Хрбкова и др.). Но как раз в конце второй мировой войны в США умерли один за другим почти все известные отечественные слависты (С. Н. Харпер — Чикаго, С. Г. Кросс — Гарвард, А. Канн — Калифорния, Дж. Принс — Колумбия, Д. З. Патрик — Калифорния, Г. Лант — Стэнфорд)⁵⁰. В результате наступила буквальная смена поколений. Сейчас, когда по разным причинам к изучению славистики (особенно русистики) стало шире привлекаться младшее и среднее поколе-

ния, в славистике Соединенных Штатов ведущие позиции заняли коренные американцы: Г. Г. Лант, Д. С. Ворт, В. Б. Эджертон, Д. Феррелл, Ф. Уитфилд, Э. Станкевич, тогда как в числе корифеев этой области могут быть названы многие имена выходцев из славянских стран.

Венгерская славистика на раннем этапе ее развития пестрит невенгерскими именами: Матия Бела (1684—1749), который был по происхождению словак, Ференц Толди (1805—1875) — псевдоним Франц Шедел, а в г. Мезёберень, по свидетельству Андяла, создали основы своей славистической ориентации «омадьяренный словак Секач, ословаченный немец Хаан и венгерский незнатный дворянин Шароши»⁵¹. Йожеф Ференц также был «по происхождению славянин, вероятно словак», он стал вначале приват-доцентом, а затем профессором славистики в Будапештском университете и был предшественником Оскара Ашбота (1852—1920). Поскольку сложились такие традиции, никого не удивит, что первым профессором кафедры хорватской филологии был хорват из Воеводины Е. Маргалич, а подобным же образом представителем венгерской славистики в период между двумя войнами мог быть словенец Август Павел (1886—1946). Даже в наши дни представителями венгерской славистики являются венгерский профессор Иштван Книежа (из словацкой семьи) и Ласло Хадрович (хорват по происхождению). В целом Венгрия, как мы видим, не преодолела второго этапа. Причина, возможно, была в том, что здесь речь идет о языках совершенно различных типов, которые с венгерской агглютинативной системой не имеют никаких точек соприкосновения, и это естественно приводит к тому, что в этих языках наибольшее доверие оказывают людям, для которых они близки с детства.

У румын несколько иная ситуация, хотя они как и венгры, и с севера, и с юга соприкасаются со славянами. Специфика Румынии связана с тем, что в румынской церкви с самого начала было введено славянское богослужение, что привело к повседневному сопоставлению румынского языка со старославянским. Это оказало значительную помощь в познании собственной, румынской языковой системы, что нашло отражение в создании относительно рано появившихся румынских языковых справочников (например, «Gramatica românească» Дмитрия Евстатия Брашовяну в 1757 г. и др.). Вообще же первая кафедра славистики в Бухаресте была основана в 1891 г., и первым профессором на этой кафедре и основателем научной славистики в Румынии был Иоанн Богдан.

Если суммировать все сказанное выше, то предварительные выводы могут быть следующие.

Что касается славистики в неславянских странах на начальном этапе ее развития, то славистами в каждой из них в основном

были люди больших идей и больших способностей, часто имевшие славянское происхождение.

Второй этап разработки славистической проблематики начинался обычно тогда, когда к ее руководству приходили отечественные исследователи.

Некоторые ученые-слависты славянского происхождения (Миклошич, Ягич, Трубецкой, Якобсон) смогли на неславянской почве создать славистические школы, которые в будущем нашли многочисленных последователей, в том числе также из тех стран, из которых они вышли.

- 1 См.: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873.
- 2 В скобках указаны даты основания университетов.
- 3 IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960, с. 160.
- 4 Die Ankündigung des «Archiv für slavische Philologie». — In: Jagić V. Spomeni mojega života, 1 (1873—1880). Beograd, 1930, s. 282.
- 5 «Rad» Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umetnosti. Zagreb, 1951, knj. 282, s. 153—154.
- 6 Энциклопедия славянской филологии, вып. 1. СПб., 1910, с. 1.
- 7 Prace lingwistyczne ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay. Kraków, 1921, s. 16—20.
- 8 «Ученые записки Саратовского гос. университета», 1923, т. 1, вып. 3.
- 9 Ср.: Garde P. Histoire de l'accentuation slave, v. I—II. Paris, 1976.
- 10 Merhautová A. Romanische Kunst in Polen, der Tschechoslowakei, Ungarn, Rumänen, Jugoslawien. Wien—München, 1974.
- 11 Kuryluk E. Wiedeńska Apokalipsa. Kraków, 1974.
- 12 К первым десятилетиям XVII в. можно отнести труды Кашича, Лодерекера, Фенне, к началу XVIII в. — труды дельта Беллы, Белостенца, Ямбрешича и целой плеяды лексикографов, чьи словари остались в рукописях: Матиевич (1715), у лужичан — Генниг фон Эссен, столетием позже — Юглер (1809), Матияшевич (1751), Цекинич (до 1752 г.), Клашич (до 1760 г.) и др.
- 13 Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae et Ungaricae. Venetiis, 1595.
- 14 *Maćczyński J. Lexicon Latino-Polonicum.* 1564.
- 15 *Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian.* Pskov, 1607.
- 16 *Ridley M. Russian-English Dictionary.* 1599.
- 17 *Ludolf H. W. Grammatica Russica.* Oxford, 1696.
- 18 См.: Сборник писем и мемориалов Лейбница..., № 7, с. 7.
- 19 *Jagić V. Život i rad Jurja križanića o tristogodišnjici njegova rođenja.* Zagreb, 1917, s. 267.
- 20 *Ягич В. История славянской филологии.* СПб., 1910, с. 429.
- 21 *Jagić V. Korespondencija. Pisma iz Rusije 1865—1886.* Zagreb, 1970, s. 264.
- 22 Соответствующий конкретный материал, относящийся к США, см.: *Manning C. A. A History of Slavic Studies in the United States.* Wisconsin, 1957. Хотя данная книга написана несколько односторонне, она все же дает возможность проследить условия развития американской славистики в 1950-х годах.
- 23 См. примеч. 13.
- 24 *Mihailă G. Principales étapes de l'histoire des études slaves en Roumanie et de leurs rapports avec les études slaves internationales.* — «Romanoslavica», 1968, t. XVI, p. 193—225.
- 25 *Manning C. A. Op. cit., p. 67.*
- 26 *Jensen A. Die Anfänge der schwedischen Slavistik.* — «Archiv für slavische Philologie», 1912, Bd 33, S. 136—165; «Slavica Lundensia», 1975, 3(p).
- 27 См. примеч. 17.

- ²⁸ «Slavica Lundensia», 1975, 3(p), p. 35—49.
- ²⁹ См. примеч. 1.
- ³⁰ *Fontes linguae Dravaeno-Polabicae minores.* — «Slavistische Forschungen» (Böhlau), 1967, Bd 7, S. 56—57.
- ³¹ Ср. упомянутую переписку Ягича, примеч. 21.
- ³² «Было бы неплохо исследовать еще и славянские языки, что Вы, месье, кажется, уже сделали, вытащив из тьмы на свет божий язык москвитов. Меня в самом деле очень удивляет, что соседние народы часто имеют столь различные языки, как германцы и славяне. Возможно, что древние народы, помещавшиеся между ними и сделавшие переход от одного языка к другому менее ощутимым, давно вымерли» (Сборник писем и мемориалов Лейбница... , № 6, с. 6).
- ³³ «Я также получил „Русскую грамматику“ месье Анри Гийома Лудольфа, изданную в прошлом году в Оксфорде. Она показалась мне, как и Вам, весьма скудной, и поскольку он полагает, что церковнославянский язык является в Московии языком ученых, было бы неплохо рассказать о нем подробнее и сравнить с разговорным языком москвитов. Нужен бы также и небольшой словарь. (Однако мы были бы весьма признательны автору этой книги, если бы он побудил Вас высказать Ваши соображения об этих языках. Мне стало известно, что он посетил Московию, а впоследствии исполнял обязанности секретаря при датском принце Георге. Тем не менее покорнейше прошу Вас, сообщить мне Ваше мнение относительно природы этого славянского языка и имеет ли он что-либо общее с языком поляков или жителей Богемии, или славянских народов, населяющих побережье Адриатики.) Осталось еще немного славян в области Люнебурга вдоль Эльбы. Я интересовался ими и спрашивал, как они читают „Отче наш“, причем нашел там слова, которых нет в этой молитве на других славянских языках и которые, похоже, происходят из прусского, таким образом, я полагаю, что данная часть вендов пришла из тех областей» (там же, № 7, с. 7).
- ³⁴ См. примеч. 30.
- ³⁵ *Vocabularium Venedicum.* Ed. R. Olesch, 1959, s. 36.
- ³⁶ *Enciklopedija Jugoslavije*, s. v.
- ³⁷ См.: Ягич В. История славянской филологии, с. 50—51.
- ³⁸ *Dukat V. Katančičeva kritika Dellabellina rječnika.* — In: *Zbornik iz dubrovačke starine* (u čast M. Rešetaru). Dubrovnik, 1957, s. 465—475.
- ³⁹ *Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* Zagreb, 1971—1974, knj. I—IV.
- ⁴⁰ См. примеч. 19.
- ⁴¹ *Les études slaves en France.* — «Guide du slaviste», N 11, p. 101—102.
- ⁴² *Simmons J. S. G. Slavonic Studies at Oxford.* I. — «Oxford Slavonic Papers», 1952, vol. III, p. 125—151.
- ⁴³ *Filipović R. Iz Jagičeve korespondencije Morfillova pisma Jagiču.* — «Građa» (Zagreb), 1951, knj. XXI.
- ⁴⁴ *Rösel H. Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland.* I. Die Universitäten Berlin und Breslau im 19. Jahrhundert. Berlin, 1957; *Pohrt H., Cybulski W. Ein polnischer Slawist und Patriot des 19. Jhs. Zu seinem Wirken in Berlin 1844—1860.* — In: *Beiträge zur Geschichte der Slawistik.* Berlin, 1964, S. 113—136.
- ⁴⁵ *Fischer R. Jena und Leipzig in der Slawistik.* — «Wissenschaftliche Zeitschrift» (Leipzig), 1958, H. 2.
- ⁴⁶ *Cronia A. Per la storia della slavistica in Italia* (appunti storico-bibliografici). Zara, 1933.
- ⁴⁷ *Ibid.*, p. 59.
- ⁴⁸ *Kölln H. Slavistika v Dánsku.* — «Scandoslavica», 1969, t. 15.
- ⁴⁹ *Gallis A. Slawistik und Slawisten in Norwegen.* — «Wiener slawistisches Jahrbuch», 1974, Bd XX.
- ⁵⁰ *Manning C.* Op. cit., p. 67.
- ⁵¹ *Angyal A. Razvitak mađarske slavistike.* — «Slavistična Revija», 1961/62, r. XIII, s. 278—283.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЛАВИСТИКИ В ГЕРМАНИИ ДО 1945 Г.*

В. Цайль, Г. Порт

Под историей славистики в Германии мы понимаем историю развития и распространения знаний о славянских народах, а также основанную на результатах научного исследования информацию проживавшего в германских территориальных государствах и позднее в Германской империи немецкого и ненемецкого населения о духовных и материальных проявлениях жизни славян в прошлом и настоящем. Славистика занимается не только исследованием славянских языков и передач этих знаний, хотя в большинстве случаев именно они находятся в центре внимания славистических исследований, но и исследованием культур славянских народов и передач этих знаний. Утверждение Александра Брюкнера, что славист должен быть «переводчиком духа, а не языков» и способствовать «пониманию и уважению чужого народа, нашего выражение в истории и литературе, в старой и новой культуре»¹, в особой степени относится к немецким славистам. Важнейшей предпосылкой для этого было, конечно, преодоление представления, будто «немецкая культура и славянское бескультурье противостоят друг другу, как солнце и тень»², а стало быть, отмежевание от подобной шовинистической точки зрения.

Историческое и научное, а также политико-идеологическое место славистики в Германии можно определить только на фоне социально-экономических и политических связей истории немецкого народа и славянских народов. При этом следует учитывать, что славистика в Германии продвигалась вперед конструктивным сотрудничеством немцев и славян. При освещении истории славистики в Германии авторы исходят из периодизации, выработанной в марксистско-ленинской историографии³.

В течение примерно 400 лет предмет, метод и функция славистических исследований в Германии претерпевали изменения. Решающее влияние на этот процесс оказывали отношение в разное время к славянским народам, а также экономическая, социальная и политическая ситуация в стране и политика господствующих классов по отношению к славянским народам или государствам

* Автором введения, а также изложения до основания кафедр во Вроцлаве и Берлине, о Веймарской республике и времени фашистской диктатуры является Вильгельм Цайль. Изложение от образования кафедр до 1917 г. принадлежит Гейнцу Порту и Вильгельму Цайлю.

в особенности. Имели, конечно, значение и действовавшие в соответствующие периоды особые причины и поводы для занятия славянскими языками, историей и культурой.

В период формирования славистики в Германии большое место в исследованиях принадлежало исторической проблематике. Но затем, в XIX в., эта тенденция оказалась ослабленной развитием сравнительной индоевропеистики. Наметилось сужение славистики до языковедческих преимущественно исследований. В этом одностороннем направлении, которое было характерно главным образом для времени со второй половины XIX в. до 1945 г., славистика не могла справиться со своим подлинным назначением — передавать знания о культуре славянских народов. Между тем начиная с последних десятилетий XIX в. в Германии не было недостатка в попытках расширить объект славистики, но они не привели к желаемому результату. Решающий переворот произошел только в ГДР, где славистика на той широкой основе, за которую ратовали в прошлом буржуазные ученые-гуманисты, смогла превратиться в комплекс научных дисциплин, содействующий сближению народов. Уважение большинством немецких славистов культурных достижений славян содействовало передаче объективного образа славян и преодолению западноевропейско-или германоцентристских взглядов. Оно наряду с конструктивным сотрудничеством между немецкими и славянскими учеными порождало прогрессивную альтернативу конъюнктурному использованию славистики в шовинистических целях.

В эпоху империализма шовинизм, проистекавший из невежества и высокомерия правящих кругов, а также пренебрежение культурными достижениями славян были основными причинами того, что славистика в Германии в своем развитии отставала от других филологических наук и гуманитарных дисциплин и не могла до 1945 г. даже приблизительно воздать должное возрастающему значению славянских народов, их языков и культур. Она оставалась узкоспециальной наукой, не получавшей широкого общественного резонанса.

В период фашистской диктатуры попытки подчинить славистику «остфоршунгу» еще больше сузили поле деятельности буржуазных славистов-гуманистов. В такой обстановке подчеркнутая ориентация немецких ученых на языковедение в ряде случаев означала более или менее скрытую оппозицию против националистических тенденций политики правящих кругов. Тем более высоко следует поэтому оценить усилия и достижения тех исследователей, которые с буржуазно-гуманистических позиций, используя результаты работы славянских ученых, брались за исследование и пропаганду в немецкой среде славянских языков и культур. Их деятельность, лишенная официальной поддержки или же получавшая лишь незначительную официальную под-

держку, относится к прогрессивному культурному наследию, которое сохраняется и развивается далее в ГДР.

После этих предварительных замечаний обратимся к краткой характеристике развития славистики в Германии.

1

Период от зарождения интереса в Германии к славянским языкам до создания основ славяноведения можно рассматривать как предисторию данной науки. Он начинается в XVI в. и завершается приблизительно к середине XVIII в. Само возникновение интереса к соседним славянским народам связано прежде всего с идеями гуманизма и реформации. Обращение деятелей той эпохи к народному языку приводило к переводу религиозных текстов на серболужицкий язык и их изданию. А это побуждало к привлечению данных других славянских языков. К важнейшим достижениям в этой области относились занятия лужицким языком в университете Франкфурта-на-Одере, усилия Хандроша Тараса, направленные на развитие лужицкого письменного литературного языка (*Enchiridion Vandalicum*, 1610) и первой грамматики лужицкого языка, грамматика нижнелужицкого языка Яна Хойнана (рукопись, 1650), оказавшая впоследствии большое влияние на возникновение нижнелужицкого письменного литературного языка⁴.

Более прочный фундамент был заложен во второй половине XVII—первой половине XVIII в., когда наряду с лужицким языком стали все чаще приниматься во внимание русский, польский и чешский языки. Немецкое раннее Просвещение и связанный с ним ранний пиетизм в Галле создали существенную основу для славистических исследований, в частности, благодаря сотрудничеству между немцами и славянами, хотя значительное место занимали религиозные и политические соображения⁵.

Особенно важна была перспектива, выдвинутая такими немецкими учеными, как Г. В. Лейбниц, а затем — Г. В. Лудольф, И. Л. Фриш, и такими лужичанами, как Михал Френцель, которые предчувствовали или сознавали значение языков и культуры славянских народов, прежде всего русского, в истории Европы. Они поставили славистические исследования на службу выдвинутому ими постулату о взаимодействии народов, и в этом смысле их деятельность имела международное значение. Они заложили прогрессивную традицию в истории славистики в Германии, о своей принадлежности к которой позднее заявляли многие известные ученые.

Важными достижениями наряду с культурно-политической и научной инициативой Г. Лудольфа и Лейбница являются возник-

шие под влиянием грамматики Мелетия Смотрицкого «Grammatica Russica» (1696) Лудольфа, «Historia Linguae Sclavonicae» (1727—1736) Фриша и составленная в 1745 г. «Rudimenta linguae Russicae» И. К. Шталя. Как первое научное произведение в области славянской церковной литературы прочно заняло свое место в истории славистики в Германии «Introductio in historiam et rem literariam Slavorum» (1729). Его автор, Иоганн Петер Коль, который с 1725 до 1728 г. работал в Петербургской Академии наук, позднее — в Гамбурге и Альтоне, интенсивно занимался также славистическими исследованиями. Большое значение для развития славистических исследований имели переводы на славянские языки и славянские издания, главным образом в Галле и Лейпциге. При этом религиозные, политические или экономические аспекты, как бы они ни были важны для занятия славянскими языками, не уменьшают научной значимости достигнутых результатов.

Большие заслуги в деле развития сорабистики, занимающей особое место в славистике Германии, имеют М. Френцель и Б. Фабрициус — основатели верхне- и нижнелужицкого письменных литературных языков, историк Г. Кригер, а также А. Френцель и Ян Б. Рихтар, которые приобрели известность и как языковеды, и как историки культуры. Их переводы религиозных текстов на лужицкий язык, словари и исторические работы, являясь определенными научными достижениями, одновременно были частью борьбы лужицкого народа против дискриминации, германизации и угнетения.

2

Кризис феодального абсолютизма, назревание и начало буржуазного переворота в Германии, воздействие Французской революции и немецкого народного движения, влияние идей Просвещения и романтизма, а также прогресс в социально-экономическом, политическом и культурном развитии славянских народов во второй половине XVIII—начале XIX в. явились факторами, определившими характер, содержание и направленность славистических исследований в Германии на следующем этапе их развития. Научные контакты между немецкими и славянскими учеными в это время содействовали развитию славистики в Германии и в славянских странах. Прусско-русские торговые отношения, а также политическое сближение Пруссии и Австрии с Россией, заинтересованность определенных кругов в России и других славянских странах также способствовали развитию здесь славистических исследований.

Возраставшая с 60-х годов XVIII в. ориентация немецких просветителей, в частности И. Г. Гердера и А. Л. Шлецера, на

языки, их историко-философское и сравнительное изучение, а также интерес ученых к народам и их культурным достижениям являлись благоприятной почвой для славистических исследований. В Германии были достигнуты успехи в познании и объяснении родства славянских языков, которые теперь стали предметом исследования на более широкой научной основе, что привело к порогу сравнительного языкознания. В духе Гердера, который заново открыл терпимость и понимание и подчеркивал значение славянских народов в прошлом, настоящем и будущем, действовала целая плеяда гуманистически настроенных, просвещенных немецких ученых, особое место среди которых занимают А. Л. Шлецер, И. Х. Рюдигер, П. Т. Карпов, К. Г. Антон, И. С. Фатер и И. Х. Аделунг⁶.

Определенное значение приобрели для славистики Яблоновское общество в Лейпциге (1774 г.) и Верхнедужицкое общество наук в Герлице (1779 г.)⁷. Новыми центрами стали Гёттинген, где после своего долголетнего пребывания в России работал Шлецер и Герлиц, где Антон в тесном сотрудничестве с многочисленными славянскими учеными, прежде всего с Йозефом Добровским, развернул плодотворную славистическую деятельность. Шлецер и Антон вслед за Лейбницем и другими указывали на значение языка для прояснения исторических связей и обосновали необходимость сравнения языков как средства для познания их родства.

Большое значение имели «Russische Sprachlehre» (составлены в 1763 г., изданы в 1904 г.), а также исторические работы Шлецера: «Erste Linien eines Versuch über der alten slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse» (1783—1789) Антона, «Praktische Grammatik der russischen Sprache» (1808) Фатера, «Anmerkungen aus der Wenden Sprache» (1762) Карпова, а также «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde» (1806—1817) Аделунга и Фатера. Это были капитальные труды, которые не могли бы возникнуть без предшествующих работ славянских ученых.

Значительное влияние на формирование научного метода изучения славянских языков и культур оказала на многих славистов второй половины XVIII в. немецкая ориенталистика, ведущим представителем которой в Германии был И. Д. Михаэлис, учитель Шлецера и Добровского. Михаэлис осознавал значение славянских языков и подобно Рюдигеру выступал за их введение по крайней мере в крупнейших университетах Германии⁸.

Романтически-гуманистическим импульсом международная славистика обязана в начале XIX в. известным немецким ученым, таким, как Вильгельм фон Гумбольдт, братья Август Вильгельм и Фридрих фон Шлегель и братья Якоб и Вильгельм Гримм.

Их взгляды на значение родного языка были переработаны учеными угнетенных славянских народов и оказали обратное воздействие также на славистику в Германии⁹.

Сказанное во многом относится к сорабистике, которая развивалась далее под знаком позднего Просвещения. Этим, в частности, объясняется во многом и усилившаяся в XVIII в. разработка языка и литературы лужицких сербов, нашедшая отражение в деятельности таких видных представителей этого народа, как Я. Хорчански, М. Я. Валда, Я. Бедрих, а также немецких ученых (К. Г. Антон, И. Г. Гауптман, Г. Кернер, К. Кнаут). Развитие сорабистики содействовали такие учреждения, как «Вендская коллегия проповедников» (Wendisches Prediger-Kollegium), основанная в 1716 г. в Лейпциге и в 1746 г. в Виттенберге, и «Вендский семинар» (Wendisches Seminar), возникший в Праге в 1706 г. Последний содействовал культурным контактам между чехами и лужичанами в эпоху национального Возрождения¹⁰.

3

Большое влияние на дальнейшее развертывание славистических исследований в Германии в эпоху роста капитализма и вызревания буржуазно-демократической революции оказали германо-славянские контакты, особенно германо-славянское братство по оружию в совместной борьбе против Наполеона в 1813 г., культурные и научные влияния национального Возрождения славянских народов Габсбургской монархии в первой половине XIX в., а также различные формы проявления национально-освободительного движения славян, достигшего своего апогея в период польского восстания 1830—1831 гг. и европейских революций 1848—1849 гг. На этом этапе особенно проявились импульсы немецкого и славянского романтизма. В романтизме славянских и немецких народов благодаря собиранию народных преданий, переводу и изданию народных песен и основополагающих языковедческих работ (Франца Боппа, Августа Фридриха Потта, братьев Гримм, Вильгельма фон Гумбольдта и Фридриха Шлегеля) стали действительными прогрессивными элементами, оказавшие решающее влияние на славянскую филологию не только в Германии.

Изучение и передача знаний, а также исследование русского языка в связи с усиливавшимся развитием германо-русских отношений начиная с 1813 г. были важнейшими задачами славистических исследований. Исходным пунктом прежде всего являлось сознание, что русский народ, его язык и культура после победоносной Отечественной войны 1812 г. завоюют всемирно-историческое значение, позже это было дальнейшее развитие русской культуры, побудившее к более внимательному ее восприятию, научному освоению и пропагандированию.

Во времена реставрации, когда царизм превратился в оплот политической и духовной реакции в Европе, восторг перед русской культурой временно ослаб даже в прогрессивных кругах немецкой буржуазии. То, что интерес к русскому языку, однако, не совсем иссяк, следует в первую очередь объяснить укрепляющимися, несмотря на проводимую царизмом политику покровительственной пошрины, экономическими отношениями между Пруссией и Россией¹¹.

В Лейпциге распространением русского языка путем языковых занятий, а также с помощью словарей и учебных пособий занимался Иоганн Адольф Эрдман Шмидт¹². Еще более важной была деятельность лужичанина Яна Петра Йордана, благодаря которой Лейпциг в 1843—1848 гг. стал центром германо-славянских контактов¹³. Его «*Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft*», распространяя сведения о славянской культуре, стремились ликвидировать предрассудки к славянам и сблизить славянские народы и немецкий народ друг с другом.

В поле зрения германской науки теперь вошли языки и культуры, а также научная деятельность других славянских народов. Якоб Гримм исследовал сербский язык. В 1824 г. он издал переведенную им сербскую грамматику Вука С. Караджича (1814 г.).

И. А. Шмеллер, будучи связанным с ведущими представителями чешского народа, в рамках своих широких славистических исследований занимался сравнительным изучением чешского языка и издал «*Blick auf die nachbarliche Slavensprache in Böhmen*» (1843)¹⁴. Значительны также достижения Йордана в Лейпциге, который как лужичанин уделял особое внимание западнославянским народам. Источником этой активности было не только понимание, что без знания славянских языков нельзя заниматься языковедческими, особенно сравнительными, исследованиями, но также и сознание, что немецкая славистика не может игнорировать культурные и научные успехи славянских народов без ущерба для собственного развития.

Так же, как на предшествующем этапе, имело значение наличие славянской тематики в рецензиях ведущих немецких печатных органов, которые познакомили широкие круги Германии с культурными и научными достижениями славян, подготовили почву для углубления славистических исследований.

Возникшие под влиянием чешской славистики работы Х. Любенского, Х. Цейлера и Я. П. Йордана о лужицкой грамматике, труды Я. Ф. Цвара и Я. А. Смолера о лужицкой лексикографии и обогащение лужицкой фольклористики Йорданом, а также прежде всего Я. А. Смолером и Л. Гауптом (*Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlausitz, 1841—1843*) наряду с развитием светской литературы и деятельностью лужицких гимназических и сту-

денческих объединений в Лейпциге, Вроцлаве, Баутцене и Праге являются важными событиями в развитии сорабистики в Германии, происходящем прежде всего под влиянием связанного с народом демократического романтизма западнославянских народов.

Крупным событием, произошедшим по инициативе и при энергичной поддержке разностороннего организатора и ученого Смолера, являлось основание Серболужицкой матицы в Баутцене (Будишине) в 1847 г.

После неудачных попыток основать в 1829—1832 гг. славистическую кафедру во Вроцлаве в 1841 г. при университетах Вроцлава и Берлина были созданы первые «профессуры славянского языка и литературы»¹⁵. Основание этих кафедр приходится на время, когда в других странах Европы также предпринимались усилия, направленные на организационное оформление славистики. Причинами всех этих стараний были растущее значение славянских народов, а также уровень знаний, достигнутый при исследовании их языков и культур.

В Германии на развитие славистики оказывал влияние в этот период «польский вопрос». Со времени трех разделов Польши, в которых участвовали Пруссия, Австрия и Россия, борьба польского народа за свою национальную независимость никогда не затихала. Высшей точкой польского национально-освободительного движения было восстание 1830—1831 гг., а следствием его подавления явились усилившееся угнетение поляков во всех частях Польши, в том числе и на польских землях, захваченных Пруссией, и рост напряженности в польско-немецких отношениях. Для ее разрядки прусский король Фридрих Вильгельм IV взял курс на либерализацию политики по отношению к Польше, которая среди прочих мер нашла выражение и в разрешении учредить названные выше кафедры, призванные главным образом служить развитию и исследованию польского языка и литературы.

По предложению П. Й. Шафарика и при посредничестве Я. Е. Пуркине на кафедру во Вроцлав был приглашен известный чешский поэт и ученый Ф. Л. Челаковский¹⁶. Он преподавал здесь с 1842 до 1849 г. Правда, на его долю не выпало большого успеха. Это следует объяснить не только незначительной поддержкой университетских властей, но и тем фактом, что Челаковский не сумел поставить в центр своей преподавательской деятельности вопросы полонистики. Отрицательное влияние оказывал также недостаточный интерес немецких студентов, которые из-за националистической и шовинистической позиции своих студенческих объединений по отношению к славянам не отваживались изучать славистику. После возвращения Челаковского в Прагу в 1849 г. вроцлавская кафедра славистики оставалась незанятой до 1860 г.

Вместе с работавшим в этом университете чешским физиологом Пуркине Челаковский руководил работой основанного в 1836 г. общества «Towarzystwo literacko-słowiańskie»¹⁷.

Оно объединяло польских, лужицких и немецких студентов, желавших упражняться в славянских языках и расширять свои знания по культуре славянских народов.

Попытки привлечь с помощью Пуркине в Берлинский университет П. Й. Шафарика не увенчались успехом. Однако Шафарик в 1841 г. вручил прусскому министру культуры меморандум «Размышления об организации изучения славянских языков в прусских университетах», который содержал предложения учебного по развитию славянской филологии и стал важным документом в истории международной славистики¹⁸.

По рекомендации Шафарика приват-доцентом славянских языков и литератур в Берлинском университете стал его ученик поляк Войцех Цибульский¹⁹. Он участвовал в восстании 1830—1831 гг. и несколько лет провел в ссылке в России, где познакомился с русским языком и литературой. После своего возвращения он решил заняться славистикой²⁰.

Во время длительной учебы в славянских странах он приобрел необходимые знания, к тому же его поддерживали известные славянские ученые, такие, как Шафарик, Ганка, Копитар и Пуркине. В 1841 г. он смог получить доцентуру в Берлинском университете как первый здесь ученый-славист²¹.

С 1842 по 1859 г. Цибульский с большим успехом преподавал в Берлине. Среди его слушателей было много польских студентов, которые с особым интересом слушали лекции о современной польской литературе. В лекциях ученый с большим пониманием основных проблем своего времени описывал развитие польской литературы в период между 1800 и 1840 гг. на фоне борьбы своего народа за национальную самостоятельность²². Социальная и политическая борьба Цибульского за прогресс, особенно за права поляков, выразилась в его активном участии в событиях революции 1848—1849 гг., в поддержке Славянского конгресса 1848 г. в Праге, в деятельности как польского депутата в первом прусском парламенте. Все это стало поводом для того, чтобы прусские власти не согласились в 1850 г. на его назначение профессором славистической кафедры во Вроцлаве. Только в 1860 г. он был утвержден в этой должности, которую занимал с 1860 по 1867 г. Одновременно он оказывал поддержку работе «Towarzystwo literacko-słowiańskie» и участвовал в его собраниях.

Рассмотренная выше история славистических исследований в Германии носила характер подготовительного этапа. Некоторые его ведущие представители стояли на прогрессивных, буржуазно-гуманистических позициях по отношению к славянским народам и боролись против невежества и национальной нетерпимости;

они создали существенные научные, идеологические и организационные основы, на которых смогло произойти развитие научной славистики во второй половине XIX в. С основанием кафедр славянских языков во Вроцлаве и Берлине начался новый этап развития славистики в Германии.

4

Европейские революции 1848/1849 гг., несмотря на их поражение, сыграли решающую роль в окончательной победе капиталистического строя. В Германии буржуазно-демократическая революция также представляла собой высшую точку в процессе буржуазного переворота и создала новые условия для победы буржуазных отношений. 50—60-е годы проходили под ее влиянием. Для идеологии и культуры германской буржуазии она была водоразделом между подъемом и начинавшимся упадком. Пессимизм и открытая враждебность по отношению к прогрессивному оптимизму эпохи Просвещения, отказ от гуманизма и от революционного демократизма были следствием классового компромисса буржуазии и дворянства²³.

Эти основные тенденции социального, политического, идеологического и культурного развития не могли не оказать влияние на славистику в Германии. Мал был круг немецких ученых, которые с буржуазно-гуманистических позиций объявляли себя сторонниками славянских народов и выступали за исследование и пропаганду славянских языков и культур. К ним относятся Ф. Бопц, Ф. А. Потт и А. Шлейхер. В рамках сравнительных языковых исследований они как известные индоевропеисты выступали за включение в поле зрения сравнительно-исторического языкознания славянских языков, а тем самым и против распространенного в то время отрицательного отношения к славянским народам и их культурным достижениям.

Благодаря деятельности Ф. Бопца и Ф. А. Потта славистика как научная дисциплина становится прочной составной частью быстро развивавшейся индоевропеистики. Выдающимся представителем этого направления в Германии был Август Шлейхер, работавший в Бонне, Праге, а с 1857 г. — в Йене²⁴. Он не скрывал своих прогрессивных взглядов на современные социальные и политические вопросы, о чем свидетельствует прежде всего его деятельность в период революции 1848—1849 гг. Как индоевропеист Шлейхер создал систематично построенный метод генетической классификации индоевропейских языков, особенно подчеркивая мысль об их развитии. К основным трудам Шлейхера следует отнести «Handbuch der litauischen Sprache» (Справочник литовского языка. 1854—1856) и «Compendium der verglichen-

den Grammatik der indoeuropäischen Sprachen» (Краткий курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. 1861—1862).

Еще в Бонне Шлейхер интенсивно занимался славянскими языками, их историческим развитием и родством. Он сам владел многими славянскими языками, а также литовским. Больше, чем Бопп, Потт и другие, он сделал славянские языки прочной составной частью сравнительного языкознания.

Материал для своей книги «Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt» (Морфология церковнославянского языка, представленная с комментариями и сравнениями. 1852) он почерпнул из первых работ Ф. Миклошича, продолжавшего в Вене дело Боппа, Потта и Якоба Гримма. Заслуживающим внимания трудом в области славистики была также «Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache» (Фонетика и морфология полабского языка. 1871). Его основной труд — сравнительная грамматика славянских языков — остался незавершенным. Вместе с А. Кунном Шлейхер с 1858 г. издавал также «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiet der arischen, celtischen und slavischen Sprachen» (К сравнительной лингвистике в области арийских, кельтских и славянских языков), где он публиковал свои собственные работы и сообщал о всех существенных явлениях славистики. М. Мурко подчеркнул значение Шлейхера, имевшего в Германии учеников-последователей — А. Лескина и И. Шмидта²⁵.

История сорабистики в два десятилетия между буржуазной революцией и основанием Германской империи была тесно связана с процессом дальнейшего развития лужицкой народности²⁶.

С основанием Серболужицкой матицы и изданием в Будишине ее журнала в Германии возник крупнейший центр сорабистики. В это время Я. А. Смолер был выдающимся руководителем и организатором национального, культурного и научного развития лужицких сербов, которое находило особую поддержку в славянской солидарности. В М. Хорнике он нашел наделенного национальным сознанием соратника в своей борьбе за права лужицкого народа и незаурядного помощника в осуществлении своей научной и научно-организационной программы²⁷. Хорник считается одним из основателей сорабистики XIX в., хотя в этой области он и не оставил крупного труда. Свои основные выводы и результаты исследований он опубликовал в многочисленных статьях в журнале «Časopis Mačicy Serbskeje».

К выдающимся сорабистам этого времени относится также К. Е. Пфуль. Его «Lausitzisch-wendisches Wörterbuch» (Лужицко-вендский словарь. 1866), первый большой лужицкий словарь вообще, был новаторской работой, которой этот разносторонний лужицкий ученый занимался 25 лет²⁸. До сих пор этот труд является важной основой славистических исследований. Этим образ-

цовым трудом и «Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische» (Фонетикой и морфологией верхнелужицко-вендического языка с особым учетом старославянского языка. 1867) Пфуль создал важные теоретические основы для находившегося тогда в стадии возникновения единого верхнелужицкого письменного литературного языка.

Работы Смолера, Хорника, Пфуля и других авторов, содействовавшие пропаганде лужицкосербского национального сознания, необходимо связать с общественными и политическими стремлениями времени. Они являются составной частью национально-освободительной борьбы лужицкого народа.

5

Время от Парижской коммуны и основания Германской империи до конца XIX столетия было эпохой перехода от капитализма свободной конкуренции к империализму, эпохой «полного господства и упадка буржуазии... подготовки и медленного собирания сил новым классом — современной демократией»²⁹.

Прусско-германское милитаристское государство с момента основания показало себя врагом всех демократических движений и стремлений к свободе. От реакционной политики этого государства страдали как польское население в восточных провинциях Пруссии, так и лужицкая народность. Антидемократизм внутри страны и агрессивность за ее пределами были основными чертами этой политики. Они нашли еще более яркое выражение в конце XIX в., когда капитализм вступил в последнюю и высшую стадию³⁰.

Шовинистическое влияние идеологии господствующих классов на население и стремление германского империализма на Восток и Юго-Восток, для «научного обоснования» которого был вызван к жизни германский империалистический «остфюршунг» с его откровенной антиславянской направленностью, имели особенно негативное влияние на развитие славистики в Германии. Тяжелым было положение славистов, которые выступали против шовинизма, враждебности по отношению к славянам, за взаимопонимание с ними, что предполагало уважение к славянским культурам и языкам. Славистика продолжала развиваться прежде всего по инициативе отдельных исследователей. Некоторое содействие ее развитию оказало меценатство господствующих классов, жертвовавших деньги во имя престижа Германской империи и поддержания значимости германской науки в мире.

В это время славистика в Германии находилась также под особенно сильным влиянием индоевропеистики, которое содейст-

вовало ее развитию, но одновременно навязывало ей одностороннее лингвистическое направление. Такие крупные ученые, как А. Лескин, Г. Эбель, А. Ф. Потт, И. Шмидт, К. Бругман и А. Беценбергер, представлявшие эту тенденцию славистики, наряду с литовским языком все чаще включали в свои исследования также старославянский и живые славянские языки. Число славистических трудов в ведущих специальных лингвистических журналах и рецензионных органах, таких, как «Indogermanische Forschungen» («Индоевропейские исследования»), «Deutsche Literaturzeitung» («Германская литературная газета») и др. беспрестанно росло.

Концентрация внимания на языковедческих проблемах не означала того, что другие частные области славистики, хотя и в меньшей мере, не принимались во внимание. В результате усилившейся переводческой деятельности в Германии распространились литературные произведения славянских народов. Это обусловило возникновение первых изложений истории славянских литератур на немецком языке, отражавших возраставшую потребность в информации. Народные песни и сказки и другие фольклорные жанры славянских народов, которыми увлекались еще в первой половине XIX в., также стали теперь предметом научных исследований (А. Лескин, В. Вольнер, К. Бругман, А. Брюкнер, В. Неринг и К. А. Мука). Наряду с историей литературы и фольклором славянских народов некоторые слависты уделяли внимание также славянской археологии.

Процесс организационного оформления славистики в Германии также имел определенные успехи. В 1870 г. А. Лескин стал профессором Лейпцигского университета, оживилась деятельность кафедры славистики в Берлине (1873 г.), были учреждены славистические кафедры в Мюнхене (1911 г.) и Кенигсберге (1914 г.). Пять славянских кафедр, на которые были приглашены известные немецкие и славянские ученые, были важнейшими центрами развития славистики в Германии. При этом лейпцигская кафедра поддерживала тесные связи с Будишином, центром сорабистики в Германии.

Деятельность таких ученых, как Г. Курциус, К. Бругман, Э. Виндиш и В. Штрайтберг, во второй половине XIX в. превратила университет в Лейпциге в крупный центр лингвистики. Приглашение специалиста по славянским языкам, значение которых для языкознания признавалось все большим числом ученых, также оказалось настоятельной потребностью, для реализации которой в Лейпциге имелись хорошие предпосылки, поскольку тамошний университет имел давнюю традицию славистических исследований. Его философский факультет еще в 1861 г. хлопотал об учреждении кафедры славистики, для которой Ф. Миклошич рекомендовал филолога А. Лескина, а другим кандидатом

был лужицкий серб К. Б. Пфюль. Это нашло поддержку у «Вендской коллегии проповедников» в Лейпциге, которая была особенно заинтересована в том, чтобы в рамках создающейся славистической кафедры поощрялись сорабистика и главным образом развитие и научное исследование лужицких языков³¹.

А. Лескин, занимавший кафедру в Лейпциге с 1870 г. до своей смерти в 1916 г. и способствовавший ее большому авторитету в стране и за ее пределами, под руководством А. Шлейхера интенсивно изучал славянские и балтийские языки³². После первоначальных исследований в области сорабистики, результаты которых он изложил в лекциях и статьях, в центре его внимания кроме литовского находились старославянский и сербохорватский языки, как показывают «Grammatik der altbulgarischen Sprache» (Грамматика староболгарского языка. 1909) и «Grammatik der serbokroatischen Sprache» (Грамматика сербохорватского языка, ч. I. 1919).

Помимо истории языка внимание Лескина привлекают также живые славянские языки, особенно диалекты, как это подтверждают его исследования южнославянских диалектов.

Наряду с интенсивной исследовательской и преподавательской деятельностью, в рамках которой Лескин занимался проблемами различных частных областей славистики и сотрудничал во многих специальных журналах, следует подчеркнуть его работу в Саксонской Академии наук и Яблоновском обществе в Лейпциге. Лескин относится к выдающимся немецким славистам и из круга его учеников вышли такие известные представители международной славистики, как О. Брок, А. М. Разводовски, А. Белич, Э. Бернекер, К. А. Мука и многие другие³³. И хотя немецкому слависту не удалось основать самостоятельный славянский семинар в Лейпциге, с 1876 г. в рамках Института индоевропеистики существовало балто-славянское отделение, руководителем и инициатором которого был Лескин.

Лескин считается одним из известнейших представителей «Junggrammatische Schule» (Младограмматической школы), которая особо отстаивала тезис о закономерном действии фонетических законов как принципе исследования. Правда, изолированный, недиалектический способ рассмотрения лишь редко позволял ее сторонникам добиться установления причинных закономерностей. Тем не менее языковедение обязано этой школе, которая была основана прежде всего немецкими лингвистами А. Лескиным, К. Бругманом, Г. Остгоффом, В. Штрайтбергом и Г. Паулем, первыми большими попытками общего рассмотрения индоевропейских языков, а также основополагающими трудами об историческом развитии отдельных индоевропейских языков. В своей работе «Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen» («Склонение в славяно-литовском и германском языках»;

1876) Лескин впервые систематически применил принципы младограмматической школы.

Лескин не один представлял славистику на лейпцигской кафедре. Вместе с ним трудились его ученики В. Вольнер и Р. Шольвин, а также А. Зеренсен. Вольнер читал лекции о литературах и фольклоре славянских народов и этим способствовал некоторому исправлению односторонней языковедческой ориентации славистики в Германии³⁴. Отказ Лескина и его учеников от шовинистической идеологии господствующих классов и от опасной позиции находившихся под влиянием шовинизма широких кругов населения включал в себя призыв к исторической правде, обращенный также и к не преодолевшим националистических воззрений славянским ученым³⁵.

Жившие в Пруссии поляки оказывали сопротивление суровым мерам берлинского правительства, направленным на германизацию. Польские депутаты в прусском парламенте неоднократно выступали за право поляков на неограниченное употребление их родного языка в общественной жизни. После многих неудачных попыток основать польский университет в Познани польские депутаты сконцентрировали свои усилия на создании кафедры польского языка и литературы при университете в Берлине. В 1869 г. прусская палата депутатов была вынуждена принять решение об основании заново славистической кафедры при Берлинском университете, в рамках которой польскому языку должно было уделяться особое внимание. Позиция философского факультета, однако, довольно типично отражала господствовавшие шовинистические настроения в отношении задач и форм организации изучения славянских языков и культур. Так, в 1870—1872 гг. были отклонены как неподходящие все кандидатуры для занятия славистической кафедры (поляков А. Малецкого, Й. Пшиборовского, а также Я. Игнация, Бодуэна де Куртенэ и лужицкого серба К. Б. Пфуля). Только в 1873 г. министр культуры с согласия философского факультета смог назначить хорвата Ватрослава Ягича заведующим кафедрой славянских языков и литератур³⁶.

Ягич представлял славистику в Берлине с 1874 до 1880 г. Его преподавательская деятельность простиралась от сравнительной грамматики славянских языков через интерпретацию славянских литературных памятников различных эпох до славянской археологии. Круг его слушателей был мал, поскольку только немногие немецкие студенты интересовались славистикой, а польские студенты отчасти бойкотировали его лекции, выражая таким путем осуждение прусской политики по отношению к полякам.

Ягич развил в Берлине активную исследовательскую деятельность. Особое значение имел основанный им «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской филологии»). Ягич издавал его

вместе с Лескиным и Нерингом с 1875 г., и благодаря сотрудничеству уважаемых в стране и за рубежом славистов издание скоро приобрело репутацию ведущего специального журнала международной славистики³⁷. «Архив» был вообще первым журналом, стремившимся охватить славистику в целом³⁸.

Чтобы сделать возможным издание этого журнала в Пруссии, надо было вести научную дискуссию по-деловому и корректно. Кроме того, Ягич должен был заботиться об осторожной во всех отношениях позиции своего «Архива», так как прусские власти разрешали публиковать лишь чисто научные статьи без какой-либо политической или конфессиональной тенденции. Однако это не означает, что Ягич не высказывал собственного мнения по социальным и политическим вопросам. Он был внимательным и заинтересованным наблюдателем всемирно-исторического процесса и тенденций развития и, как прежде всего показывает его переписка, особенно в политических и идеологических вопросах истории славянских народов продемонстрировал прогрессивный, буржуазно-гуманистический образ мыслей.

Собственный опыт, приобретенный им в берлинский период деятельности, побудил Ягича способствовать тому, чтобы его преемником стал обладавший национальным сознанием польский ученый, который наряду с глубокими знаниями по языковедению располагал бы также литературно-историческими знаниями. А. Брюкнер, приглашенный в Берлин в 1881 г., вполне соответствовал этим требованиям. Ровно 44 года он преподавал в Берлинском университете, а всего проработал здесь около 60 лет³⁹. Он относился к выдающимся представителям своей специальности и на рубеже XIX—XX столетий оказывал немалое влияние на развитие международной славистики.

Вначале Брюкнер выдвинулся в качестве лингвиста, включившего в свои исследования все славянские языки, а также литовский язык. Позднее он ограничился исследованием польского языка, а с 1885 г. посвятил себя польской литературе. Многочисленные ценные публикации сделали его признанным знатком польской литературы средневековья, а также XVI—начала XVII в. Особое внимание Брюкнер привлек открытием старейшего польского письменного памятника «Predigten vom heiligen Kreuz» («Проповеди со Святого креста»). Среди германской общественности Брюкнер стал известен также как автор справочников, таких, как «Geschichte der polnischen Literatur» (История польской литературы. 1902), «Geschichte der russischen Literatur» (История русской литературы. 1909) и «Geschichte der älteren polnischen Schriftsprache» (История древнего польского письменного литературного языка. 1922). Кроме того, он написал труды, которые до настоящего дня сохранили свою ценность, главным образом из-за обилия фактического материала. Сюда относятся

«Słownik etymologiczny języka polskiego» (1927; 2 wyd. 1957), «Dzieje kultury polskiej» (1930—1931; 3 wyd. 1957—1958), «Encyklopedia staropolska» (1937—1938).

Брюкнер был польским патриотом, с гордостью заявлявшим о принадлежности к своему народу. Своей деятельностью он стремился укрепить национальное самосознание соотечественников, указывая на ценность родного языка и большие культурные достижения поляков в прошлом.

Наряду с Брюкнером в последней трети XIX в. развитию славистики в Германии содействовал также крупный польский ученый В. Неринг, стоявший на прогрессивных позициях. В 1868 г. министерство пригласило его во Вроцлав заведовать кафедрой, эту должность он занимал до 1907 г.⁴⁰ Преемником Неринга явился Э. Бернекер. Неринг, в прошлом преподаватель гимназии в Познани, стал известен благодаря работам в области польского языка и литературы. В своей исследовательской и преподавательской деятельности, в центре которой стояли польский язык и славянский фольклор, Неринг уделял внимание и другим славянским языкам и литературам, а также славянской археологии. Его работы, опубликованные в польских и немецких журналах, и деятельность как преподавателя высшей школы имели целью внушить уважение к языкам и культурам славянских народов. Неринг подготовил многочисленных учеников. Он также всячески поддерживал работу «Славянско-литературного общества» вплоть до 1886 г., когда оно, как и все польские студенческие объединения в Пруссии, вынуждено было прекратить свою деятельность.

Основанию славистической кафедры при университете в Мюнхене (1911 г.), четвертой славистической кафедры при германских университетах, существенное содействие оказал известный византист К. Крумбахер, который в своей исследовательской работе остро ощущал необходимость славистических исследований. С 90-х годов Крумбахер хлопотал о приеме на работу в Мюнхенский университет слависта. Сознавая значение славянских языков и культур, он ввел курс русского языка и читал лекции по русской грамматике. В своей программной статье «Культурная ценность славянского языка и славянская филология в Германии»⁴¹ он, ссылаясь на культурное наследие и активную духовную жизнь славянских народов, высказал мысль о необходимости коренного улучшения славистических исследований в германских университетах.

В 1911 г. Э. Бернекер, представлявший ранее славистику как доцент и профессор в университетах Берлина, Праги и Вроцлава, был приглашен в Мюнхенский университет заведующим кафедрой славистики. Здесь он трудился в духе буржуазно-гуманистических традиций славистики в Германии вплоть до своей смерти

в 1937 г. В исследованиях Бернекером славянских и балтийских языков чувствуется сильное влияние «младограмматической школы», крупнейший представитель которой Лескин был его учителем. Наиболее зрелой работой Бернекера является оставшийся, к сожалению, незавершенным «Slawisches etymologisches Wörterbuch» (Этимологический словарь славянских языков. 1908—1913). Этот труд особенно способствовал тому, что Бернекер завоевал международный авторитет. В 1923—1929 гг. он издавал подобно Ягичу «Архив славянской филологии». Бернекер оказал существенное содействие подъему международного престижа славистики в Германии своей ориентацией на деловое германо-славянское сотрудничество и исследование славянских культур и языков.

В 1914 г. в Кенигсбергском университете была основана славистическая кафедра, на которую был приглашен Пауль Рост. П. Рост стал известен прежде всего своей книгой «Sprachreste der Drawäno-Polaben im Hannoverschen» (Остатки языка древлянских полабов в ганноверском диалекте. 1907), относящейся, как и книга Шлейхера «Фонетика и морфология полабского языка», к написанным немецкими славистами образцовым трудам о полабском языке и до сих пор сохраняющим научную ценность.

И на этом этапе сорабистика в Германии играла важную роль в борьбе лужицкого народа против антинародной национальной политики господствующих классов, против политики дискриминации, германизации и угнетения лужицкого населения⁴². Она оказывала большое влияние на процесс укрепления лужицкого национального движения, защиты и развития лужицкой культуры. Серболужицкая матица в Будишине оставалась центром сорабистики в Германии.

Значительный вклад в развитие сорабистики внес А. Лескин. В рамках своей сорабистической исследовательской и преподавательской программы он читал лекции о языке лужицких сербов, публиковал исследовательские статьи по вопросам сорабистики. Очень большое значение имели сорабистические труды самих лужицких сербов. Основной труд лужицкой историографии — совместная польско-лужицкая работа «Historija serbskeho naroda» (История лужицкого народа. 1884) В. Богуславского и М. Хорника — имеет историческое, политическое и национальное значение, научная ценность ее выше работ по истории литературы и фольклору лужицких сербов.

Особое место в сорабистической деятельности у лужицких сербов занимало языкознание. Своими усилиями, направленными на объединение протестантской и католической орфографии верхнелужицкого языка, Хорник добился больших успехов в развитии этого языка. Изучением древних письменных памятников лужицких сербов, которое он провел совместно с К. А. Мукой, он

создал основы для исследования истории лужицкого языка. Языковедческие работы Б. Швелы должны были прежде всего служить укреплению и нормированию нижнелужицкого письменного литературного языка.

Международное признание сорабистике в Германии принесли труды ученика А. Лескина К. А. Муки, до сих пор являющиеся образцовыми работами по сорабистике⁴³. Самые значительные среди них — «Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache» (1891) и «Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte» (1911—1928).

Большое значение для информации о славянах и их культурных достижениях имеет деятельность многих немецких издателей, печатников и библиотекарей в период с XVIII до XX в., таких, как Брокгауз (Лейпциг), Харткнох (Рига и Лейпциг), Брайткопф и Хертель (Лейпциг), Винтер (Гейдельберг) и Смолер (Баутцен).

Разработка славистической проблематики содействовала образованию славистических фондов в библиотеках Гёттингена, Тюбингена, Веймара, Герлица, Будишина, Лейпцига, Мюнхена и Берлина⁴⁴. Более интенсивно стали разрабатываться славистические темы в региональных научных обществах XVIII—XIX вв. в Гёттингене, Мюнхене, Вроцлаве, Кенигсберге и Берлине.

Исследование истории России и других славянских народов во второй половине XIX в. стало самостоятельной специальной дисциплиной, которая отделилась от остальной славистики и вскоре была представлена собственными кафедрами и исследовательскими институтами при многих германских университетах (среди прочих кафедрой восточноевропейской истории Берлинского университета).

Несмотря на подъем славистики в Германии в период между 1871 и 1917 гг., она нашла лишь очень слабый отклик у немецкой общественности. Еще долго она оставалась наукой, которая интересовала в сущности немногих специалистов. Главную причину такого положения следует видеть в усиливавшемся после 1871 г. шовинизме, антиславянской позиции господствующих классов и находящихся под их влиянием широких кругов германского населения. Этому способствовала также политика в области культуры и науки, проводившаяся в Германской империи.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая всемирно-историческую эпоху перехода от капитализма к социализму, а также образование самостоятельных чехословацкого, польского и югославского буржуазных государств поставили пе-

ред славистикой в Германии новые задачи. Однако работа славистов в Германии затруднялась тем, что Версальский договор не посягал на основы власти германского империализма⁴⁵. Шовинизм и реваншизм, антикоммунизм, антисоветизм и враждебность по отношению к славянам по-прежнему процветали, так как являлись опорой господствующих классов в их политике «дранг нах Остен». Все это оказало в высшей степени негативное влияние на характер контактов германских ученых с их славянскими коллегами. Другим препятствием было всячески разжигавшиеся официальной пропагандой равнодушие и даже враждебность широких кругов германского населения к славянам, а также недостаточное понимание культуры славянских народов. Это противоречило требованиям Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, которая, так же как и Октябрьская революция, показала, что социальные и национальные интересы народов могут быть обеспечены только тогда, когда вопрос о власти решится в пользу рабочего класса и его союзников, в пользу пролетарского интернационализма. Безразличие же и враждебность широких кругов германского населения к славянским народам на деле служили интересам господствующего класса, который пытался включить славистику в систему германского империалистического «остфоршунга» и таким образом использовать результаты ее исследований в политических целях, одинаково чуждых интересам и славянских народов, и самих немцев. Сторонники подобного «развития» славистики способствовали тому, чтобы она осталась «чисто кафедральной наукой», «суженной до круга немногих ученых, и без всякого отклика в обществе»⁴⁶. Г. Ф. Шмид и Р. Траутман в 1927 г. в своем программном заявлении «Сущность и задачи германской славистики» отмежевались от безразличия и шовинизма и таким образом сформулировали позицию прогрессивных представителей славистики в Германии.

Тот факт, что большинство буржуазных германских ученых представляли антидемократические, проимпериалистические воззрения⁴⁷, не должен, однако, вводить в заблуждение относительно того, что под влиянием Рапалльского договора (1922 г.)⁴⁸ и Общества друзей новой России (1923 г.)⁴⁹ продолжал происходить процесс дифференциации среди представителей германской буржуазной науки в Веймарской республике. Он охватил также и славистику. Некоторые слависты сознательно поставили многочисленные работы в духе антиславянского «дойчтумса» и «остфоршунга» на службу господствующему классу, такие, например, как А. Лютер и Ф. В. Нойман⁵⁰. В националистическом духе выступал также П. Дильс, который как заведующий кафедрой славянской филологии во Вроцлаве играл ведущую роль в Институте Восточной Европы, одном из учреждений германского империалистического «остфоршунга»⁵¹. Однако большинство герман-

ских славистов, стоя на различных политических позициях, отклоняли политику и идеологию господствующего класса и выступали за деловое сотрудничество со славянскими учеными. Несмотря на подчинение их дисциплины «дойчтумсу» и «остфоршунгу», которое было причиной известных уступок⁵², в работах буржуазно-гуманистически настроенных славистов отразились усилия, направленные на объективное исследование жизни славян.

Важнейшими центрами славистики были кафедры славянской филологии во Вроцлаве (П. Дильс), Берлине (созданный М. Фасмером в 1925 г. Славянский институт), Лейпциге (М. Фасмер и Р. Траутман), Мюнхене (Э. Бернекер) и Кенигсберге (П. Рост и Р. Траутман, позднее К. Г. Мейер), семинары славянских языков при некоторых университетах, а также Серболужицкая матрица в Будишине. Особого упоминания заслуживают труды следующих ученых: П. Дильса (*Altkirchenslavische Grammatik*, ч. 1, 2, 1932, 1934), Ф. Лоренца (*Geschichte der pomoranischen Sprache*, 1925) и Р. Траутмана (*Baltisch-slavisches Wörterbuch*, 1923). Следует упомянуть также широкую преподавательскую деятельность ординарных и экстраординарных профессоров и приват-доцентов кафедр славянской филологии, хотя их студенческая аудитория была невелика. Большое значение для славистики в Германии на этом этапе имела деятельность поляка А. Брюкнера в Берлине. Не менее важна была деятельность словенца М. Мурко в Лейпциге.

Несмотря на концепционные слабости, большим достижением были изданные М. Фасмером и Р. Траутманом 12 томов «*Grundriss für slavische Philologie und Kulturgeschichte*» (1925—1933); серия «*Slavica*», издававшаяся М. Мурко совместно с Карлом Гейнрихом Мейером; «*Veröffentlichungen des slavischen Instituts an der Friedrichs-Wilhelms-Universität Berlin*», выпускавшиеся М. Фасмером с 1927 г., а также «*Slavisch-baltische Quellen und Forschungen*», готовившиеся Р. Траутманом. Это были труды, над которыми совместно работали немецкие и славянские ученые. Они включали языковедческие, культурно-исторические и литературно-исторические работы, содействовали ориентации славистики в Германии на распространение знаний о культурах славянских народов.

Основанный в 1925 г. М. Фасмером «*Zeitschrift für slavische Philologie*» («Журнал славянской филологии»), в котором освещались не только языковедение, но равным образом и история славянских литератур, этнография, фольклористика, история и история искусства славянских народов, стал одним из важнейших органов германской и международной славистики. «*Jahrbücher für Kultur und Geschichte der slavischen Völker*», издававшиеся Институтом Восточной Европы во Вроцлаве, были органом «ост-

форшунга» и в научном отношении не могли составить конкуренции ни «Архиву», ни «Журналу».

Готовность немецких ученых к сотрудничеству со славянскими учеными нашла выражение в участии известных немецких ученых в двух международных съездах славистов. В первом съезде славистов в Праге (1929 г.) наряду с лужицкими сербами Ю. Кралем, М. Навкой и Б. Швелой принял участие М. Фасмер, а во втором конгрессе славистов в Варшаве (1934 г.) наряду с Б. Швелой и П. Виртом участвовали Бернд фон Арним, Карл Генрих Мейер и Макс Фасмер⁵³.

В условиях враждебности по отношению к славянам развитие сорабистики должно было особенно пострадать. Возникшее в 1920 г. «Zentrale Wendenabteilung»⁵⁴ (Центральное отделение вендов) относилось к наиболее важным идеологическим орудиям угнетательской антилужицкой политики господствующего класса. Преуменьшение серьезности или оправдание германизации лужицких сербов, клевета на них и игнорирование их оборонительной борьбы против дискриминации и угнетения — таково содержание серии «Die Wenden. Forschungen zu Geschichte und Volkstum der Wenden» («Венды. Исследования истории и народности вендов»), которая выходила с 1930 г. по поручению Фонда исследования германского народа и культуры. После установления фашистской диктатуры издание не продолжалось.

Поддерживая сорабистику, такие немецкие слависты, как Фасмер, Мейер и Траутман, отмежевались от реакционного направления. Они имели большие заслуги перед сорабистикой в Германии, преподавая ее в высшей школе, разрабатывая отдельные вопросы сорабистики в специальных журналах и издавая древне-лужицкие языковые памятники. Так, Мейер издал в 1923 г. «Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius», а Траутман — «Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter» (1928). Это побуждало к работам по сорабистике (например, работы К. Хеннике, Г. Х. Бильфельда и П. Вирта). Исследования лужицких и немецких авторов в области сорабистики помещались в «Публикациях Славянского института университета им. Фридриха Вильгельма в Берлине»⁵⁵.

Однако наиболее значительных достижений добились лужицкие ученые. Они осознали важность сорабистики как научной основы борьбы лужицкого народа за свои национальные права и сознательно подчинили ей свои исследования. Правда, это не должно вводить в заблуждение относительно того, что большинство их не понимало социального содержания национального вопроса лужицких сербов и значения для его решения классовой борьбы.

Наряду с филологическими работами К. А. Муки, Б. Швелы и М. Навки особое значение приобрели литературоведческие и

культурно-исторические исследования О. Вичаза и библиографические работы Я. Вяцлавка. К крупным достижениям относятся «Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte» (Словарь нижнелужицкого языка и его диалектов), созданный К. А. Мукой в 1915—1928 гг., и «Vergleichende Grammatik der ober- und niedersorbischen Sprache» (Сравнительная грамматика верхне- и нижнелужицкого языка. 1926) Б. Швелы.

7

С установлением фашистской диктатуры в Германии реакционные империалистические силы объявили войну всем прогрессивным движениям, а также всем гуманистическим, демократическим и мирным традициям. Фашистская пропаганда исходила из всего реакционного в прошлом, фальсифицировала и использовала в своих преступных целях культурное наследие⁵⁶. В этом смысле фашистская политика по отношению к науке пыталась политически и идеологически «унифицировать» также и область славистики и подчинить ее «дойчтуму» и «остфоршунгу». Последнее следует рассматривать в связи с фашистской военной политикой и временной оккупацией славянских стран, требовавшей большого числа знатоков славянских языков. Ввиду антиславянской направленности фашистской политики и идеологии, а также антисоветизма и антикоммунизма господствующих кругов славистика после 1933 г. еще больше попала в поле политической напряженности. Процесс дифференциации среди немецких славистов достиг в эти годы наивысшей точки. Слависты, как и другие ученые, не скрывавшие своих антифашистских демократических убеждений, были заключены в концентрационные лагеря (Георг Закке)⁵⁷. Их антиподами были слависты, сознательно поддерживавшие фашизм. К ним относился Ф. В. Нойман, который пытался в духе фашистской расовой теории и тезиса о различии в уровнях культуры Запада и Востока заново сформулировать основы и цели немецкого славяноведения. К его главным задачам он причислял также исследование «продвижения на Восток немецкой крови и духа с раннего средневековья» и «многостороннее немецкое влияние» на славянские народы.

Большинство славистов, которые могли продолжать свою деятельность, не идентифицировались с политикой и идеологией фашизма. Они оставались верными гуманистическим традициям прежней немецкой славистики и в своей научной работе сопротивлялись преступному использованию славистических исследований. Их занятию языковедческими и культурно-историческими темами славистика в Германии, несмотря на все возраставшее ее подчинение «дойчтуму» и «остфоршунгу», обязана отдельными

ценными результатами и основательным сбором материала. Заслуживают упоминания в первую очередь следующие работы Траутмана: «Die Volksdichtung der Grossrussen» (Народная поэзия великоруссов. 1935) и «Zu Form und Gehalt der Novellen Turgenjews» (О форме и содержании рассказов Тургенева. 1942). Книга этого же ученого «Die wendischen Ortsnamen Ostholsteins, Lübeck, Lauenburgs und Mecklenburgs» (Вендские названия населенных пунктов Восточного Гольштейна, Любека, Лауенбурга и Мекленбурга. 1939) была конфискована фашистами, внесена в список запрещенных и была издана только после второй мировой войны. Следует назвать также работы М. Фасмера: «Die Slaven in Griechenland» (Славяне в Греции. 1941), «Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung» (Древние отношения населения России в свете исследования языка. 1941) и «Die griechischen Lehnwörter im Serbokroatischen» (Греческие заимствования в сербскохорватском языке. 1944). Их автор известен своими этимологическими исследованиями слов и имен, а также работами по истории германо-славянских культурных отношений в XIX в. Однако обстановка в целом была неблагоприятной, и, например, «Очерки» и «Публикации» Славянского института в Берлине в начале 40-х годов должны были прекратить свое существование.

Для лужицких сербов фашистская диктатура была самым тяжелым временем их истории. За открытым террором в первые месяцы диктатуры, вызвавшим международные протесты против угнетения лужицких сербов (в том числе со стороны антифашистской эмиграции), последовала показная «терпимость». При этом методы германизации стали более утонченными. В это время Траутман в Лейпциге, читая лекции о языке лужицких сербов в университете, и Фасмер в Славянском институте и (с 1932 г.) Славянской комиссии Академии наук в Берлине способствовали развитию сорабистики. Возникший под руководством Фасмера труд П. Вирта «Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas» (т. 1—2, 1933—1936) и исследование Бильфельдта «Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen» (1933), а также работы по истории культуры Фридо Метшка и Ота Вичаза относятся к наиболее значительным достижениям сорабистики в Германии в период между 1933 и 1945 гг. В 1937 г. фашизм открыто ликвидировал все культурные учреждения лужицких сербов. Это сделало невозможной реализацию намерений по дальнейшим сорабистическим исследованиям, как и вообще любую общественную деятельность в области сорабистики.

*

С разгромом гитлеровского фашизма в 1945 г. начался новый период в истории славистики в Германии. В Германской Демократической Республике впервые на немецкой земле были созданы важнейшие предпосылки для всестороннего развития всех областей славистики в тесном сотрудничестве с учеными Советского Союза и братских социалистических стран и тем самым для превращения славистики в объединяющую народы научную дисциплину⁵⁸. Одновременно было обращено внимание на решительное исправление трагических ошибок прошлого, к которым наряду с роковым для немецкого народа шовинизмом и опасной враждебностью по отношению к славянам относятся также чреватая отрицательными последствиями изоляция славистики от больших социальных и политических вопросов своей эпохи. Слависты ГДР, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, исходят в своей работе из прогрессивных традиций немецкой науки, продолжая и развивая их на более высокой ступени научного познания.

¹ Brückner A. Der neue Lehrstuhl für Slawistik an der Universität Leyden. — «Archiv für slavische Philologie», 1914, Bd 35, S. 613 f.

² Schmid H. F., Trautmann R. Wesen und Aufgaben der deutschen Slavistik. Ein Programm. Leipzig, 1927, S. 65.

³ Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. Von den Anfängen der Geschichte des deutschen Volkes bis zur Gestaltung der entwickelten sozialistischen Gesellschaft in der Deutschen Demokratischen Republik. Grundriss. Berlin, 1974.

⁴ Jenč R. Stawizny serbskeho pisowstwa, Bd 1—2. Bautzen, 1954—1960; Sotta J. Abriss der sorbischen Geschichte. Bautzen, 1976; Sotta J., Zwahr H. Geschichte der Sorben. Bd 2. Bautzen, 1974; Kasper M. Geschichte der Sorben, Bd 3. Bautzen, 1976; Frinta A. Lužičti Srbové a jejič pisemnictví. Prag, 1955.

⁵ Raab H. Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern. — «Wissenschaftliche Zeitschrift (далее — WZ) der

Ernst - Moritz - Arndt - Universität Greifswald». Gesellschafts sprachwissenschaftliche Reihe (далее — GSR), 1955—1956, Jg. 5, S. 363 ff.; Baumann H. Hiob Ludolf und Russland. Phil. Diss. Jena, 1957; Tetzner J. H. W. Ludolf und Russland. Berlin, 1955; Eichler E. Die slawistischen Studien des Johann Leonhard Frisch. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Slawistik. Berlin, 1967; *idem*. Joachim Christoph Stahl und seine slawistischen Studien. — In: Deutschslawische Wechelseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956, S. 233 ff.; Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; *idem*. Die Pflege der west- und südslawischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslawischen Völker. Berlin, 1954; *idem*. Frühaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus in Mittel- und Osteuropa und die deutsch-slawische Begegnung. Berlin, 1966; Rösel H. Beiträge zur

- Geschichte der Slawistik an den Universitäten Halle und Leipzig im 18. und 19. Jahrhundert. Heidelberg, 1964; *idem*. Die tschechischen Drucke der Hallenser Pietisten. Würzburg, 1961; *Mietzschke A.* Heinrich Milde. Halle, 1941.
- ⁶ August Ludwig v. Schlözer und Russland. Berlin, 1961; *Lauch A.* August Ludwig von Schlözer — ein Wegbereiter der Slawistik vor Josef Dobrovský. — WZ der Humboldt-Universität Berlin. GSR, 1968, Jg. 17, S. 275 ff.; *idem*. Zur Rolle der Sprachenkenntnis im Zeitalter der Aufklärung. J. C. C. Rüdiger und die Studien der russischen Sprache in Deutschland Ende des 18. Jahrhunderts. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, Bd 2. Berlin, 1968, S. 340 ff.; *Raab H.* Die Anfänge... S. 386 ff.; *Pohrt H.* Karl Gottlob von Anton und die Slawen. — «Zeitschrift für Slawistik», 1968, Jg. 13, S. 712 ff.; *Zeil W.* Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben. — In: Lëtopis (Institut für sorbische Volksforschung), Bd 15/1, 1968, S. 1 ff.; 1968, Bd 15/2, S. 175 ff.; *Bernhagen W.* Johann Severin Vater, ein vergessener Slawist des 19. Jahrhunderts. — In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Berlin, 1964, S. 162 ff.
- ⁷ *Merian E.* Zur Gründungsgeschichte der Jablonowskischen Gesellschaft in Leipzig. — In: WZ Humboldt-Universität Berlin. GSR, 1968, Jg. 17, S. 269 ff.; *Zeil W.* Zur Bedeutung der «Oberlausitzischen Gesellschaft der Wissenschaften» in Görlitz für die kulturell-geistige Entwicklung der Slawen und für die Geschichte der Slawistik. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, Bd 4. Berlin, 1970, S. 291 ff.
- ⁸ *Michaelis J. D.* Raisonement über die protestantischen Universitäten in Deutschland, T. 1. Frankfurt—Leipzig, 1768, S. 179 ff.; *Rüdiger J. C. C.* Etwas über und für die russische Sprache in Deutschland. — In: Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten von J. C. C. Rüdiger, 5. Stück. Halle, 1793, S. 217 ff.
- ⁹ *Winter E.* Frühliberalismus in der Donaumonarchie. Religiöse, nationale und wissenschaftliche Strömungen von 1790—1868. Berlin, 1968.
- ¹⁰ *Zeil W.* Bolzano und die Sorben. Ein Beitrag zur Geschichte des «Wendischen Seminars» in Prag zur Zeit der josefinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen, 1967.
- ¹¹ *Baumann H.* Zur Geschichte der für Deutsche gedruckten Lehrmittel des Russischen (1731—1945), Phil. Habilitationsschrift. Jena, 1969, S. 87.
- ¹² *Rösel H.* Beiträge... S. 56, 159 ff.
- ¹³ *Wolfgramm E.* Die Rolle der Universität Leipzig bei der nationalen Wiedergeburt der slawischen Völker, besonders in der Periode des Vormärz. — In: Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959, Beiträge zur Universitätsgeschichte, Bd 1. Leipzig, 1959, S. 235 ff.
- ¹⁴ *Franková S.* Johann Andreas Schmeller — einer der ersten deutschen Slawisten. — «Zeitschrift für Slawistik», 1970, Jg. 15, S. 413 ff.
- ¹⁵ *Rösel H.* Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland, T. 1. Die Universitäten Berlin und Breslau im 19. Jahrhundert. Berlin, 1957.
- ¹⁶ *Januszewski B. W.* Geneza katedry języków i literatur słowiańskich we Wrocławiu. — «Rocznik Wrocławski», 1965, t. 7/8, S. 12 ff.
- ¹⁷ *Achremowicz E., Żabski T.* Towarzystwo Literacko-Słowiańskie we Wrocławiu 1836—1886. Wrocław, 1973.
- ¹⁸ *Safárik P. J.* Gutachten zur Einrichtung slawischer Lehrkanzeln an preußischen Universitäten. — In: *Rösel H.* Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland... S. 164 ff.
- ¹⁹ *Bielfeldt H. H.* Die Geschichte des Lehrstuhls für Slavistik an der Berliner Universität. — In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik... S. 267 ff.

- ²⁰ *Januszewski B. W.* Wojciech Cybulski. Wrocław, 1974.
- ²¹ *Pohrt H.* Wojciech Cybulski, ein polnischer Slawist und Patriot des 19. Jahrhunderts. — In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik. . . , S. 113 ff.
- ²² *Cybulski W.* Geschichte der polnischen Dichtkunst in der ersten Hälfte des laufenden Jahrhunderts, Bd 1—2. Posen, 1881. (polnisch 1870).
- ²³ *Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. . .*, S. 241 ff., 262 f.
- ²⁴ *Dietze J.* August Schleicher als Slawist. Berlin, 1966.
- ²⁵ *Murko M.* Die slawische Philologie in Deutschland. — «Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 1918, Bd 12, S. 233.
- ²⁶ *Sotta J., Zwahr H.* Geschichte der Sorben, Bd 2, S. 136 f.
- ²⁷ *Petr J.* Michal Hórnik. Ziwjenje a skutkowanje serbskeho wótčinca. Budyšin, 1974.
- ²⁸ *Schuster-Sewc H.* Vorwort. — In: Pfuhl Chr. Tr. Obersorbisches Wörterbuch. Fotomechanischer Neudruck. Bautzen, 1968, S. 1 f.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.
- ³⁰ *Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. . .*, S. 282 ff., 312 ff.
- ³¹ *Rösel H.* Beiträge. . . , S. 197 ff.; *Pohrt H.* Neues über den Leipziger Slawisten August Leskien 1870—1916. — «Lëtopis» (Institut für sorbische Volksforschung), 1975, A 22, S. 239 ff.; *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für slawische Philologie (1870—1945). — Ibid., 1977, A 24.
- ³² *Schlímpert G.* August Leskien und die Gründung des Lehrstuhls für slawische Sprachen an der Universität Leipzig. — In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik, S. 226 ff.
- ³³ *Richter A.* 100 Jahre deutsche Slawistik, T. 1—7. — WZ der technischen Hochschule Magdeburg, 1969, 13, S. 722 ff.; 1970, 14, S. 107 ff., 399 ff., 661 ff., 859 ff.; 1971, 15, S. 291 ff., 531 ff.
- ³⁴ *Zeil W.* Wilhelm Wollner — ein verdienstvoller deutscher Slawist. — «Zeitschrift für Slawistik», 1977, Jg. 22, S. 227 ff.
- ³⁵ Brief von Leskien an Muka vom 14.I 1882, abgedruckt bei Richter A. Zur Förderung der Sorabistik durch den Slawisten und Indoeuropäisten August Leskien. — «Lëtopis» (Institut für sorbische Volksforschung), 1969, A 16, S. 95.
- ³⁶ *Pohrt H.* Vatroslav Jagić und die Slawistik in Berlin. — «Zeitschrift für Slawistik», 1976, Jg. 21, S. 378 ff.
- ³⁷ *Günther K.* Archiv für slavische Philologie, Gesamtinhaltsverzeichnis. Berlin, 1962; *Pohrt H.* Die Anfänge der Zeitschrift «Archiv für slavische Philologie» 1875—1880. — In: Symposium o dějinách slavistiky. Prag, 1970, S. 61 ff.
- ³⁸ Die «Ankündigung» des «Archivs für slavische Philologie». — In: *Jagić V.* Spomeni mojega života, 1 (1873—1880). Beograd, 1930, S. 282.
- ³⁹ *Pohrt H.* Beiträge zum Wirken des Slawisten Aleksander Brückner in Berlin 1881—1939. — «Zeitschrift für Slawistik», 1970, Jg. 15, S. 90 ff.
- ⁴⁰ *Roszkowska W.* Władysław Nehring Professor (1868—1907). — «Z polskich studiów slawistycznych», Ser. 3. Nauka o literaturze. Warszawa, 1968, S. 257 ff.
- ⁴¹ *Krumbacher K.* Der Kulturwert des Slawischen und die slawische Philologie in Deutschland. — In: Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik, Bd 2, 1908, S. 268 ff., 309 ff.
- ⁴² *Zeil W.* Der nationale Befreiungskampf der slawischen Völker um die Wende des 19. Jahrhunderts zum 20. Jahrhundert und die Sorabistik. — «Zeitschrift für Slawistik», 1972, Jg. 17, S. 563 ff.
- ⁴³ *Schuster-Sewc H.* Arnošt Muka als Sorabist und Slawist. — «Lëtopis» (Institut für sorbische Volksforschung), 1975, A 22, S. 130 ff.
- ⁴⁴ *Krause F.* Die slawischen Verbindungen der Königlichen Bibliothek zu Berlin und der Aufbau ihres Slavica-Bestandes seit ihrer Gründung bis 1871. Leipzig, 1976.
- ⁴⁵ *Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. . .*, S. 362 ff., 391 ff.

- ⁴⁶ Schmid H. F., Trautmann R. *Wesen und Aufgaben der deutschen Slavistik...*, S. 14.
- ⁴⁷ *Klassenkampf, Tradition, Sozialismus...*, S. 413 f.
- ⁴⁸ *Deutschland und Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit.* Berlin, 1966.
- ⁴⁹ Münch H. *Die Gesellschaft der Freunde des neuen Rußland (1923—1933).* — *Ibid.*, S. 110 ff.
- ⁵⁰ *Dem deutschen Rhein. Ostlandstimmen aus drei Jahrhunderten, gesammelt und hg. von F. W. Neumann. Königsberg (Preußen), 1925, S. 6 f.; Wolfgramm E. Slawisten in der Ostforschung. In: Auf den Spuren der «Ostforschung».* — *WZ der Karl-Marx-Universität Leipzig. GSR, Sonderband 1, 1962, S. 157 ff.; Wróblewski T. S. Slawistyka w NRD i w NRF na tle jej historycznego rozwoju.* Poznań, 1973, s. 215 ff.
- ⁵¹ *Wolfgramm E. Slawisten in der Ostforschung...*, S. 157; *Das Osteuropa-Institut zu Breslau. Breslau, 1922; Voigt G. Aufgaben und Funktion der Osteuropa-Studien in der Weimarer Republik.* — *Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft (Berlin), 1965, Bd 2, S. 375 ff.*
- ⁵² *Der ostdeutsche Volksboden. Aufsätze zu den Fragen des Ostens.* Breslau, 1926; *Auslandsstudien, Bd 2. Rußland, Königsberg in Preußen, 1926; Voigt G. Aufgaben und Funktion der Osteuropa-Studien in der Weimarer Republik...*, S. 369 ff.
- ⁵³ *I. sjezd slovanských filologů v Praze 1929. Bibliografie.* Prag, 1968; *II. mezinárodní sjezd slavistů. Warszawa, 1934. Bibliografie.* Prag, 1972.
- ⁵⁴ *Měšck F. Bestandsverzeichnis des sorbischen Kulturarchivs in Bautzen, T. 3. Das Depositum Wendenabteilung.* Bautzen, 1967, S. 11 ff.
- ⁵⁵ *Zeil W. Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für slawische Philologie...*
- ⁵⁶ *Klassenkampf, Tradition, Sozialismus...*, S. 443 ff.
- ⁵⁷ *Unger M. Georg Sacke — ein Kämpfer gegen den Fachismus.* — *In: WZ Karl-Marx-Universität Leipzig 1409—1959...*, Bd 2. Leipzig, 1959, S. 307 ff.
- ⁵⁸ *Bielfeldt H. H. Zehn Jahre Slawistik in der Deutschen Demokratischen Republik.* — *«Zeitschrift für Slawistik», 1959, Jg. 4, S. 645 f.; idem. Die slawischen Sprachen und Literaturen in der DDR. Rückblick am 20. Jahrestag der Deutschen Demokratischen Republik.* — *«Zeitschrift für Slawistik», 1969, Jg. 14, S. 325 ff.; Pohrt H. Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik. Bd 1. 1946—1967. Berlin, 1968, Bd 2. 1968—1972, Nachtrag 1946—1967. Berlin, 1974; Bd 3. 1973—1977. Nachtragen. Berlin, 1977.*

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛАВИСТИКИ

Д. Бовуа

Славяноведение как наука начало развиваться во Франции с 40-х годов прошлого столетия. На протяжении полутора веков интерес французов к той или иной славянской культуре обуславливался прежде всего политическими мотивами. Первое время преобладала симпатия к угнетенной Польше. Во второй половине столетия возросло стремление к познанию «русской души», подогреваемое творчеством таких писателей, как Бальзак, и возрастающим числом переводов русских прозаиков и поэтов. После первой мировой войны создание Чехословацкой республики разбудило интерес к чехам и словакам, а события второй мировой войны и тесные связи с Советским Союзом способствовали развитию русистики. Во всех случаях велика была роль отдельных личностей, так как славистика во Франции никогда не располагала значительным числом специалистов. Особое внимание к той или иной части славянского мира было временным, а все увлечения раздвигали рамки французской славистики, делали более научным ее подход к разным темам. Если до начала XX в. многие работы отличались еще налетом дилетантства, то впоследствии становятся преобладающими основательные и подробные исследования различных сторон славянской действительности.

Общеисторические факторы и внутренние закономерности развития науки обусловили выделение в истории французской славистики четырех основных этапов. Первый из них (до 40-х годов XIX в.) — этап предистории — это время постепенного накопления знаний. Период с 1840 по 1918 г. может быть назван начальным этапом развития научного славяноведения, а три десятилетия с 1918 по 1947 г. — этапом становления славистических учреждений научного и учебного характера. Наконец, следует выделить последний — послевоенный этап, характеризующийся дальнейшим расширением славяноведческих исследований, ростом интереса к настоящему и будущему славянских народов.

ПРЕДЫСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ ВО ФРАНЦИИ

В Западной Европе серьезные научные исследования о славянском мире появились довольно поздно. Большинство сведений о нем долгие века западный читатель получал из рассказов путешественников, дипломатов или эмигрантов. В средневековье написанные на латыни отчеты о России Платона Карпини или Рубрук-

виса имели, вероятно, очень мало читателей. Воспоминания Жака Маржерета, служившего в Польше, а затем в России при Борисе Годунове, чрезвычайно занимательны, но в них больше анекдотов, чем достоверного материала. Представители высшего света в XVIII в. ездили по странам Восточной Европы с глазами, широко открытыми от удивления, и привозили оттуда массу мало правдоподобных рассказов и легенд (Казанова, князь де Линь, Биже-Лебрэн и т. д.)¹. Развитие польской культуры в эпоху европейского Возрождения и исторические связи Франции с Польшей способствовали более близкому взаимному знакомству этих стран. Множество поляков жило в Лотарингии при дворе Станислава Лещинского в Нанси, но, несмотря на это, французы немного знали о славянских странах. Ошибочные представления Вольтера и Руссо о современных им Польше и России свидетельствовали о том, что Франция крайне нуждалась в коренной перемене своего подхода к славянским народам. Известно, насколько поверхностным было знание этих стран и их культур у Наполеона. В то время как преподавание турецкого, персидского, индийского, китайского языков велось во Франции еще при Людовике XIV, ни один из славянских языков не преподавался там до середины XIX в.

Г-жа де Сталь, отъявленный враг Наполеона, была в России в 1812 г. и оставила об этом интересные воспоминания, в которых пытается нарисовать картину русских нравов². Пожалуй, больший отклик получило опубликование в 1819 г. перевода карамзинской «Истории Государства Российского». Фамилия А. С. Пушкина встречалась уже в текстах таких публицистов, как де Сен-Приест или Геро в «Энциклопедическом журнале», выходившем в Париже в 20-х годах XIX в. Но средний читатель все еще ссылался на устаревшие компилятивные работы Леклерка, Мальт-Брюна и др.³ Субъективность восприятия славянского мира начала исчезать лишь тогда, когда появились первые, довольно неуклюжие, но очень полезные переводы крупнейших произведений русской литературы и когда польские романтические поэты снискали популярность в столице Франции. Но и после этого языковые преграды еще долго препятствовали расширению знания об этих далеких культурах.

В 1859 г. один из переводчиков, Э. Шарьер, в просторном введении к переводу «Мертвых душ» Н. В. Гоголя⁴ отмечал, что у французов тогда не было еще большого интереса к русской литературе. «Оправданно такое отношение или нет, — писал он, — работа переводчика дает пока мало эффекта. Имена и отчества в разговорах, особенности языка, все это непривычно и отталкивает читателя». Такими рассуждениями, едва ли целесообразными, хотя и делавшимися не без искреннего стремления к сближению двух культур, Шарьер оправдывает свои попытки «офран-

пузить» Тургенева и Гоголя. Как бы то ни было, из перевода Шарьера французы могли впервые познакомиться с жизнью русского общества, увидеть всю нелепость и жестокость крепостного права. А это было немаловажно, так как знаменитая «Россия в 1839 г.» маркиза де Кюстина⁵ ограничивалась тем, что разоблачала хитросплетения дипломатических интриг и причуды русской знати. Таковы были причины, по которым Россия долго оставалась для французов страной неразгаданной и таинственной.

ГОДЫ 1840—1918: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Несколько иначе дело обстояло с другими славянскими народами. Начиная с 1832 г. множество польских эмигрантов во Франции привлекает внимание к себе и судьбе других угнетенных славянских народов. В тогдашней Франции никого не увлекли тогдашние панславистские доктрины, зато многие симпатизировали идеям славянской взаимности, которые нашли свое выражение на Славянском конгрессе, состоявшемся в Праге в 1848 г. Уже в 1839 г. во Франции вышла «История языка и литературы славян», изданная Ф. Г. Эйшгофом. Эту книгу можно считать первой попыткой научного синтеза, опирающегося на работы славяноведов разных стран. В своем введении Эйшгоф говорил, что, по его мнению, Франция, всегда стоявшая во главе научного прогресса, способна занять видное место и в данной отрасли, «которой долго пренебрегали, хотя необходимость ее ныне очевидна для всех». Именно к тому же времени относится появление «Славянского журнала» («Revue slave») под редакцией польских эмигрантов Г. Н. Бонковского и К. Брониковского, ставившего целью популяризацию знаний о прошлом славян и идеи славянской взаимности.

Нет сомнения, что важным шагом к более глубокому познанию славянских культур явилось создание кафедры славянских литератур при известном Коллеж де Франс. В отличие от Сорбонны это не было учебным заведением: там просто читались (так же, как читаются до сих пор) лекции разных знаменитостей, имевшие большой резонанс, так как доступ на них был свободен для всех, даже для женщин, чего не было в Сорбонне. Идею создания такой кафедры выдвинул Леон Фоше — публицист, близкий к официальным кругам, знакомый с Ж. Мишле, В. Кузном, А. Тьером и особенно близкий к Отелю Ламбер — резиденции правого крыла польской эмиграции во главе с князем А. Чарторыским. Мысль эта обсуждалась несколько раз среди членов эмигрантского Литературного общества в Париже. Помимо воли А. Чарторыского вскоре появился в печати его не предназначен-

ный для публикации меморандум министру народного просвещения В. Кузэну. В нем подчеркивалась огромная важность славянского вопроса в европейской политике, высказывалось опасение, что Россия может подчинить себе это движение, говорилось о высоком уровне польской культуры. Понимая значение славянской кафедры в Коллеж де Франс, Чарторыйский предлагал для руководства ею известного своего соотечественника Адама Мицкевича, считая его особенно достойным для распространения знаний о славянском мире. Министр Кузэн представил записку Чарторыйского депутатам 21 апреля 1840 г., а 8 сентября этого года Мицкевич, бывший преподаватель античных языков в Лозаннской академии, был назначен профессором славянских литератур и языка. 22 декабря 1840 г. состоялась первая его лекция. Тексты лекций, прочитанных в течение четырех лет, несколько раз издавались и переводились на разные языки. Вслед за Мицкевичем, деятельность которого очень беспокоила французские власти, на кафедру временно назначался француз Киприан Робер (1845—1847 и 1854—1857 гг.). Впоследствии ее тридцать лет возглавлял поляк Александр Ходзько (с 1857 до 1883 г.), брат которого, Леонард, издавал огромное количество книг о Польше и об отношениях между Францией и Польшей. В своих лекциях А. Ходзько наряду с такими польскими поэтами, как И. Красицкий, А. Фредро, уделял много внимания русским писателям: А. С. Пушкину, А. С. Грибоедову, М. Ю. Лермонтову, А. К. Толстому⁶.

К описываемому времени относится осознание французами могущества славянского мира. Уже в 1835 г. А. де Токвиль в своем известном трактате «О демократии в Америке» подчеркивал, что два великана будущего — Америка и Россия. Славянофильские идеи уже появляются в статьях Ф. Шаля, в «Revue des deux mondes» в рассуждениях о том, насколько «гнилой Запад» способен сопротивляться «молодой силе славян». Такие знатоки славянства, как К. Робер, говорят о «двух панславизмах» (таково заглавие одной из статей Робера). Следовательно, в умах французов еще нет решения вопроса о том, кто занимает первое место среди славян — Россия или Польша?⁷

Между тем Франция, побежденная Бисмарком в 1870 г., должна была отказаться от политики поддержки угнетенных славян и стала искать союза с сильной Россией. Кадры русистов в то время были более чем ограничены, но мало-помалу число их возросло. В 1868 г. Луи Леже защитил две диссертации: одну — о Кирилле и Мефодии, другую — о «Повести временных лет». Он читал в Сорбонне — неофициально — курс истории литературы югославян, истории Чехии, курс сербской грамматики, добавляя к этому еще и русскую грамматику. В 1886 г. общественность получила возможность ближе познакомиться с жизнью России,

с русской литературой, когда известный переводчик виконт Мельхиор де Вогюэ под общим названием «Русский роман» издал серию переводов, среди которых произведения Ф. М. Достоевского занимали основное место. К тому времени Л. Леже сменил А. Ходзько на славянской кафедре в Коллеж де Франс. Это было венцом его карьеры в области славянской филологии, ибо раньше он преподавал в Школе восточных языков, где читал следующие курсы: «Восточные славянские языки, в особенности сербский язык» [1] (1873—1874 гг.), «Изложение элементов древнеславянского языка в их связях с русским языком» (1875—1880 гг.). Деятельность этого крупного славяноведа продолжалась на кафедре до 1923 г., поэтому трудно резюмировать огромное количество вопросов, затронутых им за несколько десятилетий. Так, в 1885—1887 гг. Леже занимался историей цивилизации в России; в 1886 г. изучал разные древнеславянские тексты XII и XIII вв.; 1890—1891 гг. посвятил изучению истории общественной жизни России после Екатерины II; продолжая ту же тему в следующие годы, он дошел до Александра I — в 1892 г., а в 1893 г. охватил весь XIX в. Между 1893 и 1898 гг. Леже возвратился к филологическим проблемам древних русских, болгарских и сербских текстов; три года он изучал Пушкина, Лермонтова и русский романтизм (1899—1902 гг.). «Домострою» посвятил два года (1900—1902 гг.), причем Дюшен, один из его учеников, написал на эту тему диссертацию (1910 г.). До конца преподавательской деятельности Леже прослеживается это объединение лингвистики, литературоведения и истории с преобладанием первой, объединение, которое долго оставалось, а порой остается и в наши дни, характерной чертой французской славистики. Кроме перечисленных тем Ходзько и Леже читали курсы, посвященные польской и чехословацкой культурам⁸. Нельзя, наконец, не упомянуть об историке А. Леруа-Болье, книгой которого долго пользовались студенты-русисты первой половины XX в.⁹

С 1893 г. — времени сближения России и Франции, приведшего к заключению союза, — численность специалистов русского языка во Франции становится более значительной. В Школе восточных языков Поль Буае, работавший там с 1891 до 1937 г., оживил работу русского отделения, подготовив с помощью своей неутомимой помощницы Кончаловской (с 1908 до 1954 г.) первый серьезный учебник. С 1892 г. русский язык впервые стал преподаваться кроме Парижа в Лилле. Там возник славистический центр, объединивший квалифицированных специалистов. Первые из них — Э. Оман, А. Лирондель, А. Мартель, Р. Лабри — являются авторами печатных трудов: Оман, например, писал о России XVIII в. (1902 г.), о французской культуре в России (1910 г.); Лабри занимался изучением русской промышленности и крестьянства (1919 и 1923 гг.)¹⁰. Лилльский центр стал хоро-

шей школой для славистов, которые с благодарностью вспоминают, в частности, самоотверженность и педагогическое мастерство О. Х. Воеводской, много лет (до 1965 г.) работавшей при профессорах М. Германе, Гранжаре, Вайсбейне. Что касается Сорбонны, то там кафедра русской литературы появилась только в 1902 г.

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ:
УЧЕБНЫХ И НАУЧНЫХ
(1918—1947 гг.)

В течение 20-х годов нашего столетия совершается первая существенная перемена в изучении славянского мира во Франции. Отдельные, индивидуальные усилия постепенно сближаются друг с другом, и славистика начинает существовать как научная школа. Этот поворот обусловили разные причины. Октябрьская революция 1917 г. в России, наплыв белых эмигрантов, новая волна польской эмиграции (на этот раз так называемой «заробковой», т. е. пролетарской), возникновение новых славянских государств. Все это так или иначе отражалось на общественном мнении Франции, на политике ее правительства, а значит, и на развитии славяноведения.

Огромный интерес, вызванный Великой Октябрьской революцией, способствовал созданию ряда кафедр русского языка в провинции (несмотря на временное ухудшение дипломатических отношений с Советской Россией): в Страсбурге (1919 г.), Дижоне (1920 г.), Лионе (1921 г.). Восстановление государственной независимости других славянских народов побудило к созданию кафедр сербохорватского, болгарского, чешского, польского языков в Школе восточных языков.

Массовая эмиграция польских рабочих в северную и восточную Францию привела к расширению полонистики особенно в Лилле и Нанси. В Лилле Антуан Мартель, защитивший диссертацию о М. В. Ломоносове, написал затем работу о польском языке и культуре Западной Украины в XVI—XVII вв.¹¹, его преемник Максим Герман подготовил целое поколение полонистов и сам писал о поэтах Польши, особенно о Пшибышевском¹². Несмотря на то что Полю Казэну не пришлось преподавать польский язык в Школе восточных языков, хотя он об этом мечтал, следует и его причислить к самым выдающимся полонистам во Франции. Его многочисленные переводы, в том числе из Ю. Вейсенгофа, С. Реймонта и других, ставят его в один ряд с Генриком Грапэном, автором очень ценной грамматики польского языка, которой во Франции пользуются до сих пор. Эти два имени олицетворяют французскую полонистику первой половины XX в.¹³

В 20-е годы французские ученые стали понимать, насколько осуществлявшееся ранее изучение славянских народов было традиционно и односторонне. Это привело к тому, что впервые была создана уже не литературная, а историческая кафедра славяноведения. Речь идет о появившейся в 1921 г. кафедре славянской истории и культуры в Сорбонне, где преподавали Л. Эйзенманн (до 1937 г.), затем Ж. Ансель (до 1943 г.), И. Муссэ (1944—1946 гг.), В. Тапье (1950—1955 гг.), Р. Порталь (1955—1975 гг.). В то же время были написаны исследования и учебники, удачно заменившие устаревшие пособия. Особенно большой вклад в современное французское славяноведение внес Р. Порталь, написавший диссертацию «Урал в XVIII веке» (1950) и издавший солидный труд под заглавием «Славяне» (1965)¹⁴.

К 1919 г. относится самое важное, пожалуй, событие в истории французского славяноведения: появление Института славяноведения,¹⁵ замысел создания которого принадлежал Эрнесту Дени. Возник институт благодаря финансовой помощи Чехословакии и Югославии. Их поддержку французской славистике можно рассматривать как знак благодарности молодых республик за ту помощь, которую они получили от Франции в момент своего возникновения. Задачи Института славяноведения, по желанию Э. Дени, были определены очень широко: с одной стороны, поддерживать славянские народы научными исследованиями, а с другой — не замыкаться исключительно в науке, а как можно шире распространять сведения о повседневной жизни славянских стран, об их культурах, служить педагогам и учащимся из славянских стран центром встреч с французскими коллегами. Институт не создавался как учебное заведение или строго научная организация. Это скорее было связующее звено для контактов между специалистами, университетами, школами и другими учебными заведениями Франции и славянских стран.

Институт славяноведения Сорбонны имел свою предысторию. Еще в марте 1909 г. Л. Ранье создал так называемое Французско-славянское общество при Парижском университете. Это общество заседало в Сорбонне и между 1910—1912 гг. публиковало «Бюллетени», порой его даже называли институтом, ибо там работали студенты, а Оман и Дени давали консультации посетителям. Во время первой мировой войны, с 1 мая 1915 г. до 15 августа 1919 г., Дени с помощью Эдуарда Бенеша, а потом Хануша Елинека издавал журнал «Чешский народ» («La Nation Tchèque»). Дружба с чехами постоянно подчеркивалась, организовывались специальные собрания, на которых обсуждались проблемы возрождения Чехословакии. На этих встречах Бенеш был официальным представителем Масарика. Дени, Буайе, Берар, Эйзенманн, Лирондель, Оман, Мейе десять раз собирались на заседания в 1916—1917 гг. и начали издавать серьезный журнал «Славян-

ский мир» («Le Monde Slave»), деятельность которого со смертью Дени (1921 г.) временно прекратилась, но была возобновлена в ноябре 1924 г. Журнал уделял много внимания не только историческим вопросам, но и современным проблемам; он перестал существовать в 1937 г.

Активная деятельность этой группы привлекла других специалистов: в 1920 г. университетские профессора сербского, хорватского, словенского языков стали издавать «Югославянский журнал» («La Revue Yougoslave») и «Современные вопросы» («Questions contemporaines»). В ноябре 1919 г. в доме № 9 по улице Мишлэ открылся Институт славяноведения, который до сих пор находится там же. До 1938 г. Институт был тесно связан с различными иностранными организациями определенной политической ориентации, со студенческими кружками и с так называемой Федерацией славянских студентов. Французский закон признал официальный статус Института (27 марта 1920 г. «Journal officiel» подтвердил его). 17 ноября 1921 г. Парижский университет, получив соответствующую сумму от чехословацкого государства, купил дом на улице Мишлэ и отдал его в вечную собственность Институту славяноведения. С этого момента много важных событий в жизни французской славистики было связано с этим учреждением.

Между двумя войнами, несмотря на деятельность нескольких ученых, славистика во Франции развивалась слабо, хотя почва для этого была подготовлена предшествующим периодом. И это естественно. Много одаренных молодых людей погибли в 1914—1918 гг.; отрицательно сказалось и то, что в области русско-французских контактов трудности продолжались до 1930 г., а отчасти и позднее. Следует, однако, отметить, что в 1932 г. в четвертом отделении Школы высших практических исследований (Ecole Pratique des Hautes Etudes) создается новый центр исследований по славистике, где еще раньше А. Мейе читал сравнительную грамматику славянских языков, а вслед за ним А. Вайян вел с 1931 по 1966 г. курс «Средневековых славянских языков и литературы»¹⁶.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Р. Порталь справедливо заметил: «Вторая мировая война принесла с собой поворот во взглядах на изучение России во Франции, хотя последствия этого сказались несколько позже»¹⁷. Действительно, новая политическая роль СССР в мире приводит после войны к тому, что русистика оттесняет на второй план другие области славистики, которые ни в коей мере не могут угнаться за быстро развивающейся русистикой.

Подавляющее большинство французских славистов является ныне русистами. Целое поколение относительно молодых языковедов, литературоведов, историков, искусствоведов заняло свое место в духовной жизни страны, а это стало возможно только тогда, когда русский язык стал широко изучаться в средних школах. В 1947 г. министерство народного просвещения ввело преподавание русского языка сначала в некоторых лицеях. Для будущих преподавателей была введена так называемая агрегация — довольно трудный конкурсный экзамен, обеспечивающий высокий уровень преподавания в гимназиях, а также подготовку университетских кадров. В 1955 г. вводится конкурс другого рода, немного легче первого — на аттестат «педагогической способности». Если в 1959 г. во Франции было лишь 40 высококвалифицированных преподавателей славистики, то за последние годы их число возросло до 250. Имеется примерно столько же преподавателей с несколько меньшей квалификацией. Всего насчитывается во Франции около 20 тыс. учащихся средних школ, изучающих русский язык.

Как бы то ни было, сейчас исследования в области русистики обеспечены на долгие годы, и специалисты имеются теперь в самых маленьких провинциальных университетах. Русистика изучается или преподается в наши дни в таких университетских центрах, как Бордо (с 1945 г.), Ренн (1950), Клермон-Ферран (1953), Нанси (1955), Экс-ан-Прованс (1956), Пуатье (1959), Кан (1960), Гренобль и Тулуза (1962), Руан (1968), Безансон и Ницца (1969), Амьен (1970). В 1968 г. после огромной волны студенческого движения устаревшая структура Парижского университета уступила место новой. Высшее образование в Париже дают ныне 13 университетов, среди них Венсенский и Нантерский стали крупными центрами изучения русского языка, которое всегда ведется неразрывно с изучением литературы. В каждом университете есть теперь несколько русских кафедр, каждая из которых имеет свою специализацию. Свидетельством этих больших успехов может служить тот факт, что за послевоенный период более тридцати молодых ученых защитили докторские диссертации (не считая множества так называемых докторатов «3-го цикла», к диссертациям которых предъявляются более низкие требования).

Полный список всех работ, посвященных славянским темам, находится в ценном «Guide du Slaviste» (Справочник слависта), изданном и регулярно дополняемом Институтом славяноведения, и все их здесь перечислить невозможно. Отметим, однако, что в течение семи последних лет защищалось только же диссертаций, сколько за предыдущие 30 лет. Половина этих работ (16 наименований) касается литературы и почти исключительно русской литературы (13 заглавий)¹⁸. Три книги посвящены литера-

туре других славянских народов — это работы М. Обэна, Г. Еховы, Э. Круба¹⁹. Что касается лингвистики, то там ситуация аналогична: русистика почти целиком занимает славистов. Три диссертации о русском языке защищены в последние годы, тогда как другие славянские языки пока еще ждут своих французских исследователей²⁰.

Самое новое явление за последнее время — зарождение настоящей исторической школы: 18 человек защитили докторские диссертации по историческим и социологическим наукам с 1970 г.²¹ Здесь также преобладает интерес к России или СССР, причем на первый план выдвигаются новейшая история, новейшие проблемы о советской жизни, о советском строе, об экономике и международных отношениях Советского Союза. За семь последних лет лишь две диссертации написаны по XVIII в., две — по XIX в., а десять — по XX в. На проблематику иных славянских народов приходится четыре диссертации. Можно только жалеть, что не все эти работы печатаются — бумажный кризис и игра коммерческих интересов в издательском деле часто препятствуют изданию трудов, пользующихся, несмотря на их научную ценность, небольшим спросом у книготорговцев. Заметим, однако, что французское государство дает каждому доктору денежное вспомоществование, позволяющее размножить диссертацию офсетным способом в 200 экземплярах. Таким образом, эти работы имеются во всех крупных французских библиотеках.

После русистики самая развитая отрасль славяноведения во Франции — полонистика. Она представлена двумя новыми кафедрами в Нанси (1955) и парижской Сорбонне (1960), другие же университеты чаще всего прибегают к помощи лекторов, приезжающих из Польши. Польский язык преподается только в нескольких гимназиях Франции, например в городах Ланс и Брюэ (северные департаменты, где шахтеры польского происхождения еще очень многочисленны и не совсем ассимилировались). В Лилле, где университет имеет очень богатую польскую библиотеку, число студентов-полонистов доходит до 120. В Париже 27 июня 1957 г. был создан Университетский комитет культурного сотрудничества с Польшей, но главную помощь полонисты получают с 1958 г. от Центра польской культуры при Сорбонне. Директор этого Центра — польский профессор. Центр организует курс языка, специальные доклады, выставки, показывает фильмы. Польская академия наук тоже имеет свой центр в Париже, где часто встречаются ученые, прежде всего представители точных наук. Есть еще знаменитая польская библиотека, где хранятся архивы, сокровища польской культуры XIX в. Если подвести итог исследованиям по польской культуре во Франции с начала века, то оказывается, что на протяжении 70 лет было издано 35 диссертаций по истории, 25 — по юридическим наукам, 18 — по литера-

туре. После смерти Жана Бурийи (1972), возглавлявшего полонистику в Париже, его заменил Зигмунд Маркевич, а в Нанси руководил кафедрой Этьен Деко²². Самое большое достижение полонистов за последние годы — создание конкурсов польского языка. Первый конкурс состоится в мае 1978 г.

Что касается других славянских языков, то они теперь представлены в каждом французском университете. Каждый из них имеет своих лекторов, однако изучение ведется факультативно и требует со стороны студентов определенной самоотверженности, ибо никакой диплом не увенчает эти занятия, включаемые в качестве добавочного предмета, чаще всего для русистов²³. Вообще приходится сожалеть, что специализация в славянских языках и культуре за пределами русистики не дает непосредственного выхода в профессиональную жизнь, и потому всегда приходится совмещать интерес к ним с другим занятием.

В новых условиях Институт славяноведения приобрел иное значение. Еще в конце второй мировой войны в нем была учреждена специальная премия в память Карла Соломона для молодых французских русистов. В 1948 г. помещение Института вновь расширилось, а в ноябре 1952 г. открылся музей-библиотека им. Л. Н. Толстого. Собственно говоря, библиотека уже существовала с 1924 г. Она тогда состояла из книг, принадлежавших Дени, а также из 1500 томов, подаренных чешским министерством народного просвещения. Впоследствии библиотека обогатилась за счет других пожертвований, а также благодаря регулярному обмену изданиями Института с разными учреждениями славянских стран. Интересно сравнение: в 1928 г. в библиотеке было 15 тыс. томов, ныне их более 140 тыс. (60 тыс. наименований). Библиотека приобретает ежегодно примерно 1700 книг, особенно в области филологии, лингвистики, литературы. Вне каталога имеются еще специальные фонды: фонд им. Луи Леже (бывшая библиотека профессора), фонд им. Франсуа Турэ (собрание молодого слависта, убитого гитлеровцами в 1940 г.), фонд им. Леонтовича (собрание богатого коллекционера), фонд Татьяны Львовны Сухотиной, дочери Л. Н. Толстого. Библиотека обслуживает читателей только в читальных залах, книги на дом не выдаются.

После создания в 1967 г. в рамках Института славяноведения Международной ассоциации профессоров русского языка и литературы (МАПРЯЛ) ежегодно созываются съезды преподавателей. Эта ассоциация издает совместно с Институтом свои бюллетени: «Изучение русского языка» (*L'enseignement du russe*) к настоящему времени вышло около 30 номеров (по три в год)²⁴.

Нельзя не упомянуть об одном из главных направлений деятельности Института славяноведения — об издании «Журнала сла-

вяноведения» («Revue des Etudes Slaves»). Первый номер вышел 26 марта 1921 г., причем с самого начала журнал был под опекой А. Мазона и А. Вайяна. Рядом с содержательными статьями о литературе, филологии, истории в журнале помещались библиографии по славистике на всех языках. Ученые и студенты хорошо знали эту полезную публикацию, которая прекратилась в 1969 г. после 48-го номера. В мае 1974 г. решено было возобновить выпуск журнала с тем, чтобы каждый год выпускать три номера: первый — исключительно из статей, второй — из библиографической хроники о России и СССР, третий — из такой же хроники о других славянских странах. Но возобновление «Revue des Etudes Slaves» и вообще издательская деятельность института испытывают огромные финансовые трудности. До сих пор упомянутый проект только частично осуществился. Как уже упоминалось, после 1968 г. Парижский университет был разделен на 13 самостоятельных университетов и неизвестно было, с которым из них связать институт. С начала 1976 г. этот важный юридический вопрос решен переименованием этого учреждения в Национальный институт сваяноведения (INES).

Самым ощутимым результатом этого преобразования является неоспоримое оживление научной жизни французских славистов. В течение 1976 г. INES организовал три важные научные встречи в самом здании Национального института. Первая — по поводу сотой годовщины со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина (с участием советского ученого профессора С. А. Макашина и многих других гостей); другая конференция была посвящена Маринетти и футуризму; в ней участвовали кроме славистов члены Общества сравнительной литературы и Итальянского института в Париже. Третье мероприятие — французо-польский симпозиум по детской литературе, организованный вместе с упомянутым выше Центром польской культуры. 1977 год ознаменовался международными симпозиумами: один из них был посвящен славянофильству как направлению общественной мысли, другой — М. А. Бакунину. Докладчики съехались на эти встречи со всей Франции, а также из Бельгии, Швейцарии, Голландии, Венгрии, Польши. Каждый докладчик выступал перед довольно многочисленной аудиторией специалистов, которые приняли живое участие в дискуссиях.

Не надо думать, что славистика во Франции сосредоточена только в университетах и в Институте славяноведения. Ныне много внимания проблемам славянского мира уделяют некоторые другие учреждения, в частности: Национальный центр научных исследований (CNRS: Centre National de la Recherche Scientifique), Школа высших практических исследований (EPHE: Ecole Pratique des Hautes Etudes), высшие школы типа Института политических исследований (Institut d'Etudes Politiques) или Школа

Восточных языков, которая переименована в Institut National des Langues et Civilisations Orientales.

Первая из этих организаций, CNRS, связана договором с Институтом славяноведения и вместе с ЮНЕСКО финансирует его печатный орган, о котором была уже речь. В Национальном центре с 1 января 1968 г. создана Лаборатория славистики, в которой работа распределяется между пятью структурными частями: отделением библиографической документации (Жозе Жоанэ), группой исторических исследований (Ренэ Жиро), группой филологических исследований (В. Волон), отделением лексикографических изысканий (Ив Миле) и техническим секретариатом. Каждая из этих ячеек имеет свои долго- или краткосрочные планы. Историки, языковеды и литературоведы сотрудничают здесь в программе исследований о славянской культуре 20-х годов XX в., в связи с чем намечены научные конференции. Готовятся картотека и библиография статей о Центральной и Юго-Восточной Европе. Будет проведена вторая конференция по русской лингвистике.

Кроме того, поскольку Национальный центр объединяет большое число специалистов всех областей науки, в нем подобралась энергичная группа экономистов, юристов и экспертов по планированию, которая издает с 1970 г. за счет центра «Журнал Востока» («Revue de l'Est») ²⁵.

Второе учреждение, где славистика играет важную роль, это Школа высших практических исследований. Бывшее VI отделение этой школы стало два года назад независимой школой под названием Школы высших исследований по социальным наукам (EHESS: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales). Директор Ж. Легоф очень способствовал развитию отношений между своей школой и славянскими странами. Еще до этого благодаря усилиям профессора истории Ф. Броделя в VI отделении существовало (с 1957 г.) четыре сектора, во главе которых стояли слависты. Основным принципом организации работы является свобода секторов в выборе тем. Например, на восемь лет несколько профессоров выбрали себе общую тему «История России» (Р. Порталь, С. Р. Шрам, М. Лесаж, М. Левин, А. Безансон). Необходимость и целесообразность рационального ведения практических занятий приводят к созданию отдельных подсекторов. Небольшие группы студентов, чаще докторантов, во главе с руководителем непосредственно работают над составлением карт, диаграмм или иным образом оформляют результаты своих исследований. Часто бывает, что школа приглашает для работы иностранных специалистов на определенный срок, по особенно важным вопросам. Интенсивное экономическое развитие Советского Союза привлекает к себе внимание, поэтому несколько лет подряд школа исследовала главные аспекты экономики СССР и других славян-

ских стран. По этой тематике вели семинары Г. Шамбр, Б. Кербле, А. Беннигсен, Г. Гаупт, Ф. де Лиенкур. На помощь этим крупным специалистам пришли несколько профессоров, связанных с зарубежными университетами: Герберт Маркузе, Д. Граник, М. Конфино, М. Малиа. Школа имеет связи с Академией наук СССР и часто обменивается профессорами с академиями наук славянских стран, особенно Польши. Профессора С. Кеневич, А. Выгнанский, Ч. Мадайчик и другие были гостями школы. В 1977 г., например, профессор Ежи Топольский из Познани прочитал лекции по методологии истории.

Ученые, сотрудничающие в Школе высших исследований, публикуют результаты своих исследований в журнале «Тетради по проблемам России и СССР» («*Cahiers du Monde Russe et Soviétique*»), где затрагиваются и неславянские вопросы, но преобладает русистская тематика. Журнал печатается с начала 60-х годов в Голландии у издателя Мутона.

Остается упомянуть о том, что Институт политических исследований, где готовятся кандидаты на поступление в Административную школу (для высших кадров администрации, для дипломатов и т. д.), создал отдел изучения международных связей с СССР. Наконец, Школа восточных языков (ныне INLCO) занимается географией, историей и культурой Восточной Европы: две кафедры во главе с Денизой Экот и Робертом Филиппо сосредоточены именно на этой тематике.

*

Такими в общих чертах представляются основные этапы развития французской славистики за последние полтора столетия. Русский язык и русская культура, которые почти не изучались еще в начале века, заняли в ней за последнее тридцатилетие самое значительное место. На протяжении этого времени начали шире осуществляться исторические исследования. Это стало особенно ощутимо с тех пор, как появилась возможность работать в советских архивах. Все новые договоры о культурном сотрудничестве связывают Францию со славянскими странами, и можно предполагать, что условия работы будут улучшаться. Активное участие французских ученых в работе VII съезда славистов, состоявшегося в Варшаве в 1973 г., лишний раз показало жизнеспособность этой науки во Франции. Активно готовятся выступления на VIII съезде, который состоится в Югославии в 1978 г. Думается, что там доклады французских ученых докажут, что рядом с опытными и уже получившими известность специалистами новое поколение готово продолжать лучшие традиции французского славноведения.

- ¹ Mémoires de I. Casanova de Seingalt, écrits par lui même. Paris, 1826—1832; Oeuvres historiques, littéraires etc., du Prince Ch. de Ligne, Bruxelles, 1859; *Vigée le Brun E. L. Mémoires*. Paris, 1835.
- ² *Madame de Staël. Dix années d'exil*. Paris, 1818.
- ³ О проникновении русской литературы во Францию в самом начале XIX в. см.: *Corbet C. La littérature russe en France. Tentatives de diffusion sous la Restauration*. — «Revue de littérature comparée», 1961, N 1.
- ⁴ *Gogol N. Les âmes mortes*. Traduit du russe par Ernest Charrière. Paris, Hachette, 1859, в двух томах. Вступительная статья о русской литературе.
- ⁵ *De Custine. La Russie en 1839*. Paris, 1843.
- ⁶ А. Ходзько был прежде всего языковедом-ориенталистом, так как долго служил в Иране, но его труды о древнеславянском языке — среди первых во Франции (см.: *Chodźko A. Grammaire paléoslave, suivie de textes paléoslaves*. Paris, 1869; *idem. Légendes slaves du moyen âge*. Paris, 1858).
- ⁷ Эти взгляды лучше всего выражаются в главной книге К. Робера (*Robert C. Le monde slave, son passé, son état présent et son avenir*. Paris, 1852).
- ⁸ Луи Леже можно считать основоположником современного французского славяноведения, так как он охватывал все аспекты цивилизаций, но ограничивался литературой и очень много путешествовал по славянским странам. Кроме многочисленных статей в «Journal des savants» припомним его: *Etudes slaves: voyages et littérature*. Paris, 1875; *Recueil de contes populaires slaves*. Paris, 1882; *Russes et slaves, études politiques et littéraires*. Paris, 1896; *Etudes de mythologie slave*. Paris, 1897; *Le monde slave: études politiques et littéraires*. Paris, 1897, 1902; *Histoire de l'Autriche-Hongrie*. Paris, 1920; *Le panslavisme et l'intérêt français*. Paris, 1917; *Les anciennes civilisations slaves*. Paris, 1921.
- ⁹ Основной трехтомный труд его: *Leroy-Beaulieu A. L'Empire des tsars et les Russes*. Paris, 1881—1886.
- ¹⁰ Как медленно новое научное течение преодолело старую академическую традицию, показывает факт, что Лабри еще в 1894 г. защищал свою диссертацию по-латыни: «*Qui detrimenti ex invasione hungarorum slavi ceperint*». Его самой интересной книгой является «*La culture française en Russie*» (Paris, 1910).
- ¹¹ *Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthènes*. Lille, 1938.
- ¹² Заслуги Максима Германа принадлежат уже более позднему периоду. Он занимался прежде всего польской литературой (*Herman M. Un satanisme polonais: Stanislaw Przybyszewski de 1868 à 1900*. Paris, 1939) и написал позже историю польской литературы (1961).
- ¹³ П. Казэн особенно известен своими переводами Реймонта, Вейсенгофа, Берента, Норвида, Ивашкевича, Боя-Желенского, но написал и диссертацию: «*Le Prince-évêque de Varmie, Ignace Krasicki 1735—1801*» (Paris, 1940). Что касается Грапапа, то он издал в 1942 г. свой основной труд «*Грамматику польского языка*» и «*Историю Польши*», которая сегодня очень устарела.
- ¹⁴ *Portal R. Les maîtres de forge de l'Oural au XVIII s.* Paris, 1950; *Pierre le Grand*. Paris, 1961; *Les slaves, peuples et nations*. Paris, 1965.
- ¹⁵ Э. Дени — первый крупный французский богемист. Главные его книги: *La Bohême depuis la Montagne Blanche*. Paris, 1903; *Huss et la guerre des hussites*. Paris, 1930; *La question d'Autriche, les slovaques*. Paris, 1917. О Дени как создателе Института славяноведения и об этом учреждении в первом периоде его существования уже много писалось, см., в частности: *Eisenmann L. Slavonic Studies in France*. — «The Slavonic

- review», 1922, vol. 1, N 2, p. 295—305; *Mazon A.* Les études slaves. — «La Science française», t. IV. Paris, 1933, p. 451—474; *idem.* Slavonic studies in France. — «The Slavonic and East European Review», 1946, vol. XXV, N 64, p. 206—213; *Train J.* L'activité de l'Institut d'Etudes slaves. — «Annales de l'université de Paris», 1949, 19 an., p. 529—534; *Fichelle A.* Origine et développement de l'Institut d'Etudes Slaves 1919—1949. — «Revue des Etudes Slaves», 1951, t. XXVII, p. 91—103.
- ¹⁶ Эти две фамилии — А. Мейе и А. Вайян — самые известные среди русистов того периода. Первый написал «Linguistique historique et linguistique générale» (Paris, 1921—1936), «Le slave commun» (Paris, 1924), а второе мы обязаны грамматикой (Grammaire comparée des langues slaves), два тома которой вышли в 1950—1958 гг., а два последних — в 1966—1974 гг.
- ¹⁷ *Порталь Р.* Изучение истории СССР во Франции. — «История СССР», 1959, № 1, с. 229—239.
- ¹⁸ С 1970 г. защитили докторскую диссертацию по русской литературе: *Backes J. L.* Dostoievski en France, 1972; *Bourmeyster A. N. V.* Stankievič et l'idéalisme humanitaire des années 1830, 1972; *Colin M.* Krylov fabuliste, étude littéraire et historique, 1971; *Comtet M. V. G.* Korolenko (1853—1921) l'homme et l'oeuvre, 1975; *Cornillot F.* Tiouttchev, poète-philosophe, 1973; *Flamant F.* La forme poétique d'A. Blok, la signification des metres, 1974; *de Labriolle F. J. A.* Krylov, ses oeuvres de jeunesse et les courants littéraires de son temps, 1975; *Maroger D.* Les idées pédagogiques de Tolstoï, 1974; *Moch-Bickert E. O. G.* Soudeïkina, amie et inspiratrice des poètes, 1971; *Schakhovskoy D.* Smelev peintre de la réalité russe, 1975; *Stryček A. D. I.* Fonvizine. L'homme et l'oeuvre, 1973; *Verret G.* La carrière d'A. N. Tolstoï, 1972; *Zviguilsky A.* Russie et Espagne: études sur leurs relations politiques, culturelles et littéraires, 1975.
- ¹⁹ *Aubin M.* Visions historiques et politiques dans l'oeuvre poétique de Petar Petrovič Njegoš, 1974; *Jehova H.* L'image poétique dans le mouvement romantique slave, 1972; *Kruba E. M.* Kocjubynskij (1864—1913) et la prose ukrainienne de son temps, 1974.
- ²⁰ *Ferrand M.* Le participe (gérondif) coordonné au verbe principal en russe ancien — thèse du participe prédicat, 1975; *Jost M. L.* Contribution à l'étude de l'emploi des réfléchis en russe moderne, 1974; *Hermite R.* La phrase nominale en russe: la disparition du verbe être au présent en vieux russe X-e—XVII-e s., 1970.
- ²¹ *Blanc S.* Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIIIe s.: V. N. Tatiščev, 1686—1750. Paris, 1970; *Eeckaute D.* La vie paysanne en Russie centrale dans la deuxième moitié du XVIIIe s. Paris, 1973; *Bensidoun S.* L'agitation paysanne en Russie de 1881 à 1902: étude comparative entre le černoziem central et la Nouvelle Russie. Paris, 1975; *Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie 1887—1914. Paris, 1973; *Algoud J.* Les périodes de libéralisation en Union Soviétique: 1921—1928 et 1958—1968, essai de traduction cybernétique. Lyon, 1971; *Artaud D.* La question des dettes interalliées et la reconstruction de l'Europe 1917—1929, 1976; *Bettati M.* Le conflit sino-soviétique, 1971; *Bitsakis E.* Lénine, le matérialisme dialectique et la physique contemporaine, 1972; *Caranot A.* Les organisations culturelles en Union Soviétique, 1974; *Carrère d'Encausse H.* Bolchévisme et nation, des débats théoriques à la consolidation d'un Etat multinational 1917—1929, 1976; *Ferro M.* La révolution de 1917. Octobre: métamorphose d'une société, victoire des bolchéviks, 1976; *Jedryka Z.* Travaux sur l'URSS publiés depuis 1955. Strassbourg, 1971; *Louri T.* Le syndicalisme de type seviétique: l'URSS et les pays

- de l'Est européen, 1971; *Meyer M.* L'entreprise industrielle d'Etat en Union Soviétique, 1966; *Avis M.* L'évolution politique interne de la Yougoslavie 1945—1971. Montpellier, 1972; *Beauvois D.* Lumières et Société en Europe de l'Est: l'université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803—1832, 1977; *Lowy M.* L'évolution politique de Lukacs 1909—1929, contribution à une sociologie de l'intelligentsia révolutionnaire, 1975; *Michel B.* Banques et réseaux bancaires en Autriche au début du XXe s., 1976.
- ²² Э. Деко умер в августе 1976 г. Он написал «Petite grammaire polonaise» (Paris, 1966), «Morphologie des enclitiques polonais» (Paris, 1955). Чтобы подробнее ознакомиться с главными этапами полонистики, см.: *Fabre J.* Les études polonaise en France. — «Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle», 1955, juil.—déc.
- ²³ Именно этим объясняется недостаток соответствующих специалистов. Напомним, однако, фамилию крупного французского историка В. Тапье, написавшего ряд статей о Чехословакии и основательную книгу: *Tapie L.* Une Eglise tchèque au XVe s., l'unité des frères. Paris, 1934.
- ²⁴ *L'Hermitte R.* Etat actuel des recherches en linguistique russe en France. — «L'Enseignement du russe», 1973, N 20.
- ²⁵ Полное заглавие этого журнала: «Revue d'études comparatives Est-ouest, économie, planification et organisation», подзаголовок: «Revue de l'Est. Editions du Centre National de la recherche scientifique».

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ С ИСТОРИЕЙ НАУКИ

*

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

(диалектика взаимоотношений и отражение
в общественной мысли XIX—начала XX в.)

В. И. Фрейдзон

1

Со времени революций в Нидерландах и Англии принцип суверенитета *нации*, продиктованный глубокими интересами развавшегося буржуазного общества, был противопоставлен «священным» правам монархов. Подлинно всемирное значение этот принцип получил в последние десятилетия XVIII в. в результате американской и французской революций. Буржуазные революции сопровождались распространением «национальных идей», волна которых прокатилась по Европе и Латинской Америке. Хотя эти идеи возникали на основе собственных потребностей разных стран, импульсы, данные событиями в Америке и во Франции, резко ускорили идеологическое созревание народов, расширили горизонты общественной мысли.

В новое время взаимосвязи и взаимозависимость между народами приобрели невиданные ранее масштабы и проявились в сфере материального производства, в политике и духовной жизни. Понимание единства судеб человечества как целого все более становилось достоянием передовых мыслителей. Все это побуждало к размышлениям о «механике» развития мировой истории, о роли отдельных наций во всемирно-историческом процессе. Гегель, который видел в этом процессе проявление мирового духа, по-своему откликнулся на поразившие современников общественные потрясения в передовых странах и ту, как сейчас можно сказать, цепную реакцию, которую они вызвали. Великий диалектик и философ-идеалист рассматривал события как воплощение мирового духа в отдельных народах, которые якобы благодаря этому становились подлинно «историческими», т. е. приобретали способность прокладывать новые пути человечеству. Это объяснение

истории в нереалистической форме отражало реальную неравномерность мирового социально-исторического развития, а также подлинное международное, даже общечеловеческое значение выдающихся событий, коренившихся в тех или иных национальных условиях. Это значение сознавали и сами активные участники событий — борцы за интересы прогрессивного развития своего отечества от Т. Джефферсона и Т. Пейна, Ж.-Ж. Дантона и М. Робеспьера до Т. Костюшко, П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, Р. Риго, И. Лелевели, Д. Мадзини, Л. Кошута, Г. Раковского и др.

Идеологические построения, в которых подчеркивалось гуманистическое, общечеловеческое, интернациональное значение данной борьбы, везде, где эта борьба велась в защиту подлинно общенациональных интересов (свобода, независимость, суверенитет нации), служили мобилизации национальных прогрессивных сил, способствовали утверждению их уверенности в правоте своего дела. Это было свойственно и общественной мысли народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе славянских народов, борющихся за национальное освобождение.

Большое место в выработке, распространении этих идей и применении их к славянским народам принадлежит И. Г. Гердеру. Немецкий гуманист — философ и историк, — основные сочинения которого появились в последней четверти XVIII в., в частности, выдвинул тезис о присущих славянам высоких духовных качествах и указал на достоинства их народной культуры. Гердер с глубоким уважением относился к художественному творчеству народных масс, призывает собирать народные песни славян и сам издавал их. При этом, правда, он полагал, что особые качества славян — миролюбие, доброта, любовь к труду — создали условия в прошлом для установления господства над ними чуженациональных государств; однако, по его мнению, в новое просвещенное время славянские народы должны были добиться освобождения, занять почетное место в общественной и культурной жизни человечества, внося в нее свой оригинальный вклад и тем самым способствуя ее общему подъему¹.

Хотя многое в представлениях Гердера о прошлом славян не соответствовало фактам (славянские народы сотни лет боролись против поработителей), его прогнозы, естественно, импонируют деятелям национального Возрождения в славянских странах, способствовали формированию их оптимизма.

В том же направлении действовали мессианистские идеи Мицкевича, который провозглашал, что поляки самопожертвованием на алтарь родины способны преобразовать человеческое общество на началах справедливости. По поэтическому свидетельству Пушкина, «нередко он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»². Среди сербов представляет интерес публицистика В. Йовановича, развивавшего

в 60-е годы XIX в. мысль о том, что освобождение от гнета и объединение сербского народа (как и других народов) в национальном государстве соответствует глубоким интересам человеческого прогресса и является шагом к всеобщему братству³. О выгодах, которые могла бы получить Европа вследствие создания независимого Хорватского государства, в 1864 г. писал Э. Кватерник⁴. Аналогичные взгляды у чехов развивал не только революционер Й.-В. Фрич, но и либерал Ф. Палацкий, правда, применительно к своим проектам превращения австрийского государства в федерацию равноправных народов⁵. Во всех подобных случаях дело шло не только об идеологической аргументации собственного интереса, но о действительном, хотя и не одинаковом по величине, международном значении национально-освободительного движения. Таким образом, девиз польских повстанцев «За нашу и вашу свободу», возникший в связи с поисками путей сотрудничества между русскими и польскими революционерами и имевший в виду одновременное освобождение от власти самодержавия как Польши, так и России, отвечал реальным условиям тогдашней Европы, а вовсе не был просто ярким пропагандистским лозунгом. Национальное освобождение каждого угнетенного народа означало шаг вперед в прогрессивном преобразовании Европы, в котором объективно были заинтересованы все народы.

Во всех случаях, когда речь шла о прогрессивном содержании национальной идеологии, об интернационалистических элементах в мировоззрении того или иного идеолога, эти элементы были тем значительнее, чем более глубоким являлся его демократизм. В значительной мере эта тенденция сказалась уже в революционно-демократической идеологии, но полное воплощение интернационализм получал только в мировоззрении рабочего движения. Поскольку же мы имеем в виду идейных представителей формирующегося класса буржуазных собственников, постольку нет оснований говорить об интернационализме в полном смысле этого слова даже там, где борцы за свободу нации и конституционный строй выступали с призывами к сотрудничеству революционных сил разных народов против общего противника. «Национальный принцип», трактуемый прежде всего в интересах своей нации, в подавляющем большинстве случаев был для них абсолютom. Идеология подлинного интернационализма могла возникнуть и возникла на иной социальной почве — на основе общих задач рабочего класса в борьбе за освобождение. Ее распространение стало возможным в результате научного обобщения опыта классовой борьбы пролетариата⁶. Таким образом, следует различать объективно международное значение общедемократических освободительных движений и их идеологическое содержание, их буржуазное содержание, неизбежно ведущее к национализму.

В борьбе против абсолютизма и мрака средневековья рождалось буржуазное общество, состоящее из наций, рождался национализм, выражавший вполне определенные интересы «третьего сословия». Национализм являлся идеологическим Янусом — демократическим в борьбе против феодализма, неравноправия и угнетения своей нации, ограниченным и эгоистичным в представительстве интересов своей нации, своей буржуазии⁷. Это означает, что уже с самого своего возникновения, даже тогда, когда он служил буржуазии формирующейся нации для идеологического обоснования борьбы против оков феодализма, сословных привилегий, раздробленности, национального неравноправия и пр. (т. е. когда он еще имел по преимуществу прогрессивное содержание), национализм разделял народы, а потому не выражал коренных интересов угнетенной трудовой массы населения.

2

Все эти общие положения, вытекающие из осмысления исторического развития народов, получали жизненное воплощение, соответствующее конкретным условиям данного государства, региона или этнической общности. Этническое родство славян, понимаемое не с расовой, а с исторической точки зрения, не только является объективной реальностью, но и оказывает немалое воздействие на развитие славянских народов, особенно в период их перехода от феодализма к капитализму. Близость языков и культур, определенная общность исторических судеб славян обусловили появление и развитие идеи славянской взаимности, оказавшей значительное влияние на общественно-политическую мысль, а также на понимание предмета славяноведения и содержание конкретных славистических исследований.

Идеи и теории славянской взаимности не представляли собой самостоятельной и единой идейно-политической системы, они были связаны с конкретной национальной и социальной средой, являясь частью той или иной общественно-национальной идеологии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Теории славянской взаимности использовали в своих интересах как консерваторы и реакционеры, так и оппозиционные деятели, сторонники революционной ломки существующих порядков. В эпоху формирования наций прогрессивное содержание этих теорий определялось наличием в них более или менее ощутимого протеста против национального и социального гнета, тем, в какой степени они стимулировали освободительное движение соответствующих народов. Различные «общеславянские» идеи, которые формировались в условиях становления наций, отвечали определенным интересам отдельных национальных движений на определенном этапе их

исторического развития. Что касается попыток превращения идей славянской общности в те или иные доктрины национального единства всех славян, то по мере формирования отдельных славянских наций все более выявлялось несоответствие этих попыток объективному историческому процессу. В ходе развития буржуазного общества такого рода доктрины во все большей мере становились выражением экспансионистских интересов данного национализма в его борьбе за такое решение политических вопросов, которое не могло быть приемлемым для других народов. В отдельных случаях они были следствием исторически обусловленной неразвитости данной национальной идеологии либо выражением особо неблагоприятных общественно-политических условий ее формирования.

Идеи славянской взаимности совмещали в себе стремление к национальной свободе с тенденцией замкнуться в своей нации или группе наций, по каким-либо причинам противопоставить ее (или их) другим народам в идейно-политическом отношении. Но последняя тенденция теряла силу во взглядах более прогрессивных течений (чешские, хорватские, сербские и другие либерально-демократические группировки в Австрийской империи) и исчезала у славянских национально-буржуазных революционеров, искавших союза со всеми единомышленниками, независимо от национальной принадлежности (таковы деятели сербской, чешской и хорватской революционной эмиграции в 50—60-е годы, сотрудничавшие не только с польским, но и венгерским и итальянским революционным движением). Эти течения преодолевали рамки «славянской» (точнее, узкославянской) политической идеологии и умели совмещать прогрессивные идеи солидарности между освободительными движениями родственных по языку и культуре славянских народов с сотрудничеством с другими нациями. Правда, крах надежд, связанных с революцией 1848—1849 гг., или особенно тяжелые условия национального угнетения подчас обостряли недоверие к другим нациям. Но эти явления в аналогичных условиях были присущи и взаимоотношениям между славянскими нациями.

Этнические общности, от примитивных и древних до нации включительно, являлись и являются общностями социально-этническими⁸. Данная форма этнических связей сочетается с той или иной ступенью общественно-экономической эволюции, соответствует различным этапам развития производственных отношений и разделения труда, формирования общественных классов. Этнические общности обладают определенной территорией, экономикой, подчас общностью социальной структуры и политической общностью. Поэтому этнические явления составляют часть явлений социальных (в широком смысле слова). Но социально-этнические общности отличаются от сословий, классов или других

социальных общностей в узком смысле этого слова наличием сугубо этнических компонентов, таких, как язык, особенности культуры и психики, сознание общности исторических судеб и т. д.

Люди входят в состав как социальной (класс), так и этнической общности, каждая из которых имеет свои объективные интересы, требующие удовлетворения. История человечества в эпоху классовых обществ свидетельствует, что наиболее глубокими являются классовые связи, определявшие и определяющие развитие общественно-политической жизни данного народа и человечества в целом. Но национальное не сводится к классовому, ибо нация не только социальная, но и этническая общность (термины применены здесь в узком смысле). Общенациональными интересами являются, в частности, свобода родного языка, суверенитет нации, защита ее от притеснений и др.⁹, и нация как общность вправе защищать и действительно защищает эти свои общенациональные интересы. Однако национальные аспекты всегда проявлялись и проявляются в действиях общественных классов, сочетаясь в них так или иначе с защитой их социальных потребностей. Правильно поняты общенациональные интересы в основе своей совпадают с интересами того класса, борьба и деятельность которого определяют исторический прогресс на данном этапе исторического развития.

Все сказанное не означает, что любое действие людей, принадлежащих к определенному общественному классу, всегда и однозначно детерминируется их социальным положением. Этнонациональные факторы подчас способствуют созданию таких внутренних связей между людьми (психических, религиозных, политических, либо основанных на реальных интересах, либо имеющих иррациональные причины), которые какое-то время могут оказывать определяющее воздействие на поведение весьма значительной части различных классов. Однако в конечном счете классовые интересы выступают на передний план. Именно ими обусловливается конкретное содержание национальных программ, которые выдвигают представители разных слоев общества и которые имеют существенные различия даже в момент временного, переходящего «единства» нации, создающегося при определенных условиях, когда различные классы сближаются, «сходятся» на ограниченных общих задачах. В связи с этим то или иное национальное движение, как и его идеология, могут получить убедительное научное объяснение только с учетом социальных интересов общественных классов, участвовавших в движении (при этом имеются в виду не только чисто экономические, но именно социальные, в том числе этносоциальные интересы).

Отмечая общедемократическое (и, следовательно, международное) значение идей национальной свободы вообще, мы не должны

отвлекаться от социально-классового содержания того или иного движения, той или иной национальной идеологии. Масштабом социальных целей, в частности, измерялось международное значение данной национально-освободительной борьбы. Тем же масштабом измерялось международное значение любого идейно-политического течения, развивавшегося в рамках данной нации. Глубоко прогрессивной была борьба сербского и болгарского народов, прежде всего крестьян и городского трудового люда, против османского ига, т. е. против османской феодальной системы; борьба рабочих и крестьян всех народов, в том числе славянских, за демократические свободы, национальные права, против гнета крупных помещиков и банкиров, стоявших у власти в Габсбургской монархии. Для судеб народов было не безразлично, каким способом произойдет исторически необходимая ликвидация феодального и национального гнета, каков будет размах политической активности и исторического творчества широких слоев народа, т. е. совершится ли преобразование «снизу», последовательно, с максимальной выгодой для основной массы трудового населения, откроет ли оно широкую возможность дальнейшего социально-экономического прогресса или совершится хотя и под давлением народов, но «сверху», под контролем правящих кругов, многочисленными нитями связанных со старым обществом и стремящихся сохранить от него максимум возможного.

3

Идеологическая активность славянофилов в России, выступления сторонников идеи славянской взаимности в западных и южных славянских землях получили развитие в атмосфере романтических представлений о неповторимости и своеобразии «национального духа» каждого народа, в связи с идеями Гердера об особых духовных качествах славян и в условиях распространения философии Гегеля с присущим ей культом так называемых исторических народов. Идеи о национальном своеобразии культуры, не раскрытых творческих возможностях народа вдохновили целое поколение, способствовали пробуждению жажды общественной деятельности, интереса к отечественной истории, борьбе в защиту национальных интересов. Но то реальное содержание и направление, которые придали своим «национальным» идеям разные течения в России и за рубежами нашей страны, и вместе с тем их международное значение зависели от социальной сущности этих течений. Так, отстаивание ранними славянофилами тезиса о том, что Россия способна к самобытному историческому творчеству, не может оцениваться абстрактно, но лишь в связи со стремлением их авторов избежать кардинальной ломки существовавшего в России

самодержавного строя, которая грозила помещикам тяжелыми социальными потрясениями, а осуществить лишь некоторые крайне необходимые реформы «сверху». Пореформенное славянофильство, утратившее элементы оппозиционности, пыталось отвратить славян от радикального наследия «западных» революций и подчинить их своему идейному господству. К взглядам славянофилов славян привлекало прежде всего принципиальное признание необходимости национального освобождения славянских народов. Проповедь же самобытности славян и противопоставление их «Европе» не имели широкого, длительного и устойчивого международного влияния потому, что не соответствовали объективным историческим задачам славянских народов — борьбе против патриархальщины, клерикализма, за национальный суверенитет и демократию, наконец, потому, что в социальном отношении эта проповедь была крайне ограниченной.

Мысль о «молодости» России и других славянских стран, об их будущей роли в сообществе народов являлась идеологической основой революционного оптимизма А. И. Герцена, когда он размышлял о судьбах своей родины. Этот оптимизм служил опорой Герцену в его активной практической борьбе против самодержавия. Однако он не соответствовал реальному положению вещей, не имел объективной, научной основы. Но международное значение Герцена как мыслителя и публициста состояло в том, что у него пропаганда «славянской идеи» сочеталась с глубоким демократизмом, непринятием эксплуататорского строя и в России, и на Западе, с защитой достоинства личности и гражданских прав, отстаиванием свободы всех (славянских и неславянских) народов, в революционной агитации, в поиске революционной теории. Свободный от догматизма взгляд на историческое развитие (убежденность в том, что разные народы в то или иное время проявляют большую способность к историческому творчеству) позволил Герцену понять, что не только «Восток», но и «Запад» способен к новому общественному подъему¹⁰. На склоне лет русский мыслитель увидел воплощение этого в международном рабочем движении и повернул к Интернационалу К. Маркса.

Подлинно национальное и интернациональное значение имела идейно-политическая деятельность Н. Г. Чернышевского. Сосредоточив внимание на самых существенных задачах русской жизни, она привлекла интерес крупнейших передовых мыслителей всей Европы, стала явлением международного масштаба. Что касается проблем славянских народов, Н. Г. Чернышевский подошел к ним с последовательно демократических позиций¹¹. С тех же позиций он рассматривал русские проблемы.

В польском освободительном движении революционно-демократическая идеология заняла видное место начиная с 40-х годов XIX в. Превращение крестьян в полных собственников земли, «аграрная

демократия» — вот основа, на которой, по мысли Э. Дембовского, ставшей высшим идейным достижением Краковского восстания 1846 г., могло возродиться польское государство, а также могли освободиться другие славянские нации. Действительно, общественно-экономические условия почти всех славянских народов (господство феодализма, а после 1848 г. его значительных остатков) были такими, что победа демократического политического устройства была невозможна без аграрной революции, без аграрной демократии. Национальное освобождение могло стать составной частью этой демократической революции, которая привела бы к перестройке всего общества в восточной половине Европы.

В сербском освободительном движении революционная демократия выдвинулась на первый план на рубеже 60—70-х годов прошлого века. Крупнейший ее представитель С. Маркович указывал на невозможность достижения свободы народов без решения социального вопроса; при этом он имел в виду некапиталистический путь развития. Маркович был знаком с произведениями Маркса и Энгельса и они оказали на него некоторое влияние. Будучи последовательным демократом, он по-новому подошел к национальной проблеме на Балканах. Критикуя национальную программу либеральных кругов, он отмечал, что проповедуемое ими объединение «всех сербов» в едином государстве привело бы к конфликтам с соседними родственными народами — хорватами и болгарами, с которыми сербы на значительных территориях живут совместно. Поэтому Маркович выступил за федерацию «восточных народов» или федерацию югославян, условием которой считал не «национальный принцип» во что бы то ни стало, а «социальное преобразование внутри, на основе национального суверенитета и общинного самоуправления; революцию в Турции»¹². Все это свидетельствует о высоком демократизме Марковича, о его переходе на позиции интернационализма.

У болгар следует указать на интернационализм Х. Ботева, преклонявшегося перед Парижской коммуной и мечтавшего о братстве народов в будущей Всемирной Коммуне, и на В. Левского, выдвинувшего программу полного национального равноправия всех народов в будущей свободной Болгарии.

В XIX в. все насущнее становилась гигантская социальная проблема новой эпохи — об этом свидетельствовали восстания рабочих во Франции, чартистское движение и др. Интересы пролетариата получили выражение в деятельности Международного товарищества рабочих — I Интернационала, в возникновении социалистических партий. Маркс отдавал всю силу своего великого

ума делу и интересам движения международного рабочего класса. Он считал, что только социалистическая революция покончит и с межнациональными конфликтами и национальным гнетом вообще, что для победы пролетариат господствующих наций может и должен получить поддержку угнетенных народов и что некоторые народы могут добиться национального освобождения еще до социалистической революции. Таким образом теория Маркса далека от игнорирования вопроса национального, проблем национально-освободительных движений.

Маркс и Энгельс неоднократно критиковали подобные воззрения в рядах Международного товарищества рабочих ввиду того, что рабочий класс не может относиться безразлично к отечеству, т. е. к общественным и политическим условиям своей борьбы. Энгельс в таких словах опроверг нигилистическое отношение к национально-освободительному движению: «Если члены Интернационала, принадлежащие к господствующей нации, призывают нацию, завоеванную и продолжающую оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, „отбросить национальные разногласия“ и т. д., то это не интернационализм, а не что иное, как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма»¹³. Женевский конгресс Интернационала (1866 г.) отстаивал принцип «самоопределения людей и наций».

Таким образом, общедемократическое, прогрессивное, т. е. интернациональное, значение борьбы за национальное освобождение признавалось основоположниками научного коммунизма. Но если либерально-демократические и революционные буржуазные круги возводили национальное в абсолют (объективно, а нередко и субъективно выражая интересы поднимающейся буржуазии каждой нации), то Маркс и Энгельс рассматривали значение того или иного национального движения с точки зрения рабочего класса, кровно заинтересованного в демократии как условии своей борьбы. Поэтому они, во-первых, стояли за те течения в национальных движениях, которые в центр внимания ставили материальные интересы масс (аграрная революция как условие национального освобождения), и стремились поднять самые широкие слои народа к сознательному политическому движению. Об этом говорилось уже в «Манифесте Коммунистической партии»¹⁴. Маркс и Энгельс неоднократно отмечали интернациональное значение Краковского восстания 1846 г.: оно дало, по словам Маркса (1848 г.), «славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса». Еще ранее И. Лелевель, как тогда же говорил Энгельс, «стремился отождествить интересы всех народов с интересами польского народа», добиваясь «превращения национальной борьбы в борьбу за свободу»¹⁵.

Во-вторых, Маркс и Энгельс придавали особое значение ирландскому и польскому национальным движениям как направленным против главных опор тогдашнего реакционного порядка на Западе и Востоке Европы. Значение этих движений было международным. В 1882 г. Энгельс писал К. Каутскому, что ирландцы и поляки «более всего интернациональны именно тогда, когда они подлинно национальны»¹⁶.

Проблему международного значения ирландского национально-освободительного движения Маркс рассмотрел подробно. Он считал, что колониальное господство английских крупных землевладельцев в Ирландии укрепляет силы реакции в самой Англии, развращает английских рабочих национализмом и делает их, несмотря на многочисленность, бессильными в борьбе за свои интересы. Поэтому Маркс ставил перед I Интернационалом задачу пробудить в английском рабочем классе сознание того, что национальное освобождение Ирландии является для него не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но условием его собственного социального освобождения¹⁷.

Что касается поляков, то они не только боролись против реакционнойшего режима царского самодержавия в России и тем самым ослабляли царизм, но демократическое течение в польском движении ждало восстановления польского государства от революции в Европе и его представители участвовали во всех европейских революциях, доказав свой интернационализм в дни Парижской коммуны. В письме к В. Врублевскому (1875 г.) Энгельс выразил мнение, что освобождение Польши — один из краеугольных камней освобождения европейского пролетариата «и, в особенности, освобождения других славянских национальностей». Союз держав, поработивших Польшу, продолжал Энгельс, «не означает ничего другого, как порабощение русского, венгерского и немецкого народов, совершенно так же, как и польского народа»¹⁸. Освобождение Польши, считали Маркс и Энгельс, означало конец Священного союза, конец военного деспотизма трех реакционных монархий на востоке Европы.

Таким образом, Маркс и Энгельс как в польском, так и в ирландском вопросе выдвигали на первый план коренной принцип интернационализма: не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. Освободительное движение угнетенных наций являлось союзником демократических прогрессивных сил господствующей в данном государстве нации и вместе с тем имело широкое международное значение вообще.

В связи со всем сказанным понятно, что, хотя глубина социального содержания того или иного национально-освободительного движения была одним из важнейших показателей его прогрессивности, не следует недооценивать прогрессивной роли и тех национально-освободительных движений XIX в., социальная

программа которых была ограниченной. Уже своей борьбой против реакционных режимов, господствовавших в тогдашней Европе, — поскольку они действительно боролись за национальную свободу, а не договаривались с правящими кругами о мелких уступках в корыстных интересах каких-либо слоев — они приобретали интернациональное значение. Таково, например, широкое участие венгерского дворянства в революционной борьбе против габсбургской реакции в 1848—1849 гг. Таково же значение итальянского Рисорджименто, революционной деятельности Дж. Мадзини, геройских походов гарибальдийцев. Из славянских освободительных движений в этом смысле особое место вплоть до последней четверти XIX в. занимало польское.

5

Маркс и Энгельс рассматривали национальный вопрос как составную часть общей проблемы европейской революции. Летом 1848 г. они с горячим сочувствием отнеслись к национальному движению чехов, в частности к Пражскому восстанию. Однако стремление либеральных кругов славянских национальных движений Австрии достичь национального равноправия путем сохранения австрийского государства и соглашения с династией (австрославизм) позволило Габсбургской монархии использовать их для подавления революции.

Проблема формирования наций неоднократно привлекала внимание Энгельса. Сложность этой проблемы заключалась в существенном различии между развитием этого процесса на Западе и в восточной части Центральной Европы (т. е. прежде всего на территории Австрийской империи). На Западе процесс национальной интеграции развивался в рамках исторически сложившихся государств и определялся государственной принадлежностью населения. Создание централизованного государства влекло за собой унификацию языка и формирование национального (национально-государственного) самосознания. По мнению польского исследователя Ю. Хлебовчика, в восточной части Центральной Европы исходным моментом развития нации было формирование языковой общности, причем не только у народов «с неполной социальной структурой» (чехи, словенцы, сербы, румыны Трансильвании и Баната, словаки, западные украинцы), но и у народов, имевших национальное дворянство (мадьяры, хорваты)¹⁹.

Очевидно, для процесса формирования наций у некоторых народов Австрийской империи наличие политической автономии (всей или части национальной территории), т. е. «государственный» компонент, имело существенное значение, но этот компо-

нент отсутствовал у народов с неполной социальной структурой.

В связи с отмеченными условиями, например, во Франции или Великобритании некоторые из народностей (во всяком случае в XIX в.) не развились в нации. Не все этнические общности капитализм поднял до уровня наций. В восточной части Центральной Европы процесс ассимиляции небольших этнических групп тоже имел место в XIX в.

Югославский ученый Ф. Цвиттер, также отмечая существенные различия в процессах формирования наций на западе (Франция) и востоке Европы, указывает, что представления западноевропейских ученых середины и даже третьей четверти XIX в. относительно процесса формирования наций в основном опирались на опыт истории западных стран. Так, французский славист Л. Леже признавался, что в 60-х годах XIX в., направляясь в Чехию, он ожидал встретить там этническую ситуацию, сходную с той, которая была в Бретани или Стране Басков²⁰. Следует учесть, что Энгельс опирался, и это естественно, на данные об австрийских славянах, имевшиеся в тогдашней научной литературе. Мнение советских ученых по этому вопросу сформулировано в предисловии к тому сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, включающему их произведение 1848—1849 гг. В нем говорится: «Взгляды Энгельса на историческое будущее славян, входивших в состав Австрийской империи, были связаны с его представлением о роли малых народов в историческом процессе. Энгельс считал, что дальнейший ход исторического развития, основной тенденцией которого является централизация, приведет к утрате этими малыми народами своей самостоятельности и к поглощению их более крупными и более жизнеспособными нациями. В качестве примера Энгельс приводил гэлов в Шотландии, бретонцев во Франции, басков в Испании (...). Однако при оценке судеб малых народов Энгельс не учел, что капитализму наряду с тенденцией к централизации свойственна и другая тенденция — борьба малых народов за свою независимость, их стремление к созданию собственной государственности»²¹.

Действительно, исторический опыт национальных движений в Австрийской империи в середине XIX в. был еще невелик. Последующая история доказала стойкость и жизнеспособность славянских народов, которые играют все большую роль в прогрессивном развитии человечества.

К. Маркс и Ф. Энгельс с полным основанием отрицали наличие каких-то особых славянских путей развития и особых интересов, утверждая общность и взаимосвязанность освободительных задач

всех наций Европы. Между тем ошибочные теории «особых путей» развития славянства и возрождения якобы одряхлевшей Европы славянами исходили не только от славянофилов, но и от таких демократических деятелей, как А. И. Герцен и М. А. Бакунин. Поэтому Энгельс в письме к Вере Засулич (1885 г.) приветствовал возникновение в России революционного течения, отказавшегося от «несколько славянофильских» традиций своих предшественников²². Основоположники научного коммунизма были полны веры в близость русской революции, в ее международное значение, в будущее России. В 80-х годах они считали Россию передовым отрядом революционного движения в Европе. В 1884 г. Ф. Энгельс отметил растущий интерес в России к социалистической теории²³.

Проблема соотношения социального и национального, национального и интернационального по-разному стояла для эпохи кризиса феодализма и абсолютизма, сложения буржуазно-демократического общества, с одной стороны, и для эпохи уже сложившегося капитализма — с другой. Новая эпоха началась примерно с последней четверти XIX в. В первом случае революционные движения против феодализма и его остатков, прежде всего социальные движения буржуазии и народных масс, приобретали первостепенное международное значение. Во втором случае в центре находится рабочий класс, его коренные интересы, его борьба за социализм.

Если обратиться к Европе, то место одного из основных противоречий предыдущей эпохи — европейская демократия против царизма, как ослота реакции на всем континенте — все более занимал антагонизм между постепенно «выравнивавшимися» по своей реакционности господствующими классами европейских государств и революционным движением рабочего класса. В России «проснулись» многомиллионные массы, и революционная борьба народа ослабила царизм. В этих условиях значение польского вопроса не могло не отойти на второй план.

В начале XX в. В. И. Ленин с особой силой выступил против подчеркивания в первую голову национальных задач, против национальной замкнутости, узости, обособленности, за подчинение частного общему, за прочное международное сотрудничество рабочих прежде и выше всего. Именно это обеспечивало не только длительные интересы трудового народа и интересы человечества, но и развитие демократии, с которой всегда связана перспектива национального освобождения. Ленин указывал вместе с тем на наличие у рабочего класса задач и целей общедемократического характера: «Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грызней»²⁴.

Марксисты всегда ставили перед собой задачу установления равноправных отношений сотрудничества между пролетариатом разных наций. «Трудность, — отмечал В. И. Ленин, — создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации»²⁵. Российская социал-демократия в максимально возможной степени преодолела эту трудность, признав безусловное право всех угнетенных наций на самоопределение вплоть до создания независимых государств. Общие принципы интернационализма В. И. Ленин развил и применил, в частности, к условиям борьбы многонационального пролетариата Российской империи, в том числе польского рабочего движения²⁶.

Ленинизм, в научной форме выразивший потребности общественного развития человечества в эпоху империализма, оказал решающее влияние на судьбы славянских народов. Территориальная близость зарубежных славян к России, их культурно-языковое родство и традиции совместной освободительной борьбы положительно сказались на интенсивности распространения ленинских идей в славянских странах²⁷. Можно отметить также определенную близость социально-политических задач ряда народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, задач борьбы против феодальных остатков, проведения или завершения демократических преобразований. Поэтому первая буржуазно-демократическая революция в России 1905—1907 гг. оказала особенно сильное воздействие на освободительное движение в Австро-Венгрии и на Балканах. Она имела большое интернациональное значение.

В новых условиях, в особенности накануне и во время первой мировой войны, В. И. Ленин, развивая мысли К. Маркса о первоочередной важности интернационального сплочения рабочего класса, одновременно опровергал догматический тезис некоторых деятелей социалистического движения начала XX в. о бесперспективности национальных движений в эпоху империализма (о якобы невозможности и ненужности восстановления национальной государственности поляков, чехов и других народов) и показал значение освободительной борьбы угнетенных наций как спутника и возможного союзника социалистической революции. Октябрьская революция в России создала решающие условия для подъема социальной и национальной освободительной борьбы в Европе и создания суверенных государств. Эти события в Центральной и Юго-Восточной Европе были одним из проявлений крупнейшего сдвига в истории всего человечества в первые десятилетия XX в. Предвидения В. И. Лениным вероятного хода общественно-политического развития (в частности, переплетения и взаимосвязи разных видов освободительной борьбы) подтвердились с невиданной в истории точностью. В этом сказалась глу-

бина проникновения ленинской мысли в диалектику отношений общего и частного, взаимосвязи интернационального и национального в истории.

- ¹ Гердер И. Г. Избр. соч. М.—Л., 1959, с. 266—268 и др.
- ² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 3. М., 1957, с. 279.
- ³ Јовановић В. Српски народ и источно питање. У Новоме Саду, 1863; он же. За слободу и народ. У Новоме Саду, 1968.
- ⁴ Kvaternik E. Promemoriga princu Jérdmeu Napóleonu. Zagreb, 1936.
- ⁵ Šesták M. Palackého «idea státu rakouského». — «Slovanský přehled», 1976, N 3.
- ⁶ Взгляды революционных, республикански настроенных рабочих в 1830—1848 гг. (т. е. в период, когда классовая идеология пролетариата только формировалась) Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому (1882 г.) называет «скудным республиканским интернационализмом» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 220).
- ⁷ Так, Французская республика в 1795 г. включила в свой состав Бельгию. Марлен, выступая в Конвенте 30 сентября 1795 г., говорил: «Для республики важно, чтобы бельгийцы и лютихцы были свободны и независимы лишь постольку, поскольку они будут французами...» (Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 116).
- ⁸ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 37—40; Джулюсов М. Об изучении нации как социально-этнической общности людей. Фрунзе, 1969, с. 9.
- ⁹ См.: Теоретические проблемы пролетарского интернационализма. М., 1972, с. 73—75.
- ¹⁰ Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973.
- ¹¹ См.: Дьяков В. А. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
- ¹² См.: Вулетић В. Мисао и реч Светозара Марковича. Врњачка Бања, 1975, с. 221.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 75.
- ¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 458.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 490, 492.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 222.
- ¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 558—559.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 140.
- ¹⁹ Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie śródkowej w dobie kapitalizmu. Warszawa—Kraków, 1975, s. 18.
- ²⁰ Zwitter F. Slovenski politični prehod XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike. — «Zgodovinski časopis», 1964, XVIII, 1965, s. 81—94.
- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. XII.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 260.
- ²³ Там же, с. 104.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 131—132.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 117.
- ²⁶ Яжборовская И. С. Проблема русско-польского революционного союза у В. И. Ленина и польских социал-демократов. — «Советское славяноведение», 1970, № 2.
- ²⁷ См.: Зуев Ф. Г., Клеванский А. Х., Конобеев В. Д. Ленинизм и пути исторического развития зарубежных славянских народов. — «Советское славяноведение», 1970, № 2.

О МЕТОДОЛОГИИ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

С. М. Стецкевич, В. А. Якубский

Славяноведение, как известно, является комплексом научных дисциплин, изучающих общественную жизнь славянских народов. Каждая из составных частей этого комплекса многими нитями связана, с одной стороны, со славистическим комплексом, обладающим определенным внутренним единством, а с другой — с соответствующими научными дисциплинами: языковедением, литературоведением, историей и т. д. Естественно, развитие историко-славистических изысканий в СССР неотделимо от общего историографического процесса, хотя тут есть своя специфика как в объекте изучения, так и в движении самой науки.

Материалистическое понимание истории, в наше время прочно завоевавшее ведущее место в общественных науках, давно и прочно утвердилось в историко-славистических исследованиях. К. Маркс и Ф. Энгельс не только создали новую методологию истории и дали образцы ее приложения на материале Германии, Англии и других неславянских стран, но и заложили фундамент марксистской истории славян. Разработка в этом направлении истории Европы периода средних веков и нового времени, в том числе истории славянских народов, была продолжена Р. Люксембург, Д. Благоевым и др. Величайший вклад в формирование основ нового славяноведения внес В. И. Ленин — здесь нужно особо выделить ленинский анализ характера национального движения в славянских странах.

Советское славяноведение в его исторической части использовало опыт домарксистской исторической науки, прежде всего дореволюционного русского славяноведения, хотя это было осложнено рядом обстоятельств. При всем богатстве накопленного фактического материала, отработанности технических приемов и глубине конкретных исследований фактографические, бедные обобщениями работы занимали в нем слишком большое место. Методология домарксистского славяноведения, в котором господствовал позитивизм, присутствовали пережитки романтических концепций, сильно было влияние славнофильских и панславистских идей, оказалась принципиально неприемлемой для нового этапа. Идеино-политический консерватизм старой славистики не мог не вызывать в советской науке настороженного отношения, нередко прямого отталкивания. Сверх того, многие известные русские слависты после 1917 г. эмигрировали, часть из них вела враждебную Советской власти деятельность, другая — по тем или иным причинам отошла от активной исследовательской деятельности. Также

давала себя знать слабость, порой отсутствие научных контактов со славянскими странами. В сумме все это привело к сравнительно позднему разворачиванию историко-славистских изысканий в Советском Союзе, затруднило подготовку новых кадров.

Поэтому для 20-х—начала 30-х годов о советском славяноведении речь может идти как о начальном, подготовительном этапе развития. Расширялась источниковая база. Были изданы многие секретные акты из архивов царского правительства, касающиеся южного и западного славянства, развернулись поиски и публикация документов по истории революционного движения в славянских землях. Число новых специальных исследований было невелико (среди увидевших свет в 20-е годы работ некоторые были подготовлены задолго до того, и даже если их авторы внесли кое-какие внешние поправки, это ничего не меняло в методологическом отношении). Но часть этих исследований не утратила научной значимости по сей день. В центре внимания находилась история народных масс, история классовой борьбы. В изучении данной тематики на помощь советской исторической славистике пришли деятели коммунистического движения в Чехословакии, Польше, Болгарии, Югославии, в частности те из них, кто пребывал в эмиграции в нашей стране (Ю. Мархлевский, Х. Кабакчиев и др.).

Огромное значение для дальнейшего движения науки имело прочно утвердившееся уже на раннем этапе развития советского славяноведения новое, качественно отличное от принятого в дрянско-буржуазной литературе понимание самого предмета. Ученые-марксисты, рассматривая славян как равноправных членов единого всемирно-исторического процесса и отвергая всякое противопоставление их другим народам, повели бескомпромиссную борьбу с традиционной идеалистической трактовкой, которая постулировала существование извечного славянского народного духа, особой «славянской души».

Одним из непосредственных следствий такого перелома явилось изменение удельного веса компонентов, слагающих славяноведение, которое с момента своего возникновения на рубеже XVIII—XIX вв. носило комплексный характер. Если в старой славистике доминировали филологические и этнографические изыскания, а история как таковая была отодвинута в сторону, то теперь она занимает должное место. «Общие черты в истории, культуре и языке славянских народов марксистская наука объясняет как результат общности их этнического происхождения, смежности территорий, тесных экономических, политических и культурных связей, развивавшихся на протяжении веков. Поэтому без глубокой разработки историко-культурной проблематики славяноведение не может быть подлинно общественной наукой»¹.

Активизация историко-славистских работ в СССР стала заметна в 30-е годы, особенно в их второй половине, будучи в первую очередь производной от общего прогресса советской исторической науки. Этот прогресс сильнее всего обнаруживался в разработке истории народов СССР, где в свою очередь большинство исследований было посвящено прошлому восточных славян. Как известно, в каждой из славянских стран своя, национальная история (как и язык, культура) по традиции не включается в понятие славяноведения, хотя такое подразделение, разумеется, крайне условно. И если история России, Украины, Белоруссии изучалась в нашей стране вне рамок славистики, то достигнутые успехи — в том числе успехи в области методологии — прямо обогащали мировое славяноведение и вместе с тем стимулировали разработку в Советском Союзе истории южных и западных славян.

Дополнительный толчок к развитию советского славяноведения дало обострение борьбы против расизма, против идеологии фашизма, который пытался использовать историческую аргументацию (типа теорий извечности «натиска на Восток», культур-трегерской миссии германцев в славянских землях и пр.) для подкрепления своих политических притязаний. Мало было разоблачить практикуемые фашистской историографией подтасовку и искажение фактов и показать, как выводы приспособлялись к заранее заданным политическим тезисам. Необходимо было доказательство методологической несостоятельности расистских исторических концепций, доводивших до абсурда те идеи, которые провозглашались реакционными учеными XIX—начала XX в. Эту задачу берут на себя наряду с представителями других специальностей советские слависты². Политическая и идеологическая обстановка в Европе 30-х годов ориентировала советских ученых на первоочередную разработку таких вопросов, как борьба славянских народов против иноземных захватчиков, межславянские связи, образование славянских государств. Эта проблематика определяла облик советской исторической славистики также и в годы второй мировой войны и первые послевоенные годы. Работа над историко-славистскими темами сосредоточивалась вокруг созданных в 1939 г. двух центров: сектора славяноведения в Институте истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян в Московском университете³.

С точки зрения процесса формирования методологии историко-славистских исследований в Советском Союзе особую, пожалуй, теоретическую и методологическую, нагрузку несли тогда темы, связанные со складыванием государственности у славян. В трактовке этого явления резко различались позиции домарксистской историографии (не говоря уж о реакционных, фашиствующих течениях в ней) и историографии марксистско-ленинской. Естественно, полемика по основным, принципиальным моментам заняла

значительное место в первом томе «Истории Болгарии» Н. С. Державина, носившем подзаголовок «Происхождение болгарского народа и образование Первого Болгарского государства на Балканском полуострове» (М.—Л., 1945), а также в других появившихся в ту пору трудах. Советские слависты не ограничились общим опровержением теории возникновения государства путем завоевания одного народа другим и иных распространенных в буржуазной науке концепций. На материале истории княжества Само, Великоморавской державы, союза семи мезийских племен, выросшего из этого союза Первого Болгарского царства и других раннегосударственных образований они приступили к углубленному изучению процесса классообразования и формирования государственной надстройки, выделяя главные закономерности и вместе с тем исследуя осложняющие их локальные факторы, такие, как, например, захват Подунавья протоболгарами Аспаруха.

При этом на примере истории Руси был распространен на весь славянский мир выдвинутый одним из основоположников советского славяноведения, Б. Д. Грековым, тезис о прямом переходе от доклассового общества к феодальному, минуя рабовладельческую формацию. В 30—40-е годы при объяснении данного феномена отмечалась особая прочность славянской общины (Б. Д. Греков) или ставился акцент на общем изживании рабовладельческих отношений к моменту перехода славян к классовому обществу (А. В. Мишулин). В дальнейшем труды востоковедов и специалистов по истории Западной Европы заставили отказаться от представлений об исключительности «славянского варианта». Признание получил вывод о закономерности двух путей складывания феодализма: как на основе синтеза рабовладельческих и родовых порядков, так и «бессинтезно», на базе разлагающегося первобытнородового общества (при продолжающейся в наши дни дискуссии о возможности становления феодализма в результате внутреннего перерождения рабовладельческого способа производства). В 50—70-е годы были подвергнуты критике прежние объяснения причин «бессинтезного» варианта и предложены новые гипотезы.

С высоты сегодняшнего дня нетрудно увидеть как конкретно-исторические, так и методологические промахи в работах примерно сорокалетней давности. В разгаре полемики с «теорией завоевания» наши слависты тогда несколько недооценивали тот толчок, который внешнее завоевание способно дать спонтанно идущему процессу выделения классов. Слишком низко опускалась хронологическая грань, отделявшая догосударственный период от государственного. Едва ли имелись достаточные причины говорить о княжестве Само как о государстве. Источниково-ведчески неудачной и методологически по существу бесплодной

была попытка такого опытного исследователя, как Н. П. Грацианский, доказать, будто князь Само не франк, а славянин⁴.

Но нет нужды доказывать, что не этими частными промахами — к тому же быстро изживаемыми — определяется место опубликованных у нас в 30—40-е годы работ о раннеславянских государствах в литературе вопроса и в славяноведении в целом. Гораздо важнее, в частности, то, что был внесен весомый вклад в совершенствование исследовательской методики. Как это ни парадоксально, скудность источников по экономической и социальной истории древних славян сыграла тут, пожалуй, положительную роль, наталкивая ученых на интенсивное исследование текстов, оперирование историческими параллелями и ретроспекцией, комплексное использование письменных памятников и данных археологии. Под руководством таких учителей, как В. И. Пичета, З. Неядлы, в конце 30-х—первой половине 40-х годов на материалах из истории раннефеодальных славянских государств пришли превосходную школу многие историки-слависты, затем приложившие полученный опыт к работе над различными проблемами средневековой и новой истории славян.

Возрастающий в нашей стране интерес к прошлому братских славянских народов, плечом к плечу с советским народом сражавшихся против фашизма, получил новый стимул, когда с середины 40-х годов Польша, Чехословакия, Югославия, Болгария вступили на путь строительства социализма. В этих странах вскоре развернулся переход исторической науки на рельсы марксизма-ленинизма, в чем большую роль сыграли пример советского славяноведения, та дружеская помощь, которую оказывали Б. Д. Греков, Н. С. Державин и другие наши ученые-слависты. Ранее начатые в Советском Союзе мероприятия по развертыванию историко-славистических исследований и подготовке специалистов приобрели теперь размах. В январе 1947 г. был открыт Институт славяноведения Академии наук СССР (с 1969 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР).

В таких условиях происходило ускоренное формирование методологии советской славистики. Сравнительно поздно начавшееся, оно благодаря этому могло успешно освоить опыт других отраслей советской историографии. Отличительная черта послевоенного славяноведения в СССР — переход от выборочных изысканий к фронтальному изучению проблематики. Такой переход не сразу мог быть в должной мере обеспечен источниковедческой базой. Сбор источников, их систематизация и анализ под углом зрения принципов исторического материализма требовали времени. В результате в трудах 40-х—первой половины 50-х годов заметна диспропорция: построение концепций во многих случаях опережало детальную разработку материала. Подобный метод в обстановке той поры диктовался необходимостью. Более того,

несмотря на известные издержки, несмотря на то что в дальнейшем пришлось некоторые рабочие гипотезы уточнить или пересмотреть, он был плодотворен. Опираясь на вскрытые марксизмом законы общественного развития и широко прибегая к историко-сравнительному методу, наши слависты в короткий срок добились многого.

Проиллюстрировать сказанное может состояние разработки проблемы так называемого «второго издания» крепостного права в Центральной и Восточной Европе. Над проблемой, являющейся ключевой для анализа переходного периода от феодализма к капитализму в этом регионе, настойчиво трудились многие ученые XIX и первой половины XX в. Опираясь на достигнутое ранее и развивая его, советские слависты и русисты в конце 40-х—начале 50-х годов сделали большой шаг вперед в деле изучения барщинно-крепостнической системы хозяйства в Остальной Европе. Образцом типологического анализа истории позднефеодального европейского крестьянства явилась статья Б. Д. Грекова «Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI в.»⁵, содержащая уже все основные элементы концепции, которая вскоре стала общепринятой в нашей литературе и получила признание в марксистской науке за рубежом. Отмечая ныне сильные и слабые стороны этой концепции, необходимо учитывать, так сказать, историографический контекст: она рождалась в непримиримой полемике с устаревшими взглядами. Возможно, как раз это обстоятельство, определившее предельную обостренность формулировок, объясняет стремление ее сторонников возвести в ранг методологических принципов положения о том, что барщина везде предшествовала крепостничеству и что решающее действие на экономику страны оказывал внутренний, а не внешний рынок. В последующие десятилетия историками-марксистами было доказано, что такая постановка вопроса неправомерна: названные положения не более как рабочие гипотезы и к тому же не подтвердившиеся. Внесенные поправки тем не менее не расшатали концепционной основы: построенная на прочном фактическом и теоретическом фундаменте, она выдержала критическую проверку.

Наглядно судить об успехах и о трудностях, с которыми столкнулись в этом деле ученые, позволяет сравнение сводных очерков истории славян, начиная с соответствующих глав в довоенных и послевоенных университетских учебниках по истории средних веков и по истории нового времени. Важной вехой в складывании и отработке методологии славистических исследований стала работа над капитальными очерками истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии⁶, которые были изданы Институтом славяноведения АН СССР при участии специалистов из других научных центров.

Новое, последовательно-монистическое понимание исторического процесса находило свое концентрированное выражение в периодизации, над выработкой которой усиленно трудились советские слависты в сотрудничестве с учеными братских стран. Работа требовала уяснения — хотя бы в рабочем порядке — многих до той поры малоизученных проблем. В то же время, как подчеркивал на совещании советских и польских историков 1950 г. И. С. Миллер, «одним из важнейших принципиальных вопросов... от правильности решения которых в значительной мере зависит и правильность основных выводов и оценок, дающихся при рассмотрении узловых проблем, является вопрос о периодизации»⁷.

В том, что в основу периодизации должен быть положен формационный принцип, разногласий среди советских славистов не было. Весь предшествующий (и последующий) опыт подтверждал правильность такого подхода. Но на пути реализации этой программы — при проведении рубежей между формациями и выделении более мелких периодов — возникали большие трудности. Сложнее всего было указать грань между феодализмом и капитализмом.

Привязка к общеевропейской периодизации, которая открывает новую историю событиями английской революции, — периодизации самой по себе спорной⁸ — не могла удовлетворить славистов: середина XVII в. никоим образом не предвещала формационного перелома в восточной половине континента. Более многообещающим и здесь было использование практики русистов (хотя и у них еще не были решены некоторые узловые вопросы периодизации, что в 1949—1951 гг. привело к дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории», в которой участвовали слависты).

Руководствуясь результатами дискуссии, кафедра истории южных и западных славян Московского университета предложила свою периодизационную схему. Как при этом выглядело членение исторического процесса XVIII—XIX вв.? В составленной кафедрой программе курса «История южных и западных славян» (в послевоенные годы повсеместно введенного в университетское преподавание) вторая часть — «Феодализм» — для Польши, Чехии, Словакии заканчивалась разделом «Феодально-крепостнические отношения у западных славян», где изложение доходило до конца XVIII в. Раздел же «Утверждение капиталистических отношений» в третьей части программы охватывал целое столетие (от конца XVIII в. до 90-х годов XIX в.), и в нем оказались слиты два качественно различных этапа: капиталистический уклад, существовавший в рамках феодального способа производства, и домонополистический капитализм. Не удивительно, что проект вызвал серьезные возражения⁹.

В своем научно-популярном очерке истории Польши, подготовленном в конце 40-х годов, А. Я. Манусевич¹⁰ попробовал обойти трудности: последовательно придерживаясь теории смены социально-экономических формаций, он подразделил материал своей книги по государственному признаку. История страны с древнейших времен до 1795 г. объединена была под заголовком «Феодално-крепостническая многонациональная Речь Посполитая»; следующий период, 1795—1918 гг., автор определил как «период разделов и чужеземного ига». Разумеется, это не было выходом из положения.

Оба примера свидетельствуют о том, насколько злободневным оставался к началу 50-х годов вопрос об уточнении периодизационной структуры истории славянства. Поиски оптимального варианта заняли центральное место при подготовке и обсуждении проспектов названных выше коллективных трудов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии¹¹.

В итоге творческой дискуссии общее признание получил тезис о том, что для славянских народов, находившихся под властью Австрийской и Прусской монархий, эпоху феодализма от эпохи капитализма отделяет революция 1848—1849 гг. Для остальных земель таким рубежом были признаны восстание 1863—1864 гг. в Царстве Польском, которое по своему социальному содержанию также было незавершенной буржуазной революцией, и русско-турецкая война 1877—1878 гг., не только принеся национальное освобождение болгарскому народу и закрепившая завоевание национальной независимости Сербии и Черногории, но по своим объективным последствиям для Болгарии явившаяся буржуазно-демократической революцией, которая покончила с господством турецкого феодализма.

Сейчас эти положения прочно вошли в науку. В целом выработанная в 50-е годы периодизация также оправдала себя, демонстрируя тем самым значительную методологическую зрелость советского славяноведения тех лет. Вместе с тем вносимые в нее со временем коррективы и детализация служат индикатором происходящих в исторической славистике сдвигов.

Сдвиги находят выражение также и в значительной дифференциации исследовательских поисков и в изменении тематического охвата. Если от немногих тем, выбор которых в 20-х—первой половине 40-х годов диктовался их политической и научной актуальностью, советское славяноведение в середине 40-х—начале 50-х годов перешло к глобальному охвату, ставя перед собой задачу проанализировать под углом зрения исторического материализма весь исторический процесс, то в дальнейшем углубляется разделение труда. Мало того, в связи, так сказать, с количественным и качественным ростом научных кадров усиливалась специализация. По мере становления национальных марксистских

историографий в Чехословакии, Польше, Болгарии, Югославии советские исследователи концентрировали свое внимание на тех проблемах, для изучения которых в Советском Союзе есть необходимые условия (наличие материалов в архивах и книгохранилищах и т. п.).

Общепризнанно, что за послевоенные десятилетия советское славяноведение добилось больших успехов. Масштабы работы таковы, что для сколько-нибудь полного разбора всего того, что сделано в области методологии историко-славистических исследований, понадобилась бы не одна обзорная статья. Не претендуя на исчерпывающую полноту, остановимся на некоторых аспектах темы.

Продолжая сложившуюся традицию, послевоенная историческая славистика сосредоточила внимание на социально-экономической проблематике, изучая развитие производительных сил и производственных отношений, исследуя положение народных масс и классовую борьбу. Такая направленность, вообще свойственная марксистско-ленинской историографии, здесь была необходима вдвойне: дворянско-буржуазная наука XIX—первой половины XX в., как правило, мало интересовалась историей народных масс, а при анализе социально-политических конфликтов акцентировала национальные и конфессиональные моменты. Не случайно среди работ второй половины 40—50-х годов столь видное место заняли исследования по истории гуситского движения и в первую очередь радикальных течений в нем (А. И. Озолин, Б. Т. Рубцов), крестьянских восстаний в странах региона в период утверждения и расцвета «вторичного крепостничества» (Ю. В. Бромлей, И. С. Миллер и др.), революционных выступлений в эпоху распада феодального порядка (И. И. Удальцов, В. В. Зеленин, А. Ф. Смирнов) и т. д., как не случайно и то, что эти труды советских славистов нашли самый живой отклик в зарубежных славянских странах и многие из них были переведены на болгарский, польский, чешский и другие языки.

В последующие десятилетия удельный вес такого рода статей и книг снизился, и это явление, пожалуй, в равной мере наблюдается в славяноведении СССР и исторической науке Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. Поверхностному наблюдателю может показаться, что интерес к этой проблематике пошел на убыль. Однако такой вывод был бы в корне неверным. Если поначалу необходимо было скорее заполнить лакуны в наших знаниях о прошлом и ради этого приходилось идти на известное обобщение классовой борьбы от прочих сторон жизни общества (а, кроме того, сказывалось недостаточное освоение совокупности источников и нехватка опыта), то затем стал возможным системный подход, при котором объектом углубленного анализа становится весь общественный организм.

Одним из существенных показателей методологического созревания науки или ее отрасли — в данном случае славистики — служит, как известно, способность измерять изучаемые явления и процессы. Каковы масштабы внедрения количественных методов в интересующую нас сферу?

Уделяя, как сказано выше, усиленное внимание социальным и экономическим проблемам, советское славяноведение с первых своих шагов оперировало разнообразными числовыми параметрами. Насыщенность ими работ варьировалась в зависимости от многих факторов начиная с наличия источников, которые бы содержали количественные характеристики в готовом виде или были бы пригодны для статистической обработки. Исследователи расширяли круг используемых материалов, и при этом неуклонно смещался центр тяжести: на смену доминировавшему вначале иллюстративному подходу с его однообразием, нередко тенденциозностью в отборе цифр и их подаче все более приходило использование так называемых массовых источников.

Даже для периода феодализма историки направляли свои усилия на розыски по возможности точных и репрезентативных характеристик. Так, оставившая немалый след в формировании принципов и методов изучения прошлого дискуссия о роли внутреннего и внешнего рынков при переходе к барщинно-крепостнической системе хозяйства дала с конца 40-х годов сильный толчок к поискам данных о емкости городского рынка XV—XVI вв. и т. п. Насколько расширились исследовательские возможности благодаря систематической обработке нотариальных актов и других памятников, наглядно видно на примере большого и интересного цикла работ В. В. Захарова, Н. П. Мананчиковой, А. Е. Москаленко, М. М. Фрейденберга и других специалистов по истории средневековых далматинских городов. Для истории нового и новейшего времени перспективы такого рода, само собой разумеется, были гораздо более благоприятными.

Совершенствование исследовательской техники и накопление числовой информации позволили славистам примерно с конца 50-х—начала 60-х годов перейти к решению более сложных методологических проблем. Давно выдвигавшееся требование заметить, так сказать, россыпь разрозненно приводимых историком чисел системой внутренне связанных между собой и согласованных количественных показателей в ряде случаев стало осуществимым. Только что упомянутые статьи о ремесле, торговле, земельных отношениях в далматинском городе служат тому свидетельством.

Для современного состояния работ в области квантитативных исследований достаточно показателен сборник «Историко-социологические исследования (на материале славянских стран)» (М., 1970). В его статьях рассмотрены различные вопросы: социаль-

ный состав участников польского восстания 1830—1831 гг., социальный облик белорусского мелкого дворянства и движущие силы восстания 1863 г. на территории Белоруссии, численный и социальный состав болгарских революционных организаций в 1869—1873 гг., историко-социальная характеристика школьной системы в буржуазной Чехословакии. Сборник продемонстрировал перспективность привлечения социолого-статистических методов не только при изучении классовой структуры общества и социально-экономических процессов (там это уже вошло в обыкновение), но и при обращении к проблематике общественно-политических и национально-освободительных движений, к проблемам развития культуры и просвещения.

В частности, итоговая сводка сведений, почерпнутых из так называемых «Алфавитных списков мятежников», позволила В. А. Дьякову, В. М. Зайцеву и Л. А. Обушенковой¹² уверенно говорить о том, что польское восстание 1830—1831 гг. было внутренне единым комплексом событий на всех охваченных им территориях. Социолого-статистический подход к материалу убедил в обоснованности довольно распространенного мнения, согласно которому восстание в Литве, Белоруссии, Украине было чем-то самостоятельным, отличным от восстания в Царстве Польском. Из статистических подсчетов хорошо видно, что в каждой из областей была своя специфика — сказывались различия в социальной и национально-религиозной структуре населения, на численность и состав участников движения повлияли накал классово-классовых конфликтов в предшествующий период и ход восстания на данной территории. Но тем не менее характер и движущие силы восстания в западных губерниях были такими же, как и за их пределами. К такому выводу склонялись и авторы некоторых из прежних, построенных на традиционной методике работ. Однако массовость использованных архивных материалов и избранный авторами социологический аспект определили максимальную убедительность их аргументации.

Названный сборник интересен для нас и в другом отношении. Авторы собранных в нем статей статистически обработали свои источники, достаточно тщательно обосновав избранные критерии группировки. Полученные абсолютные величины и процентные соотношения были ими подробно проанализированы. Однако корреляционный или дисперсионный анализ и другие более сложные инструменты современного социолого-статистического исследования привлечены не были. Вряд ли это можно считать случайностью. Так же построены изданная три года спустя фундаментальная монография В. М. Зайцева¹³ и другие работы.

Дело, по-видимому, не только в том, что вычисление коэффициентов корреляции, контингенции и т. п. требует времени и технических средств. Как показала исследовательская практика

60-х годов, применение историком, в том числе историком-славистом, сложного математического аппарата не всегда себя оправдывает: полнота и характер имеющихся в распоряжении ученого источников накладывают здесь существенные ограничения, историческая интерпретация математических результатов часто все еще недостаточно строга. Эти обстоятельства, сильнее всего действующие в области медиевистики¹⁴, повлияли и на историографию нового и новейшего времени. Поэтому наши историко-славистические труды в основном остаются на стадии сущностно-качественного моделирования явлений и процессов, проявляя осторожность в том, что касается построения формально-количественных моделей.

Из наблюдений над историко-славистической литературой 60.—70-х годов следует, что советские ученые не пренебрегают теми возможностями, которые дает структурный метод. Но решительно преобладают работы, где выясняется динамика явлений — идет ли речь о темах из экономической, социальной, политической или культурной истории. Особый и все расширяющийся круг работ составляют исследования о переходных структурах.

Переходные формы — от одной формации к другой — представляют чрезвычайный интерес в методологическом отношении. По этой причине подробнее остановимся на том, как подходит современное советское славяноведение к такому сложному и внутренне во многом противоречивому периоду в истории южных и западных славян, каким была эпоха национального Возрождения.

Эпохой национального Возрождения советская славистика считает начавшийся со второй половины XVIII в. длительный период в истории славянских народов, расположенных к востоку от Эльбы. Конец эпохи национального Возрождения — примерно 70-е годы XIX в. Указанное столетие В. И. Ленин охарактеризовал как время, когда шли «пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против национального гнета, создание буржуазных государств»¹⁵. Следовательно, главным содержанием эпохи национального Возрождения славянских народов была их борьба за национальное освобождение, когда развивались процессы ликвидации феодальных и развития капиталистических отношений в экономике, а также формирования наций, национального самосознания и национальной культуры¹⁶.

Пожалуй, этой эпохе буржуазная славистика уделила наибольшее внимание, о чем свидетельствует огромное количество работ, изданных во всех славянских странах. В них национальное движение обычно изображалось как действие всей нации, руководимой общепризнанными лидерами, выдвигавшими единые для всего движения лозунги, а проблема национального Возрождения сводилась, как правило, к борьбе за национальный язык и культуру.

Советская историография подходит к этой проблеме с иных методологических позиций, стремясь выяснить сущность трех взаимосвязанных процессов: социально-экономических, формирования наций и национальных культур и национально-освободительного движения. В соответствии с точкой зрения марксизма-ленинизма на национальный вопрос, как подчиненный задачам социально-политического развития общества, национальное движение рассматривается как составная часть общего вопроса буржуазно-демократических революций и оценивается в зависимости от того, насколько оно соответствовало социальным задачам революций, в чьих классовых интересах было национальное движение того или иного народа.

Опираясь на суждения Маркса и Энгельса о революциях 1848—1849 гг. в Европе, советская наука не канонизирует их отдельных не подтвердившихся впоследствии высказываний о роли славянских народов в этих революциях и перспективах их исторического развития как малых наций, учитывая, что в эпоху 40-х годов XIX в. разработка основоположниками марксизма национального вопроса находилась еще в начальной стадии. С этой точки зрения весьма показательна, в частности, выпущенная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1970 г. биография Ф. Энгельса, где отмечается, что в его статьях в «*Neue Rheinische Zeitung*» «наряду со справедливой характеристикой объективно контрреволюционной роли, которую славянские народы, жившие на территории Австрийской империи, играли в период революции 1848—1849 гг., содержатся и некоторые односторонние оценки в отношении исторического развития и будущего этих народов». Анализируя высказывания Ф. Энгельса по данному вопросу, авторы пишут: «...правильно указав на свойственную капитализму тенденцию к централизации, к созданию больших национальных государств, Энгельс недостаточно учел наличие другой тенденции — борьбы малых народов за национальную независимость, их стремление к образованию самостоятельных государств»¹⁷.

На всех этапах развития советского славяноведения характерным было стремление к разработке социально-экономических аспектов национально-освободительных движений. «Понятие „общенациональная революция“, — писал В. И. Ленин, — должно указать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»¹⁸.

Изучение положения крестьянства, городских плебейских масс, пролетариата, мелкой буржуазии привело к выводу о неразрывной связи между борьбой за национальное освобождение и борьбой за социальные преобразования. Высказывание К. Маркса в связи с оценкой краковского восстания 1846 г.:

«польская демократия невозможна без уничтожения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»¹⁹ — легло в основу методологии изучения национально-освободительного движения всех славянских народов, а не только польского.

Изучая польские восстания XVIII—XIX вв., борьбу за национальное освобождение сербского и болгарского народов, освободительное движение чехов и словаков, советская историография видела значение социальных и политических требований участников этих событий, которые определялись их сословно-классовыми позициями. Это дало возможность раскрыть подлинную сущность тех национальных программ, с которыми выступали различные лагеря освободительного движения, их отношение к решению кардинальных вопросов национальной борьбы.

Внимание к социальным аспектам освободительного движения не означало игнорирования различий в формах и содержании национальной борьбы, которые менялись в зависимости от условий не только социально-экономического, но и политического и культурного развития той или иной славянской страны. В конце 60-х годов советские ученые поставили вопрос о том, что для понимания сущности всего комплекса названных выше проблем важное значение имеет выяснение связи между национально-освободительными движениями и национальным самосознанием. Речь шла о том, как интенсивность и массовость национальных движений, с одной стороны, зависит от степени развития национального самосознания и как, с другой стороны, эти движения оказывают обратное влияние на развитие национального самосознания²⁰.

Составной частью исследований истории национального движения является проблема славянской взаимности и межславянских связей. Если дореволюционное русское славяноведение рассматривало эту проблему с позиций реакционной идеологии панславизма, то для советской науки главным здесь является выяснение того, насколько они способствовали развитию освободительных движений славянских народов, их сотрудничеству в борьбе с социальным и национальным гнетом²¹.

Изучая межславянские связи, советское славяноведение придает первостепенное значение революционным связям, а среди них выделяет польско-русские связи²². Это отражает тот факт, что национально-освободительная борьба польского народа была важным фактором политической жизни Российской империи и в борьбе против общего врага — царского самодержавия — закладывались основы новых взаимоотношений между народами, шло оформление польско-русского революционного союза.

О важности исследования польско-русских связей писал В. И. Ленин еще в 1914 г. В работе «О праве наций на самоопре-

деление» Ленин призывал исследователей сопоставить позицию польского шляхтича—повстанца 1863 г. с позицией русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского и украинского общественного и политического деятеля М. П. Драгоманова²³. Уже в 30-е годы С. Н. Драницын в своей монографии о польском восстании 1863 г. показал роль русских революционеров в этом восстании, борьбу русской революционной демократии в защиту Польши²⁴. В дальнейшем советские историки успешно разрабатывали такие темы, как декабристы и Польша²⁵, Герцен и польское освободительное движение²⁶ и русско-польские революционные связи 30—60-х годов XIX в.²⁷ Была выполнена и конкретная задача, поставленная перед историками В. И. Лениным в 1914 г.²⁸ Закономерным результатом этих исследований явился обобщающий труд по истории польско-русских революционных связей²⁹.

Работы советских историков подтвердили справедливость высказывания Ленина о том, что польское освободительное движение имело огромное значение не только для самого польского народа, но и для других славянских и неславянских народов³⁰.

Второе направление в изучении межславянских связей — «Россия и южные славяне» — ведет свою традицию от дореволюционного русского славяноведения, но основано на иных методологических принципах. Не затушевывая реакционных тенденций политики русского царизма на Балканах и ее классовых целей, как это делалось дворянско-буржуазной историографией, советские историки выяснили соотношение этой политики с национально-освободительным движением южнославянских народов и пришли к выводу об объективно прогрессивных последствиях побед России над Османской империей, их положительном влиянии на процесс образования национальных государств на Балканах³¹. Работы С. А. Никитина, В. Я. Гросула, В. Г. Карасева и др. раскрыли также то глубокое воздействие, которое оказала русская революционная демократия на формирование идеологии борцов за национальное освобождение южнославянских народов³².

Изучение межславянских связей позволило выяснить некоторые закономерности развития славянского региона Восточной Европы, сходства и различий социально-экономических, политических, культурно-языковых и других процессов эпохи национального Возрождения и вплотную подвело советскую науку к необходимости выхода за рамки чисто славяноведческих исследований, перехода к историко-сравнительному изучению всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы.

Как справедливо заметил Д. Ф. Марков, общие закономерности становления и смены социально-экономических формаций проявлялись здесь в очень своеобразных, специфических условиях

и без учета исторически сложившихся связей государств и народов этого региона невозможно воссоздать подлинно научную историю народов Центральной и Юго-Восточной Европы³³.

Анализ развития славянских стран в эпоху господства капитализма и перехода к империализму советская славистика ведет с общих позиций марксистско-ленинской методологии, исследуя изменения в экономических, социальных, политических и духовных отношениях. При этом учитывается, что для всех славянских стран, кроме Чехии, характерны были недоразвитость капитализма и для большинства их отсутствие собственной государственности. Развитие общества определяла классовая борьба, но вследствие недостаточного развития капиталистических отношений характерной чертой основных классов буржуазного общества — буржуазии и пролетариата — была их слабость. Тем не менее именно пролетариат играл все возрастающую роль в общественно-политической жизни славянских народов. Заинтересованность в решении как задач социального освобождения, так и общедемократических и — в ряде стран — национальных задач превратила пролетариат в главный фактор исторического прогресса. Еще в 1848 г. К. Маркс писал: «Если социалистические писатели признают за пролетариатом эту всемирно-историческую роль, то это никоим образом не происходит от того, что они, как уверяет нас критическая критика, считают пролетариев *богами*. Скорее наоборот... Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, согласно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать»³⁴.

В соответствии со сказанным в первую очередь изучались вопросы социальной борьбы рабочего класса и формирования социал-демократических и социалистических партий³⁵. В дальнейшем заметным стал поворот в сторону выяснения роли рабочего класса также и в борьбе за национальное освобождение. В советской славистике утвердилось мнение о том, что пролетариат славянских народов, несмотря на то что его социалистические руководители не смогли сформулировать четкой марксистской программы решения национального вопроса (а это относилось не только к польским, но и чешским, словацким, югославянским социалистам), все же сделал для национального освобождения больше, чем буржуазия и ее партии, провозглашавшие национально-патриотические лозунги. Исследования советских славистов подтвердили положение Ф. Энгельса, высказанное в 1882 г. в письме к К. Каутскому, о значении для пролетариата борьбы за национальное освобождение. «Устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития», писал Энгельс, подчеркивая, что «для того чтобы иметь возможность бороться, нужна сперва почва под ногами, воздух, свет и простор. Иначе все — болтовня»³⁶.

Если проблема взаимоотношений западноевропейского и славянского рабочего движения остается пока еще недостаточно исследованной, то проблема связей с русским рабочим и социал-демократическим движением изучается весьма интенсивно. Это — вполне закономерно — рабочее движение в России, которая стала центром мирового революционного движения, оказало огромное воздействие на славянские страны, в первую очередь на польское рабочее движение³⁷. Тесные связи русских и польских пролетарских революционеров объяснялись не только тем, что польские земли входили в состав Российской империи, но в первую очередь тем, что у русского и польского пролетариата был общий враг — царское самодержавие³⁸. Для рабочего класса других славянских стран сотрудничество с рабочим классом России определялось общностью борьбы за социальное освобождение, за решение демократических задач, не осуществленных буржуазными революциями XIX в.

Марксистский тезис о ведущей роли пролетариата в буржуазно-демократических революциях эпохи империализма нашел свое яркое подтверждение в событиях первой русской революции 1905—1907 гг., получивших широкий отклик во всех без исключения славянских странах. Исследования советских славистов показали, что народная революция в России явилась важнейшим историческим фактором, оказавшим огромное влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения в славянских странах. Это объяснялось тем, что остатки средневековья — абсолютизм, феодализм и подавление национальностей — задерживали общественное развитие и рост пролетариата в странах Восточной Европы. На этой почве и развивались буржуазно-демократические национальные движения в славянских странах, хотя, естественно, в каждой из них имела своя специфика революционно-освободительного движения.

Советская историография подходит к анализу событий 1905—1907 гг. в славянских землях с позиций ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и гегемонии пролетариата в этой революции. Если исследования советских историков 50-х годов, когда отмечалось 50-летие революции, были посвящены выяснению главным образом социальных аспектов освободительного движения, то в дальнейшем тематика работ значительно расширилась. В центре внимания славистов оказались также национально-освободительные аспекты революции.

Исследования освободительного движения 1905—1907 гг. и последующих лет в славянских землях показали правильность исходной методологической позиции советской историографии о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе народных масс, о его ведущей роли в историческом процессе славянских

стран³⁹. Вместе с тем изучение советскими историками позиций социал-демократических и социалистических партий славянских стран привело их к выводу, что и в это время ни одна из этих партий не сумела разработать последовательной марксистской программы решения национального вопроса⁴⁰. Исключением были лишь социалисты Балканских стран, которые выдвинули в 1909 г. лозунг создания Балканской федеративной республики, последовательно проводившей принципы пролетарского интернационализма.

Проследивая развитие славянских стран накануне и в период первой мировой войны, советские историки-слависты конкретным материалом подтвердили теоретические выводы В. И. Ленина по национальному вопросу в России, Австро-Венгрии и на Балканах, а ленинская методология в свою очередь помогла советским славистам исследовать сущность исторических событий в славянских странах на протяжении указанного периода. Подтвердилось ленинское положение о том, что после революции 1905 г. в Восточной Европе наблюдалось пробуждение «целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств»⁴¹. Были опровергнуты утверждения западноевропейских буржуазных историков о прочности и жизнеспособности многонациональной монархии Габсбургов, раскрыты внутренние причины кризиса этой империи⁴².

Марксистской наукой уже давно выяснены причины и империалистический характер первой мировой войны. Усилия историков-славистов были сосредоточены на том, чтобы выяснить специфику положения славянских стран в период войны и — главное — процесс дальнейшего развития национально-освободительной борьбы славянских государств: Чехословакии, Польши, Югославии. Признание советской историографией справедливого характера войны со стороны двух славянских государств — Сербии и Черногории — не изменило общей оценки первой мировой войны как несправедливой, захватнической для обеих военных коалиций⁴³. В работах советских историков было показано, что стремление народных масс к революционному преобразованию общества, тесно переплетавшееся с борьбой за национальное освобождение, определило содержание исторического процесса в славянских странах в годы войны. Народные массы во главе с пролетариатом стремились добиться социального и национального освобождения, в то время как польские, чешские, югославянские буржуазные партии выдвигали планы решения национального вопроса исходя из положения о незыблемости тех монархий, под властью которых находились славянские земли. Оппортунистическую позицию занимали и правые руководители социалистических и социал-демократических партий.

Буржуазная историография славянских стран в образовании национальных государств Восточной Европы — Польши, Чехословакии, Югославии — видела прежде всего результат деятельности Пилсудского, Масарика и других видных буржуазных политиков либо приписывала главную заслугу державам Антанты и США. Советская славистика рассматривает восстановление независимости славянских государств как закономерный итог национально-освободительной борьбы народных масс, на развитие и размах которой оказала огромное воздействие Октябрьская революция, давшая образец решения коренных социальных проблем и на практике осуществившая провозглашенный большевистской партией принцип права наций на самоопределение⁴⁴. Возникновение славянских государств по существу явилось завершением национальной революции славянских народов XIX в.⁴⁵ Однако в силу слабости рабочего класса, отсутствия у него революционных партий, способных связать борьбу за социальное освобождение с борьбой за национальное освобождение и повести за собой массы крестьянства и мелкой буржуазии, национальные революции завершились образованием буржуазных государств, власть в которых захватила в свои руки буржуазия. В этих государствах не только не были осуществлены глубокие социально-экономические преобразования, но не был решен полностью и национальный вопрос, не установлены равноправные отношения между различными народами.

Тем не менее советская историография видит большое положительное значение этих революций: они привели к ликвидации чужеземного гнета, способствовали объединению разобщенных ранее политически и экономически земель, открыли простор для развития национальной культуры. Эти революции, ослабив прежнюю остроту национальной проблемы, обнажили классовые противоречия в славянских государствах между буржуазией и пролетариатом, создали условия для развертывания классовой борьбы пролетариата за решение задач его социального освобождения.

Если в новой истории сравнительно легко вычленишь чисто славянскую тематику и определить рамки славяноведческих исследований, то для новейшего времени сделать это значительно сложнее, ибо завершение национальных революций и образование национальных славянских государств внесли существенные изменения в постановку и решение проблем, характерных для предшествующего периода. Методологической основой изучения социально-экономических и политических процессов в капиталистических странах в новейшее время для советских историков-славистов является ленинская теория империализма и социалистической революции, позволяющая понять основные закономерности и особенности новой эпохи всемирной истории, содержание которой, по словам В. И. Ленина, составляет «уничтожение капи-

тализма и его следов, введение основ коммунистического порядка»⁴⁶. В центре внимания исторической славистики находились проблемы классовой борьбы и социально-экономического развития славянских государств, образования и деятельности коммунистических партий, постепенного усвоения ими ленинизма, борьбы за народный фронт и др.⁴⁷ Проследившая общие закономерности социально-экономического развития и классовой борьбы в славянских странах в межвоенный период, советская славистика выяснила присущие им специфические черты. Спецификой славянских стран были унаследованная от предшествующей эпохи недоразвитость капиталистических отношений, сохранение остатков феодализма, наличие нерешенных национальных проблем, зависимость экономики от иностранного капитала, социальная и политическая неустойчивость, тенденции к фашизации государственного строя⁴⁸.

Анализ социально-экономических, политических и национальных противоречий внутри славянских стран в конце 30-х годов, сделанный советской историографией, подтвердил, что в условиях наступления внутренней реакции на демократические права народных масс и возрастания угрозы национальной независимости со стороны фашизма, прежде всего германского, во всех этих странах первоочередными стали задачи общедемократического характера, антифашистские и антимонополистические, решение которых под руководством пролетариата и его коммунистических партий подводило к социалистической революции⁴⁹. Поскольку и в неславянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы складывалось аналогичное положение, постольку вполне закономерным является проявляющееся в настоящее время стремление к комплексному, сравнительно-историческому изучению таких проблем межвоенного двадцатилетия, как «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Кризис общественно-политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» и др.⁵⁰

Славянская проблематика вновь приобретает свою актуальность при изучении проблем, связанных с возникновением второй мировой войны и национально-освободительной борьбой поработенных народов против фашизма. Угроза славянским народам со стороны гитлеровской Германии вызвала еще в предвоенный период возрождение идеи славянской солидарности, которая с особой силой проявилась в годы войны, когда славянские народы поднялись на борьбу за свое национальное освобождение. Рассматривая борьбу славянских народов как составную часть антифашистской, общедемократической, освободительной борьбы народов Европы, советская наука видит в славянской солидарности важный фактор этой борьбы. Если в современной реакционной

буржуазной историографии имеется тенденция выдавать любые проявления славянской солидарности за панславизм, то советская славистика оценивает их принципиально с иных позиций. Стремление народных масс славянских стран к установлению связей с Советским Союзом во время второй мировой войны и в послевоенные годы было результатом того, что именно Советскому Союзу принадлежала главная роль в борьбе с фашизмом. Немалую роль в развитии движения славянской солидарности сыграли общность исторических судеб народов СССР и славянских народов, те революционные связи между ними, которые существовали ранее. Исходя из этого советские историки пришли к выводу, что прогрессивные формы движения славянской солидарности в годы войны способствовали будущему национально-политическому преобразованию общества и что именно коммунистам принадлежит главная заслуга в том, что это движение соединилось с перспективой развития славянских стран к социализму, привело к победе концепции новой внешней политики, которая предусматривала тесный союз между СССР и славянскими странами⁵¹.

Советская историография рассматривает движение Сопротивления в славянских странах как общедемократическое, антифашистское движение, в котором участвовали рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, мелкая буржуазия, а в некоторых странах и средняя буржуазия, причем руководящую роль играл рабочий класс, возглавляемый коммунистическими партиями. Признавая специфику этого движения в каждой отдельной стране, советская славистика считает, что в славянских странах оно имело характерные и для неславянских стран Восточной Европы черты и закономерности. Такими чертами были связь с борьбой советского народа, стремление к восстановлению национальной независимости и государственного суверенитета, возрождению и расширению демократии. Эта линия в движении Сопротивления была представлена широкими народными массами, руководимыми коммунистическими и рабочими партиями. Другую линию представляла антигитлеровская буржуазия славянских стран, которая стремилась сохранить свое классовое господство, хотя и признавала необходимость определенных социальных, демократических преобразований. Сложившийся в годы войны союз рабочего класса и крестьянства стал основой широкого антифашистского национального фронта, который свидетельствовал о существенном изменении расстановки классовых сил в славянских странах в пользу рабочего класса и о создании предпосылок для победы народно-демократических и социалистических революций⁵².

Проблема народно-демократических и социалистических революций в славянских странах стала разрабатываться советской историографией уже в конце 40-х—начале 50-х годов. Методологическая основа ее изучения оставалась неизменной — ленинское уче-

ние о социалистической революции, о неразрывной связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм. Однако на этой единой основе сложилось несколько различных, хотя во многом близких, точек зрения на характер революций в славянских странах. Первоначальное представление о буржуазно-демократической революции, которая постепенно переросла в социалистическую, трансформировалось в представлении о том, что в славянских странах в 40-е годы имела место революция нового типа — народно-демократическая, которая по своему содержанию была значительно шире обычной буржуазно-демократической революции, хотя и решала общедемократические, а не социалистические задачи и затем постепенно перерастала в социалистическую революцию⁵³. Наряду с этим существует и другая точка зрения, согласно которой революции с самого начала имели социалистический характер, но первоначально решали общедемократические задачи⁵⁴. Дискуссии по этому вопросу ведутся уже в течение многих лет, и пока спорящие стороны не пришли к соглашению. Представляется, что прогресс может быть достигнут в результате историко-сравнительного анализа, охватывающего не только славянские страны.

Необходимость сравнительных исследований остро чувствуется и при изучении периода социалистического строительства в славянских странах, ибо при всей специфике форм и методов этого строительства в славянских странах оно осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими всем без исключения странам, вступившим на путь социализма.

Проблемы теории и методологии комплексных исследований вообще были рассмотрены директором Института славяноведения и балканистики Д. Ф. Марковым еще в 1973 г.⁵⁵ Как он писал, интерес к сравнительным исследованиям в области истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы объясняется прежде всего стремлением к теоретическим обобщениям, наличием и подготовленностью кадров по всем странам региона, накоплением уже проведенных многочисленных страноведческих исследований. Курс на комплексные исследования нашел особенно широкое воплощение в планах этого института на 1976—1980 гг.⁵⁶ Таким образом, советская историческая славистика в тесном взаимодействии с другими направлениями советской историографии ныне ставит перед собой задачу осуществления широких исследований, позволяющих раскрыть закономерности развития большой группы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как славянских, так и неславянских. Совершенно очевидно, этот факт имеет не только научно-организационное, но и методологическое значение.

- 1 *Королюк В. Д., Хренов И. А.* Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959 гг.). — «Вопросы истории», 1960, № 6, с. 118.
- 2 Примером работ такого типа может служить статья: *Грацианский Н. П.* Немецкий «Draug nach Osten» в фашистской историографии. — В кн.: Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М.—Л., 1939. По поводу этой статьи см.: *Москаленко А. Е.* Н. П. Грацианский как историк-славист. — «Советское славяноведение», 1972, № 1, с. 70—71.
- 3 *Пичета В. И., Шустер У. А.* Славяноведение в СССР за 25 лет. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942; *Белявская И. М., Воронков И. А.* Советское славяноведение в Московском университете. — «Вестник МГУ. История», 1968, № 1.
- 4 См.: *Грацианский Н. П.* Славянское княжество Само. (К критике известий «Хроники Фредегара»). — «Исторический журнал», 1943, № 5—6.
- 5 См.: «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1948, т. 5, № 1.
- 6 История Болгарии, т. 1—2. М., 1954—1955; История Польши, т. 1—3. М., 1954—1958; Очерки истории народной Польши. М., 1965; История Чехословакии, т. 1—3. М., 1956—1960; История Югославии, т. 1—2. М., 1963.
- 7 Основные проблемы истории Польши (Обсуждение проспекта «Истории Польши» на совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР 3—4 октября 1950 г.). — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1951, вып. 3—4, с. 33.
- 8 См.: *Ревуенков В. Г.* О периодизации новой и новейшей истории. — В кн.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968.
- 9 Об этих и некоторых других недостатках проекта программы см.: *Миллер И. С.* К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР. — «Вопросы истории», 1950, № 11, с. 74—75.
- 10 *Манусевич А. Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952.
- 11 См. опубликованный проспект «Истории Польши» и стенограмму его обсуждения советскими и польскими учеными (Основные проблемы истории Польши...), а также: *Королюк В. Д., Миллер И. С.* О периодизации истории Польши. — «Вопросы истории», 1951, № 11.
- 12 *Дьяков В. А., Зайцев В. М., Обушенкова Л. А.* Социальный состав участников польского восстания 1830—1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи). — В кн.: Историко-социологические исследования... с. 165—166.
- 13 *Зайцев В. М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.
- 14 См., например: *Маркарьянц Л. А., Якубский В. А.* Внедрение количественных методов в разработку аграрной истории барщинно-крепостнической Польши. — В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1972.
- 15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
- 16 *Дьяков В. А.* Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе (социальное содержание и периодизация, пути исследования). — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 19—36.
- 17 *Фридрих Энгельс.* Биография. М., 1970, с. 146—147.
- 18 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.
- 19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 490.
- 20 *Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И.* О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец

- XVIII—70-е годы XIX в.). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973.
- ²¹ Дьяков В. А. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 127—135; *Лециловская И. И.* Концепции славянской общности в конце XVIII—первой половине XIX века. — «Вопросы истории», 1976, № 12, с. 75—92.
- ²² Миллер И. С. Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей. — В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX—начала XX в. М., 1968.
- ²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.
- ²⁴ Драницын С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937.
- ²⁵ Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
- ²⁶ Белая И. М. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1950.
- ²⁷ Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши, 30—60-е годы XIX века. М., 1962; Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. М., 1962; К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964; Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.). М., 1967.
- ²⁸ Дьяков В. А. В. И. Ленин об освободительном движении в Польше и его оценке М. П. Драгомановым. — В кн.: Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики. М., 1970.
- ²⁹ Очерки революционных связей народов России и Польши. 1845—1917. М., 1976.
- ³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.
- ³¹ Достял И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972; Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1952; Улунян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971.
- ³² Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960; *он же.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; *Поглубко К. А.* Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60—70-е годы XIX века). Кишинев, 1972; *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973; *Карасев В. Г.* Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.
- ³³ Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — «Вопросы истории», 1973, № 10.
- ³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 39—40.
- ³⁵ Повалев В. М. Революционная деятельность Р. Драговича в период создания Сербской социал-демократической партии. — «Вопросы истории славян» (Воронеж), 1963, вып. 1; *Иванов Н. П.* Рабочее движение в чешских землях в конце XIX с. — В кн.: Из истории революционного движения народов Чехословакии. М., 1959; *Пухлово Н. Н.* Из истории польской социал-демократической партии (1893—1904 гг.). М., 1968; *Шнитман А. М.* Развертывание Благоевым марксистской пропаганды в Болгарии. Мурманск, 1968; *Яжборовская И. С., Бухарин Н. И.* У истоков польского социалистического движения. М., 1976.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 221.
- ³⁷ Орехов А. М. Социал-демократическое движение в России и поль-

- ские революционеры. М., 1974; *Шевелев А. Г.* Братское сотрудничество польских социал-демократов с большевиками в 1903—1910 гг. Киев, 1966.
- 38 См.: Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976.
- 39 Подробнее см.: *Хренов И. А., Стежкович С. М.* Революция 1905—1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов, с. 92—114.
- 40 История Второго Интернационала, т. II. М., 1966.
- 41 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 269.
- 42 *Писарев Ю. А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962; *Рубинштейн Е. И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963.
- 43 *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.
- 44 *Шмераль Я. Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М., 1966; *Калениченко П. М.* Великий Жовтень і революційний рух у Польщі (листопад 1917—жовтень 1919 г.). Київ, 1971; *Писарев Ю. А.* Образование Югославского государства. М., 1975.
- 45 О сущности национальных революций славянских народов подробнее см.: *Зеленин В. В. И.* Ленин о национальной революции южного славянства. — «Советское славяноведение», 1969, № 2, с. 3—9.
- 46 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 425.
- 47 В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.
- 48 *Гришина Р. П.* «Лекции о фашизме» П. Тольятти и некоторые вопросы изучения фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — «Советское славяноведение», 1976, № 6.
- 49 *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975.
- 50 См., в частности: *Кадацкий В. Ф., Клеванский А. Х., Милутина М. В., Сумарокова М. М.* Компартии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии на пути к новой политической ориентации и VII конгресс Коминтерна. — «Советское славяноведение», 1975, № 4, с. 12—29.
- 51 *Недорезов А. И.* Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов, с. 28—51.
- 52 *Валев Л. Б., Зуев Ф. Г., Клоков В. И., Резонов П. И., Славин Г. М.* Основные этапы антифашистского движения сопротивления в славянских странах в годы второй мировой войны. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. V Международные съезд славистов. М., 1963.
- 53 *Бутенко А. П.* Социализм как общественный строй. М., 1974.
- 54 *Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицина Л. Н.* Мировая социалистическая система. М., 1973.
- 55 *Марков Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — «Вопросы истории», 1973, № 10.
- 56 *Марков Д. Ф.* Новый этап исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — «Советское славяноведение», 1976, № 3.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ (с конца XVIII в. до 1939 г.)

В. А. Дьяков

Изучение истории славяноведения как комплекса научных дисциплин, занимающихся различными проявлениями общественной жизни славянских народов и межславянскими связями, едва ли возможно без учета общественно-политического воздействия идеи славянской взаимности. Начав свое развитие в эпоху перехода стран Центральной и Юго-Восточной Европы от феодализма к капитализму, эта идея сыграла важную роль в развитии национального самосознания славянских народов, их науки и культуры¹. Различные социально-политические силы, по-разному интерпретируя идею славянской взаимности, использовали ее для достижения своих собственных целей не только в политической, но и в научной сфере, что оказывало существенное влияние на понимание предмета славяноведения, направленность и содержание славистических исследований.

Ни в источниках рассматриваемой эпохи, ни в современной научной литературе нет точного определения термина «славянская взаимность». Практически наравне с ним употреблялись и употребляются термины «славянская общность», «славянское единство», «славянская солидарность». Когда речь идет о соответствующей идеологии, то говорят также о «славизме», «идее всеславянства», «славянской идее» и т. д. В каждое из перечисленных понятий разными людьми могло вкладываться и вкладывалось не совсем одинаковое, иногда совсем неодинаковое содержание. Из-за этого возникало и возникает много чисто семантических споров и недоразумений, и они не прекратятся до тех пор, пока мы не отделим конкретных форм проявления «славянской идеи» от ее реального первоисточника, связанного с осознанием славянскими народами определенной близости их происхождения, исторических судеб, языка и культуры. Думается, что нужное здесь понятие наиболее адекватно выражается словами «идея славянской взаимности», «идея славянской солидарности» или «идея славянской общности», которые и применяются ниже как почти идентичные термины с меняющимся во времени, но одинаковым по своей природе содержанием. Совершенно по-иному обстоит дело с политическими интерпретациями этой идеи: они, как правило, различны по своей природе, нередко прямо противоположны друг другу по своей социальной направленности, в связи с чем для описания и анализа их необходима иная, гораздо более разнообразная и точная терминология.

Политические интерпретации идеи славянской взаимности в той или иной мере являлись предметом исследования в монографиях, сборниках и в отдельных статьях, выходявших в свет в разное время и в разных странах². Однако в них рассматривались главным образом или исключительно вопросы, связанные с ролью идеи славянской взаимности в общественной жизни, но не в науке. Настоящая же статья, анализируя различные формы политической интерпретации этой идеи, уделяет сравнительно большее внимание их влиянию на научную мысль и прежде всего на славяноведение. Подготавливая статью, автор видел свою главную задачу не в анализе имеющейся литературы, не в возможно более полном изложении фактов, относящихся к данной сфере, а в использовании уже накопленного в основном общеизвестного материала для обобщений и выводов, имеющих в той или иной мере методологическое значение.

1

Первый этап развития идеи славянской взаимности, начавшийся во второй половине XVIII в. и продолжавшийся примерно столетие, относится к эпохе становления буржуазных отношений в славянских странах, к периоду формирования наций и национального самосознания, ко времени широкого развертывания борьбы славянских народов за государственную независимость, за право на собственный язык и собственную культуру. В большинстве случаев речь шла о сравнительно небольших народах, либо вовсе не имевших самостоятельной государственности, либо утративших ее в давно прошедшие времена. Национальные программы славянских народов, поработанных Османской империей или находившихся под властью Габсбургов, обращались к прошлому, отыскивая и находя там примеры единства славян, обеспечивавшего их успех в борьбе с любым, иногда довольно сильным противником. В этих условиях совершенно естественным и правомерным было быстрое распространение на соответствующих территориях идеи славянской солидарности, которая сначала явилась одним из первых проявлений национального самосознания, а затем вошла в него в качестве важной составной части.

Появившись на арене общественной жизни, идея славянской солидарности стала оказывать существенное влияние на различные ее сферы: языково-культурную, идейно-политическую, государственно-правовую и т. д. Как в общественной жизни, так и в науке идея славянской взаимности существовала не в отвлеченной форме единой и неизменной теоретической доктрины, но выступала в многочисленных и разнообразных политических интерпретациях, обуславливаемых спецификой национального разви-

тия данного славянского народа, классовыми интересами интерпретаторов и конкретными историческими условиями. На первом этапе ее развития идея славянской солидарности являлась одним из основных компонентов в национальных программах буржуазно-либеральных течений. Одновременно эту идею использовали в своих интересах также силы реакции как в славянских землях, где народы были лишены собственной государственности, так и в Российской империи, где она имелась. Наконец, идею славянской солидарности так или иначе брали на вооружение и общественно-политические группы, открыто выступавшие против существующих порядков, т. е. буржуазные демократы и даже революционная демократия — там, где она существовала.

Деятельность чешских «будителей» являлась одной из форм национального движения. Первое их поколение, представленное Йозефом Добровским (1753—1829) и Йозефом Юнгманом (1773—1847), видело свою главную задачу в пропаганде родного языка, развитии литературы и искусства, расширении книгоиздательских возможностей, библиотек, музеев и т. д. Однако, изучая историю чешского языка, разрабатывая его литературные нормы, они не могли пройти мимо проблемы соотношения и взаимосвязи славянских языков, происхождения и развития славянских народов. Именно этим путем они пришли к научным занятиям исторической грамматикой славянских наречий, историей славянских литератур и историческим прошлым славянства. Мысль о «славянской взаимности» впервые была сформулирована другом Юнгмана А. Марекком; сам Юнгман редко касался чисто политических вопросов, но его сочинения полны уверенности в том, что свою свободу чехи сумеют получить, лишь объединившись с русским и другими славянскими народами³.

Последующие десятилетия ознаменовались трудами выдающихся деятелей чешского и словацкого Возрождения: Яна Коллара (1793—1852) и Павла Шафарика (1795—1861). Идея славянского единства и взаимопомощи получила дальнейшее развитие не только в поэме Коллара «Дочь славы» (1824), но также в его научной деятельности и публицистике, особенно в статьях «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836) и «Голосах о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» (1846). Свои научные и политические выводы Коллар основывал на убеждении в существовании единого славянского народа, имеющего четыре ветви: русскую, польскую, иллирийскую и чехословацкую. В политической сфере он долгое время выступал за единое славянское государство под эгидой России и лишь под конец жизни отказался от этой идеи⁴.

У Шафарика не было такой безграничной веры в единую «Славию», как у Коллара, но идеей славянской взаимности глубоко

пропитаны все его основные научные выводы. Всю жизнь Шафарик изучал не только чехов и словаков, но все славянство, причем достиг в этом больших успехов⁵. В капитальном исследовании Шафарика «Славянские древности» славянство впервые выступило как некое единое целое и властно заявило о своем многовековом историческом прошлом⁶. Шафарик горячо отстаивал мысль о необходимости создания кафедр славяноведения в прусских и австрийских университетах, он первым сформулировал понятие о славяноведении как комплексной дисциплине, изучающей грамматику славянских языков, историю литератур и памятники письменности славянских народов⁷.

Видный деятель словацкого национального движения Людовит Штур (1815—1856) был горячим приверженцем колларовской идеи славянской солидарности, однако он внес существенные изменения в концепцию Коллара. Штур не отвергал понятие единого славянского народа, но уточнял и развивал это понятие, доказывая, что национальная жизнь словаков и каждой славянской народности «должна служить славянской жизни, иначе она оторвется от своего существа и долго не устоит»⁸. В то же время он резко возражал тем, кто утверждал, будто отдельный народ (например, чехи или хорваты) может стать «воплощением всеобщности славянства». В конце жизни Штур написал философско-политический трактат «Славянство и мир будущего», где изложил свои взгляды на историческую миссию славянских народов и отвел России руководящую роль в том освобождении славян, о котором он мечтал.

Чешский ученый и общественный деятель Франтишек Палацкий (1798—1876) еще в 1818 г. вместе с П. Шафариком написал «Начало чешской поэзии». Однако основные его интересы связаны с исторической наукой. Идеино-теоретической основой пятитомного труда Ф. Палацкого «История чешского народа в Чехии и Моравии» и других его научных работ послужила концепция австрославизма, которая впервые была сформулирована в 1846 г. Карелом Гавличек-Боровским. Ф. Палацкий исходил из убеждения, что Австрия нужна малым народам Центральной и Юго-Восточной Европы как опора в борьбе с опасностью германизации и русификации. Он отказывался от борьбы за национальную независимость, ибо для чешской буржуазии, интересы которой выражал Ф. Палацкий, вполне достаточно было создания федеративно-конституционной монархии в старых австрийских границах⁹. Хотя австрославистская концепция включала лишь некоторые славянские народы, она являлась политической интерпретацией идеи славянской взаимности, которая теоретически имела в виду все славянство. Как известно, такой подход вовсе не представлял исключения: он отразился, например, в иллиризме, югославизме и других славянских доктринах, предлагавших то

или иное решение не для всего, а лишь для какой-то части славянского мира.

«Русофильство» было одним из составных компонентов восприятия идеи славянской взаимности у деятелей чешского и словацкого национальных движений рассматриваемого периода. До разгрома польского восстания 1830—1831 гг. «русофильство», в том числе в форме веры в необходимость объединения всех славян под эгидой России, являлось характерной чертой мировоззрения, пожалуй, у подавляющего большинства «будителей». На протяжении 30—40-х годов и позже «русофильство» продолжало существовать (у некоторых деятелей оно совмещалось с австро-славизмом), но, во-первых, удельный вес «русофильства» в целом уменьшался, а, во-вторых, среди «русофилов» гораздо четче стало разграничение между различными социально-политическими группировками, из которых одни питали надежды на государственную помощь Российской империи, тогда как другие ориентировались на контакты и сотрудничество с оппозиционными кругами. Политическое «русофильство» было тесно связано с «русофильством» в науке, и едва ли можно назвать такого слависта из чешских и словацких земель, который бы в те времена не имел широкого книгообмена, длительной переписки или контактов с русскими коллегами в какой-то иной форме.

Идея славянской солидарности сыграла видную роль в национальном Возрождении и развитии славистики на югославянских землях.

Вук Караджич (1787—1864), много сделавший для создания сербского литературного языка на подлинно народной основе, исходил из представлений о культурном и историческом единстве славянских народов, прежде всего южных славян. В значительной мере его заслугой явилось соглашение между представителями двух крупнейших югославянских народов о создании на основе штокавского диалекта единого сербохорватского литературного языка¹⁰. В Хорватии, где языковая ситуация была чрезвычайно сложной, выдающуюся роль в создании единого литературного языка сыграл Людевит Гай (1809—1827)¹¹. Будучи студентом в Вене, Граце и Пеште, Гай лично встречался с П. Шафариком и Я. Колларом, знакомился с новейшими славистическими исследованиями своего времени. Идею культурно-языковой и исторической общности славянства, характерную для тогдашней литературы, Гай воспринял с точки зрения борьбы хорватского народа против мадьяризации и германизации. С 1835 г. он вместе со своими единомышленниками стал издавать в Загребе газету «Новине хорватске», которая превратилась в рупор идейно-политического течения, получившего название иллиризма и существовавшего в Хорватии и Славонии в 1835—1849 гг.

Приверженцы доктрины иллиризма ратовали за создание «Великой Иллирии», куда включали области, населенные сербами, хорватами и словенцами. Ставя в центр югославянской общности хорватский народ, «иллиры» любили повторять мысль относительно общности всего славянства. Романтически преувеличенные представления Гая и других «иллиров» в своей конкретике были далеки от действительности, но пропагандировавшиеся ими убеждения об автохтонности славянского населения в Европе, о древности и богатстве славянской культуры, о большом вкладе славян в европейскую цивилизацию сыграли, несомненно, положительную роль как в идейно-теоретическом обосновании политической программы национальных движений на южнославянских землях, так и в развитии славистики¹².

Концепция югославизма, предусматривавшая объединение в одном независимом государстве всех сербов, хорватов и словенцев, была развернуто изложена в 1860 г. в серии статей хорватского историка и политического деятеля Франьо Рачкия (1828—1894). В тогдашних условиях утверждение сторонников этой концепции о национальном единстве южных славян не было научно обоснованным.

Тем не менее политическая и культурная деятельность во имя югославянского единства имела в основном прогрессивное значение, подтверждением чему может служить, например, Югославянская академия наук и искусств, созданная в 1866—1867 гг. в Загребе под руководством Ф. Рачкия.

Против сторонников югославизма — народняков — выступали «правашаи» (т. е. представители Партии права). Они также исходили из тезиса национального единства южных славян, но стояли на позициях панхорватизма, причисляя к хорватскому народу не только хорватов, а также сербов и словенцев. Одним из виднейших идеологов «правашей» стал бывший «иллир» Анте Старчевич (1883—1896). «Правашаи» заслуженно критиковали народняков за либеральные тенденции в решении важных социальных вопросов, но их борьба против идеологии югославизма мешала сербскохорватскому сотрудничеству, уменьшала силы и возможности хорватского национального движения¹³.

О популярности идеи славянской солидарности в Словении свидетельствовали сочинения и деятельность Варфоломея Копитара (1780—1844) и Матии Маяра Зильского (1809—1892). В 1848 г. М. Маяр издал книгу под названием «Правила преобразования иллирийского наречия в общеславянский язык». Указывая на то, что славянский язык существует издревле и имеет четыре основных наречия (чешское, польское, иллирийское, русское), он выделял еще 14—16 мелких «поднаречий». Всех югославян, в том числе словенцев, М. Маяр призывал: «Пиши на своем иллирийском поднаречии так, чтобы было насколько возможно похоже на все

иллирийские поднаречья и не отделялось бы от других славянских наречий»¹⁴.

Паисий Хилендарский (1722—1798), которого иногда называют «первым апостолом» болгарского национального Возрождения, также был сторонником идеи славянской солидарности¹⁵. Однако, отражая специфику положения тех славян, которые находились под турецким владычеством, следуя своим национально-патриотическим целям, Паисий Хилендарский занимался главным образом историей болгарского народа и его ближайших соседей, а не славянства в целом. Его «История славяно-болгарская», сыгравшая выдающуюся роль в пробуждении национального самосознания болгар, рассказывала и об исторических заслугах других славянских народов, прославляла болгар не в противопоставлении им, а вместе со всем славянством¹⁶.

Болгарский революционер и писатель Георги Стойков Раковский (1821—1867) значительную часть жизни провел в других славянских странах, в том числе в России и Сербии. Издания Г. Раковского горячо пропагандировали солидарность балканских народов, особенно сербов и болгар¹⁷. Еще шире и полнее отразилась приверженность к идее славянской взаимности в произведениях и деятельности Любена Каравелова (1834—1879). Делом своей жизни Каравелов считал наряду с борьбой за освобождение болгарского народа борьбу за славянское единство, так как был убежден, что отдельно каждый из славянских народов не добьется свободы¹⁸.

Общее представление о польском «славянофильстве» консервативного толка можно получить на примере взглядов писателя и литературного критика Михаила Грабовского (1804—1863). Он предлагал царизму свои услуги для того, чтобы содействовать развитию верноподданнической польской литературы, ибо был уверен, что, «оставляя поляков поляками, но работниками великой русской славянской идеи, приверженцами ее политической веры, правительство получило бы в их лице не только полезную для себя, но одновременно и расположенную к себе дружественную партию...»¹⁹. Однако в польской общественной мысли сторонниками идеи славянского единства выступали и деятели иного типа. Вера в изначальный демократизм общественного устройства древних славян была краеугольным камнем научной и политической концепции известного историка и общественного деятеля Иоахима Лелевеля (1786—1861)²⁰. На идеалы братства и единства славян опирался один из его учеников — Вацлав-Александр Мацейевский, который хотя и был далек от оппозиционности, но никогда не доходил «до панславизма в его панроссийском варианте»²¹. Идея славянской взаимности нашла свое отражение в произведениях Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого, на страницах периодических изданий и в программных документах так

называемой «Большой эмиграции»²². В 1847—1850 гг. на польских землях, входивших в Российскую империю, существовала конспиративная организация, ставившая перед собой весьма радикальные социально-политические цели. «Символ веры» — основной программный документ этой организации — представляет собой оригинальную смесь гегельянства с переработанной на революционный лад идеологией раннего русского славянофильства.

В «Символе веры» утверждается, что человечество в древнее время прошло романский, а в средние века — германский этап своего развития, что наступает следующий исторический период, в течение которого руководящую роль будет играть славянство во главе с Польшей, поставленной провидением на грани между Западом и Востоком²³.

Среди польских делегатов на Славянском съезде 1848 г. был Енджей Морачевский — историк и видный публицист познанских либеральных изданий, один из друзей Кароля Либельта и деятель, близкий к умеренному большинству Польского демократического общества. Подводя итоги съездовских дискуссий и пытаясь оценить его результаты, Морачевский заявил: «Славянский конгресс в Праге имеет большое историческое значение потому, что он впервые в истории славянства соединил вместе западных славян и противопоставил их славянам восточным». Эта явная натяжка понадобилась ему, чтобы обосновать проект создания двух славянских государств: польско-богемско-иллирийской конфедерации во главе с Польшей и совместного государства сербов и болгар²⁴.

После подавления восстания 1863—1864 гг. царскими карателями начались десятилетия, на протяжении которых популярность идеи славянской солидарности в польской общественной мысли сильно уменьшилась. Некоторые из польских публицистов настолько боялись обвинения в «панславизме», что отстаивали формулу: «Мы не славяне, мы — поляки»²⁵.

Иной была позиция некоторых польских эмигрантских изданий радикального характера. Так, на страницах газеты «Гмина», которую издавал Юзеф Токажевич, велась пропаганда в пользу единого демократического славянского государства, не исключавшего и России. Идеальной формой для этого государства Токажевич считал демократическую федеративную республику. Это, по его мнению, давало бы гарантию тому, чтобы «отдельные славянские течения не растворились в российском море»²⁶.

В русской общественной мысли идея славянской взаимности получила широкое распространение в начале XIX в. под влиянием подъема национально-освободительного движения зарубежных славянских народов. Реакционные течения и околоправительственные круги пользовались идеей славянской взаимности для

различных спекуляций. В 40-х годах XIX в. вошел в обиход весьма выразительный по форме, но не очень точный по содержанию термин «панславизм». Он возник почти одновременно с термином «пангерманизм» в ходе длительной и весьма острой политической дискуссии по поводу целей внешней политики немецких государств и Российской империи на славянских землях, что, естественно, должно было оставить и оставило на нем свой отпечаток²⁷.

Русские славянофилы предреформенной эпохи по своим основным идейно-политическим позициям были в достаточной мере консервативны. Методологически важным представляется, однако, во-первых, четко отделять раннее славянофильство и отдельных оппозиционных по отношению к царизму славянофильских деятелей эпохи падения крепостного права от реакционного панславизма; во-вторых, не забывать о том, что в зарубежных славянских странах даже самая умеренная интерпретация идеи славянской солидарности воспринималась гораздо более радикально, чем внутри России. Без этого мы не поймем ни довольно частой полемики славянофилов тех лет против точки зрения правительства, ни стремления видных революционных деятелей сблизиться с ними как с возможными союзниками.

Реакционный лагерь и официозная наука делали все возможное для того, чтобы поставить университетское славяноведение на службу царизму, использовать его для защиты крепостнических порядков. Печально знаменитой триаде охранительной идеологии «православие, самодержавие и народность» во многом были созвучны ученые труды М. П. Погодина (1800—1875), О. М. Бодянского (1808—1877), М. И. Касторского (1809—1866), А. Д. Чертова (1789—1858) и других русских славистов. В близком соседстве с официально-охранительным направлением славистических исследований, но все-таки слева от него и в значительной мере самостоятельно развивалось славянофильское направление. Его идейно-теоретическую базу составляли концепции К. С. Аксакова (1817—1860), И. В. Киреевского (1806—1856), А. С. Хомякова (1804—1860) и С. П. Шевырева (1806—1864), а наиболее типичными представителями являлись такие слависты, как И. Д. Беляев (1810—1873), В. А. Елагин (1818—1879), Н. А. Попов (1833—1891) и др. Воздействие «теории официальной народности» сказывалось, например, в выдвижении на первый план изучения православных славян, в гипертрофировании конфессиональных факторов в историческом прошлом славянских народов. Специфика славянофильского направления состояла, кроме того, в том, что концепцию особого исторического пути славянства его представители связывали главным образом с теорией общинного быта славян, тогда как слависты официального направления вообще отвергали эту теорию.

Совершенно необоснованными представляются попытки отождествления со славянофильством славянских программ русских революционеров соответствующей эпохи²⁸. Если и есть какое-то сходство между ними, то оно чисто внешнее, тогда как по существу их идейно-политические позиции резко отличаются друг от друга.

Отдельные высказывания декабристов и их программные документы не оставляют сомнения в том, что идея славянской солидарности была среди них чем-то достаточно хорошо знакомым и чаще всего привлекательным. Это запечатлели в той или иной мере «Русская правда» Павла Пестеля и «Конституция» Никиты Муравьева, поэтические произведения Кондратия Рыльева, публичные выступления Вильгельма Кюхельбекера и эпистолярное наследие Михаила Лунина. Полнее и конкретнее всего славянская программа декабризма отразилась в идейно-политической платформе и деятельности Общества соединенных славян. По мнению польского ученого Л. Базылева, именно эта организация «впервые в истории Европы подняла знамя славянской солидарности и придала своим намерениям значение политической программы», хотя «в те времена появлялись только всходы славянского Возрождения, а до его расцвета было еще далеко»²⁹.

Петрашевцы — представители следующего поколения русских революционеров — в своем подходе к сельской общине и в других вопросах коренным образом расходились со славянофилами. Однако именно через общение и дискуссии с ними в мировоззрение петрашевцев внедрялись отдельные элементы идеи славянской взаимности. А наличие их несомненно, особенно у тех единомышленников Петрашевского, которые так или иначе соприкасались с польским вопросом.

Кирилло-Мефодиевское братство, возникшее в Киеве, отразило наряду с задачами демократического преобразования России национальные чаяния украинского народа. Идеино-политические установки данной организации были несравненно менее связаны с доктринами западноевропейского социализма; зато идея славянского единства занимала в них весьма видное место. Это подтверждается самим названием организации, литературными произведениями ее активных деятелей, прежде всего великого украинского поэта Тараса Шевченко³⁰.

Видное место среди тех представителей русской общественной мысли, которые сыграли заметную роль в рассматриваемой нами области, занимал А. И. Герцен (1812—1870). Он всегда критиковал религиозный обскурантизм русских славянофилов, их мечты о сохранении рушащихся патриархальных порядков, однако идейно-политические доктрины тех, кого он сам называл своими «друзьями-противниками», оставили заметный отпечаток на его позициях, особенно в 40—50-е годы. Для славянских воззре-

ний Герцена на всем протяжении их развития характерны две основные черты: во-первых, вера в сельскую общину славянских народов как важнейший рычаг необходимых социальных преобразований общества; во-вторых, убеждение в том, что будущее — за демократической федерацией славян, ядром которой должна стать Россия, освободившаяся от крепостничества и самодержавия. Прогрессивность существа «славянских» планов Герцена трудно подвергнуть сомнению. Но, увлекаясь славянофильской фразеологией, не всегда последовательно защищая свои собственные идейные позиции, Герцен вызывал у современников отчасти заслуженные упреки в панславизме.

М. А. Бакунин (1814—1876) высказал приверженность к идее славянской солидарности еще накануне революционных потрясений 1848 г. В период революции появились два подготовленных им программных документа: «Основы новой славянской политики» и «Воззвание к славянам»³¹. В них содержался призыв к разрушению российской, прусской, турецкой и особенно австрийской монархий, на развалинах которых должна была, по убеждению автора, сложиться «великая вольная славянская федерация», основанная на принципах общего равенства, свободы и братской любви с повсеместным и полным уничтожением феодально-крепостнических порядков, с предоставлением каждому гражданину, если он того пожелает, земельного участка в пределах той или иной из славянских земель. В 1862 г. Бакунин практически повторил свою «славянскую» программу 1848 г.³² Позднее славянский вопрос уже не занимал столь значительного места в его политических воззрениях, хотя не раз использовался им для распространения анархических идей в России и славянских странах, для борьбы против возглавляемого К. Марксом Генерального совета Первого Интернационала.

Н. Г. Чернышевский (1828—1889) был одним из наиболее строгих и глубоких критиков русского славянофильства, хотя признавал и определенные заслуги славянофилов³³. Чернышевский не раз писал, что он и его единомышленники никому не уступят в сочувствии братским славянским народам, но в то же время неустanno повторял, что ни вмешательство царского правительства, ни активность российской общественности не могут сыграть решающей роли в освобождении того или иного из этих народов от иноземного господства. Учитывая внутреннее положение (наличие реакционного политического режима и социально-экономическую отсталость России) и международные отношения (жупел «панславизма», сознательно используемый на Западе правительствами для оправдания своей внешней политики), Чернышевский высказывался против славянофильских призывов о помощи «страждущим братьям» со стороны России³⁴. Что касается базирующегося на классовой основе революционного сотрудничества между славян-

скими народами, то его Чернышевский всегда горячо одобрял и поддерживал³⁵.

Декабристы, петрашевцы, революционные демократы по понятным причинам почти не были представлены в профессиональном славяноведении. Однако их отдельные научные работы, а также публицистика и литературно-критические произведения содержали положения большого принципиального значения. Они касались, в частности, весьма важной для славистов проблемы соотношения между национальными и социальными факторами в культурном и политическом развитии славянских народов, т. е. проблемы, которая официальной наукой либо решалась неверно, либо вовсе замалчивалась. С этой точки зрения особенно интересны дискуссии, которые революционная демократия вела против славянофилов. Оценивая идеологию последних, Писарев, в частности, признавал ее связь с неудовлетворенными потребностями общества, но подчеркивал «донкихотское» их восприятие. «...Отсюда, — писал он, — происходят их вечно-фразистые, вечно-неясные бредни о народности, о русской цивилизации, о будущем влиянии России на умственную жизнь Европы. Все это донкихотство, всегда искреннее, часто трогательное, большей частью несостоятельное»³⁶.

2

Второй этап истории «славянской идеи» охватывает около полувека — с 70-х годов XIX в. до 1918 г., т. е. совпадает с эпохой, когда славянские народы находились на стадии капиталистического развития. К началу этапа на славянских землях в основном закончились процессы формирования наций и национального самосознания. Это было время быстрого подъема национальных культур, не утративших глубоких связей с народом, но развивавшихся в рамках капиталистических общественных отношений и потому имевших по преимуществу буржуазный характер. Буржуазия как таковая и буржуазная интеллигенция, которые на протяжении предшествующих десятилетий играли в основном положительную роль в национальных движениях, теперь постепенно утратили былую прогрессивность. Другой существенный фактор заключался в появлении на арене политической борьбы рабочего класса, выступившего со своей собственной программой, которая коренным образом расходилась с программой буржуазии. Поскольку большинство славянских народов еще не обрело национальной независимости, постольку национальный вопрос требовал особого внимания как от буржуазных, так и от рабочих партий. Буржуазия решала его с узкоклассовых, националистических позиций, рабочие — в интересах всех трудящихся и с позиций пролетарского интернационализма. Все это не могло не повлиять на

политические интерпретации идеи славянской солидарности, на содержание дискуссий, которые вокруг них возникали.

Обзор конкретного материала, относящегося к рассматриваемому этапу, представляется целесообразным начать с России.

В пореформенных условиях, когда страна вступила на капиталистический путь развития и расстановка классовых сил претерпела соответствующие изменения, концепции славянофилов существенно деформировались. Хотя представители «старой гвардии» славянофильства, в том числе И. С. Аксаков, время от времени заявляли еще о своем несогласии с темп или иными частностями правительственной политики, степень их оппозиционности, не столь значительная и в прежнее время, все более уменьшалась. Сглаживались и разногласия славянофилов с западниками, причем сближение происходило на почве лояльности и сотрудничества с царизмом. Эту черту эволюции славянофильства тонко подметил М. Е. Салтыков-Щедрин, не раз доказывавший в печати, что разница между И. С. Аксаковым и Б. Н. Чичериным состояла в пореформенные годы лишь в способах выражения преданности царизму³⁷.

Некоторые характерные черты пореформенного славянофильства и его отражения в славяноведении запечатлены в двух книгах, вышедших в 1869—1871 гг.: в трактате Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и диссертации В. И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». Славянские народы, утверждал Н. Я. Данилевский (1828—1885), олицетворяют высший тип мировой культуры и это должно привести их к объединению в единое политическое целое. В сочинении В. И. Ламанского (1833—1914) содержалась попытка историографического обоснования этого тезиса. Реакционно-панславистские представления о ходе исторического процесса, с еще большей прямотой отстаивали К. Н. Леонтьев (1831—1891), выпустивший книги «Византизм и славянство» (1876), «Восток, Россия и славянство» (1885—1886), а также А. С. Будилович (1846—1908), публицистические работы которого имели аналогичную направленность.

На протяжении 60—70-х годов близкие к славянофильству идеи «почвенничества» проповедовал Ф. М. Достоевский. Довольно резко критикуя существовавшие в России порядки, он утверждал в то же время, что она идет по своему особому «славянскому» пути и способна повести за собой все человечество, но только в том случае, если оторвавшееся от «почвы» дворянство сблизится с народом, если все сословия объединятся под эгидой царя и православной церкви. Передовая часть русского общества ставила славянофилов-«почвенников» на одну доску с пореформенными западниками, обоснованно считая, что они делали «одно и то же дело»³⁸. Однако «почвенничество» имело и своих ярых привер-

женцев. Один из них называл Ф. М. Достоевского «народником-националистом» и, всячески превознося его взгляды в данной области, заявлял: «Славянофильство может быть и консервативным, и либеральным, и радикальным... Есть только два признака, по которым можно узнать всякое славянофильство: оно всегда национально и религиозно»³⁹.

В последние десятилетия XIX в. указанные процессы продолжались, что находило свое отражение и в славистических исследованиях. Так, А. А. Киреев (1833—1920) выступил с работами «Краткое изложение славянофильского учения» (1896) и «Славянство и национализм» (1890). В 1901 г., доказывая необходимость изменения учебных программ славистических кафедр, К. Я. Грот (1853—1934) писал: «Русское национальное самосознание может утвердиться лишь тогда, когда найдет себе опору в более широком племенном самосознании. Последнее должно его питать и придавать ему определенный и осмысленный характер»⁴⁰.

С начала XX в. в России получили распространение идеи неославизма. Их питательной средой отчасти были доктрины пореформенного славянофильства и реакционные панславистские построения Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и др. Весьма существенно повлияло также официальное подогревание «славянского вопроса» в связи с обострением противоречий великих держав и экспансионистской политикой царизма на Балканах. Правое крыло российских неославистов пыталось с помощью идеи славянской солидарности обосновать необходимость превращения Чехии в зависимое от России королевство во главе с представителем династии Романовых. В более либеральной форме идеи неославизма выражал В. П. Сватковский, который в 1906 г. основал Славянский союз. Так или иначе примыкали к этому течению П. Н. Милюков (1859—1943), А. Л. Погодин (1872—1947) и некоторые другие авторы славяноведческих исследований, стоявшие на буржуазно-либеральных позициях. Под некоторым влиянием неославизма развивалась научная деятельность В. А. Францева (1876—1942), хотя в его взглядах, пожалуй, более всего проявлялось стремление сохранить верность идеям раннего славянофильства.

В целом славянофильские доктрины, существенно трансформировавшиеся в рассматриваемый период, служили основной идеологической базой для исследований О. М. Бодянского, Н. А. Попова, В. И. Ламанского, уже упоминавшихся выше, а также для трудов А. А. Кочубинского (1837—1881), П. А. Кулаковского (1848—1913), Ф. Я. Фортинского (1846—1902) и других представителей профессионального славяноведения, близких к охранительному направлению русской историографии. Буржуазно-либеральной струе русской общественной жизни соответствовало весьма неоднородное историографическое направление, находившееся под зна-

чительным воздействием идей позитивизма и включавшее таких занимавшихся славянской проблематикой ученых, как Н. В. Берг (1824—1884), В. Г. Васильевский (1838—1899), Н. И. Кареев (1850—1931), А. А. Корнилов (1862—1925), А. А. Котляревский (1837—1881), В. Д. Спасович (1829—1906), М. М. Филиппов (1858—1903) и др. Во второй половине XIX в. двум названным направлениям, прежде всего первому из них, противостояли последователи революционно-демократической и народнической идеологии, а со временем также марксисты. Здесь могут быть названы И. А. Худяков (1842—1876), И. Я. Франко (1855—1916), П. А. Ровинский (1833—1916), Г. А. Куклин (1877—1907), В. В. Воровский (1871—1923). Либерально-народническую тенденцию представляли А. Н. Пыпин (1833—1904), С. А. Венгеров (1855—1920) и др.

Если говорить об интерпретации идеи славянской солидарности, то особенности революционно-демократического подхода к ней были показаны выше на ряде примеров, из которых наиболее характерным являются взгляды Н. Г. Чернышевского. Специфику народнической трактовки зафиксировала, в частности, программа редактировавшегося П. Л. Лавровым эмигрантского журнала «Вперед», который в 1873 г. писал: «... мы сочувствуем глубоко борьбе всех наших братьев славян против господства обветшалой культуры или буржуазных политических типов Германии. Но мы сочувствуем этой борьбе настолько, насколько в ней проявляется стремление к лучшему человеческому будущему, к ограждению личности, к свободе мысли и слова... Для нас бессмысленна и достойна сожаления борьба национальности, которая сковывает своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православия и католицизма, безнравственные предания феодализма, боярства или шляхетства»⁴¹.

Марксисты оценивали политические интерпретации идеи славянской солидарности с позиций пролетарского интернационализма и исходя из интересов борьбы трудящихся масс с социальным, национальным и религиозным гнетом. Применительно к последним десятилетиям XIX в. это подтверждается высказываниями В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. В последующем периоде об этом свидетельствует, в частности, статья «Славяне и революция», напечатанная в ленинской «Искре» в 1902 г. и написанная К. Каутским еще тогда, когда он не отошел от марксизма и революционного рабочего движения. Но особенно интересны мысли В. И. Ленина, высказанные накануне и в годы первой мировой войны, когда борьба вокруг славянского вопроса все более обострялась, в частности его резко отрицательная оценка того реакционного панславизма, который в это время стал признанной идеологией эксплуататорских классов царской России и ее правительства. Царизм, по словам В. И. Ленина, пустил в ход «громад-

ный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений», чтобы доказать, что самодержавие бескорыстно защищает «братьев-славян»; при посредстве панславизма «царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные надувательства»⁴². Существенны также соображения, объясняющие истоки и природу австрославизма. В Австрийской империи, писал В. И. Ленин, после 1848 г. сложилось чрезвычайно своеобразное положение, заставлявшее венгров и славян стремиться «не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть раздавлена более хищническими и сильными соседями!»⁴³

По отношению к южным славянам особый интерес представляют высказывания В. И. Ленина о тесно связанном с идеей славянской взаимности проекте балканской федерации и о национальной революции на Балканах. «Сознательные рабочие балканских стран, — писал он в 1912 г., — первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг: федеративная балканская республика. Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах [...] привела к тому, что экономически и политически необходимый союз стал союзом монархий»⁴⁴. Когда началась первая мировая война, В. И. Ленин, разоблачая пропагандистские заявления центральных держав о причинах начала военных действий, писал: «На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...»⁴⁵

Как приведенные, так и иные ленинские положения, затрагивающие идею славянской взаимности, показывают, что он рассматривал ее не отвлеченно, а в самой тесной связи с интересами борющихся классов, с конкретной исторической обстановкой⁴⁶. При относительной немногочисленности частных высказываний такого рода их методологическое значение чрезвычайно велико, ибо они еще и еще раз указывали тот единственно правильный путь, по которому должен идти исследователь, чтобы достичь объективно обоснованных результатов.

Предреволюционное двадцатилетие в России с точки зрения развития славяноведения было весьма противоречивым. Количество, тематический диапазон, источниковая база славистических исследований за это время существенно расширились. Тем не менее славяноведение постепенно входило в полосу кризиса, который с особой силой проявлялся в методологической сфере. Господство идеалистического мировоззрения сковывало развитие науки, лишало ее реальных возможностей для решения важных вопросов, в том числе и тех, которые были связаны с происхождением, развитием, исторической ролью идеи славянской взаимности. Путь

к правильному решению этих вопросов открывала только методология, основанная на материалистическом понимании истории, а подавляющее большинство тогдашних профессиональных ученых категорически его отвергало.

В Чехии и Словакии идея славянской солидарности продолжала оставаться немаловажным компонентом общественной жизни, однако в конкретной расстановке сил произошли существенные изменения. Если на протяжении двух первых десятилетий рассматриваемого периода «старочехи» были наиболее активными сторонниками этой идеи, в том числе в ее «русофильском» варианте, то позднее их сменили в этой роли «младочехи». У этих последних пропаганда идеи славянской взаимности связывалась в значительной мере с кирилло-мефодиевской проблематикой. Интересно, что австро-венгерские власти видели в такой пропаганде «панславизм» и объявляли ее антигосударственной деятельностью.

К концу XIX в. относятся первые выступления будущего чехословацкого президента Томаша Масарика (1850—1937), содержащие так называемое «критическое понимание славянской идеи». Т. Масарик, отмежевываясь как от «старочешского», так и от «младочешского» толкования идеи славянской солидарности, писал о необходимости всепроникающего национального и славянского чувства, но без панрусизма, говорил о «панславизме» в духе А. Н. Пыпина, т. е. о славянской взаимности только в сфере культуры. В целом аналогичную позицию занял несколько позже А. Черный, отвергавший как то, что он называл «общеславянскими утопиями», так и австрийский неославизм. Споря о мере «русофильства», уповая либо на царское правительство, либо на «народную Россию», под которой понимались либеральные круги, но не революционные силы, буржуазные партии («старочехи», «младочехи», «реалисты») не пропускали случая, чтобы с помощью лозунгов славянской взаимности завоевать доверие избирателей⁴⁷.

С одной стороны, германская опасность, с другой — экономические интересы буржуазии славянских земель вызвали к жизни неославизм, получивший в Чехии и Словакии весьма значительное развитие. Это было идейно-политическое течение, провозгласившее своей целью сближение славян без существенного преобразования государств, в которые они в то время входили. Лидер чешских неославистов Карел Крамарж (1860—1937) выступил в 1907 г. с программной речью, в которой демагогически призывал отказаться от старого понимания славянской идеи в духе уваровской «теории официальной народности» и заменить ее триаду «православие, самодержавие и народность» лозунгом «равенство, свобода, братство». Программа неославистов обсуждалась на Славянском съезде 1908 г. в Праге, где К. Крамарж и Р. Дмовский в один голос заявили, что ни они сами, ни их единомышленники не собираются ниспровергать династии и пересматривать государствен-

ные границы. Конкретно речь шла о «культурной взаимности» и развитии торгово-промышленных связей славянских земель Австро-Венгрии с Россией. Первое серьезное разочарование принесла неославистам в 1908 г. габсбургская аннексия Боснии и Герцеговины; в дальнейшем такого рода удары сыпались на них один за другим, пока в 1914 г. даже К. Крамарж не признал краха неославистского движения, неизбежного в связи с тем, что его цели имели очень мало общего с нуждами и чаяниями славянских народов⁴⁸.

В противоположность буржуазной прессе рабочая печать Чехии и Словакии соединяла пропаганду идеи славянской солидарности с защитой интересов трудящихся масс. Осуждая реакционное русофильство и высмеивая упования на помощь царского правительства в достижении независимости Чехией и Словакией, рабочая печать писала о революционной России, о необходимости сотрудничества между революционными силами всех славянских народов и всех народов Европы. Особенно яркое выражение это получило в годы русско-японской войны и первой русской революции. Брненская рабочая газета «Ровност» писала, например, в 1904 г.: «После победоносной революции освобожденные русские и поляки стали бы источником мощной силы, которая охватила бы все славянские народы. . . везде оживилось бы мощное народное движение славян»⁴⁹.

В Польше на протяжении рассматриваемого 50-летия идея славянской солидарности нередко привлекала к себе внимание ученых и публицистов. Это прослеживается по изданиям, выходящим в Королевстве Польском, но особенно заметно в изданиях, появившихся на польских землях, которые входили в состав Германии и Австро-Венгрии. В 1870—1890-х годах в Познани Ю. Хочишевский издавал газету, призывавшую к межславянскому сотрудничеству и доказывавшую, что русский народ как один из славянских народов также может стать другом и союзником польского народа⁵⁰. В Кракове в 1888 г. вышла книга М. Здзеховского «Мессианисты и славянофилы», излагавшая «польский» вариант «славянской идеи». Созданный в Кракове в 1902 г. «Славянский клуб» начал с 1904 г. издавать журнал «Свят славянски», ставший на длительное время своеобразным центром для «славянофильски» настроенных польских публицистов и исследователей. Аналогичный характер имели журналы: львовский «Рух славяньски» и «Гвиздка пешиньска»⁵¹.

Наиболее активным деятелем неославистского движения в Польше стал один из крупнейших деятелей эмиграции Роман Дмовский (1864—1939). Яркий противник социалистических идей, сторонник решения польского вопроса путем соглашения с царизмом, он использовал идею славянской солидарности для защиты интересов определенной части польской буржуазии. В книге «Гер-

мания, Россия и польский вопрос» Р. Дмовский пугал своих читателей опасностью германской экспансии и призывал к культурному и экономическому сближению славянских народов на базе идей неославизма. Один из поклонников Р. Дмовского в России в предисловии к русскому изданию расхваливал позицию автора книги и восхищался той перспективой, которая откроется «в случае постановки русско-польских отношений на почву славянского вопроса»⁵².

Интерпретируя таким образом идеи славянской взаимности, имущие классы польского общества пытались использовать их для обоснования и прикрытия своего сотрудничества с правительствами держав, разделивших польские земли, для сближения с теми социальными силами, на которые опирались эти правительства. Польские рабочие партии, ориентировавшиеся на свержение этих правительств и ликвидацию существовавшего строя, искали контактов с силами, которые вели борьбу против эксплуататоров. Они выступали за создание многонационального, в том числе межславянского, фронта в этой борьбе и лишь в этих рамках обращались к идее славянской солидарности. Польская рабочая печать последовательно боролась против тех спекуляций на национальных чувствах и «славянской идее», к которой прибегали деятели неославянской ориентации. В статье видного деятеля социал-демократии Королевства Польского и Литвы А. Варского, опубликованной в 1909 г. большевистской газетой «Пролетарий», резко осуждался «общий хор» польских реакционеров «против революционной Польши и революционной России», убедительно доказывалось, что только социал-демократия «является последовательным и действительным защитником польских национальных интересов и чести польской нации»⁵³.

Аналогичные сдвиги происходили в других славянских странах. Неославянистское движение, в частности, привлекло определенные группы буржуазии югославских земель и Болгарии. Хорват С. Радич, в будущем видный деятель независимой Югославии, например, в 1905 г. выступал с неославянистским по своему истокам проектом преобразования Австро-Венгрии в союзяцию из Чехии, Галиции, Венгрии, Хорватии и Австрии конфедерацию, которая бы имела дружественные связи с Россией. Словенец Л. Ленарт предлагал установить тесное экономическое сотрудничество между Австро-Венгрией и Россией, скрепив его таможенной унией. Болгарские неославянисты были в числе организаторов Славянского съезда 1910 г., состоявшегося в Софии. В этих условиях рабочие партии южнославянских народов в своей пропаганде и практической деятельности ориентировались прежде всего на классовую солидарность пролетариата. Подтверждением этому служит создание в 1910 г. Балканской социал-демократической федерации, объединявшей соответствующие партии Болга-

рии, Сербии, Румынии, Греции и являвшейся как бы прообразом предлагаемого ими федеративного государства.

Первая мировая война значительно обострила политическую борьбу вокруг идеи славянской солидарности. Германская пропаганда объясняла войну необходимостью обороны от «русского панславизма» и, замалчивая империалистические цели воюющих сторон, пыталась выдать военные действия за «поединок германских и славянских наций». Панславистская пропаганда в России заметно усилилась, но выдвигавшиеся в печати проекты государственного объединения славян даже в военной обстановке не получали и не могли получить широкой правительственной поддержки, ибо царизм рассчитывал осуществить свои экспансионистские цели иными путями. Выражая настроения неославистских кругов, основанный в 1915 г. журнал «Славянское обозрение» выступил с призывом: «Москва объединила Россию, Россия объединит славян». В том же году К. Я. Грот опубликовал книжку, содержащую проект «греко-славянского государства» в духе В. И. Ламанского.

На аналогичных позициях оказались идеологи неославизма в других славянских странах. Продолжая защищать интересы своей буржуазии, они выдвигали новые или отстаивали старые проекты, причем разница состояла лишь в том, что их составители ориентировались на различные внешние силы. Так, К. Крамарж и Р. Дмовский по-прежнему искали союза с царской Россией. Многие чешские и польские деятели придерживались австрославистской ориентации, настойчиво призывая к укреплению польско-чешского сотрудничества; именно из этих кругов вышел лозунг «Славяне всех стран, соединяйтесь!», явно направленный против популярного девиза социал-демократических и рабочих партий «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Что касается Т. Масарика и его единомышленников, то они ориентировались на Запад, прежде всего на Францию, хотя сохраняли лояльность по отношению к Австро-Венгрии. После Октябрьской революции и развала габсбургского государства их славянская программа трансформировалась в доктрину «славянского барьера» сначала против пангерманизма, а затем и против большевизма.

Что касается революционного рабочего движения и социал-демократии, то они и во время войны сохраняли верность принципам пролетарского интернационализма. Российская социал-демократия и лично В. И. Ленин на Циммервальдской и Кинтальских конференциях 1915—1916 гг. последовательно боролись за мир и за революционный выход из империалистической бойни.

Первая мировая война привела к революционным потрясениям, разорвавшим цепь империализма в России и открывшим дорогу к созданию независимых славянских государств. Сначала мир, а позже и свобода пришли с Востока, но не от царского пра-

вительства, переставшего существовать, а от революционной России. Выражая свое отношение к этому, брненская газета «Дельницки деник» в мае 1917 г. писала о восторге чехов «от того, что именно великий славянский народ сказал первое великое слово за мир и его первый великий подвиг способствует миру!»⁵⁴.

3

Октябрьская революция обусловила появление на карте Европы независимых славянских государств, а версальская система юридически закрепила их существование. Общая ситуация для европейского региона, да и не только для него надолго оказалась связанной с бесперспективными попытками мирового империализма приостановить начавшийся здесь мощный революционный процесс и ликвидировать первое в мире социалистическое государство. Вновь возникшие государства, в том числе и славянские, так или иначе стали орудием империалистических сил, сначала делавших ставку на военную интервенцию, а затем продолжавших борьбу против Советской власти иными средствами. Именно это определяло прежде всего те сдвиги, которые произошли в межвоенный период в политических интерпретациях идеи славянской солидарности.

Конкретизируя сложившуюся ситуацию с данной точки зрения, следует отметить два немаловажных обстоятельства. Первое заключается в том, что в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии после 1918 г. к власти пришли буржуазные партии, с присущим им националистическим подходом к «славянской идее», с определенными приемами ее использования в своих узкоклассовых целях. Враждебность буржуазных партий по отношению к Советской России в сочетании с традиционно русофильскими настроениями народных масс заранее определяли основную линию буржуазной пропаганды, сводившуюся к стремлению придать идее славянской солидарности более или менее откровенное антисоветское звучание. Другое обстоятельство заключалось в том, что советская общественность, в том числе научная, довольно долго связывала любые высказывания в пользу идеи славянской солидарности исключительно с той пропагандой панславистских идей, которую реакционные силы вели внутри страны при царизме, с теми политическими спекуляциями на славянской идее, к которым после революции прибегали за рубежом буржуазия вновь созданных славянских государств, а также весьма активные в то время белоэмигрантские организации. Два указанных фактора, совершенно различных по своей природе, как бы объединялись в своем воздействии на славистические исследования,

трансформируя их тематику в зарубежных славянских странах и в какой-то мере тормозя развитие славяноведения в СССР.

Сравнительно большое место занимала «славянская идея» в общественной жизни Чехословакии, где ее пытались использовать различные политические силы. Т. Масарик и Э. Бенеш всячески подчеркивали свою западную ориентацию, но первый из них время от времени вспоминал и об идее славянской солидарности, отдавая дань традиционному славянофильству чехов и словаков. К. Крамарж, возглавлявший национальных демократов, соединял профашистские высказывания с демагогическими заявлениями о своей вере в осуществление «общего идеала объединения славян», разумеется, без Советской России и против нее. Печатные органы национальных социалистов назывались «Славия», «Слован»; они вели пропаганду идеи славянской солидарности, приправляя ее клеветой на Советский Союз и утверждая, будто «советы» являются смертельным врагом славянства. Использовала идею славянской солидарности и аграрная партия, особенно в Словакии, где ее члены охотно апеллировали к «все-славянству» для подкрепления тенденций словацкого сепаратизма. Оценивая картину в целом, один из исследователей пишет: «... в Чехословакии программа каждой политической группы включала в большей или меньшей степени „славянскую политику“, направленную скорее на внутреннюю политическую жизнь. При помощи „славянской идеи“ буржуазные партии хотели приобрести расположение народа и одновременно парализовать распространение революционного русофильства или советофильства»⁵⁵.

Довольно часто вспоминали об идее славянской взаимности в межвоенной Югославии; приверженцем этой идеи был один из виднейших деятелей нового югославянского государства, С. Радич. При его активном участии в 1920 г. был заключен чехословацко-югославский союз, в 1928 г. он предлагал подкрепить его таможенной унией. «Славянскую идею» использовал С. Радич и в аргументации своей линии на сближение с Болгарией, однако здесь достигнутые результаты были не столь значительными. С панславистскими рассуждениями выступали в югославской печати Р. Коштутич, Т. Крайничанац, доказывавшие, что «разлагающуюся» Западную Европу и все человечество могут спасти только славяне, которых история уберегла от «фальшивой цивилизации» Запада. Интересно, что С. Радич считал нужным в 1928 г. выступать против клеветы на Советский Союз, распространявшейся К. Крамаржем, причем в газетах тогда писали: С. Радич не дал в обиду большевиков потому, что любит Россию⁵⁶. В идее славянской взаимности разные политические деятели искали аргументы и контраргументы в период создания Малой Антанты (1920—1921 гг.) и Балканской Антанты (1934 г.).

Значительную популярность продолжала сохранять идея славянской солидарности в Болгарии. Этим пользовались правящие круги, в частности лидер крестьянской партии А. Стамболийский, обосновывавший с помощью этой идеи свои стремления к сближению с Югославией. Прибегали к «славянской идее» и более правые силы, но особенно широко использовала ее болгарская интеллигенция, оказавшаяся так или иначе в оппозиции к правительству после 1923 г. Примером здесь может служить председатель общества «Славянское дружество» профессор С. С. Бобчев, который ратовал за союз славянских народов с включением Советской России, отвергая панславизм и доказывая, что речь должна идти о братском сотрудничестве славян, ведущем к всеевропейской и мировой солидарности народов⁵⁷.

Для Польши межвоенное двадцатилетие можно, пожалуй, назвать периодом подъема славянофильских настроений, сопоставимым с тем, который имел место в первые десятилетия XIX в.⁵⁸ Отчасти он обуславливался неославистскими тенденциями кануна первой мировой войны, персонифицированными в Р. Дмовском, который продолжал занимать довольно видное место в общественной жизни страны. Дополнительными стимулами была внешнеполитическая ситуация, с одной стороны, толкавшая к поискам союзников в лице соседних славянских государств, а с другой — заставлявшая правящие круги буржуазной Польши обращаться к идее славянской солидарности для подкрепления своего антисоветизма. Генерал Л. Желиговский, например, предлагал создание возглавляемого Польшей блока всех малых государств, расположенных между СССР и Германией. В отличие от этого деятеля, стоявшего на профашистских позициях, другие пропагандисты «славянской идеи» часто ссылались на рост германской опасности. Так поступал, в частности, идеолог крестьянской партии В. Витос, такой подход был характерен для возобновленного в 1936 г. периодического издания «Рух славяньски». Аргументируя необходимость сближения славян прежде всего интересами польского народа, это издание подчеркивало наличие «общей национальной опасности, которой... являются немцы»⁵⁹.

Для истории «славянской идеи» в межвоенный период немалое значение имели некоторые двусторонние и многосторонние организации агитационно-пропагандистского, смешанного или чисто научного характера. В их числе могут быть названы: общества дружбы и культурных связей (чехословацко-югославское и югославско-чехословацкое, югославско-болгарское и болгаро-югославское, польско-югославское и югославо-польское); объединение учащейся молодежи, основанное в 1922 г., — Славянский студенческий союз; Славянское общество культуры и искусства в Польше, Общество славянской взаимности в Чехословакии, Всеславянское общество в Югославии, Славянское общество

в Болгарии и т. д. Особого упоминания заслуживает Институт славяноведения в Париже, созданный при самом активном содействии молодых славянских государств, прежде всего Чехословакии и Югославии, и проводивший линию, которая в общем соответствовала интересам их правительств.

Как на национальные, так и на межнациональные славянские организации постоянное идейно-политическое воздействие оказывала белая эмиграция, которая усиливала их антисоветскую направленность. Так, активным участником деятельности всеславянского общества «Бизанта» в Югославии являлся Л. Машковский, который в 1930 г. требовал не более не менее как возврата к Византии, ибо она одна была якобы первоначальным источником духовной жизни славян. На деятельность Института славяноведения в Париже и его печатного органа «Le Monde Slave» оказывал влияние П. Н. Милюков и другие белоэмигранты. В Праге, Белграде, Софии, а отчасти также и в польских университетских центрах обосновались многие русские слависты, выехавшие за границу после революции. Не все они были убежденными и последовательными противниками Советской власти, но уже само эмигрантское положение толкало их к антисоветизму.

Буржуазно-националистическая трактовка «славянской идеи» была характерной для правящих кругов новых славянских государств и для тех партий, которые так или иначе были связаны с ними. Этой трактовке противостоял интернационалистский подход, свойственный коммунистическим и рабочим партиям как выразителям интересов трудящихся.

До середины 30-х годов Коммунистическая партия Чехословакии отрицательно относилась к появившимся в печати славянским программам, ибо они являлись отражением буржуазной идеологии и, как правило, имели антисоветскую направленность. Накануне второй мировой войны пропаганда совместных действий Чехословакии, Польши и СССР против немецкого фашизма естественным образом напомнила чехословацким коммунистам о сохранившемся в народных массах традиционном чувстве славянской солидарности. В. Копецкий, Б. Шмераль и другие руководящие деятели КПЧ, призывая к борьбе с фашизмом, указывали на необходимость видеть генетическую связь его идеологии с пангерманизмом середины XIX в., использовать в борьбе с ней аргументацию так или иначе связанную с идеей славянской взаимности, в том числе высказывания Ф. Палацкого. В июле 1938 г. В. Копецкий говорил о необходимости славянского советско-чехословацко-польского фронта против немецкого фашизма. Примерно такой же была позиция коммунистов в Югославии, Польше, Болгарии. В сентябре 1938 г., когда Чехословакия объявила частичную мобилизацию, в славянских странах прошли многочисленные митинги солидарности, организаторами которых

являлись находившиеся в подполье коммунистические партии, причем мысль о славянской солидарности не раз звучала на этих митингах.

Советское правительство в своей внешнеполитической линии никогда не выдвигало на первый план «славянскую идею», не противопоставляло славянскую солидарность иным направлениям международного сотрудничества. Подтверждение этому можно найти в советских дипломатических документах. Суть советской политики в этой области была изложена в передовой статье газеты «Известия», посвященной подписанию союзного договора с Чехословакией в мае 1935 г.: «Советский Союз не стремится ни к какой бы то ни было агрессивной политике, ни к маскировке последней. Он опирается на международную, а не на расовую солидарность. Однако если немецкий фашизм, стремясь замаскировать свою агрессивную политику, создает теорию, которая утверждает, что славянские народы — это навоз истории, то Советский Союз, который не занимается никакими панславистскими маскарадами, не скрывает, что он считает оборону славянских народов, которым угрожает нападение, не менее обоснованной и заслуживающей поддержки, чем оборона Франции»⁶⁰.

Как уже отмечалось выше, в СССР сначала сложились не наилучшие условия для развития славяноведения. Кадры специалистов существенно поредели, перспективы всей отрасли не были ясными, ибо М. Н. Покровский, взгляды которого имели тогда весьма значительное влияние на гуманитарные науки, не считал изучение славян перспективным направлением для исследований.

В связи с чисто прикладными нуждами (преподавание языков) в относительно лучшем положении оказались лингвисты, поэтому складывалось впечатление, что первый этап истории советской славистики был преимущественно филологическим. В действительности дело обстояло не совсем так.

Накануне Октябрьской революции среди русских славистов постепенно нарастало сознание отрицательного воздействия слишком далеко зашедшей дифференциации славистических дисциплин, закрепленное в ягичевском («филологическом») понимании предмета исследований. События несколько деформировали процесс, но он продолжался прежде всего в рамках двух чисто славистических по своим задачам научных ячеек при общесоюзной Академии наук, а именно в Комиссии по подготовке к печати текстов кирилло-мефодиевской традиции и в Славянской комиссии, на базе которых в 1931 г. возник просуществовавший три года и возглавлявшийся Н. С. Державиным Институт славяноведения в Ленинграде. Хотя филологи сыграли важную роль в создании этого учреждения, фактически в его планах и научной деятельности преобладала историческая проблематика, при-

чем большое внимание уделялось современному положению славянских народов.

Как отчетливо обозначившийся курс на развитие советского славяноведения, так и конкретная тематика славистических исследований накануне 1939 г. в значительной мере определялись условиями борьбы с фашистской опасностью. В 1934 г. ленинградский Институт славяноведения прекратил свое существование, но разработка славистических проблем и подготовка славяноведческих кадров продолжали разворачиваться. Кроме Н. С. Державина (1877—1953) организаторами славистических исследований стали Б. Д. Греков (1882—1953) и В. И. Пичета (1878—1947), в их осуществление внесли свой вклад М. Н. Тихомиров (1893—1965), Ю. В. Готье (1873—1943), Н. П. Грацианский (1886—1945), находившийся в эмиграции чехословацкий ученый Зденек Неудлы (1878—1962) и др. События и результаты второй мировой войны закрепили поворот, происшедший еще в 30-е годы. Научно-организационным выражением этого явилось создание Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР в январе 1947 г.

*

Хронологические рамки предпринятого обзора настолько широки, а соответствующая проблематика изучена в отдельных ее частях настолько слабо, что приведенные выше факты не могут иметь и не имеют всеобъемлющего характера. Тем не менее думается, что материала достаточно для того, чтобы сделать на его основе некоторые существенные выводы.

Первый из них заключается в том, что идея славянской солидарности является неизбежным, объективно закономерным продуктом исторического развития славянских народов в эпоху их перехода от феодализма к капитализму, формирования наций, национального самосознания, национальной культуры. Став со временем важным идейно-теоретическим оружием буржуазного по своему объективному содержанию национально-освободительного движения западных и южных славян, эта идея так или иначе бралась на вооружение также иными общественными силами — от весьма радикальных до самых консервативных. Поскольку политические интерпретации идеи славянской солидарности были крайне разнородными, постольку их изучение и оценка невозможны без тщательного знакомства с конкретными историческими условиями, без прочной «привязки» любой доктрины к обстоятельствам времени и места, без рассмотрения в контексте идейно-политической борьбы каждого данного момента.

Второй вывод, неизбежно вытекающий из первого, сводится к тому, что методологически неправомерно и фактически необоснованно говорить о прогрессивности идеи славянской солидар-

ности вообще, так же как и утверждать, будто она всегда служила и может служить только силам реакции. В период между 1789 и 1871 гг., который В. И. Ленин называет эпохой «буржуазно-прогрессивных, национально-освободительных и демократически-освободительных движений»⁶¹, идея славянской взаимности довольно часто служила прогрессивным силам, в последующие десятилетия — до 1939 г., как правило, использовалась реакцией. Но это вовсе не значит, что в первом периоде необходимо во всех случаях искать только прогрессивность, а во втором — одну реакционность. В каждом отдельном случае все определялось совершенно конкретной обстановкой социально-экономических и идейно-политических столкновений. Следовательно, только на конкретике, а не на умозрительной схеме вправе основываться исследователь.

Третий и последний вывод может быть сформулирован следующим образом. Развитие славяноведения как науки теснейшим образом связано со сменяющимися друг друга трансформациями идеи славянской солидарности, а эти последние определяются изменениями в социально-политической обстановке каждой данной страны, отчасти сменой ситуаций в международных отношениях. Изучая историю славистики, необходимо учитывать эту сторону дела столь же внимательно, как и все то, что касается внутреннего развития отдельных научных дисциплин (языковедения, литературоведения, истории) или славяноведения в целом. Подлинный успех исследований по истории славистики может обеспечить только гармоническое сочетание двух ее важнейших составных частей: во-первых, общественной обусловленности развития славяноведения, во-вторых, тех закономерностей, которые присущи каждой из дисциплин славистического цикла и славяноведению в целом как самостоятельным отраслям научного знания.

¹ Названный круг вопросов отчасти уже затрагивался выше, особенно в статьях Д. Ф. Маркова, М. Куделки и В. И. Фрейдзона. Полезный и новый материал для их рассмотрения читатель найдет кроме других изданий в книге «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977).

² См., в частности: *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. М., 1878; *Batowski H.* Współpraca słowiańska. Warszawa, 1946; *Kohn H.* Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Panlawismus. Wien, 1956; *Materiály z kon-*

ferencie o myšlienke slovanskej vzájomnosti a jej úlohe v národnoslobodzovacom boji našich národov (Smolenice 12.—14. októbra 1959). — «Historický časopis», 1960, п. 2—3; *Колейка И.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964; *Wollman F.* Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968; «Slovanství v národním životě Čechů a Slováků». Praha, 1968; *Щуцковская И. И.* Концепции славянской общности в конце XVIII—первой половине XIX в. — «Вопросы истории», 1976, № 12, с. 75—92.

³ *Kočí J.* Josef Dobrovský — Velký

- vědec a buditel českého národa. Praha, 1954; Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973.
- ⁴ Подробнее см.: *Nejedlý Z., Fajdejev A. Jan Kollar.* Praha, 1945; *Mraz A. Jan Kollar.* Bratislava, 1952.
- ⁵ Мыльников А. С. Павел Шафарик — выдающийся ученый славист. М., 1963, с. 69.
- ⁶ *Дитякин В. Т.* Павел Шафарик. — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 3.
- ⁷ Подробнее см. названные работы Мыльникова и Дитякина, а также: *Paul K. P. J. Safarik: Zivot a dillo.* Praha, 1961.
- ⁸ Цит. по: *Магула В.* Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. — В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 96—106.
- ⁹ Подробнее см.: *Удальцов И. И.* Политическая деятельность Ф. Палацкого. — «Вопросы истории», 1950, № 10; *Jetmarová M. František Palacký.* Praha, 1961; наиболее свежий материал см. в юбилейном номере журнала «Slovanský přehled», приуроченном к столетию со дня смерти Ф. Палацкого (№ 3 за 1976 г.).
- ¹⁰ См.: *Кулаковский П.* Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882; *Стојановић Љ.* Живот и рад Вука Стефа Караџића. Београд, 1924.
- ¹¹ Подробнее см.: *Лещиловская И. И.* Людевит Гай. — «Советское славноведение», 1973, № 2.
- ¹² См.: *Лещиловская И. И.* Иллиризм. К истории хорватского национального возрождения. М., 1968.
- ¹³ См.: *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 201.
- ¹⁴ *Чуркина И. В.* Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в. — В кн.: Развитие капитализма..., с. 120.
- ¹⁵ См.: *Арнаутов М.* Паисий Хилендарски. Личност. Дело. Эпоха. София, 1972.
- ¹⁶ *Никитин С. А.* Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография. — В кн.: Славянское источниковедение. М., 1965, с. 7 и др.
- ¹⁷ Об идейно-политической платформе Г. С. Раковского подробнее см.: *Арнаутов М. Г. С. Раковский.* София, 1922; *Сидельников С. И.* Болгарский революционер Раковский. Харьков, 1959.
- ¹⁸ См.: *Димитров М.* К вопросу об идеологии Любена Каравелова. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», 1958, т. XVI, с. 98.
- ¹⁹ Цит. по: Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей (далее — ИПППИМ), т. III. М., 1958, с. 341—342.
- ²⁰ См.: *Попков В. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1974, с. 65—69 и др.
- ²¹ *Bardach J. Wacław Aleksander Macejowski i jego współczesni.* Wrocław—Warszawa, 1971, s. 300.
- ²² Подробнее см., в частности: *Klarnierówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926.
- ²³ *Djakow W.* Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku. — «Kwartalnik historyczny», 1976, N 2, s. 376—377.
- ²⁴ *Moraczewski J.* Opis pierwszego zjazdu słowiańskiego. Poznań, 1848, s. 41—44.
- ²⁵ *Tanty M.* Opinia polska wobec zagadnienia solidarności słowiańskiej w monarchii Gabsburskiej w latach 60-ych XIX wieku. — In: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 3. Historia. Warszawa, 1968, s. 149.
- ²⁶ Подробнее см.: *Tanty M.* Panślawizm, Carat, Polacy. Zjazd Słowiański w Moskwie 1867 roku. Warszawa, 1970, s. 189 i in.
- ²⁷ См.: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». — В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 69.
- ²⁸ См., например: *Luciani G.* La società des Slaves Unis. Bordeaux, 1963.
- ²⁹ *Bazyłow L.* Idea federacji słowiańskiej w programie Stowarzyszenia Zjednoczonych Słowian. — In:

- Z polskich studiów sławistycznych, s. 146—147.
- ³⁰ См.: *Бортников А. И.* Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение. — В кн.: Развитие капитализма..., с. 191; подробнее см.: *Дьяков В. А.* Идея международного сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов. — «Советское славяноведение», 1971, № 5, с. 46—57.
- ³¹ *Бакунин М. А.* Избр. соч. в 5-ти т., т. 3. Пг.—М., 1919—1922, с. 47—65.
- ³² *Бакунин М. А.* Речи и воззвания. Б. м., 1905, с. 154—182.
- ³³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 4. М., 1949, с. 760.
- ³⁴ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 7. М., 1950, с. 940.
- ³⁵ Подробнее см.: *Дьяков В. А.* «Славянский вопрос и политическая программа Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 127—135.
- ³⁶ *Писарев Д. И.* Соч. в 4-х т., т. 1. М., 1955, с. 337.
- ³⁷ *Эльсберг Я.* Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1953, с. 155.
- ³⁸ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч., т. 11. М., 1971, с. 418.
- ³⁹ *Тиличев А. Д.* Гуманизм и национализм Достоевского. Заметки о Достоевском и славянофильстве. СПб., 1881, с. 28, 30. Себя автор брошюры причисляет к «прогрессистам», но от действительно прогрессивных сил своего времени он всячески отмежевывается (с. 8—9 и др.).
- ⁴⁰ *Грот К. Я.* Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. СПб., 1901, с. 46.
- ⁴¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов, т. I. 1870—1875 гг. М., 1964, с. 37.
- ⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 329—330.
- ⁴³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 270.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 156.
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Зуев Ф. Г., Клеванский А. Х., Конобеев В. Д.* Ленин и пути исторического развития зарубежных славянских народов. — «Советское славяноведение», 1970, № 2, с. 13—28.
- ⁴⁷ *Колейка И.* Славянские программы..., с. 80.
- ⁴⁸ Библиографию и новый материал о деятельности чешских «неославистов» см.: *Ненашева З. С.* «Славянский союз» в австрийском рейхсрате. 1909—1911. — «Советское славяноведение», 1975, № 5, с. 13—24.
- ⁴⁹ Цит. по кн.: *Колейка И.* Славянские программы..., с. 96.
- ⁵⁰ *Gawin B. Jozef Chociszewski* — propagator idei współpracy narodów słowiańskich. — «Przegląd Zachodni», 1963, N 2.
- ⁵¹ *Колейка И.* Славянские программы..., с. 82.
- ⁵² *Джовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909, с. XIII.
- ⁵³ «Пролетарий», 1909, 8 апр.
- ⁵⁴ «Delnický deník», 12.V 1917. Цит. по кн.: *Колейка И.* Славянские программы..., с. 105.
- ⁵⁵ *Колейка И.* Славянские программы..., с. 125.
- ⁵⁶ *Колейка И.* Славянские программы..., с. 135.
- ⁵⁷ Речник на българската литература, т. I. София, 1976, с. 107—109.
- ⁵⁸ Прямые подтверждения этому см. в работе польской исследовательницы тех лет Зофьи Клярнеруны, которая совсем не случайно обратилась вслед за В. А. Францевым к истории польского «славянофильства» (Słowianofilstwo w literaturze polskiej 1800—1848. Warszawa, 1926).
- ⁵⁹ «Ruch słowiański», 1936, N 1, 61; 1937, N 219.
- ⁶⁰ «Известия», 1935, 17 мая.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 137.

РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО

Е. А. Дудзинская

Национально-освободительная борьба славянских народов против Османской и Габсбургской монархий, усилившаяся во второй половине XVIII в., явилась следствием развития в этих странах капиталистических отношений, а также процесса формирования наций и национальных культур. Общность задач социально-экономического развития и национально-освободительной борьбы с чужеземным игом породила среди южных и западных славян идею славянской взаимности, которая способствовала возникновению наук о славянстве и более широкому обмену культурными ценностями.

Как прошлое, так и настоящее южных и западных славян вызывали большой интерес в русском обществе. Он был продиктован прежде всего наличием аналогичных явлений и процессов в экономической и духовной жизни самой России и возрастал по мере продвижения ее по пути капиталистического развития. В первой половине XIX в. внимание русского общества привлекали вопросы, связанные с историей южных и западных славян, их народным творчеством, литературой, поэзией, научными трудами, в том числе основанными на идее славянской взаимности. Особенно большой интерес к истории, жизни и борьбе зарубежных славян проявляло русское славянофильство — одно из идейных течений русской общественной мысли, возникшее, как и западничество, на рубеже 30—40-х годов XIX в.

В трудах некоторых зарубежных и советских историков понятие «славянофильство» толкуется слишком свободно. Одни авторы называют славянофилами всех деятелей славянского Возрождения; другие — ученых-славистов; третьи — людей, в той или иной мере интересующихся славянством, т. е. «славянолюбков»; четвертые видят начало русского славянофильства чуть ли не в XVII в. и ведут его до первой мировой войны, а некоторые даже до современной эпохи. В литературе встречаются упоминания о польском, болгарском, чешском славянофильстве. Данная статья рассматривает славянофильство как одно из направлений русской общественной мысли, существовавшее в середине XIX в., на рубеже феодальной и капиталистической формаций. Это была группа общественных деятелей из среды поместного дворянства, литераторов и ученых, связанных между собой определенной системой взглядов. На первом месте в их теории стоял вопрос об отмене крепостного права в России. Его ликвидацию они хотели провести без потрясений, которыми была чревата современная им

история западноевропейских стран, мирным путем, при обязательном наделении крестьян землей и сохранении их общинной организации. Предполагалось сохранить монархический образ правления, с тем, однако, условием, чтобы монарх оставил обществу «силу мнения». Для этого необходимо было обеспечить свободу слова, печати и других буржуазных свобод.

Понимая, что после отмены крепостного права должна измениться вся структура феодальных государственных институтов и узаконений, славянофилы пытались заранее определить содержание будущих буржуазных реформ. Свои взгляды они обосновывали изысканиями в области экономики, философии, истории, права, филологии, искусствоведения и богословия. Все сочеталось с религиозной доктриной о православии как о «полной и высшей истине на земле, лучшем и единственном залоге развития будущего человечества»¹. Отсюда выводилась особая мессианская роль России и всего славянского православного мира. Славянофилы в большинстве своем не были профессиональными учеными, но высокая образованность позволяла им спорить на равных со своими противниками — западниками, среди которых были известные ученые, писатели, журналисты. Возникновение в 30—40-е годы в среде русского дворянства этих двух течений русской общественной мысли было обусловлено явлениями общего кризиса русского крепостного хозяйства и возникновением черт, характерных для буржуазной эпохи. При неразвитости класса буржуазии в России, как и в некоторых других государствах², выразителями буржуазных интересов в XIX в. выступали представители «самого образованного и наиболее привыкшего к политической власти класса — класса дворянства»³. Вопрос о средствах выхода из кризиса и путях развития России стал основным в их идейных спорах.

В настоящее время в науке уже установилось мнение о неправомерности резкого противопоставления этих двух течений⁴. Анализ высказывавшихся ими теоретических положений и реальной борьбы дает возможность рассматривать их как две разновидности дворянского либерализма, сформировавшегося в эпоху перехода России от монархии феодальной к монархии буржуазной. Оба течения, каждое в своем направлении, способствовали этому переходу в интересах помещиков и нарождавшегося класса капиталистов, подготавливая буржуазную реформу и прилагая максимум усилий, чтобы теоретически и практически исключить возможность революционного пути выхода из кризиса. Острая форма споров западников и славянофилов вытекала из крайностей их суждений об одном и том же предмете, что создавало впечатление противоположности и непримиримости. На самом деле в их полемике нашла отражение двуединая суть буржуазно-помещичьей идеологии. Эта идеология, игравшая определенную роль в про-

цессе преобразования социально-экономической и культурной жизни России в реформистски-либеральном духе, резко противостояла воззрениям революционных демократов.

Идеалистическая философия, сочетавшаяся с религиозной доктриной, была основой исторической концепции славянофилов. Повышенный интерес вызывали у них народные движения, история закрепощения крестьян, вопросы происхождения и развития общины. В эпоху разложения крепостного хозяйства славянофилы в историческом прошлом старались отыскать подходящий образец отношений, который можно было бы использовать для современного переустройства России. Выступая против преувеличения роли западных народов во всемирной истории, славянофилы допускали аналогичное преувеличение в отношении славянских народов. Последнее нашло отражение в «Записках о всемирной истории» А. С. Хомякова⁵, который старался доказать, будто все положительное в истории человечества связано с деятельностью православных славянских народов, а все отрицательное — с неправославными народами Западной Европы. При этом он доходил до фантастических утверждений вроде того, что англичане, которым Хомяков симпатизировал, вели свое происхождение от славянского племени «угличан». При всем антиисторизме подобных заявлений философское осмысление хода русской истории и сопоставление ее с ходом всемирной истории свидетельствовали о росте русского национального самосознания, важнейшей частью которого, а может быть, даже его первоосновой славянофилы считали осознание своей принадлежности к славянскому племени.

Выделяя роль славян во всемирной истории, славянофилы не могли, однако, не видеть, что изучение исторических древностей присуще всем народам на определенном этапе исторического развития. «Археологические разыскания, — писал Хомяков в 1852 г., — обратили на себя внимание всего ученого мира. Германия, Франция, Англия отыскивают следы своей древней жизни... Земли славянские следуют тому же примеру. Тут археология оказалась силой живою и плодотворною... Чех, словак, хорват и серб с радостным удивлением увидели, что чем дальше углубляются в историю, тем более сближаются друг с другом»⁶.

Думается, что романтизация русской и славянской старины славянофилами была сродни той, которую переживали все народы в эпоху становления буржуазных наций, с присущими этой эпохе идеализацией прошлого и возвеличиванием своего народа над другими.

В споре о «народности» культуры и «русском воззрении» на ее развитие славянофилы показали свое отношение к Западу. Категорически не принимая его революционного опыта в решении внутренних русских проблем, они отнюдь не отвергали его дости-

жений в области культуры и сами черпали из этого источника. «Мы многому научились у Запада, — говорилось в предисловии одного славянофильского сборника, — но не следует забывать, что уроки учителя тогда только достигают своего назначения, когда пробудят в ученике его собственные силы и он сумеет основать на них свою самостоятельную жизнь и сознательное мышление... Время подумать о том, чтобы и нам самим выработать начала своей нравственной и умственной жизни и связать их со своим народным прошедшим и будущим»⁷: Самостоятельно решать свои национальные проблемы в области культуры и тем внести свой вклад в мировую культуру — такова их позиция по этому вопросу. Этот призыв имел буржуазное содержание, и факт соединения культуры с православием отнюдь не меняет этой оценки.

В сознание различных слоев русского общества с XVIII в. проникла идея покровительства христианскому населению Турции и другим единокровным и единоверным народам, своеобразно в нем преломляясь — в зависимости от классовой принадлежности и исторического момента. Эта идея приобрела силу в связи с тем непреложным историческим фактом, что Россия действительно была единственной великой, православной державой, от которой славяне могли ожидать реальной помощи при своем освобождении. Об этом писал и К. Маркс в 1852 г.: «...серб, болгарин, боснийский «райя», крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке. Что бы ни произошло, они взират на Петербург в ожидании мессии, который освободит их от всех зол...»⁸

Славянский вопрос стал составной частью деятельности славянофилов и областью, где они применяли все теоретические положения, выработанные ими для России.

Эволюция отношения славянофилов к славянскому вопросу, на наш взгляд, прошла три этапа. Рубежом между первым и вторым явился 1848 г., рубежом второго и третьего этапа была революционная ситуация в России 1859—1861 гг.

Началом первого этапа можно считать рубеж 20—30-х годов XIX в., когда общественный интерес к изучению славянства приобрел определенную целенаправленность. Впрочем, будущие славянофилы с детских лет воспитывались в атмосфере интереса к славянскому движению и идее помощи православному населению Турции. В год рождения А. С. Хомякова (1804) началось Первое сербское восстание. ореол героизма окружал личность Карагеоргия на протяжении многих лет. Всюду в общественных местах висели его лубочные портреты. Биограф Хомякова утверждает, что он в одиннадцатилетнем возрасте собирался «бунтовать

славян», а в 17 лет сделал попытку бежать из дому на помощь восставшим в 1821 г. грекам. Вскоре ему действительно пришлось сражаться за славян и греков в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Из этого похода он вынес неизгладимое впечатление о большой этнической близости славян, их любви к России и надеждах на ее помощь⁹. На польское восстание 1830 г. он отождествлялся стихами: «Из края дальнего волшебный зов несется и кровь моя кипит и сердце бурно рвется». Стихотворение кончалось, однако, мыслью, что «младшие орлы» должны склонить свои головы «пред старшим северным Орлом». Но ехать на «усмирение» поляков Хомяков все-таки отказался.

Славянофилы приветствовали учреждение в 1835 г. в университетах Москвы, Петербурга, Харькова и Казани кафедр славянской филологии¹⁰, поддерживали связь с первыми славистами О. М. Бодянским, И. И. Срезневским, В. И. Григоровичем. Позже сотрудиничали со следующим поколением славистов — А. Ф. Гильфердингом и В. И. Ламанским, которые в свою очередь еще более испытывали на себе влияние славянофильских идей. Славянофилы систематически знакомились с литературными новостями польской, сербской и богемской литератур, с научными трудами выдающихся деятелей славянского Возрождения: В. Ганки, П. Шафарика, Я. Коллара, Л. Штура, Л. Гая, В. Караджича. Высоко ценили они труды последнего по сбору сербских песен, сказок, поговорок, что, несомненно, повлияло на деятельность П. В. Киреевского, который уже в 1833 г. имел собрание в 1000 русских песен.

Близкими для русских славянофилов были труды зарубежных славянских деятелей, направленные на совершенствование национального языка. Теми же вопросами занимались применительно к русскому языку К. С. Аксаков и В. И. Даль. Таким образом, элементы, характеризующие процесс складывания национальных культур у разных народов, проявлялись в сходных формах. К этому же ряду явлений относилось и развитие славяноведения.

В конце 30-х годов славянофилы ознакомились с концепцией славянской взаимности, изложенной в статье словацкого ученого Яна Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими». Она была переведена Ю. Ф. Самариним под руководством М. П. Погодина и опубликована в 1840 г. в «Отечественных записках»¹¹. Программа, изложенная Колларом, вполне укладывалась тогда в рамки складывавшихся славянофильских взглядов и потому нашла среди них горячих приверженцев. В ней заключалась идея об избранности славянского племени и необходимости культурного общения между его отдельными ветвями, которое предохранит эти народы «от безумных порывов и пагубных заблуждений»¹². Каждый славянин, согласно программе, должен знать четыре языка: русский, польский, чеш-

ский, сербский. В связи с этим предполагалось учреждение при университетах кафедр славянских наречий.

Литературное знакомство вскоре было подкреплено личным. В 40-х годах XIX в. в славянских странах побывали почти все главные члены славянофильского кружка и близкие им ученые-слависты, установив связи с учеными и общественными деятелями этих стран. Таким образом, на первом этапе, который можно было бы назвать временем становления славянской взаимности, интерес славянофилов к славянским народам в основном выражался в культурном общении. Политический момент, если и присутствовал, не был заметно выражен.

В 1845 г. вышло одно из первых славянофильских изданий — «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовременных и единоплеменных». Само название сразу же указывало на ограниченность связи русской истории с историей и жизнью славянских народов. Статья Хомякова «Вместо введения» весьма тенденциозно излагала историю раннего европейского средневековья, в которой наиболее светлым явлением было рождение из «хаоса переселения народов» славянского «православного мира». Ему он предрекал великое будущее и противопоставлял миру католическому. Это антиисторическое изложение истории раннего славянства находилось в генетической связи с концепцией истории Древней Руси. В такой интерпретации славянофилы пытались пропагандировать славянский вопрос в русском обществе. Но это им плохо удавалось. Три «Московских сборника»¹³, изданных вслед за названным, не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Поездки в славянские страны и активизация в 40-х годах культурного общения с деятелями славянского Возрождения вызвали крайне настороженное отношение правительства к славянофилам. Это было связано прежде всего с тем, что царское правительство подозрительно относилось к национально-освободительным движениям турецких и австрийских славян и не одобряло их направленность против законных властей. Интерес к славянам отдельных русских подданных мог вызвать нежелательные дипломатические осложнения с соседними странами, как это и случалось¹⁴. К тому же не было еще забыто декабристское Общество соединенных славян, в программе которого ведущую роль играла идея демократической славянской федерации.

В 1830 г., через пять лет после выступления декабристов, произошло восстание в Польше, а в 1847 г. на Украине было раскрыто тайное Кирилло-Мефодиевское общество, имевшее целью объединить славян в демократическую федеративную республику. Разумеется, ничего революционного во взглядах славянофилов не содержалось, но их явно выраженные симпатии к славянам настораживали власти. Так, Николай I опасался, что «под видом

участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России»¹⁵.

Революции, прокатившиеся в 1848 г. почти по всем странам Европы, охватили славянские земли Австрии и выявили довольно пеструю картину экономического, социального и политического развития славянских народов, которая и определила степень и характер их участия в событиях 1848—1849 гг. Славянофилы, следившие за событиями в Европе с захватывающим интересом, получили обильный материал для размышлений и более четкого определения своих задач в решении славянского вопроса¹⁶. Революция расставила свои акценты. Стало ясно, что нельзя более говорить о славянах вообще как об одном племени. Каждый народ вырабатывал свое национальное самосознание и намечал свои пути достижения независимости. Одна за другой возникали буржуазные программы нового политического устройства славянских народов¹⁷. Передовая часть славянских деятелей приняла участие в революционных событиях; другие оказались в рядах контрреволюции. Имущие слои славянских земель перед угрозой развития народных движений встали на путь измены делу освобождения. Они оказались неспособными вести последовательную борьбу против феодально-абсолютистского режима Габсбургов и пошли на соглашение с ним.

Славянофилы в 1848—1849 гг. очень хорошо чувствовали классовую подоплеку событий, и это заставило их внести соответствующие коррективы в свое отношение к славянству. И. С. Аксаков в ответ на вопросы III отделения в 1849 г. писал: «Ложные начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством»¹⁸. Франкфуртское национальное собрание он называл «безумным», весьма положительно оценивал контрреволюционный поход Елачича, получившего орден от царя Николая I, одобрил славянскую верхушку, которая не дала себя увлечь на революционный путь и осталась верна австрийской монархии, вместе с тем радовался, что Австрия не стала славянской монархией, ибо «возникновение рядом с Россиею самобытной сильной славянской монархии... лишило бы Россию значения: быть единственным сосудом православия и славянских начал на земле»¹⁹. После революции славянофилы еще более утвердились во мнении, что надо опираться исключительно на православных славян, а к западным проявлять «только одно сердечное участие»²⁰, так как большая часть их «уже заражена влиянием пустого западного либерализма, который противен духу русского народа»²¹. «В панславизм мы не верим и считаем его невозможным», — заключил И. С. Аксаков²².

Эти слова Аксакова Николай I назвал «дельными» и прибавил, что если бы стечение обстоятельств привело Россию к соединению со славянами, то это было бы гибелью России²³.

Уроки 1848—1849 гг. не прошли даром. На следующем, втором, этапе (1848—1861 гг.) перед славянофилами встали другие задачи:

1. Более четко сформулировать свои взгляды на освобождение славян.

2. Связать их с внешней политикой России.

3. Привлечь к решению этого вопроса представителей нарождавшейся русской буржуазии, имея в перспективе опору на умеренные буржуазные элементы в славянских странах.

4. Создать периодический печатный орган, который мог бы стать центром, объединяющим славян, и действенным средством, мобилизующим общественное мнение России и славянских стран для достижения поставленной цели.

5. Использовать общественное мнение для осуществления своего влияния на правительство в нужном направлении.

Славянскому вопросу придавалось политическое звучание.

Реформистскую суть доктрины, разработанной для России, славянофилы рекомендовали славянским странам, предостерегая их от революционного решения любого вопроса. «Как показали события 1848 года, — писал славянофильский журнал, — революционный дух трудно овладевает славянами»²⁴. В этой обстановке православие, бывшее весьма важным элементом в учении славянофилов, призвано было стать не только оружием против неправославных религий, но и средством смирения самих славян, оно служило пропаганде реформистских, чуждых революции идей. Славянофил А. И. Кошелев, посетивший Австрию в 50-е годы, с удовлетворением отмечал глубокое разочарование революцией. Славяне «перешли к задаче более близкой: развитию частных местных своих народностей с совокуплением тех из них, которые имеют между собой более сходства. Чехи хотя бы чешскими чехами»²⁵.

Свое первое периодическое издание — журнал «Русскую беседу» — славянофилы хотели сделать объединяющим центром для зарубежных славян и отчасти в этом преуспели. А. Н. Пыпин, выезжавший в те годы в Австрию, писал: «Русская беседа», наиболее известный чехам журнал, считается там едва ли не главным выражением общественного настроения в России, чего, конечно, нельзя сказать о журнале, стоящем так исключительно»²⁶. Впрочем, «Русскую беседу» в славянских странах читала главным образом буржуазно-либеральная интеллигенция. Из ее же среды были и корреспонденты журнала. К тому же это было довольно громоздкое издание, в котором большая часть материалов посвящалась предстоящей отмене крепостного права в России, поэтому

решено было издавать газету «Парус» специально для распространения ее в славянских странах.

Популяризации славянофильских изданий в австрийских землях деятельно помогал священник православной церкви при русском посольстве в Вене М. Ф. Раевский, проживший там с 1842 по 1884 г. и находившийся многие годы в переписке с И. С. Аксаковым, А. И. Кочелевым, А. Ф. Гильфердингом, В. И. Ламанским, кн. В. А. Черкасским, Ф. В. Чижовым и несколькими сотнями других корреспондентов²⁷. В 1858 г. И. Аксаков, полагаясь на обширные связи М. Ф. Раевского, просил его организовать присылку для «Паруса» еженедельных корреспонденций из славянских земель Австрии, Турции и Пруссии. «Только таким способом славянский вопрос приобретет популярность в России», — писал он²⁸. Но этим замыслам не суждено было осуществиться. В 1859 г. «Парус» был запрещен. И. Аксаков так оценивал эту акцию правительства в письме к М. Ф. Раевскому: «Правительству хочет, чтобы славянский орган находился под его контролем, т. е. поставить его в зависимость от колебаний правительственной политики и разъединить интерес славянской народности с интересом русского народа»²⁹.

Но у славянофилов оставалась еще «Русская беседа», которая также уделяла внимание славянским сюжетам. Если в первых славянофильских сборниках помещались в основном статьи о славянских древностях, то в «Русской беседе» было заметно стремление познакомить русское общество с современным положением в славянском мире. На этом этапе славянофилов интересовал ход развития национального Возрождения в славянских землях. Отмечалось, что оно идет быстрее в Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии, Хорватии и медленнее в Галиции, Нижних Лужицах, Боснии и Герцеговине. Возрождение сопровождалось восстановлением в правах национального языка, развитием литературы, театра, музыки, интересом к истории своего народа, постройкой школ для обучения на родном языке, основанием газет и издательств (матриц), где печатались книги на национальных языках. В «Русской беседе» печатались обзоры современных славянских литератур, впечатления о поездках по славянским странам, сообщения о современных политических событиях, письма из разных мест, планы буржуазных преобразований в этих странах. Эти материалы, становясь достоянием читателей, способствовали развитию русского славяноведения, тем более что постоянными сотрудниками журнала были ученые-слависты. В «Русской беседе» была впервые опубликована работа ученика О. М. Бодянского Е. П. Новикова «Гус и Лютер», в которой доказывалась прочность традиций православия и влияние Гуса на Лютера. Почти в каждом номере печатались статьи, очерки, письма, заметки А. Ф. Гильфердинга, В. И. Ламанского, Я. К. Грота и др. Весь материал

пропускался через призму славянофильской теории, статьи, имевшие какие-либо отклонения от нее, снабжались примечаниями. После Крымской войны письма И. Аксакова к Раевскому полны просьб присылать статьи, посвященные современным политическим проблемам, способные расшевелить русское общество и сделать славянский вопрос частью общественной борьбы.

Славянский вопрос всегда был тесно связан с внешней политикой России и прежде всего с восточным вопросом. Крымская война для славянофилов была священной борьбой за православие и славянство и «окончательное», как они думали, столкновение Востока и Запада. Поражение России в этой войне они пережили как крушение надежд на освобождение славянского мира. Поэтому назначение на пост министра иностранных дел А. М. Горчакова вместо немца К. В. Нессельроде вызвало среди них глубокое удовлетворение. Особенно был рад Ю. Ф. Самарин, в свое время отсидевший 12 дней в Петропавловской крепости за свои «Рижские письма»³⁰. «Отныне политика будет русская», — писал он княгине Черкасской³¹. Следует обратить внимание на то, что славянофилы выдвигали идею перехода к национальной, т. е. буржуазной по своему существу, внешней политике в противовес господствовавшему ранее дворянско-династическому принципу.

Россия «сосредоточивалась» на насущных внутренних вопросах, без решения которых невысказана была в будущем и активная внешняя политика. Ее основной задачей была отмена Парижского трактата. Славянофильская пресса, стремясь укрепить международное положение России, сконцентрировала свою критику на политике Австрии, Турции и Англии, которые препятствовали решению этой задачи.

Национально-освободительное движение славянских народов, распылявшееся устоями австрийской и турецкой империй, рассматривалось славянофилами как действенная помощь в проведении внешней политики России в интересах помещиков и нарождавшегося класса буржуазии. Это было выражено ими в следующей формуле: «Отныне России необходима на Востоке ясная положительная программа политической деятельности, основанная на признании народностей и провозглашении собственного полного вещественного бескорыстия»³². Положение о «признании народностей» и «полном вещественном бескорытии» повторялось славянофилами в 50-е годы на разные лады. «Пусть все славянские племена, сколько бы их ни было, составят союз конфедеративный, оставаясь вполне независимыми, сохраняя каждое свою личную самостоятельность. . . — писал И. Аксаков. — Я вовсе не мечтаю и не желаю присоединения славян к России и с радостью готов отречься от Польши (я не разумею под Польшей Украину, Белоруссию, Западные губернии)»³³. В обращении к славянам, опубликованном в «Русской беседе» по поводу начала издания «Па-

руса», говорилось: «Не внешнее политическое, но внутреннее духовное единство нам дорого... пусть развивается каждая из народностей вполне самобытно, пусть каждое племя внесет свою долю труда в общее дело славянского просвещения!»³⁴ Когда М. П. Погодин написал в «Русской беседе» о возможности образования славянского государства от Тихого океана до Адриатического моря во главе с Россией, редакция напечатала следующее примечание: «Мечта, к счастью, несбыточная: подобное государственное единство подавило бы духовную независимость каждого племени в отдельности. Нет! знаменем России должен быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное, своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых, отдельных, славянских племен, которого защита и охранение естественно принадлежали бы России!»³⁵ Такую точку зрения вряд ли можно назвать панславистской.

После Крымской войны правительство разрешило прессе заниматься славянским вопросом. Однако оно настойчиво пресекало попытки печатных органов выступать от имени всего русского народа, что особенно свойственно было изданиям славянофильского направления. Это проявилось, в частности, в «Послании к сербам», которое можно было бы назвать завещанием Хомякова, но скрепленное подписями десяти его единомышленников, оно выглядит как кредо всего направления. «Послание» было написано Хомяковым в 1860 г., издано в Лейпциге и распространено в славянских землях на сербском языке. Написанное в крайне туманных выражениях, оно тем не менее вместило в себя все главные положения славянофильской доктрины. В нем нашли место мысли о великом предназначении славянского мира и главенстве России, о неразрывной связи единовременных и единоплеменных народов, о высшей истине православия. Послание содержит советы учиться у Запада, но не подражать ему, не следовать революционному опыту поляков, сохранить единый народ, не разделенный на сословия, повиноваться власти (сила власти — монарху!), отстаивать свободу мнения (сила мнения — народу!) и другие советы в духе славянофильских воззрений³⁶. В отношении православия была дана предельно ясная формулировка: «Славянин вне православия вполне славянином быть не может»³⁷.

Это заявление возмутило передовую общественность зарубежных славян, и особенно деятелей, близких революционно-демократическому направлению³⁸, а также вызвало резкую отповедь Н. Г. Чернышевского, назвавшего славянофилов «самозванными старейшинами»³⁹ и высмеявшего каждую их мысль.

«Послание» было попыткой славянофилов повлиять на дела Сербии. Незадолго до его появления сербский корреспондент М. Миличевич в статье, напечатанной в «Русской беседе» в 1859 г.,

сообщал обстоятельства роспуска сербской скупщины князем Милошем Обреновичем, которого она же (скупщина) посадила на престол, низложив кн. Александра Карагеоргиевича⁴⁰. В примечании к этой статье редакция журнала очень неодобрительно оценивала этот шаг кн. Милоша, полагая, что скупщину не следовало распускать, так как она представляла «силу мнения» народа. Между тем это был конкретный пример того, что может произойти с «силой мнения», если «сила власти» остается у монарха. Но этот очевидный факт еще не вполне убедил славянофилов в ошибочности их расчетов. Видя, что события в Сербии развиваются не по их схеме, они решили в «Послании» преподать некоторые советы вступившему на престол в 1860 г. князю Михаилу. Славянофилы одобряли свержение кн. Александра Карагеоргиевича, который перешел на сторону Австрии, и советовали Михаилу впредь ориентироваться на Россию.

«Послание» явилось попыткой утвердить свои взгляды среди зарубежных славян, но письмо И. Аксакова М. Ф. Раевскому от 5 мая 1861 г. свидетельствовало о полном крахе этих надежд. «Славяне меня приводят в отчаяние, а пуще всего Сербия... — писал он. — Михаила окружает партия антидемократическая, не народная, не скупщинская, ищущая опоры во Франции»⁴¹.

К 1861 г., т. е. к началу завершающего этапа деятельности славянофилов, особенно обострилась борьба Чернышевского против них. Он неоднократно разоблачал их стремление влиять на события в славянских странах и с удовлетворением отмечал, что «возгласы наших славянофилов не возбуждают между австрийскими славянами того безусловного доверия, каким они пользовались лет 12 или 15 тому назад»⁴². Сам И. Аксаков жаловался в газете «День», что образованные люди западных славян отворачиваются от славянофилов. «И прекрасно делают, — замечал на это Чернышевский. — Пусть образованные люди в этих племенах сами рассудят, кто на самом деле больше любит их: те ли, которые подобно нашим славянофилам льстят им и самохвальствуют, или те, которые предостерегают их»⁴³. Он предлагал принципиально иной — революционно-демократический — путь освобождения славян⁴⁴, и его взгляды в то время уже нашли последователей среди славянских общественных деятелей, таких, как болгарин Л. Каравелов, сербы Ж. Жуёвич⁴⁵, М. Ракич, П. Карич, которые продолжали эту линию и после ареста Н. Г. Чернышевского.

Наличие революционно-демократических элементов в общественном движении славянских стран и их противодействие славянофильским воззрениям явилось одной из характерных черт 60-х годов, когда начался новый этап в развитии и решении славянского вопроса. К этому времени в России пало крепостное

право. Освобождение русских крестьян вызвало прилив горячих симпатий к России среди австрийских и турецких славян. Известный чешский деятель Ф. Палацкий славил царя «освободителя», который «возвратил двадцати с лишком миллионам своих подданных человеческие права, коих они были несправедливо лишены»⁴⁶. Сыграло свою роль и то, что в 1862 г. в связи с 1000-летием России 30 славянских деятелей были награждены русскими орденами⁴⁷. Но уже в 1863 г. симпатиям зарубежных славян к России был нанесен жестокий удар расправой царизма с восставшими поляками. В записке на имя царя славянофил А. И. Кошелев писал: «Славяне внимательно следят за нашими действиями в Польше и наши нынешние там распоряжки производят на них самое тяжкое и для нас самое невыгодное впечатление. Враги наши пользуются этим во вред нашего влияния в землях славянских. Теперь, при том брожении, которое существует во всех австрийских провинциях, это обстоятельство имеет особую важность»⁴⁸. В решении польских дел славянофилы оказались проводниками политики царизма. Одни — в качестве деятелей царской администрации, другие — в качестве творцов общественного мнения.

Среди первых были А. Кошелев, Ю. Самарин, кн. В. Черкасский, среди вторых особенно выделялся И. Аксаков. Самарин и Черкасский под руководством Н. А. Милотина участвовали в выработке «Положения» о крестьянах Царства Польского. Черкасский затем был направлен в Варшаву для его практической реализации. Туда же по призыву царя направился Кошелев в качестве главного директора финансов. «Для окончательного закрепления этого края русской державе; — писал Кошелев, — совершенно необходимо было приобрести расположение крестьян и сократить власть шляхты»⁴⁹, т. е. мероприятиями «по улучшению хозяйственного быта крестьян» разбить восставших. Но Кошелев и Черкасский заняли разные позиции по отношению к польскому дворянству. Черкасский стремился окончательно сокрушить шляхту, считая ее наиболее революционной частью этого края. Кошелев полагал, что экономическая основа этого класса и так достаточно подорвана и теперь надо сохранить его в противовес крестьянству, которое со временем может представить еще большую угрозу. А пока, по его мнению, следовало проводить курс на успокоение края, убеждать польское общество в выгодности пребывания Польши под властью России и отсутствию у нее возможности существовать независимо. Следовательно, разногласия между славянофилами сводились, по ленинскому выражению, к «борьбе» за «меры и формы уступок»⁵⁰.

Старательно проводя в жизнь намеченную программу, надворный советник Кошелев и коллежский асессор кн. Черкасский получили в награду звезды и ленты Станислава I степени⁵¹.

Что касается В. Елагина и Ф. Чижова, то они осуждали действия А. Кошелева и кн. В. Черкасского, называя их «ренегатами славянофильства».

Среди славянофилов, создававших общественное мнение, выделялся И. Аксаков, с 1861 г. редактировавший газету «День». Его позиция менялась, по мере того как развивались события. Разница во взглядах той и другой группировки славянофилов зависела от разницы в их положении. Одни стремились к «замирению» края и полному присоединению его к России. Другие под напором общественного мнения выступали против жестких мер. Поэтому в 1861 г., когда движение в Польше только начиналось, И. Аксаков публично⁵² и в переписке⁵³ неоднократно высказывал мысли о необходимости вывода русских войск из Польши и предоставления ей независимости. Но по мере того как в результате развития и углубления революционного процесса в восстание втягивались народные массы, либеральная позиция И. Аксакова стала существенно меняться. Теперь уже он считал, что надо прежде всего и как можно скорее подавить революцию, может быть, даже самыми жесткими мерами, а уж потом вывести войска и предоставить полякам независимость. В 1863—1864 гг. он уже положительно оценивал меры, проводимые в Польше Муравьевым-Вешателем, и требовал устранить всякое вмешательство Запада⁵⁴.

Оценку этой позиции дал министр просвещения А. В. Головнин в записке на имя начальника III отделения кн. В. А. Долгорукова: «В польском вопросе и во многих других, касающихся внутренних преобразований, газета „День“ — орган славянофильской партии — служила твердою опорой правительства»⁵⁵. Совершенно четко и без обиняков определил свою позицию Ю. Самарин: «Я шел рука об руку с властью в польском деле, я участвовал в составлении диктаторского проекта о крестьянах и подписал его, я настаивал на необходимости диктаторских средств для приведения его в исполнение»⁵⁶. Думается, что этих высказываний достаточно для того, чтобы определить позицию славянофилов в польском вопросе как приближающуюся к позиции правительства. Именно Кошелева имел в виду В. И. Ленин, говоря о поведении в пореформенное время либералов, которые в один голос советовали правительству «истребить „отчаянные головы“ и приверженцев „согласия между крестьянами и мещанами“, а „благомыслящую умеренную оппозицию“ удовлетворить и разъединить уступками...»⁵⁷ Перед лицом революции либералы шли на любую сделку с властью.

Между тем наступал завершающий этап национально-освободительной борьбы на Балканах. В силу объективных причин он становился в повестку дня внешней политики русского царизма. В связи с этим в русском обществе заметно возрос интерес к славянскому вопросу. Он в подлинном смысле стал частью обществен-

ной борьбы. Не только славянофильская печать, но и другие периодические издания, в том числе и правительственные, посвящали целые отделы славянским делам. «Славянофильствование начинает входить в моду, — писал И. Аксаков М. Ф. Раевскому в феврале 1861 г.⁵⁸ — Вопрос из области отвлеченной выдвинулся на сцену действительности»⁵⁹. В 1866 г., сообщая Раевскому, что им основана новая газета «Москва», он писал: «Разумеется, восточный и славянский вопросы будут занимать в ней одно из самых видных мест»⁶⁰.

Газеты И. Аксакова играли не последнюю роль в оживлении интереса к славянскому вопросу в русском обществе. Они держались капиталами московских промышленников, также заинтересованных в решении восточного вопроса. Купечество и промышленники поддерживали многие шаги славянофилов в отношении славянских народов: поездки в славянские страны, финансирование журналов, в которых обсуждались славянские дела, посылка книг и церковной утвари в православные церкви, жертвования крупных сумм на постройку православных церквей на территориях, подвластных Турции и Австрии, денежная и другая помощь пострадавшим во время военных действий, создание специальных фондов для выдачи пособий деятелям славянского Возрождения и студентам, обучавшимся в России, материальное участие в созданных в 1858 г. славянских благотворительных комитетах и снаряжении добровольцев во время русско-турецких войн. О том, насколько интерес представителей русской буржуазии зависел от успехов внешней политики царизма, свидетельствуют размеры соответствующих денежных пожертвований. Эта сторона вопроса, в частности, тщательно проанализирована С. А. Никитиным⁶¹.

В славянофильских изданиях все активнее принимают участие ученые-слависты: И. В. Беляев, П. А. Бессонов, А. Ф. Гильфердинг, М. О. Коялович, В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер и др. Славянское обозрение в газете «День» вел болгарин Р. Жинзифов. Но правительство все время одергивало забежавшего вперед Аксакова, если его позиция не совпадала с намерениями министерства иностранных дел, приостанавливая, а иногда и совсем закрывая его издания.

В 1867 г. царское правительство разрешает провести этнографическую выставку, на которую были приглашены представители всех зарубежных славян, кроме поляков. Деятельность Московского славянского комитета, развернувшего большую организационную работу, в которой главную роль играли славянофилы, поощрялась и контролировалась правительством⁶². Большинство приглашений было послано через М. Ф. Раевского. В составе делегаций по преимуществу были буржуазно-либеральные деятели, близкие к официальным кругам своих стран. Выставка официально была делом общественной инициативы, но прием гостей

А. М. Горчаковым и даже Александром II указывал на то, что эти меры имеют не только общественное значение. Предполагалось, во-первых, кулуарно прозондировать настроения зарубежных славян и провести некоторые консультации о состоянии дел в их землях и, во-вторых, устроить нечто вроде антиавстрийской демонстрации единения славян вокруг России.

Славянофилы были в гуще событий, хотя издание их газеты «Москва» именно в это время было приостановлено. Но еще до съезда, в который превратилась этнографическая выставка, «Москва» заверила славян в отсутствии панславистских планов, написав: «Опасения всемирно-славянской монархии лишены всякого основания»⁶³. В мероприятиях, связанных со съездом, единодушно приняли участие все славянофилы. В банкетных речах сами собой всплыли вопросы о славянском единстве, роли России в освобождении славян и общеславянском языке, которым предполагалось сделать русский язык. С этой идеей выступили М. П. Погодин, В. И. Ламанский и настроенная ими императрица. Мысль о введении общеславянского языка не нашла приверженцев среди зарубежных славян. Туманная постановка всех вопросов несколько разочаровала гостей, которые думали о своем конкретном положении и ждали конкретной помощи.

Во второй половине 70-х годов славянофилы, продолжая играть главенствующую роль в славянских комитетах, оказались участниками грандиозного общественного движения в пользу славян в связи с наступлением балканского кризиса⁶⁴. Правда, в эти годы активно действовали лишь отдельные представители славянофильского направления, так как славянофильство как одно из направлений русской общественной мысли к этому времени по существу завершило свою деятельность.

Восстание в Боснии и Герцеговине привлекло внимание всех европейских держав. Россия, не завершив военную реформу, не могла вступить в борьбу. Горчаков пытался ликвидировать кризис дипломатическим путем, выступая с программой автономии для восставших областей. В этой обстановке инициатива славянских комитетов по сбору средств для помощи восставшим расценивалась как «весьма неуместная агитация». Только в середине 1876 г. Александр II официально разрешил сбор средств по всей империи. По мнению Аксакова, «теперь всего нужнее было возбуждать общественное мнение». Пожертвования, вначале поступавшие туго, стали приобретать все большие размеры, по мере того как обострялся конфликт на Балканах и в него втянулись Сербия, Черногория и Болгария. Сначала посылали продукты и медикаменты, затем славянские комитеты стали вербовочными пунктами добровольцев. Они снабжали их всем необходимым и отправляли на Балканы. Владельцы железных дорог организовали бесплатные перевозки. Больше всех жертвовал народ. «Две трети пожертвова-

ний внес... бедный обремененный нуждою народ», — писал Аксаков⁶⁵. Кушцы, поначалу не уверенные в необходимости больших взносов, постепенно поняли, что могут представлять для свободной торговли Балканы, Черное море, проливы. Для снаряжения болгарских дружин, сражавшихся под командованием генерала Н. Г. Столетова, при Московском славянском комитете была создана Болгарская комиссия в составе И. С. Аксакова и известных представителей московской буржуазии — С. М. Третьякова, Т. С. Морозова, Н. А. Найденова.

Правительство помогало славянским комитетам, но само оставалось в стороне. Могло сложиться мнение, что славяне сами освободятся при помощи русской общественности без участия правительства России. Эта мысль вызвала решительный протест у Аксакова. «Наша задача освободить их и предоставить им возможность жить и развиваться, наша обязанность укрощать их племенные эгоизмы, вредящие общей идее славянства», — говорил он⁶⁶. Вполне убедительно звучит вывод С. А. Никитина, что «Аксаков и Славянские комитеты, посылая добровольцев в Сербию, боролись не столько с турками, сколько с русским правительством, с горчаковской дипломатией, тяготевшей к Союзу трех императоров, с Милютиным, которого панслависты обвиняли в боязни войны. Они хотели этим самым вынудить правительство к объявлению войны»⁶⁷.

Наконец война была объявлена, результаты Сан-Стефанского договора 1878 г. увенчивали все теоретические и практические чаяния славянофилов: Россия объективно оказалась освободительницей балканских народов. Сербия, Черногория, Румыния стали независимыми, родилась самостоятельная автономная Болгария, с обширной территорией. Сама Россия приобретала политическое и экономическое влияние на Ближнем Востоке. Поэтому понятна ярость, с какой обрушился И. Аксаков на царскую дипломатию за ее позицию на Берлинском конгрессе. Лишенная какой бы то ни было поддержки, под угрозой силы со стороны Англии и Австро-Венгрии, при враждебном нейтралитете Германии, она вынуждена была отказаться от ряда пунктов Сан-Стефанского договора, что позволило европейским державам на многие годы сделать Балканы «пороховым погребом». В этом возмущении Аксакова поддержал единственный, оставшийся в живых славянофил — Кошелев⁶⁸, который, взявшись напечатать его речь за границей, горевал по поводу ссылки Аксакова во Владимирскую губернию и закрытия славянских комитетов⁶⁹, ставших более ненужными.

*

Вопрос об отношении к зарубежным славянам не был главным в теории и практике славянофилов, но он был одним из важнейших аспектов их деятельности на протяжении всего существова-

ния этого направления. Философской основой идеи славянского единства служило учение о мессианской роли славянского племени и вечной истине православия, противопоставление Востока и Запада. Неослабевающий интерес к славянским делам порождался как внешними, так и внутренними факторами развития России XIX в., схожестью общественных процессов в жизни русского народа и зарубежных славян.

Огромную роль в этом играло то обстоятельство, что Россия в рассматриваемый период объективно была единственной могущественной державой, которая могла помочь освобождению славян. Такая ситуация сочеталась с заинтересованностью правящих кругов России в ведении активной внешней политики на Ближнем Востоке, в ходе осуществления которой мог решаться и славянский вопрос. Славянофилы, знакомясь с настроениями и чаяниями зарубежных славян, непосредственно убеждались, что в них живет надежда на освобождение от турецкого и австрийского гнета при помощи России. Разумеется, эти настроения не были неизменными — наблюдались приливы и отливы, зависевшие от многих причин как внутреннего порядка, так и международной обстановки. Они не были одинаковы у южных и западных славян, так же как не было одинаковым отношение славянофилов к разным группам славянских племен.

В отношении к зарубежным славянам эволюция славянофилов прошла от романтического интереса к их прошлому до проникновения в современные политические проблемы. Это прослеживается по славянофильским изданиям, которые начинались в 40-х годах с малооперативных неперIODических сборников. В 50-х годах появился периодический толстый журнал, который, однако, также не отвечал задачам оперативности. Только в 60-х годах славянофильская периодика появляется в виде газет. Перечисленные издания позволяют составить представление о социальной опоре славянофилов. За рубежом это были либерально-буржуазные деятели, православное духовенство славянских земель. В России — некоторые круги дворянства, духовенство, купечество, роль которого в поддержке славянофильских начинаний стала заметна в 50-х годах и еще более возросла в 60-х. Славянофильские издания сыграли большую роль в организации общественного мнения в России в пользу освобождения славян, но вопреки надеждам они не стали центром объединения зарубежных славян.

Значительны роль и влияние славянофильства на становление и развитие русского славяноведения. На протяжении 50 лет можно проследить непосредственные личные контакты наиболее известных ученых-славистов первого и второго поколений с кружком славянофилов.

Многие из них были постоянными корреспондентами всех славянофильских изданий, и это не могло пройти бесследно при

формировании их научных концепций. Известно, что правительство, создавая в России первые славянские кафедры, предписывало вести преподавание «без воображаемого славянства», «без всякой примеси идей политических». В этом смысле интересно письмо И. Аксакова В. Ламанскому, в котором он призывает к совсем иному: «Должно сказать правду, что большая часть наших ученых — знатоков славянщины погружена в интерес чисто археологический, сам для себя существующий. Их любовь к науке достойна всякого уважения, но наука у них отвлечена от жизни. От этого славянский вопрос так мало популярен, так мало возбуждает сочувствия, так пугает молодых деятелей. Вам суждено придать ему общественное значение, сделать его вопросом жизненным»⁷⁰. Эти призывы для многих славистов не остались без последствий.

Что касается самих славянофилов, то их эволюция в области славянского вопроса находилась в непосредственной связи с общей эволюцией российского либерализма. Находясь многие годы в оппозиции к правительству, они тем не менее всегда были убеждены в истинности реформистского пути. Этому были посвящены их литературные труды и подчинены практические действия. Эти же взгляды распространялись ими и на вопросы развития славян. Православие при этом играло роль щита и оружия.

По мере развития в России революционного движения оппозиция славянофилов постепенно увядает. Либералы идут на сделку с властью, лишь бы оказаться под ее защитой. Они помогают правительству справиться с революционной ситуацией 1859—1861 гг., лично способствуют «замирению» Польши, в решении славянского вопроса тоже в основном делают то, что совпадает с намерениями правительства, временами торопя и подталкивая события. Субъективно они еще числят себя в оппозиции, но объективно, как и преемники западников, в наиболее ответственные моменты не отказывают правительству в своей поддержке, тем самым исчерпывая себя как самостоятельное направление русской общественной мысли.

¹ Хомяков А. С. Соч., т. III. М., 1900, с. 400.

² См.: Исламов Т. М. Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII—первой половины XIX в. — В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 25.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.

⁴ Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство. — «Историк-

марксист», 1941, № 1, с. 97; *он же*. Славянофилы. — БСЭ, т. 39, с. 303; *он же*. Славянофилы. — СИЭ, т. 13, с. 32; Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI—XIX вв. Л., 1970, с. 266; Дудзинская Е. А. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. — «Вопросы истории», 1972, № 1, с. 64; *она же*. Идеино-теоретические позиции славянофилов накануне

- крестьянской реформы. — «История СССР», 1972, № 5, с. 139; и др.
- 5 Хомяков А. С. Соч., т. V. М., 1900; т. VI. М., 1904; т. VII. М., 1906.
 - 6 Хомяков А. С. Соч., т. III, с. 163.
 - 7 Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М., 1845, с. 3, 5.
 - 8 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 9.
 - 9 Хомяков А. С. Соч., т. I. М., 1900, с. 97.
 - 10 Сборник исторических и статистических сведений о России..., с. 15.
 - 11 См.: Лаптева Л. П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе. — В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 302.
 - 12 «Отечественные записки», 1840, т. 8, № 2, с. 78.
 - 13 Московский литературный и ученый сборник. М., 1846; Московский литературный и ученый сборник. М., 1847; Московский сборник. М., 1852.
 - 14 Славянофил Ф. В. Чижов в 1847 г. был арестован русскими властями на границе по представлению австрийских чиновников в связи с тем, что, путешествуя по славянским землям Австрии и не ограничиваясь наблюдением нравов и доставкой церковной утвари в заброшенную православную церковь, помог черногорцам выгрузить оружие на Далматинском берегу.
 - 15 Эти слова были написаны Николаем I на полях допроса И. С. Аксакова в III отделении в марте 1849 (см.: И. С. Аксаков в его письмах, ч. I, т. II. М., 1888, с. 124).
 - 16 См.: Михайлов А. А. Революция 1848 года и славянофильство. — «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 73. Серия исторических наук, вып. 8, с. 48—74. Автор не касается славянского вопроса.
 - 17 См.: Кольека И. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, с. 36—73.
 - 18 И. С. Аксаков в его письмах, ч. I, т. II, с. 123.
 - 19 И. С. Аксаков в его письмах, ч. I, т. II, с. 123, 151.
 - 20 Там же, с. 156.
 - 21 Там же.
 - 22 Там же.
 - 23 Там же, с. 157.
 - 24 «Русская беседа», 1856, т. 1. Смесь, с. 26.
 - 25 Колюпанов Н. П. Биография Копшелева, т. II. М., 1892. Приложение 13, с. 151.
 - 26 Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910, с. 360.
 - 27 И. С. Аксаков в его письмах, ч. II, т. IV. СПб., 1896; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40—80-е годы XIX в. М., 1975.
 - 28 И. С. Аксаков в его письмах, ч. II, т. IV, с. 2.
 - 29 Там же, с. 16.
 - 30 В 1849 г. он был арестован по указанию Николая I, который счел себя лично оскорбленным тем, что Самарин в рукописи «Рижские письма» с возмущением писал о засилье остзейских немцев в Прибалтике.
 - 31 Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского, т. I, кн. I. М., 1901, с. 86.
 - 32 «Русская беседа», 1858, т. IV. Обзорения, с. 92.
 - 33 «Русская мысль», 1916, № 9, с. 11.
 - 34 «Русская беседа», 1859, т. IV. Об издании в 1859 г. газеты «Парус».
 - 35 Там же, т. I. Смесь, с. 61.
 - 36 Знаменательно, однако, что славянофилы поддерживали не олигархический режим кн. Александра Карагеоргиевича, а решения Свято-Андреевской скупщины 1858 г., свергнувшей его и расчистившей путь для формирования национальной сербской буржуазии, введения активной антитурецкой и антиавстрийской политики, за объединение всех югославянских земель под властью Сербии.
 - 37 Хомяков А. С. Соч., т. I, с. 386.
 - 38 См.: Гольберг М. Я. К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам». — В кн.: Вопросы первоначального

- накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 197—209.
- ³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1951, с. 125—130.
- ⁴⁰ «Русская беседа», 1859, т. III. Обзорения, с. 67—100.
- ⁴¹ И. С. Аксаков в его письмах, ч. II, т. IV, с. 51—52.
- ⁴² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 839.
- ⁴³ Там же, с. 848.
- ⁴⁴ См.: Сладкевич Н. Г. К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой. — «Вопросы истории», 1948, № 6, с. 71—79; Дьяков В. А. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
- ⁴⁵ Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974; там же о М. Ракиче и П. Кариче.
- ⁴⁶ «День», 1862, № 38.
- ⁴⁷ «День», 1863, № 24.
- ⁴⁸ Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1888, с. 231—232.
- ⁴⁹ Кошелев А. И. Записки, с. 143.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.
- ⁵¹ Кошелев А. И. Записки, с. 162.
- ⁵² Аксаков И. С. Соч., т. III. М., 1886, с. 16—22.
- ⁵³ ИРЛИ, ф. Аксаковых, оп. 2, д. 30, письмо от 22.V 1862 г. Д. Оболенскому.
- ⁵⁴ Аксаков И. С. Соч., т. VII. СПб., 1887, с. 11.
- ⁵⁵ Лемке М. Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904, с. 307.
- ⁵⁶ ГБЛ, ф. Самариных, 140, ед. хр. 1, письмо И. Аксакову от 10.VI 1864 г.
- ⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 32.
- ⁵⁸ И. С. Аксаков в его письмах, ч. II, т. IV, с. 47.
- ⁵⁹ Там же, с. 91.
- ⁶⁰ Там же, с. 90.
- ⁶¹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960.
- ⁶² Никитин С. А. Славянские комитеты. . ., с. 156—260.
- ⁶³ «Москва», 1867, 22 мая.
- ⁶⁴ Нарочницкий А. Л. Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы. — «Вопросы истории», 1976, № 11, с. 32—52.
- ⁶⁵ Аксаков И. С. Соч., т. I. М., 1886, с. 228.
- ⁶⁶ Аксаков И. С. Соч., т. I, с. 230.
- ⁶⁷ Никитин С. А. Славянские комитеты. . ., с. 327.
- ⁶⁸ Имеются в виду первые, выступившие до 1861 г. славянофилы. В 1876 г. умер Ф. В. Чижов, в 1877 г. — Ю. Ф. Самарин, в 1878 г. — кн. В. А. Черкасский. Последний принимал непосредственное участие в событиях, связанных с освобождением балканских народов. Он возглавил гражданское управление Болгарии на территории освобожденной русскими войсками. Умер в Сан-Стефано, в день подписания Сан-Стефанского договора.
- ⁶⁹ Кошелев А. И. Записки, с. 234.
- ⁷⁰ «Русская мысль», 1916, № 9, с. 28.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР НА СЪЕЗДАХ СЛАВИСТОВ

С. Вольман

На VII Международном съезде славистов в Варшаве в 1973 г. Д. Ф. Марков высказал мнение, что славистические конгрессы все более становятся важнейшим международным форумом, где обсуждаются теоретические вопросы сравнительного изучения литературы¹. При этом он имел в виду прежде всего послевоенные конгрессы в Москве (1958 г.), Софии (1963 г.) и Праге (1968 г.) и оценивал их значение в сопоставлении с конгрессами Международной ассоциации по сравнительному изучению литератур, проходившими в это же время. Он имел в виду также открывшийся тогда варшавский конгресс, вклад которого в сравнительную методологию уже можно было оценить по предварительно опубликованным тезисам докладов, и, кроме того, традицию предвоенных славистических конгрессов, на которую в послевоенное время неоднократно ссылались как их современники, так и ученые младшего поколения.

Славистические конгрессы в качестве крупных международных встреч исследователей, представляющих одну и ту же научную дисциплину, наглядно отражают состояние этой дисциплины, ее практическое, а следовательно, и теоретико-методологическое развитие в период от одного съезда к другому. Тем самым они фиксируют определенные этапы, которые историк дисциплины — в данном случае историк славистики — должен принимать во внимание как определенные ориентиры. Однако было бы близко руко видеть значение славистических конгрессов лишь в этом всеобщем смотре работ, который и при наибольшем старании организаторов не обходится иногда без случайностей как в участии отдельных специалистов, так и в выборе тем, в содержании дискуссий, не обходится без перегруженности и излишней пестроты, что вызывает затем справедливые критические замечания. Однако организаторы славистических конгрессов стараются преодолеть эти трудности и недостатки. Они не подготавливаются по принципу «laissez passer», как многие другие конгрессы. Особенно это относится к послевоенным славистическим съездам: каждый из них имел тематически продуманную концепцию, которая в известной мере направляла и стимулировала и всю работу в области славистики в следующем пятилетии. Предвоенные съезды тоже не лишены были предварительно определяемой направленности, однако их подготовка не имела еще той широкой представительной базы, которую с 1955 г. обрел Международный комитет славистов.

Если для славистических конгрессов характерно стремление к концепционности и концентрации внимания на основных актуальных проблемах, то это тем самым означает ориентацию на теоретические и методологические вопросы, которые в те или иные периоды выдвигались и по которым необходимо было занять определенную позицию. Славистика является комплексом специализированных дисциплин в рамках более широкого, более общего круга филологических и исторических наук. Славистика разрабатывает материал, который относится к группе народов. Из этого следует, что в теоретическом и методологическом отношении на передний план неизбежно выдвигаются вопросы сравнительного изучения этого материала, будь то язык, словесность, другие области культуры или история. В литературоведении на передний план выступают методологические вопросы сравнительного изучения словесного творчества.

Ретроспективный анализ методологических дискуссий на семи славистических конгрессах может, следовательно, способствовать осмыслению развития сравнительного метода в литературоведении. Совершенно очевидно, что конгрессы славистов составляют только часть процесса развития научного мышления. Тем не менее их содержание выходит далеко за рамки славистики, так как проблемы сравнительного изучения славянских литератур нельзя отделить от проблем сравнительного исследования литературы вообще. С другой стороны, съезды не исчерпывают и специальную, внутреннюю проблематику славянского литературоведения, которая, естественно, поднималась не только на славистических конгрессах, происходящих раз в пять лет.

Научная печать посвятила предвоенным конгрессам не так много информационных сообщений, и они носили преимущественно общий характер. Конгрессы эти были еще легко обозримы — по числу участников и рефератов, тезисов и данных предсъездовых анкет, которые совокупно публиковались в странах — организаторах конгрессов. Каждый мог легко сделать свои выводы из этих сравнительно небольших публикаций, и, конечно, никто не думал о том, что эти документы станут когда-нибудь библиографической редкостью. Библиография II съезда славистов (Варшава, 1934 г.), которую недавно издала пражская Славянская библиотека², содержит всего 346 позиций; из них едва ли десятая часть прямо или косвенно касается методологии сравнительного литературоведения. В послевоенные годы количество публикаций исчисляется уже сотнями единиц, количество рефератов — тысячами.

Одновременно с этим растет потребность в описаниях и критических обзорах заседаний съездов, которые в большем или меньшем объеме появляются во многих научных журналах и которые нередко являются продолжением съездовских дискуссий. Если

я укажу здесь на журнал «Славия» как на главный источник аналитической информации³, то пусть это не будет воспринято как нескромность члена редакции и одного из авторов: «Славия» лишь выполняет обязанность старейшего международного журнала по славянской филологии. Только в одном этом журнале аналитические статьи, посвященные четырем послевоенным съездам и касающиеся вопросов сравнительного изучения литератур, составляют по объему уже целую книгу. В настоящей статье по-сильно будет наметить лишь главные позиции, опустив по необходимости некоторые имена и точки зрения, способствовавшие эффективному развитию методологии.

I съезд славянских филологов в Праге в 1929 г.⁴ был назван филологическим съездом уже в духе современного понимания филологии как науки о языке и словесности. Старое понимание предмета славянской филологии, выдвинутое Миклошичем — Ягичем, включавшее в нее так или иначе древнюю историю и историческую этнографию, ориентированное научный интерес преимущественно или даже исключительно к отдаленным, древним эпохам, было преодолено развитием науки и ее специализацией. Оно было, с одной стороны, слишком широким, с другой — не соприкасалось в достаточной мере с современностью. Новое понимание славянской филологии выросло из потребности более рационального разделения труда и из стремления к более точному определению предмета и целей исследования, к большей чистоте и дифференциации методов.

Стремление сделать славянскую филологию самостоятельной и точнее конституировать ее имело две стороны, тесно связанные между собой. С одной стороны, речь шла о вычленении филологии в собственном смысле слова из слишком широкого, отличавшегося пестротой методов и целей традиционного славяноведения. После первой мировой войны это было необходимо сделать точно так же, как после второй мировой войны стали необходимы поиски комплексности и новых общих рабочих платформ филологических и исторических разделов современной славистики, которые между тем определились и укрепились в методологическом отношении. С другой стороны, речь шла о включении обоих главных компонентов славянской филологии в рабочий контекст языковедения и литературоведения, об общих и специальных методах, предмете и целях исследования в рамках этих двух наук.

Это стремление и обе его стороны нашли прямое отражение в главных тезисах съезда. Основной сравнительный аспект был необходимой предпосылкой и главным инструментом его работы. Он вытекал из развития филологической науки и был методологической основой ее славянского, равно как и германского, романского или какого-либо другого из ее ответвлений. Он вытекал

также из того, что инициаторами и главными организаторами съезда были прямые и косвенные ученики А. Н. Веселовского: особенно М. Мурко, Я. Махал и И. Поливка, которые его сравнительный метод исследования привили своим ученикам и ближайшим коллегам по съезду и явно способствовали тому, чтобы именно секция литературоведения стала первой (а не второй) секцией конгресса, как это было на последующих съездах. Это имело и свое серьезное методологическое обоснование. В самом деле, славянская филология как комплекс исследований о языках и словесном творчестве славян не должна была опираться только на родство языков, которое в достаточной мере обосновывает существование славянского языкознания, но должна была определить свое твердое основание и в литературоведении, опираясь на материал развития славянских литератур.

Указанные предпосылки позволили на I съезде сформулировать концепцию сравнительного исследования славянских литератур как составной части мировой литературы. «Сравнительная история славянских литератур является составной частью сравнительной истории литературы вообще (*littérature comparée*), но имеет важные специальные задачи. Поэтому необходимо, чтобы эта отрасль стала самостоятельной». Так звучало введение Иржи Горака к тезису № 5. С аналогичных позиций начал и Франк Вольман: «Предмет и определение его границ. Сравнительное изучение славянских литератур и фольклора выделилось как органически связанное целое из общего сравнительного изучения литератур. Именно исследование народных традиций сняло границы между произведениями так называемыми «специально созданными», книжными, и произведениями народными, устными, между литературами в узком смысле слова, т. е. книжной словесностью, и неписьменными традициями, т. е. устной словесностью, и выявило неразрывную флуктуацию сюжетов, мотивов, характерологических элементов и элементов формы, аффабуляцию в вертикальном и горизонтальном направлениях. Так была выявлена как некое целое словесность славян, т. е. группа словесных произведений книжных и устных, отмеченных большей или меньшей долей эстетической суггестивности, произведений, которые мы должны связывать с представлением об индивидуальном или коллективном словесном творчестве». Равным образом и Ян Махал считал «славянское литературное творчество частью европейского словесного творчества», а вопрос о «национальной славянской поэзии» ставил в плоскости периодизации развития славянских литератур.

Целостное понимание устной и книжной словесности было одним из опорных пунктов сравнительной концепции славянских литератур. «Изучение устного народного творчества неразрывно связано со сравнительным изучением истории славянских

литератур. Результатом исследования выдающихся представителей этой дисциплины в последние десятилетия является выработка принципа, сегодня общепризнанного, что нет генетического различия между литературой и народным творчеством, что народное творчество тесно связано с развитием литературы так, как одежда и другие проявления художественной народной культуры неразрывно связаны с развитием мирового изобразительного искусства» (Горак). Это был общий методологический принцип, в котором уже тогда присутствовал элемент превентивной защиты против того подхода к явлениям культуры, который начал проявляться у Брюкнера и других исследователей; устное народное творчество опровергает предположение о мнимой культурной границе между Западом и Востоком.

Подчеркивание целостности устного и книжного творчества было необходимо не только для того, чтобы уловить циркуляцию и обмен ценностями между этими сферами, но и для объяснения самостоятельно возникших аналогичных явлений в этих областях культуры, а следовательно, и для целостного понимания развития каждой области. Появлялась возможность выявить зависимость и последовательность там, где литература в узком смысле слова обнаруживала либо межнациональную дивергенцию, либо даже прерывность в развитии словесности одной народности или нации.

В этой связи, естественно, была важна теоретическая проблематика мотива как основной единицы сюжетологии, т. е. той проблемы, которая прямо связывала пражских исследователей-компаративистов с А. Н. Веселовским и его школой. А. М. Смирнов-Кутачевский из Москвы (мы не знаем точно, участвовал ли он в работе съезда, но тезисы его были опубликованы) коротко обрисовал развитие взглядов на мотив от Веселовского до Проппа и Волкова под названием «От „мотива“ к „социологии“» и считал необходимым от абстрактного понимания термина как картографической-инвентарной единицы снова обратиться к Веселовскому, который различал в «мотиве» реальную основу и социальную функцию, видел его «служебную роль в разных видах творческого общения людей».

Необходимость учета социологического принципа в сравнительном исследовании подчеркнули также все упомянутые чешские авторы, начиная с Я. Махала, который в сообщении «Проблемы периодизации славянских литератур» высказал мнение, что социологический принцип здесь тесно смыкается с культурно-историческим принципом, под которым Махал подразумевал классификацию славянского творчества в соответствии с главными идейными направлениями и культурно-художественными эпохами в Европе. «Считая славянское литературное творчество частью европейского творчества», он имел в виду «начало христи-

анской образованности, средневековую романтику, Ренессанс, реформацию и контрреформацию, просвещение, романтизм, реализм, модернизм и т. д.» Эта схема была большей частью заимствована извне и Махал еще до съезда, готовя свой синтетический труд, уже должен был сознавать трудности, возникающие при ее переносе на славянскую литературу. Он стремился их преодолеть именно с помощью «социологического принципа, классифицирующего литературное творчество на основе социальных перемен, которые вносят новые идеи в литературу». На съезде он повторил эту схему именно для того, чтобы подчеркнуть европейские взаимосвязи славянских литератур. Мы напоминаем здесь о ней потому, что в измененном виде она вновь повторяется, например, в синтетическом труде Д. Чижевского, в заметках Д. С. Лихачева о Ренессансе и барокко в России, в многочисленных работах о просвещении и классицизме. В современной компаративистике постоянно встает вопрос о том, как скоординировать понятия, возникшие в ходе развития одного региона, при трактовке процессов в других регионах, как их прилагать и генерализировать применительно к мировой литературе. Коллективный труд «История всемирной литературы», подготавливаемый в Москве, сталкивается с этим вопросом на каждом шагу, на азиатском материале с ним еще ранее столкнулся инициатор этого труда Н. И. Конрад, на славянском материале в принципиальной постановке этот вопрос был поднят последний раз в дискуссии о романтизме на VII съезде славистов.

На I съезде дело, конечно, еще не могло дойти до таких теоретических и практических результатов. Дифференциации критериев должно было предшествовать определение «Проблем сравнительного изучения славянских литератур и славянского устного народного творчества, его целей и методов» — так был сформулирован вопрос, который включили в свои тезисы И. Горак, Ф. Вольман, А. Н. Вознесенский. Два только что завершенных тогда синтетических труда по истории славянских литератур не препятствовали тому, чтобы эти основные вопросы сравнительного славянского литературоведения были поставлены заново — в теоретической плоскости, собственно говоря, впервые. Наоборот, эти труды послужили дополнительным импульсом для этого. Один из авторов скромно назвал свою работу «Обзором славянских литератур» (Махал), другой характеризовал свой труд как «попытку синоптико-идеографического ансамбля славянского словесного творчества до войны» (Ф. Вольман). Несмотря на то что в области сравнительного изучения словесности славян двумя или тремя поколениями ученых за пятьдесят лет начиная приблизительно с последней трети XIX в. было уже много сделано, эти авторы вместе с остальными участниками съезда пришли к выводу, который был сформулирован Гораком: «Необходимо при-

знать, что систематическое изучение сравнительной истории славянских литератур находится в самом зачатке, хотя у нас есть целый ряд выдающихся монографических трудов. При нынешнем состоянии исследования каждая попытка создания синтетической работы действительно сравнительного характера сталкивается с большими трудностями... Только на твердых основах аналитического исследования возможно будет строить синтез...»

Под аналитическим и монографическим исследованием здесь подразумевались и те «специальные задачи», которые наряду с целостным пониманием словесности стали вторым опорным пунктом сравнительной концепции славянского литературоведения — изучение межславянских литературных связей и соответствующая оценка неславянских влияний. «Если работы этого типа будут проводиться в большем масштабе, то это покажет, что взаимное влияние славянских литератур было во многом глубже и многообразнее, чем это обычно представляется. Известно, что западноевропейское влияние проникало к славянам часто через посредство славян же в форме, измененной славянской обработкой» (Горак).

Понимание сравнительного изучения славянских литератур как составной части сравнительной истории литературы вообще, упор на связь этой частной задачи с общей задачей сравнительного исследования литературы отразились и на собственно методологических вопросах. «Методы исследования в целом те же, как и в других областях сравнительного историко-литературного изучения» (Горак). «Сравнительная словесность славян, выделяя свой собственный предмет из сравнительного изучения мировой литературы, переняла, разумеется, и основные сравнительные методы, которые, конечно, должны еще быть приспособлены и вместе с дальнейшим развитием научной методологии избавлены от всех ненаучных пережитков» (Ф. Вольман).

Применимость основных сравнительных методов исследования в славистике была очевидна. Она вытекала из указанной концепции и из сознания того факта, что понятие «сравнительный метод» было сформулировано славистом А. Н. Веселовским. Но на пражском съезде 1929 г. вопрос о методах по необходимости стал шире.

Съезд происходил в то время, когда методы всего литературоведения стремительно менялись. Неэффективность старых методов и попытки их контаминации, смена поколений ученых, влияние других гуманитарных наук были отражением кардинального изменения социальной обстановки. Приглашение на съезд и участие в нем советской делегации (что было, насколько нам известно, первым таким выступлением советских ученых на международном форуме) свидетельствовали о большом интересе тог-

дашней славистики к разработке теоретических вопросов в Советской России.

Для постановки новых задач необходимо было преодолеть неорганический и порой эклектический конгломерат филологизма, биографизма, психологизма, социологизма и других подходов старого и нового типа, чтобы попытаться создать базовую методологическую концепцию литературоведения, в которой бы и сравнительное исследование заняло свое надлежащее место. Учитывалась уже и критика так называемой академической науки, проводимая с позиций формального метода и с позиций структурной лингвистики. В связи с этим на съезде получили распространение представления о системном характере языка, о функциональном понимании языка, поэтики и стилистики, что особенно отразилось в тезисах Пражского лингвистического кружка. Лингвистическая точка зрения, особенно применение дихотомии «язык—речь», и вследствие этого понимание поэтики как анализа двух составных частей — «материала, т. е. элементов языковых и внеязыковых, которые в творчество поступают извне, и формы, т. е. способа, с помощью которого исходный материал преобразуется для приобретения эстетической действительности, следовательно, формы как суммы художественных приемов» могло, конечно, привести к такому взгляду, что «с традиционно понимаемой историей литературы поэтика имеет общим только материал, с которым она оперирует (литературные художественные произведения). Гораздо более тесно поэтика связана с лингвистикой, так как поэтика и лингвистика являются типичными ответвлениями семиологии, как ее понимает Соссюр» (Ян Мукаровский, тезис № 8. Поэтика и стилистика и их отношение к истории литературы).

Таким образом, поэтико-стилистический анализ произведений понимался статически, историческая поэтика как связующий элемент теории и истории литературы не принималась во внимание, а это мешало развитию в направлении комплексного понимания литературоведения, столь необходимого для сравнительно-исторических исследований. Указанное препятствие стремился преодолеть А. Н. Вознесенский из Минска, выдвинув принцип: «Изучение художественного материала в его статическом положении» и «изучение динамического состояния литературы в известной исторической последовательности» являются двумя взаимосвязанными сторонами литературоведения. «Литературный факт подлжит двоякому изучению, имманентному и историческому, причем оба момента совершенно равноправны, но в то же время и тесно связаны друг с другом. Первый оказывается научным объектом второго. Методика изучения истории литературы («историка») строится на ее поэтике; иначе говоря, историческое изучение, в сферу которого входит и сравнительное, базируется на

исследовании первого ряда — на результатах имманентного анализа литературы». Понятие имманентного исследования или имманентного анализа в данном случае имело совершенно иной смысл, нежели утверждение об имманентном развитии литературы. Оно означало здесь только задачу, постановка которой должна была предшествовать изучению истории литературы, исследованию литературы «в исторической преемственности — в связи с различными явлениями историко-культурной среды: социальными, политическими, умственными, литературными, с движениями в области изобразительных и тонических искусств и данными биографии художника». Вознесенский при этом указал на два характерные направления в соответствии с монистическим или плюралистическим мировоззрением исследователей, отдавая предпочтение «методу социологическому (марксистскому)». Но исследование воздействия действительности и реальных, жизненных «источников творчества» он считал в любом случае необходимым условием литературоведения, в частности литературоведения как науки сравнительной. Только «в пределах этих конечных выводов сравнительного изучения литературы найдут свое разрешение и те вопросы, которые являются необходимыми звеньями единой науки о литературе (поэтика и ее история у отдельных авторов, психология их творчества, творческая история текста их произведений, теория литературы и т. д.). Здесь же, в пределах сравнительных разысканий, получит свое освещение и вопрос о специфических особенностях литературы каждого отдельного народа».

Из целостного понимания литературоведения Вознесенский выводил и свой главный ответ на вопрос съезда: «Цели и методы сравнительного изучения славянских литератур». Он писал: «Методы их изучения те же, что и других литератур — романо-германских, англосаксонских и пр. Специфические особенности литератур славянских народов более конкретно могут быть определены в процессе сравнительного изучения не только их самих, но и литератур смежных и соприкасающихся».

Дистанцию между лингволитературным анализом отдельного произведения и социологическим толкованием истории литературы Вознесенский заполнил программно-классификационным перечнем задач широко понимаемой им поэтики и стилистики, которая должна была бы посредством исследования жанровых и стилевых формаций подготавливать материал для будущей сравнительной истории литературы. Сравнительное исследование жанров, раскрывающее генетические отношения, контакты и совпадения, уже в тогдашней славистике могло заявить о себе имеющимися работами и традициями, идущими опять-таки от А. Н. Веселовского. Перед съездом и на съезде уже получили хождение термины, которые эту область определяли более точно: морфология (Пропш) и эидография (Ф. Вольман). Этот важный путь к уясне-

нию международного характера литературного развития наряду с целостным пониманием словесности и изучением межславянских отношений стал третьим опорным пунктом сравнительной концепции славянских литератур.

II Международный съезд славистов (славянских филологов) в Варшаве в 1934 г. продолжал поиск путей и ориентации славистических исследований в постоянно усложнявшейся международной обстановке, которая уже начала затруднять нормальную работу гуманитарных наук. Отсутствие советских славистов, сепаратная словацкая делегация и некоторые другие признаки явились отражением тех перемен в исторической обстановке, которые не могли не повлиять на судьбы славистики.

Инициатива и руководство в Варшаве перешли целиком к лингвистам. В зарубежной части организационного комитета не было ни одного известного литературоведа. Чехословакию представляли в нем не организаторы пражского конгресса, а палеославист Фр. Пастрнек. Секция языкознания стала первой секцией съезда. Введена новая общественно-культурная секция, что давало основание для наименования его съездом славистов и указывало на возвращение к широкому пониманию славянской филологии, выдвинутому еще Ягичем, она занималась проблемами права, общественного устройства и культурной истории, а также этнографии, первобытной истории и антропологии. Особая секция по практическим вопросам применения славянской филологии в учебно-воспитательной работе, действовавшая на пражском съезде, была образована и в Варшаве, но в ней рассматривалась только методика обучения родному языку в начальных и средних школах (и то лишь в трех рефератах).

Перенос центра тяжести на лингвистику и лингвистов сопровождался неизбежно ослаблением внимания к некоторым проблемам, важным для сравнительного славянского литературоведения. Так тема «Задачи сравнительной славянской поэтики» (Р. Якобсон) появилась в секции языкознания, в то время как тема «Попытки создания схемы структурной истории чешской поэзии» (Я. Мукаржовский) — в секции литературоведения (оба реферата не были напечатаны в публикациях съезда). Реферат И. Горака «Славяно-германские связи в области народной песни», посвященный, к сожалению, одностороннему показу германского влияния, был включен в повестку для общественно-культурной секции. Здесь он вместе с двумя другими рефератами (по искусству и обрядности) образовал неоднородный по своему составу этнографический отдел.

Судя по оглавлению публикации съезда⁵, литературно-методологическая проблематика была представлена на нем весьма ограниченно. Реферат Р. Лалича «О новейших переводах со славянских языков на славянские же языки» впервые ввел данную

проблематику в круг методологических вопросов сравнительного славянского литературоведения, где впоследствии она стала играть все более возрастающую роль. Новым было и то, что молодой сербский исследователь коснулся в докладе новейшей практики переводов («Николай Шугай» Ольбрахта, современные переводы Пушкина, новые русские переводы сербских народных песен). А. Крониа в докладе «Nuovi orientamenti nella storia della poesia popolare slava» подчеркнул значение исследований М. Мурко о сербохорватском народном эпосе, но одновременно подверг корректировке тезис о том, что главный импульс к собиранию славянского фольклора и признанию его «принадлежности к великому миру» дал немецкий романтизм. Крониа констатировал, что эти импульсы необходимо искать в более глубоком прошлом, и указал на значение движения итальянского литературного Возрождения (rinnoamento letterario italiano) во второй половине XVIII в., и в частности на книгу Альберта Фортиса, которая на четыре года предвосхитила замысел Гердера. Таким образом, Крониа впервые поднял вопрос об изучении так называемого «гердеризма до Гердера», который позднее был повторно поднят и славянскими учеными. Крониа выступил против переоценки немецкого участия во включении славянского словесного творчества в европейский контекст, причем выступил как раз тогда, когда тезис о немецком культурном влиянии на славянскую часть Европы стал использоваться в политических целях.

М. Вайнгарт в своем докладе «Методологический характер чешского литературоведения» проинформировал в общих чертах об организации науки и персональном составе ученых, о результатах исследований, темах и проблемах прежде всего в области богемистики. Ближе к сравнительно-литературной методологии был доклад М. Вайнгарта в лингвистической секции — о чешском типе церковнославянского языка. В девятом пункте тезисов доклада говорится: «Серьезный вклад в методику исследований внесло младшее поколение чешских филологов и эстетиков: исследования формальные, или собственно структуральные (О. Фишер, О. Зих, Ян Мукаржовский, Р. Якобсон, В. Ират)». Здесь метко и кратко обозначены переходность методологического типа, разнообразие его исходных пунктов, а также и то, что в те времена речь шла об эстетическом структурализме, но еще не о структурализме литературоведческом.

На съезде снова стоял вопрос: «Литературоведение и эстетика». Доклад Ф. Вольмана под этим названием не был напечатан в публикациях съезда, но некоторые его мысли можно реконструировать на основании статьи, опубликованной вскоре после съезда. Главная мысль статьи состояла в том, что в советском литературоведении от первоначального сухого и ограниченного формализма, эпитафией которому была работа Энгельгарта 1927 г.,

наметился переход к диалектическому пониманию родов, жанров и стилей словесности, что это произошло под воздействием диалектического метода ленинизма и что «морфологическая систематика требует и полного использования сравнительного метода, а вместе с ним заявляет о себе и генетика». В этом пункте пути расходились. То, что Вольман называл тогда «старо-новым сравнительно-структуральным методом», начиная с исторической поэтики Веселовского⁶, является развитием структурно-системного сравнительного изучения литературы. Между тем методологическое направление, известное сегодня как пражская школа структурализма в литературоведении, смотрело на сравнительный метод с сомнением, которое мотивировалось грехами «охоты за влияниями» и удерживалось еще и на этапе послевоенного обновления сравнительных исследований. Пражские структуралисты считали поэтику составной частью эстетики, к которой история литературы относится как подчиненная историческая дисциплина. Они придерживались взгляда об имманентном развитии структуры национальной литературы и отрицали целостность общей литературы⁷.

Голое ретроспективное осуждение изложенных точек зрения было бы несправедливо, так как необходимо принимать во внимание общественно-исторические обстоятельства, которые влияли на развитие методологии. Под имманентным свойством национальной литературы понимали тогда также ее целостность и самостоятельность, ибо в то тяжелое время уже было невозможно продолжать открытую полемику с памфлетом «Deutsche und Tschechen» (Немцы и чехи. 1936), в котором Биттнер отрицал непрерывность традиции чешской культуры⁸. И здесь практическое использование методологических принципов имело свои парадоксы. Сама полемика велась именно с позиций компаративистики, и Биттнеру были доказаны переоценка им немецкого влияния, непонимание общего развития литературы и абсолютизация национальных литератур.

В соответствии с алфавитом именно К. Биттнер оказался во главе литературно-методологической части программы варшавского съезда. В своем докладе «Методологические аспекты сравнительного германо-славянского литературоведения» он пытался симулировать чисто научные мотивы своего несогласия с концепцией сравнительного понимания славянских литератур. При этом Биттнер с большой осторожностью излагал лишь небольшую часть своих воззрений. Но в полемике против языкового единства подчеркивание различий духовного и культурного развития было использовано им для обоснования утверждения, что в мировую литературу славянские литературы входят «не как органическое целое, но как замкнутые в себе, правоспособные и ограниченные единицы». Вопрос об одиночном или коллективном

«вступлении» в мировую литературу основывался на ошибочном теоретическом предположении, что «мировая литература складывается из национальных литератур» как мозаика из отдельных готовых камешков. Научная дискуссия могла выяснить истину. Но на атмосфере съезда уже чувствовалась каинова печать нацистской идеологии и подготавливаемой ею культурной практики. Если Биттнер при характеристике народов как «замкнутых в себе единиц» на первое место ставил понятие «Bluterbe» (кровное наследство), если он провозглашал высшей задачей сравнительного литературоведения конфронтацию и соотнесение национального своеобразия одного народа с другими, он пользовался характерной терминологией А. Розенберга и выступал в его духе. Такое высокомерное сравнение, которое подчеркивало, с одной стороны, германо-романскую высшую культуру, а с другой — зависимость культур отдельных славянских народов от немецкой культуры, Биттнер начал в Варшаве с того, что признал за славянскими литературами право на самостоятельное существование в сравнительном литературоведении, но только в XX столетии. Он настаивал на этом с публицистическим рвением доцента пражского немецкого университета до тех пор, пока не получил возможность практически реализовать свои взгляды в качестве советника рейхспротектора Чехии и Моравии при ликвидации чешских славистических учреждений⁹.

Выступление Биттнера в Варшаве было лишь прологом к его обширной статье того же названия, опубликованной через год¹⁰, и к полемике, которая стала составной частью последующей борьбы не только за сравнительную концепцию славянских литератур, но и за культурное значение и бытие славян, за правильное освещение их взаимоотношений с другими народами. Вся эта проблематика в целом и ход дискуссий накануне второй мировой войны выходят за рамки данной темы, хотя, конечно, они имеют прямое отношение к методологическим вопросам славистических съездов. Одновременно с Биттнером выступил и другой доцент пражского немецкого университета, историк Пфитцнер¹¹, позднее немецкий примагор Праги. Оба они включились в научные дискуссии, которые начал еще в 1926 г. Ледницкий, поставив вопрос, существует ли общее наследство и, следовательно, общая традиция как база славистических исследований¹². В этих дискуссиях приняли участие А. Мазон, К. Брюкнер, И. Горак, Ф. Вольман, Р. Якобсон, Ф. Травничек, Я. Бидло, Я. Славик, Ю. Голомбек, Г. Батовский, М. С. Грушевский, Н. С. Державин и многие другие, некоторые из них даже своими большими трудами. И если эти многолетние поиски научной истины еще недавно запоздалый последователь Ю. Голомбека — Е. Можейко — представлял только как спор чешских славистов с «их польскими и немецкими оппонентами (особенно Биттнером)»¹³, то он проявил

тем самым не только недостаточную грамотность в знакомстве с целой проблематикой и масштабом дискуссий, но и недостаток такта по отношению к памяти тех польских авторов, которые в них участвовали.

Биттнеру ответил Ф. Вольман в полемической работе «К вопросу о методологии сравнительной славянской словесности»¹⁴. Разоблачение сущности великогерманского национал-шовинизма, скрывающегося еще под маской научного скепсиса относительно возможностей сравнительного понимания славянских литератур, дало толчок к новому углублению критериев и достижений сравнительного славянского литературоведения, в особенности в тезисе о двух вариантах единого культурного наследия античности, в критическом анализе мнимой культурной границы между Западом и Востоком, в мотивации межславянских взаимосвязей народными движениями и общностью исторических судеб.

Частая постановка вопроса о предмете сравнительного славянского литературоведения, конечно, давно уже не означает, что этот участок литературоведения является спорным или неясным по своей сути. Конкретная литературоведческая работа в этой области успешно развивалась, о чем свидетельствуют и некоторые доклады варшавского съезда, посвященные межславянским и славяно-неславянским связям. Уточнение предмета здесь, так же как и в других научных дисциплинах, способствовало уяснению общих методологических принципов и теоретических критериев. Так, в работе Ф. Вольмана было выдвинуто новое понимание славянских литератур как определенной литературной системы, которая является частью огромной органической системы мировой словесности¹⁵. Это уже был шаг к системному пониманию межнациональных литературных группировок, которое более глубокими методами реализуется в современном сравнительном литературоведении. Поиски такого схематического комплекса имели целью на варшавском съезде и Ю. Гайденрайх (Доланский), который в своем методологическом докладе «К вопросу о периодизации в сравнительной истории славянских литератур» предложил составление «изографов» литературных схождений, особенно славянских. Его «изосема», конечно, слишком сильно была привязана к лингвистической теории знаков и в этом виде не могла быть практически реализована. Тем не менее требование классификации межнациональных, в первую очередь межславянских, типов и образов остается актуальным, о чем напомнили между прочим П. Н. Берков и Л. С. Кишкин на VI съезде славистов.

III Международный съезд славистов (славянских филологов) должен был состояться в Белграде 18—25 сентября 1939 г. Оккупация Чехословакии 15 марта и агрессия против Польши 1 сентября 1939 г. помешали этому. Однако большая и заслуживающая признания предварительная работа югославских слависти-

стов не пропала напрасно. Для истории славистики и дальнейшего развития исследований осталось по крайней мере пять томов публикаций, подготовленных к съезду, которые характеризуют состояние славистики в канун второй мировой войны¹⁶. На съезде предполагалось сохранить на общей секции совместное обсуждение проблем письменной и устной словесности, а также созданием новой, балканской, секции обратить внимание на особый круг проблем для сравнительного изучения. Как нечто новое была введена практика широкого опроса по анкете, который давал возможность выбрать наиболее важные темы для дискуссий на съезде и подготавливал их концентрацию, намеченную позже в программе съезда. После войны идею анкеты подхватили московский и софийский съезды.

Большое и специальное внимание было уделено методологии сравнительного изучения славянских литератур. Удачно была сформулирована тема общей дискуссии: «Исторические основы, принципы и методы сравнительной славянской литературы». И. Горак заявил свое участие в этой дискуссии, прислав тезисы, в которых охарактеризовал методологическое развитие начиная с Шафарика (к сожалению, мы не располагаем подробным текстом его анкеты), а Ф. Вольман — выдержкой из своей работы «К методологии». На вопрос, «дает ли сравнительное изучение славянских литератур кроме картины их взаимовлияния и какое-либо представление об их общих свойствах по отношению к другим литературам», Вольман ответил, процитировав из своей работы «Словесность славян» тезис о «более сложной сети межславянских влияний, особенно в области сюжетологии, а также типологии» на общей литературной карте Европы. Ю. Гайденрайх (Доланский) ответил на этот вопрос, приведя наглядные примеры и указал, в частности, на несколько компактных групп в рамках славянской общности. Он напомнил об общих чертах некоторых славянских и неславянских литератур, которые вместе составляют особые регионы, например: регион средневропейских литератур, балканских литератур, литератур Советского Союза. Мнение славистов из неславянских стран выразил А. Крония («Per le nuove storie delle letterature slave»). Он писал: «Новая история отдельных литератур облегчает реконструкцию комплексной истории всех славянских литератур, которая не должна исходить из предпосылок культурного единства, а может быть лишь главой „универсальной истории“ литератур; в этом случае полезно использовать синхронически-идеографический метод, дополненный эстетической оценкой, которая в отличие от более раннего периода особенно выделит современное оригинальное творчество». Эстетический подход, продуманный с точки зрения литературоведения, вел, однако, организаторов белградского конгресса к тому, чтобы формулировать такие конкретные вопросы, которые выхо-

дят за рамки чисто сравнительной идеографии и подводят к исследованию литературных жанров (например, славянского романа, драматургии) и направлений (например, романтизма) и, следовательно, к целостному пониманию литературных произведений и их взаимоотношений или сходства. Сформулированный как один из вопросов для дискуссии, вопрос о противоречии между национальными и чужеродными элементами как творческом факторе, напоминает, конечно, появившуюся позднее тему общего и особенного в литературном развитии, однако в то время это свидетельствовало еще о противоречии между сравнительным и несравнительным подходом к литературе. А. Л. Бем ответил на этот вопрос тезисом о национальной литературе как замкнутом ряде и утверждением, что литературное развитие осуществляется внутри этого национального ряда, в который явления внешние органически вплетаются лишь в исключительных случаях. И. Голенищев-Кутузов в противовес этому утверждению требовал уточнения термина национальный элемент и указал на разнообразие типов связей с другими литературами, какими являются имитация, адаптация, заимствование литературной формы, протест против иностранного влияния, конфронтация международной литературной традиции с живой местной (отечественной) действительностью, преобразование чужого в собственное и т. д.

В этой связи впервые самостоятельно и с позиций сравнительного анализа был поставлен вопрос о традициях — в тезисах доклада Карла Крейчи «Культурные и исторические традиции и их значение для сравнительной истории славянских литератур». Существенным моментом для данной темы является положение, что «традиция может иметь характер чисто национальный... или более широкий славянский, европейский, мировой», и далее, что «существует ряд традиций аналогичного содержания, представленных различными персонажами (традиция святых, королей, разбойников и др.)», что в литературоведении необходимо проследить также осознанное стремление к продолжению традиций и реакцию против традиций либо актуализацию традиционных мотивов. Осмысление этих принципов приведет к осознанию преимущественно международного функционирования культурных традиций, особенно в межнациональных литературно-культурных группировках. В этом смысле актуальность проблемы традиций проявилась спустя годы на конференции ЮНЕСКО «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций» (Москва, 1974 г.), а незадолго до того было подчеркнуто Д. Ф. Марковым и К. И. Ровдой на VII съезде славистов (Варшава, 1973 г.)¹⁷.

Логическим следствием победы над немецким фашизмом явилось то, что инициативу созыва первого послевоенного конгресса

славистов взяла на себя советская славистика. Подготовку к этому съезду начало ленинградское совещание представителей славистики славянских стран (1946 г.), на котором обсуждались новые возможности для создания старославянского и этимологического словарей, библиографии и решения других международных задач, выдвинутых на предшествующих конгрессах.

Съезд должен был состояться в Москве в 1948 г., однако его созыву помешали сложная международная обстановка, а также отрицание сравнительно-исторического метода изучения языков и литератур, который является основной предпосылкой также и для славянской филологии. В литературоведении к этому еще прибавился кризис компаративистики на Западе, который сделал предметом чрезмерной критики французскую школу, включая и ее наиболее прогрессивных в научном плане представителей.

За возобновление конгрессов высказалось в 1955 г. белградское международное совещание славистов. Инициатива созыва этого совещания принадлежала югославским славистам под руководством А. Белича, а предшествовали ему небольшие, но полезные совещания в Берлине (ГДР) и Риме в 1954 г. Около 700 страниц опубликованных материалов говорят о том, что совещание в Белграде явилось представительной генеральной репетицией, которую можно рассматривать почти наравне с конгрессом¹⁸.

Прежде всего на совещание было представлено большое число докладов, посвященных развитию славистики в 1945—1955 гг. Оказалось, что за прошедшее десятилетие славистика и в особенности литературная славистика отнюдь не стояли на месте и не поддались методологической дезориентации и дезорганизации. Хотя сравнительное изучение литератур неоднократно отождествлялось с «охотой за влияниями» и обвинялось во всех смертных грехах, появились десятки новых работ, которые конкретно обнаруживали межславянские и славянско-неславянские взаимосвязи и аналогии, выявляли их значение в общественно-историческом развитии. Как показывает содержание докладов, это были прежде всего исследования в области старославянской литературной культуры, ранних периодов славянских литератур, особенно русской, а также проблемы Возрождения. Одновременно появилась большая группа работ о реализме и первые заслуживающие внимания попытки проникнуть в проблематику XX в., а среди них особое место занимало исследование о влиянии русской советской литературы в других славянских странах. Было констатировано значительное развитие славистических исследований в Западной Европе и Америке. Находившийся в США В. Ледницкий, правда, повторял еще свои возражения против сравнительного понимания славянских литератур, но собственно только от своего лица. Первые работы нового поколения американских литературоведов (Харкинса, Эджертона и др.) показывали, что и там развитие

идет в направлении межславянских и славянско-неславянских связей в XIX и XX столетиях и, конечно, преимущественно к развитию русистики.

На белградском совещании еще давали себя знать последствия сопротивления сравнительным исследованиям литератур, которое создало временный терминологический, а вслед за ним в конечном итоге и методологический вакуум. В социалистических странах дело не ограничивалось, в частности, лишь преодолением этого сопротивления, которое особенно было заострено против наследия Веселовского. Речь шла о создании новой, научной теории сравнительного исследования литератур как инструмента познания мирового литературного развития и его закономерностей. Речь шла о длительном процессе, который начался с обновления сравнительного языковедения, продолжился статьями А. Н. Белецкого и М. Н. Тихомирова и дискуссиями по поводу этих статей в СССР и Чехословакии¹⁹, а также уточнением позиций и взглядов на нескольких специализированных литературоведческих конференциях, и потребовалось еще какое-то время для того, чтобы результат этого закрепился в тезисах московского съезда славистов. Белградское совещание было значительным этапом на этом пути еще и потому, что оно определило сравнительный характер для предстоящего конгресса.

Общая характеристика четырех послевоенных конгрессов славистов — в Москве, Софии, Праге и Варшаве — многократно появлялась в печати, поэтому нет необходимости повторять ее. Их рабочая атмосфера, действительно всемирный характер, их тематическая концепция хорошо известны. Известна также их перегруженность, но специальная печать сегодня, к счастью, имеет возможность продолжать дискуссию по проблемам съезда, для которой ни на одном из современных конгрессов не хватает времени. Специальные издания позаботились также о подробном рецензионно-информационном освещении послевоенных съездов славистов, описание которых при самых добрых намерениях превышает возможности данной статьи.

С точки зрения сравнительного изучения литератур главный вклад IV Международного съезда славистов в Москве в 1958 г. состоит в формулировании принципов историко-типологических сравнений, объясняющих сходство и подобие явлений, не связанных между собой генетически. Непосредственное включение типологических сходжений в круг задач сравнительного исследования литератур и даже как предпосылки изучения подобий генетического происхождения освободило литературную компаративистику от односторонних поисков влияний и привело к реабилитации сравнительного изучения литератур как собственного инструмента познания литературного развития в его собственно литературном и историческом аспектах.

Сравнения, которые после московского съезда стали называться типологическими, делались, разумеется, и раньше в славяноведении уже со времен Веселовского. На Западе они также применялись с того времени, когда Ланг, Бастиан и Тейлор начали некоторые тождества, особенно в фольклоре, толковать антропологически, т. е. исходя из жизненных условий и общечеловеческих свойств. Во Франции Поль ван Тигем считал совпадения, подобия, не возникшие в результате влияний «*similitudes sans influence*», важной составной частью исследования общей литературы и ставил вопрос об общих причинах (*causes communes*) упомянутых сходжений и подобий. Тем не менее в научной практике продолжалась чрезмерная ориентация на изучение влияний и сомнения в том, относится ли вообще изучение сходства без влияний к сфере сравнительных исследований. Эти сомнения и вытекающее из них суженное понимание сравнительного литературоведения дожили, впрочем, и до нашего времени, как это показал Марков на VII съезде, комментируя взгляды некоторых советских ученых, например Рейзова. Примеры подобного рода по другим странам нетрудно дополнить.

Во второй половине 50-х годов выделение, подчеркивание аналогичных явлений в разных литературах, вызванных общими общественно-историческими и литературно-эстетическими закономерностями, были решающим условием того, чтобы сравнительное литературоведение смогло опять встать на ноги и обрести новую, более прочную основу. Идея созрела постепенно, как постепенно обнаруживалось и значение основного вопроса о сравнительном методе. В предсъездовской анкете был поставлен вопрос: «Каковы достижения сравнительного изучения славянских литератур, методы и проблемы дальнейших исследований в этой области?»²⁰ Этот вопрос представил возможность показать очевидные факты взаимосвязей славянских литератур, которые невозможно игнорировать (Э. Георгиев, С. В. Никольский, М. Пишут). Кроме того, этот пункт анкеты давал возможность вспомнить результаты сравнительной сюжетологии, сравнительного стиховедения, проделанную синтетическую работу и необходимость критической переоценки этих результатов (К. Горалек). Поставленный вопрос предполагал одновременно необходимость сформулировать методологические основы сравнительного исследования. Ф. Вольман в своем ответе писал: «В сущности явления сходства между литературами возникают либо самостоятельно и независимо, на основе одинаковых социально-политических условий и одинаковой исторической обстановки, либо на основе заимствований и влияний в подходящих социально-политических условиях и исторической обстановке, благоприятной для таких заимствований или прямо требующих заимствования. Самостоятельно возникающие в славянских литературах явления

нужно сравнивать, безусловно, не только между собой, но также с другими, неславянскими литературами. Тогда ясней проявятся освоение, переработка чужого влияния, степень самостоятельности... Межславянские отношения — только составная часть литературного процесса в целом, хотя иногда они очень интенсивны и представляют органическое целое»²¹.

Важность сопоставительного исследования проявилась также в вопросе № 35 — о возможностях историко-сравнительного изучения славянского фольклора. К. Горалек в своем ответе видит выход из неудовлетворительного положения фольклористики и из кризиса сравнительного метода в том, что «главной целью сравнительного исследования должна быть типологическая характеристика народной словесности отдельных народов»²².

В анкете главный методологический вопрос шел под № 32. На съезде он был выдвинут на первое место как ключевой вопрос. Доклад Ф. Вольмана «Основные задачи сравнительно-исторического изучения славянских литератур» устроители съезда поставили в программу первого пленарного заседания, а на заседании литературоведческой секции был заслушан доклад В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». Вопрос нового понимания сравнительного метода в обоих докладах занял центральное место. Вольман не мог прочитать свой доклад из-за болезни, однако развитие мысли, высказанной в анкете, можно проследить в опубликованном тексте и резюме. Там говорится, что «этиологическое (типологическое) исследование является основанием любого сравнения», а общеизвестные сравнительные принципы, которые имеют силу и для межславянских сравнительных исследований, характеризуются как «объединение исторической точки зрения с теоретической (типологической, морфологической)»²³. Жирмунский начал прямо с критики узкого и одностороннего понимания сравнительных работ как чистого изучения влияний и заимствований и в противовес этому выдвинул новую классификацию аспектов или задач сравнительно-исторического анализа, где историко-типологическому сравнению отвел центральное место, подчеркнув при этом, что «основной предпосылкой возможности историко-типологического сравнения явлений литературы или фольклора является единство и закономерность процесса социально-исторического развития, которым обусловлено развитие литературы как одной из идеологических надстроек»²⁴.

Тезисы Жирмунского на IV съезде явились одним из тех счастливых решений, которые приводят в движение теоретическую мысль и дают ей необходимое направление. Идеи эти быстро распространились и в конце концов были приняты не только в сравнительном изучении славянских литератур, но и вообще

в литературной компаративистике. Разработка и использование этих идей могли бы составить целую главу в истории сравнительных воззрений, где, разумеется, следовало бы сказать о сложностях теоретического развития, а также о различных случаях непонимания или упрощения. Неоднократно забывалось, например, то, что Жирмунский различал в своей классификации «сходные явления как результат их генетического родства» и «связи между явлениями на основе культурных взаимодействий «влиятельных» или «заимствований», обусловленных исторической близостью данных народов и предпосылками их общественного развития»²⁵. Именно для этих проявлений культурной ассимиляции, отличающейся от генетики в собственном смысле слова, выдвинул П. Н. Берков на московском съезде термин «литературные контакты», который также прижился²⁶. Многие исследователи не совсем правильно поняли также тезис, подчеркивающий значение типологического сравнения, и начали все сравнительные исследования сводить только к типологии. С особой силой это проявилось в некоторых докладах по фольклористике на софийском съезде, на что после съезда критически указал Горалек²⁷.

Тем не менее первое уяснение основных принципов сравнительного изучения литератур широко распахнуло уже на московском съезде двери для новых, широких исследований литературных жанров и направлений на всем протяжении развития славянских литератур. Наряду с большой группой работ о межславянских связях появились также многочисленные статьи о взаимосвязях между славянскими и неславянскими литературами, среди которых доклад М. П. Алексеева на пленарном заседании ориентировал также на решение вопроса о месте славянских литератур в мировой литературе. Предметом внимания стало и сравнительное изучение литературного развития XX столетия. Съезд и в этой области дал первые результаты, пока преимущественно на двусторонних сопоставлениях. Более широким пониманием руководствовался Д. Ф. Марков; в его докладе «Проблема генезиса социалистического реализма в болгарской литературе» отчетливо выступила как сравнительная проблема общих закономерностей социалистической литературы. Эту проблему автор решил позднее в специальной монографии на материале целой группы славянских литератур. Группа славянских литератур начала и в XX столетии проявляться как благодарный и полезный объект сравнительных исследований.

На московском смотре позитивных достижений сравнительных исследований Ст. Колбушевский, прочитавший доклад о понятии «славянские литературы» в науке XIX и XX вв., со своей негативной точкой зрения выглядел довольно странно. Он утверждал, будто Й. Добровский, П. Шафарик и Я. Коллар создали миф о единстве славянства, навязали его Европе и построили

на этом мифе понимание славянских литератур как определенного целого. Оратор пренебрег различиями между научной славистикой и славянскими идеологическими и политическими движениями, которые он, кстати, толковал антиисторически, как плод чешского романтизма. Колбушевскому прямо на съезде дали отпор Ю. Доланский и К. Крейчи. Последний подчеркнул не только возможность, но и пользу научного синтеза славянских литератур²⁸. В печати более подробно ему ответил Ф. Вольман²⁹.

Следующий пятилетний этап и специфику V Международного съезда славистов в Софии в 1963 г. охарактеризовал Э. Георгиев: «Пятилетие, которое нас отделяет от IV Международного съезда славистов, проходившего в Москве в 1958 г., отмечено значительными успехами в области всеобщего и сравнительного славянского литературоведения. В то время как на IV московском съезде мы еще должны были защищать его право на существование, на V софийском съезде оно утвердилось как литературоведческая дисциплина, широко представленная в докладах и сообщениях съезда»³⁰. Георгиев выразил при этом и свое личное удовлетворение: он был одним из немногих ученых, которые сравнительные исследования литератур, и особенно славянских, защищали всегда и с ними связывали свою научную судьбу.

В Софии была продолжена разработка теоретической базы дальнейшим уточнением научной терминологии. Результатом критического обзора проделанной работы (Ф. Вольман — «Историко-сравнительные исследования славянских литератур, итоги и задачи») было более точное определение собственных литературных связей и отношений, внутренних контактов в отличие от внешней контактологии, объясняющей связи между литераторами и деятелями культуры, которые не должны еще отражаться во взаимосвязи творчества. Назрела также необходимость комбинации типологического и контактологического понимания литературных схождений. П. Н. Берков подверг новому разбору на конкретной проблеме отдельные понятия и критерии («Русская литература XVIII в. и славянские литературы XVIII—XX вв. В порядке постановки вопроса о литературных контактах»); он предложил ввести новые термины и обратил внимание на угрозу переоценки типологии.

Продвинулось вперед понимание вопроса об общих закономерностях литературного развития. Логично, что этот вопрос рассматривался в двух аспектах, которые хорошо видны в названиях двух тезисов на съезде: «Общие закономерности в развитии славянских литератур» (Э. Георгиев) и «Общие закономерности развития славянских и неславянских литератур» (Ю. Доланский). Сегодня, очевидно, каждый согласится с решением, которое на VI съезде выдвинул А. С. Бушмин, констатируя, что «региональная славянская специфика заключается не в на-

личии особой, а лишь в своеобразном преломлении общей закономерности, в конкретно-исторических формах ее проявления». В эту проблематику можно включить также и доклад на софийском съезде Й. Матля «Общевропейские элементы в славянских литературах». Матль много работал в области немецких влияний на славянские литературы, и славянские исследователи неоднократно с ним дискутировали и корректировали некоторые его гипотезы. Тем больший вес имели слова этого старого австрийского слависта в Софии. Он говорил об общности исторического развития всей Европы, из чего вытекает существование именно общеевропейской высокой культуры, а не западноевропейской, как утверждали немецкие националисты накануне второй мировой войны. Матль говорил, что речь идет не только об общих европейских элементах в славянском творчестве, но также об общеевропейском масштабе воздействия этого творчества. По вопросу о заимствованиях Матль высказался следующим образом: «При общности на основе заимствований или же воздействии моделей извне необходимо всегда помнить о том, что на свете не существует ни одной высокой культуры, которая бы не выросла при помощи заимствований или же при воздействии идей, и далее, что выбор в заимствовании представляет собой активный самостоятельный творческий акт». Матль подчеркнул «неправильность так называемого дуалистического тезиса о распадении европейского культурного мира на два культурных типа: романо-германского и византийско-православного мира», а в устном выступлении добавил к этому определенное несогласие с Биттнером, Пфитцнером и другими защитниками так называемого «культурного раскола». По мнению Матля, все развитие славянских литератур XIX и XX вв. является «органической составной частью общеевропейского творчества и коммуникации», причем на рубеже столетия он констатировал уже «изменение направления в духовной циркуляции европейской культуры», которое проявилось в международном признании Толстого, Достоевского и др.

Критическая оценка ранних работ по сравнительному славянскому литературоведению и создание его новой методологии привели к обновлению интереса к проблемам исторической поэтики. На софийском съезде большая группа работ была посвящена области национально-исторического и сравнительного исследования жанров. Это явилось началом их историко-структурного системного анализа, который объясняет смену жанровых форм, трансформацию жанров и изменения в их иерархии и функциях по отношению к развитию общественного сознания и исторических условий. Основные понятия в общем сходно возникали и из сравнительной оценки славянских литератур и из литературы одной народности. «Каждой эпохе присуща своя собственная система литературных жанров и жанров искусства вообще. Эта си-

стема отвечает общественным условиям и потребностям своей эпохи и является продуктом художественного творчества, которое трансформирует одновременно и старые традиции. Изменение прежней системы жанров словесности в систему новую бывает одной из характерных черт перехода одного этапа литературного процесса к другому. При этом можно заметить прозорливо новые черты, которые несут не только частный, но и системный характер» (С. Вольман)³¹. «Поскольку жанры в каждую данную эпоху литературного развития выделяются в литературе под влиянием совокупности меняющихся факторов, основываются на различных признаках, перед историей литературы возникает особая задача: изучать не только самые жанры, но и те принципы, на которых осуществляются жанровые деления, изучать не только отдельные жанры и их историю, но и самую систему жанров каждой данной эпохи» (Д. С. Лихачев)³².

На материалах различных эпох в одной литературе либо в международном плане некоторые докладчики показали такие важные моменты, как изменение жанров в связи с изменением их общественной функции (К. Крейчи), генетические, контактные и типологические явления и их значение для «систематики» жанров (Ю. Кржижановский), взаимосвязь структуры литературы с изменениями социальной структуры (Й. Грабак).

Понимание различий между национальной системой и интернациональными системами словесного творчества проявилось в разной мере и в темах фольклористики, и при обсуждении литературных направлений. В докладе Е. В. Померанцевой о народной сказке оно было скорее дифференцирующим и преимущественно типологическим, у Грабака и других — более синтетическим и тем самым также контактно-генетическим. Общность славянских литератур как определенную интернациональную систему Д. Ф. Марков взял в качестве основы для анализа возникновения социалистической литературы и в особенности социалистического реализма. Проблема, таким образом, получила новое измерение по сравнению с системой русской, соответственно советской литературы, в рамках которых она обычно изучалась.

Закономерности формирования новых эпох и художественных стилей, как правило, раскрываются полнее в межнациональных сообществах, нежели на почве культуры одного народа. Часто вновь появляющиеся специфические черты обнаруживаются тем, что учитывают разные межнациональные системы, которые взаимно друг друга дополняют, перекрывают или пересекаются. Это ярко проявилось, например, и в общем вопросе о закономерностях развития славянских и неславянских литератур. Интересное наблюдение по этому вопросу сделал Л. Сиклай в отношении славянского и средневропейского романтизма. На пражском съезде этот критерий Д. Ф. Марков развил дальше в своем до-

жладе «Социалистические литературы в славянских странах 20—30-х годов и мировой литературный процесс». В литературах западных и южных славян он обнаружил такую же интенсивность процесса формирования социалистической литературы, что и в славянских литературах Советского Союза, и объяснил это своеобразием исторического развития, которое именно после Октябрьской революции привело у этих народов к завоеванию самостоятельности. Выводы Маркова помогают пониманию той системности, которая соединяет мировую литературу с литературами национальными. «Подобно тому как в рамках одной национальной литературы всегда формируются те или иные общие тенденции литературного процесса, так в сходных исторических условиях возникает межнациональная литературная общность... В процессе освоения новой действительности на разных этапах проявились аналогичные тенденции. Мы говорили о стилевой и жанровой близости, об эволюции форм образного обобщения жизни. Есть основания говорить о сходных художественных структурах, в которых отразилось историческое движение поэтики социалистического реализма»³³.

Затронув данный круг вопросов, мы непосредственно подошли к ядру методологической проблематики VI Международного съезда славистов в Праге в 1968 г. Тематическая концепция этого съезда в теоретическом и конкретно-историческом плане основывалась на критериях системности и зональности, подготовленных как софийским съездом, так и всем развитием славяноведения. В литературоведческой сфере на дальнейшее углубление этих критериев были направлены три первых обсуждавшихся круга тем: 1. Славянские литературы в мировой литературе. 2. Развитие и изменение жанровых систем в славянских литературах. 3. Единство и различия в развитии старых славянских литератур³⁴.

Общность как установленный факт и как научная проблема сравнительного исследования словесности выступила вперед во всех циклах тем. Проблема единства и различий была поставлена в конкретные исторические рамки, соответствующие научным интересам главных предполагаемых дискуссантов Д. С. Лихачева и П. Динеева, хотя данная проблема в меньшей мере относится и к новейшему периоду. Историческая конкретизация была в данном случае полезной, потому что сосредоточила внимание на известном факте рецепции византийской традиции и диффузии старославянской традиции и на соответствующем литературном симбиозе, который в силу разнообразных исторических причин сохранился вплоть до XVI в. Общность проявилась здесь в литературной традиции и в литературном развитии как общая литература и в конце концов как общая литература — посредница. Оставим в стороне оценку систематизационно-классификационных

объединяющих аспектов, которыми руководствовался Д. С. Лихачев в докладе «Древнеславянские литературы как система». Кроме возражений П. Динкова и альтернативных тезисов, которые по данному периоду сделали в своих выступлениях А. Достал, Р. Лалич, Ю. Магнушевский и О. Кралик, мы должны были бы принять во внимание также и предшествующее развитие вопроса, а в особенности тезисы Р. Пиккио, коротко выраженные словами *Slavia Orthodoxa*, повторенные вновь и на VII съезде. Тем самым мы бы перешагнули за рамки нашей темы. Гипотетическая ценность объединяющих идей каждой литературной системы является общеизвестной. Известно так же и то, что без вводимых объединяющих аспектов не может обойтись ни один синтез: ни международный, ни национальный; эти аспекты в них же уточняются и корректируются.

С точки зрения рассматриваемых методологических вопросов особое значение имеет характеристика общей литературы и общей истории литературы, которую Лихачев дал в конце дискуссии. «Создание общей истории не означает отмены национальных историй литератур. И те и другие имеют разные задачи... Общая история будет иметь особенно большое значение для изучения стилей эпох, литературных течений, больших умственных движений... Само собой разумеется, что эти течения должны быть исследованы как целое, а не только в своих национальных границах: Только тогда мы сможем понять и оценить эти стили, течения, движения и школы во всем их значении и увидеть одновременно их национальные особенности»³⁵. То, что это сегодня уже само собой разумеется — хотя бы среди специалистов, является наилучшим доказательством прогресса в литературоведческом мышлении за последние двадцать лет.

Общие литературы являются международными системами в литературном процессе, в них отражается и через их посредство осуществляется общность развития группы литератур. Общие истории литературы являются литературно-историческим отображением этих общих литератур, и следовательно, этой общности развития, которая вытекает из генетических связей, контактов и типологических схождений развития в определенной культурной области. Э. Георгиев повторил на пражском съезде формулировку из своей предшествующей работы об общем и сравнительном литературоведении, напоминающую парность термина «*la littérature générale — la littérature comparée*», при помощи которой некоторые французские компаративисты, и особенно П. ван Тигем, различали изучение многосторонних международных взаимосвязей и изучение двусторонних литературных отношений или же результаты этих исследований. Д. Ф. Марков в этой связи заметил: «Порок многих компаративистов, между прочим, состоит не в том, что они ищут различий между так называемым сравнитель-

ным и общим литературоведением, а в разрыве и противопоставлении последних и — что самое главное — в игнорировании исторического подхода к изучению литератур. Акцент на общее в какой-то степени ослабляет характеристику конкретно-исторического, так как анализ не охватывает многие национально-специфические детали и различия, идет по линии отвлечения от них. Того, кто будет такой анализ, всегда можно упрекнуть в неполноте охвата фактического материала. Подобный упрек, однако, будет справедлив лишь в том случае, если он доказывает несостоятельность общих выводов...»³⁶

Иначе говоря, сравнительный системный анализ обоснован, если он раскрывает действительно интернациональные явления, общности и целые исторически возникающие системы в литературном развитии. Французский термин «*la littérature générale*» и эквивалентный русский термин «общая литература» имеют научный смысл лишь тогда, когда под ними не подразумевается случайный наднациональный конгломерат, но исторически обусловленная система отношений и схождения в литературном развитии, которые проявляются в группах этнически близких литератур, а также в группах интерэтнического характера. Именно в этом смысле употребляли эти термины на VI съезде Франк Вольман («Общая литература, ее функция мировая и межславянская»). «Межнационально-общие литературы, понимаемые синтетически как целостные структуры», он уже в 30-е годы считал частными системами огромной органической системы мировой литературы (см. примеч. 15). На последних этапах работы, которую Ф. Вольман посвятил сравнительному системному изучению славянских литератур, он счел необходимым еще раз подчеркнуть существование более широких и сложных систем интерэтнического характера.

Общность славянских литератур не исключает существования иных системных связей, в которые вступает словесное творчество отдельных славянских народов с творчеством неславянских народов на регионально-зональном уровне и в конечном итоге на уровне мировой литературы. На VI съезде подобные системные связи были показаны на примере литературного развития Центральной Европы (Л. Сиклай), Юго-Восточной Европы (М. Новиков), бывшей Габсбургской монархии (Г. Витшенс) и т. д., из чего следует, что интерэтнические и межславянские сравнительные исследования дополняют и вносят вклад в познание сложных путей, которыми осуществляется единый процесс мировой литературы. «Своеобразный фокус такого единства — сходство явлений в различных национальных литературах, та объективно возникающая общность путей, в которой художественно прецируется логика закономерно развивающихся процессов в отдельных странах»³⁷.

На современном этапе много говорят о системном анализе литературы, особенно в связи с ее сравнительным изучением. Как можно видеть, литературная славистика имеет в этом направлении определенные традиции и опыт. Характер исследуемого материала привел славистов к этой мысли уже давно. На пражском съезде эта идея рассматривалась уже с имеющегося фундамента созданных монографических и синтетических работ. И здесь системный анализ вел уже к идее системного синтеза.

Системный аспект имела, естественно, и тема дискуссии «Развитие и изменения жанровых систем в славянских литературах», как это следовало из позитивной традиции сравнительного изучения жанров письменной и устной народной словесности. Здесь были поставлены такие проблемы, как историческая поэтика и история литературы (М. Бакош), жанровая структура славянских литератур, ее развитие и изменения (С. Вольман), межславянское развитие жанров средневековой литературы (Р. Маринкович, К. М. Куев), интерэтнические отношения в жанровой системе (В. Эрлих, О. А. Державина, Е. Райснер), жанровая система реализма (Г. М. Фридендер), жанровый синтез в литературе XX в. (С. В. Никольский). На системном сравнительном изучении жанров основывались также некоторые доклады в других дискуссионных секциях; такой подход успешно был использован на секции, посвященной барокко (И. Грабак, У. Леман, Ф. Швелеп, Х. Грасхоф и др.).

VII Международный съезд славистов в Варшаве в 1973 г. принадлежит к живой современности методологического мышления, равно как и его непосредственные оценки, на которые ссылаюсь и которые носят, естественно, дискуссионный характер³⁸. Исторический профиль этого съезда будет постепенно проявляться с течением времени и с дальнейшим развитием сравнительного изучения литературы.

Что же касается общих методологических вопросов, то центральное место занял здесь доклад Д. Ф. Маркова «Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур», который уже упоминался в начале этого исторического обзора. В нем нашли дальнейшую разработку тезисы, которые автор изложил на международной конференции о сравнительном изучении славянских литератур, организованной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1971 г. в Москве³⁹. Марков считает одной из важнейших областей литературоведения сравнительное изучение славянских литератур, потому что здесь с особой глубиной проявляются основные закономерности мирового литературного развития. Это положение он объясняет, во-первых, чрезвычайной интенсивностью связей между этими литературами, которая коренится в давней исторической и языковой близости славянских народов и, во-вторых, тем, что «литературы

эти входят ныне в новую общность социалистических литератур мира, находятся в авангарде борьбы за подлинный художественный прогресс современной эпохи»⁴⁰. Таким образом, аргумент, который некогда использовали против сравнительного изучения славянских литератур, Марков обращает в пользу этих изучений, опираясь на личный опыт исследователя.

Марков подчеркивает единство и закономерность мирового литературного процесса. С этой точки зрения он предостерегает от абсолютизации национально специфического и напоминает, что «не существует какая-то замкнуто-славянская литературная сфера». Одновременно подчеркивается историзм, особенно в понимании литературных структур. Исходя из этого докладчик не считает возможным разделять историю литературы на внешнюю и внутреннюю, в которой историческая поэтика объясняла бы лишь имманентную обусловленность развития. «Художественная структура представляет собой единство содержательных и формальных сторон, и из этого надо исходить»⁴¹.

Историческое и целостное понимание структуры давало прежде всего обсуждение вопроса структуры древних славянских литератур и проблемы славянского и европейского эпоса (которые был конкретизирован методологический раздел варшавского съезда) в докладах о возникновении и развитии жанров в древнерусской литературе (Д. С. Лихачев), о средневековых литературных моделях и их культурных и лингвистических факторах (Р. Пиккио), об исторической и структурной общности древних славянских литератур (С. Вольман), о чешском и западном рыцарском эпосе (Й. Грабак), о восточнославянском и европейском эпосе (А. Н. Робинсон), об украинской думе (О. Жилинский). Одновременно здесь и в других методологических докладах, посвященных славянским литературам нового времени, под разными углами освещался вопрос закономерности литературного развития.

И опять в Варшаве обсуждались возможности и цели генетического, контактного и типологического сравнения, но уже на разнообразных конкретных участках сравнительных исследований. Из многочисленных авторов, которые внесли вклад в решение этих вопросов, хотелось бы упомянуть К. Горалека в связи с четкой формулировкой им критерия генетических связей и в связи с его объяснением некоторых сюжетов, прослеженных в широком плане мировой литературы и фольклора.

Для Варшавы была вообще характерна постановка методологических вопросов в отношении к конкретно-историческим проблемам литературного развития. Это свидетельствует о довольно благоприятном положении теории сравнительного изучения литературы, и это проявилось не только в методологическом разделе программы, но и в том, что в Варшаве на первое место мог быть

поставлен конкретный литературно-исторический вопрос — развитие романтизма. И здесь, разумеется, говорилось о вопросах методологии сравнительного изучения славянских литератур в рамках мировой литературы, а на конкретном материале делались методологические выводы более общего значения. Я имею в виду прежде всего тезисы об инвариантных и переменных чертах, которые необходимо различать в отражении международных литературных течений (Д. Дюришин), вопросы периодизации романтизма в славянских литературах (Ю. Долацкий, Э. Георгиев), этнокультурные вопросы романтизма в Центральной и Юго-Восточной Европе (Л. Сиклай, М. Новиков, К. Розенбаум), тезисы о национальном Возрождении как общеевропейском явлении (К. Крейчи).

Значение славистических конгрессов для теории и методологии сравнительного изучения литературы действительно велико, и задача дать систематический обзор развития методологического мышления на этих съездах за истекшие пятьдесят лет не принадлежит к числу легких. Мы попытались сделать все что можно, учитывая отведенный объем и собственные возможности.

¹ Марков Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов (далее — МСС или MSS). Доклады советской делегации. М., 1973, с. 42.

² II. MSS. Warszawa, 1934. Bibliografie. Sest. Velinská E. a kolektiv. Praha, 1972.

³ Horák J., Petrá S. I sjezd slovan-
ských filologů v Praze, 1929—1930.
R. 8, s. 850—865; Bábala J. W ob-
liczu trzeciego zjazdu slawistów,
1937—1938, R. 15, s. 307—310;
Murko M. K diskusi o sjezdech slo-
van-
ských filologů. Ibid., s. 311—
313; Dolanský J., Kurz J. Meziná-
rodní konference slavistů v Bělehradě,
1956, R. 25, s. 436—442;
в «Славии» также были поме-
щены общие обзоры всех после-
военных съездов, которые для
краткости не указываю. Из кри-
тических статей, посвященных
этим съездам, назову те, которые
имеют прямое отношение к срав-
нительной методологии: Woll-
man F. Metodika srovnávací lite-
rární vědy slovanské na IV. MSS,
1959, R. 28, s. 161—182; idem.

«Srovnáaná literatura» na IV. MSS
v Moskvě 1958. — Ibid., s. 455—
475; Wollman S. Obecné a metodo-
logické problémy srovnávací lite-
rární vědy na V. MSS, 1964, R. 33,
s. 390—409; idem. Srovnávací stu-
dium žánrů na V. MSS. — Ibid.,
s. 623—640; idem. Metodologie
srovnávací literární vědy na VI.
MSS, 1969, R. 38, s. 123—151;
Wollman F. «Interna slavistica»
na VI. sjezdu i odjinud. — Ibid.,
s. 242—261; Wollman S. Metodologie
srovnávací literární vědy na
VII. MSS, 1974, R. 43, s. 419—429;
idem. Srovnávací pojetí roman-
tismu na VII. MSS. — Ibid.,
s. 182—188.

⁴ Тезисы к дискуссии и резюме докладов I съезда были изданы на отдельных листах, которые под названием «Тезисы и примечания к дискуссиям» или «Извлечения из докладов» были вставлены в обложки отдельных секций (в данном случае речь идет о первой секции).

⁵ I. Zagadnienia metodologiczne. — In: II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich). Księga referatów. Sekcja II; Historia literatury. Warszawa, 1934, s. 1.

- ⁶ *Wollman F.* Věda o slovesnosti. Její vývoj a poměr k sousedním vědám. — Slovo a slovesnost, 1935, R. 1, s. 197—198.
- ⁷ Эту точку зрения принял в конце концов и Ф. Водичка (см.: *Vodička F.* Literární historie, její problémy a úkoly. — In: Stěně o jazyce a poesii. Praha, 1942, s. 399), который глубже всех вошел в сравнительную проблематику. Об отношении между эстетикой и историей литературы см.: там же, с. 340—341.
- ⁸ Slovo a slovesnost, 1936, R. 2, s. 201—221; 1938, R. 4, s. 117—124.
- ⁹ *Roubík F.* Německé plány se slovanskými ústavu v Praze za okupace. — «Slavia», 1947—1948, R. 18, s. 515—520. По сообщениям историков, дальнейшие документы имеются в возвращенной части штеховицкого архива.
- ¹⁰ «Germanoslavica», 1935, Jg. 3, s. 1—18, 241—276.
- ¹¹ *Pfützner J.* Die Geschichte Osteuropas und die Geschichte des Slaventums als Forschungsprobleme. — «Historische Zeitschrift», 1934, Bd 150, S. 21—85.
- ¹² *Lednicki W.* Existe-t-il un patrimoine commun d'études slaves. — «Le monde slave», 1926, t. 4, p. 411.
- ¹³ *Możejko E.* Jeszcze raz w sprawie «porównawczych literatur słowiańskich». — In Canadian Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. 1973, p. 125—126.
- ¹⁴ *Wollman F.* K metodologii srovnávací slovesnosti slovancké. Brno, 1936, 154 (+1), s.; см. там же обзор проблематики в целом и ее библиографии.
- ¹⁵ *Wollman F.* Metodologii srovnávací. . . , s. 93—94.
- ¹⁶ III međunarodni kongres slavista (slovenskih filologa): N 1. Zbirka odgovora na pitanja; N 2. Saopštenja i referati; N 3. Dopune, N 4. Govori i predavanja; N 5. Organizacija. Beograd, 1939.
- ¹⁷ Ср. к этому мою статью: Význam tradicí při vytváření národných kultúr Slovanov v. 18. a 19. století. — «Slavica Slovaca», 1975, R. 10, s. 383—389.
- ¹⁸ Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15—21.IX 1955). Beograd, 1957, 692 s.
- ¹⁹ Ср.: *Wollman F.* Polemika o srovnávací metodu v literární vědě. — «Slavia», 1952, R. 21, s. 439—449.
- ²⁰ IV Međunarodní sjezd slavistov. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, с. 234—254.
- ²¹ Там же, с. 237; ср. также его статью: Srovnávací metoda v literární vědě. — In: Slovanské štúdie II. Bratislava, 1959, s. 19.
- ²² Там же, с. 259—260. Жирмунский считал свой доклад на съезде ответом на этот вопрос анкеты, на что ясно указал во введении к своему первоначальному варианту, опубликованному отдельной брошюрой (*Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958, с. 3).
- ²³ IV MCC. Материалы дискуссии I. М., 1962, с. 20—21.
- ²⁴ Здесь цитирую другой, книжный вариант по кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV MCC. М., 1960, с. 253.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958.
- ²⁷ *Horálek K.* Typologické a kontaktové vztahy. — «Slavia», 1964, R. 33, s. 232—246; ср. также: *Wollman F.* Typologičnosť v srovnávací literární vědě. — «Slavia», 1967, R. 36, s. 280—290.
- ²⁸ IV MCC. Материалы дискуссии, с. 370—372.
- ²⁹ *Wollman F.* Kdo «nasugeroval Evropě mythus o jednotě Slovanstva»? — In: Sbornik prací filosofické fakulty brněnské university, 1961, R. 10, C 8, s. 348—361.
- ³⁰ *Георгиев Е.* Проблемы на литературознанието. Пред V международен конгрес на славистите в София. — «Литературен фронт», 1963, 23 сент., с. 2.

- ³¹ См. ответ на вопрос анкеты о новых явлениях развития жанров в современных славянских литературах: Славянская филология, т. II. София, 1963, с. 185—186; ср. также в моей статье: Situace slovanského dramatu a divadla na prahu XVIII. století. — «Slavia», 1960, R. 29, s. 65—75.
- ³² См.: Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации на V МСС. М., 1963, с. 47.
- ³³ Марков Д. Ф. Социалистические литературы в славянских странах 20—30-х годов и мировой литературный процесс. — В кн.: Славянские литературы. VI МСС. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 447.
- ³⁴ VI МСС. Resumé přednášek, příspěvků a sdělení. Praha, 1968.
- ³⁵ VI МСС. Akta sjezdu I. Praha, 1970, s. 328.
- ³⁶ Марков Д. Ф. Социалистические литературы..., с. 423—424. Исторический обзор развития терминологии см. в моей статье: Generální literatura a srovnávaná literatura. (La littérature générale — la littérature comparée.) — In: Příspěvky k morfologii a sémantice literárněvědných termínů. Praha, 1974, s. 49—86.
- ³⁷ Марков Д. Ф. Указ. соч., с. 426.
- ³⁸ «Slavia», 1974, R. 43, seš. 2 a násled.
- ³⁹ См.: Сравнительное изучение славянских литератур. Материалы конференции 18—20 мая 1971 года. М., 1973, с. 7—39. Текст для съезда см. в кн.: Славянские литературы. VII МСС, с. 31—55.
- ⁴⁰ Там же, с. 42.
- ⁴¹ Там же, с. 41, 47, 36.

PEZIOME

D. Markov

L'expérience accumulée au cours de plus de deux siècles permet de conclure que bien qu'il existe des différences entre les spécialistes au sujet d'une délimitation de la slavistique, cette notion repose objectivement sur une communauté sociale, culturelle et linguistique des Slaves, considérée dans son évolution historique.

L'ensemble de ces sciences comprend la linguistique, la critique littéraire et la critique d'art, l'histoire et l'histoire de la culture des pays slaves, ces sciences se consacrant aux problèmes slaves conservent nécessairement les liens organiques qui les unissent aux sciences respectives de caractère général en utilisant leurs méthodes et leurs procédés de recherches, d'un autre côté les sciences appartenant à l'ensemble slavisant subissent une influence réciproque ce qui élargit les horizons du spécialiste, enrichit sa méthodologie et lui permet de s'assigner et de résoudre des tâches plus complexes.

Si la slavistique se veut une science objective ayant pour objet la vie sociale des peuples slaves, elle doit se référer non seulement au passé plus ou moins révolu, mais s'adresser également à l'époque actuelle, à la langue et à la littérature d'aujourd'hui. L'examen objectif du rôle et du rang que les peuples slaves tiennent dans la vie sociale et intellectuelle du monde au 20-e siècle constitue l'une des tâches majeures de la slavistique contemporaine.

L'une des questions méthodologiques capitales de l'histoire de l'étude slave est liée à l'appréciation judicieuse de la corrélation des lois inhérentes au développement de cette science et de l'action des conditions historiques générales. La définition de l'objet essentiel de l'étude historique slave est également importante sur le plan méthodologique. Vient ensuite une question méthodologique essentielle concernant les objectifs et le contenu de l'histoire de l'étude slave mondiale par rapport à l'histoire de l'étude slave dans les pays différents.

M. Kudělka

Die vorliegende Abhandlung versucht den Gegenstand der Slawistik so zu definieren, daß die Art seiner Bestimmung mit dem Niveau des wissenschaftstheoretischen und philosophischen Denkens unserer

Gegenwart in Einklang steht. Unter Slawistik ist hierbei der Gesamtbereich der wissenschaftlichen Erkenntnis zu verstehen, und nicht etwa die slawistische Problematik der einzelnen Wissenschaftsgebiete. Der Verfasser geht von der Überzeugung aus, daß auch die Slawistik der Pflicht zu genügen hat, ihre grundsätzlichen gnosologischen Ausgangspunkte ständig zu überprüfen und zu korrigieren, da durch ein bloßes Reproduzieren traditioneller Vorstellungen ein geschlossenes, unwandelbares und isoliertes System entstehen könnte das immer weniger wie die Gesamtentwicklung der wissenschaftlicher Erkenntnis so auch die Gesellschaftsentwicklung in Betracht ziehen würde.

Um die betreffende Frage möglichst genau formulieren und einer allenfalls adäquaten Lösung entgegenführen zu können, hat der Verfasser die Entwicklung der Vorstellungen über die Slawistik seit der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart in groben Zügen zusammengefaßt. Relativ eingehend charakterisiert er dabei die vorrevolutionäre russische Slawistik («slavjanovedenje»), die philologische Konzeption von V. Jagić sowie die komplexe Auffassung des Gegenstandes in der sowjetischen Slawistik. Die retrospektive Konfrontation der Anschauungen zeigt, daß die theoretischen Erwägungen über den Gegenstand der Slawistik vor allem immer wieder auf die Frage zurückgehen, welche Fachgebiete zur Slawistik gehören und welche nicht.

Der Verfasser zieht in seiner Arbeit diese Schlußfolgerung. Die philologische Auffassung erschöpft keineswegs den Gegenstand der Slawistik, nachdem eine reale slawistische Problematik auch in anderen Fachbereichen besteht.

Man könnte die Slawistik nach dieser Auffassung als ethnolinguistisch abgegrenzten Bereich der wissenschaftlichen Erkenntnis verstehen, in dem die Sozialwissenschaften im Einklang mit dem Gegenstand ihres Interesses und anhand ihrer Methoden die Äußerungen der ethnischen Verwandtschaft der slawisch sprechenden Völkerschaften studieren, sofern diese Äußerungen als objektive Wirklichkeit existieren, oder aber erforschen, ob derartige Äußerungen existieren.

A. Mylnikov

It should be noted that Slavonic studies, on the world plane, developed unequally both synchronically and diachronically. The author describes the peculiarities of its trends and shows how the very subject of the studies changed with different periods reflecting both purely scientific necessity and the specific conditions under which

the evolution of the science proceeded. The author stresses that the history of world Slavonic studies should by no means be regarded as sum total of their national or regional schools. On the contrary, their interconnections and typological unity that became evident time and again, should all be taken into account, so that the study has several levels: world, regional and national.

The author characterizes briefly the methodological aspects of the problem and proceeds to state that this periodization must be based on a dialectical concept of the unity of two objective factors, namely, the immanent regularities of Slavonic studies as a branch of science and their connection with the life of society that influenced these studies. It is relevant not to regard these factors separately and not to counterpose them to each other.

The author gives the following **brief periodization of the history of world Slavonic studies**. 1. Pre-history, when information was gathered empirically (from early Middle Ages up to the 18th cent.). 2. Formation of the scientific character of Slavonic studies in both Slavonic and non-Slavonic countries (latter half of 18th cent. up to 1860s—1870s). 3. Development of classical form of Slavonic studies (latter half of 19th cent.—early 20th cent.). 4. Development of modern Slavonic studies as a multidisciplinary phenomenon and of Marxist approach to them which has been growing more influential on the world scale after World War II. This latest period continues to date. Smaller phases of development can be traced within each of the enumerated periods.

This draft periodization seeks to reflect, in a most generalized form, the variety of ways of scientific development in the world. It does not exclude working out a periodization of national schools and of separate parts of Slavonic studies (history, linguistics, literary studies etc.), but, on the contrary, **presupposes it**.

M. Bulakhov

In Russia the development of linguistical slavistics is considered to have passed some stages. 1. XVI—XVII centuries; 2. XVIII century; 3. From the 20th till the 80th of the XIX century; 4. From the 70th of the XIX till the 20th of the XX centuries.

The first stage is characterized by the Old Slavic (Churchslavic) language being the main subject of investigation because mastering this language was necessary for every educated person in the Ancient Russia.

In the XVIIIth century the development of the Slavic branch of linguistics was marked by some peculiarities: by that time

in Russia the Old Slav language had lost its formal importance of being the main official international literary language of the Slav peoples. The formation of the proper Russian national language dates back to this period. Theoretical investigations of linguistic slavistics began in the middle of the XVIIIth century. The most fruitful activity in this respect is considered to be that of M. V. Lomonosov.

The time of linguistic slavistics formation as a distinct branch of Russian linguistics is believed to be the XIX century when the department of language and literature was established in the United Academy of Sciences and the number of the Universities and secondary education establishments increased considerably. The discovery and lingvo-paleographic description of many Slav manuscripts, edition of manuals and Old Slavic dictionaries, elaboration of the comparative methods for studying all Slav languages system, maiden attempts to monographically study some aspects of different Slav languages — these are the results of the third stage of the research into Slav linguistic slavistics in Russia.

All these achievements formed the basis for deep elaboration of the theoretical aspects of Slav linguistics which began in 1870—1880. The second half of the XIX century witnessed increased contacts between the Russian Slav linguists and their colleagues in Warsaw, Prague, Berlin and Vienna, the investigation of the living Slav languages and their interaction in the various periods of history being in the focus of their attention.

At the end of the XIX-th and the beginning of the XX-th century the problem of the Slav nations selfdetermination and that of the Slav literary languages were tackled from two quite different angles: one of them was a reflection of the interests of the then ruling bourgeoislandlord class: the second progressive point of view was scientifically substantiated by the leader of the revolutionary masses V. I. Lenin. V. I. Lenin was for the equal right of all nations and nationalities of Russia to speak their native languages. The problem of the common official language was connected by V. I. Lenin with the requirements of the economic turnover which in the final analysis requires mastering by the majority of population this or that languages.

E. Gheorghiev

L'histoire de la philologie slave remonte aux temps très reculés. Sa période initiale est dominée par les inventeurs de l'alphabet slave, les frères Constantin—Cyrille le Philosophe et Méthode. A l'époque de la Renaissance des tâches nouvelles se posent aux

slavisants qui étudient la langue et la littérature. A l'époque baroque la philologie bénéficie d'un intérêt croissant.

L'étape suivante de la philologie slave embrasse le 18-e et le début du 19-e siècles, siècle des lumières. Ce fut la période où l'étude slave emprunte la voie qu'elle suit actuellement. La slavistique moderne fut fondée par J. Dobrovský. La première moitié du 19-e siècle fut marquée par le Slovène B. Kopitar. Parmi les fondateurs de la philologie slave moderne se range le savant russe A. Vostokov. La première moitié du 19-e siècle marque la période d'un plein essor national qui fait naître «l'idée slave». L'oeuvre de Dobrovski fut continuée par I. Jungmann, P. J. Šafařík qui édita la première «Histoire de la langue et de la littérature slaves», par F. Palacký, etc. L'étude littéraire doit ses progrès au poète polonais Adam Mickiewicz. La slavistique russe reçut une impulsion nouvelle avec la constitution des chairs slaves aux Universités. O. Bodianski, I. Sresnevski, V. Grigorovič en assumèrent la direction.

L'épanouissement de la philosophie positiviste et la prédominance du réalisme en littérature dans la seconde moitié du 19-e siècle élargissent la base de l'étude slave qui s'intéresse davantage aux lois de l'évolution. Cette période est dominée par V. Jagić, et dans les études littéraires, par A. Pypin et A. Veselovski.

A l'époque impérialiste la plupart des philologues slaves procédèrent par confrontation des faits à l'idéalisme en science et du réalisme au modernisme en littérature.

La période qui suit la Grande révolution d'Octobre se caractérise par la recherche des voies nouvelles en vie sociale, en science et en littérature. Avec l'apparition des nouveaux Etats slaves des nouveaux centres d'études se font jour. A la suite de l'hostilité des classes dirigeantes des pays capitalistes envers l'Union soviétique la slavistique prêchant l'idée de la communauté slave dut céder à une nouvelle conception de l'étude slave qui traita de problèmes spécifiques concernant différentes langues, littératures, histoires slaves. En Union soviétique la philologie slave s'étayait de l'idéologie marxiste-léniniste. Cette période avance N. Deržavin comme spécialiste de taille. Le développement de l'étude slave marxiste est lié au nom de Z. Nejedlý.

Les temps modernes constituent la dernière étape de la slavistique. Cette nouvelle étape commence après la fin de la Seconde guerre mondiale. Affranchis de l'esclavage d'Allemagne nazie grâce aux victoires historiques de l'Armée soviétique les peuples slaves s'engagèrent dans la voie du socialisme. Ils se rallièrent à la cause de l'Union soviétique, partagèrent les mêmes intérêts, les mêmes idées, épousèrent les objectifs communs. Cela se traduisit par le développement prodigieux de la slavistique dans les pays slaves. Les congrès qui réunissent tous les cinquans les slavisants du monde entier favorisent dans une grande mesure ce développement.

J. Hamm

Der Verfasser setzt sich im ersten Teile des Beitrages (Abschnitte 1—6) mit den Begriffen slawische Philologie — slawische Linguistik auseinander und versucht — durch Definitionen — zum Sammelbegriff «Slawistik» zu gelangen. Ferner handelt es sich um wissenschaftliche Spaltungen und Spaltungsgefahren im Bereiche der Slawistik — verursacht durch weitgehende Spezialisierungen und Einschränkungen nur auf bestimmte Sprachen oder Sprachprobleme oder dadurch, was Jagić als slawistische Hilfswissenschaften genannt hat.

Schliesslich wird einen Versuch gemacht die Bedeutung, das zähe Ringen und der mühevollen Werdegang der slawistischen Zentren in nichtslawischen Ländern vorzuführen.

Eine grosse Rolle spielten dabei Abwanderer aus den slawischen Ländern, deren wissenschaftliche Tätigkeit in einzelnen Fällen selbst wissenschaftliche Kreise ihrer Heimat rückbeeinflussen konnte.

Im zweiten Teile des Beitrages wird zuerst, im Abschnitte 7, der Versuch gemacht, die Unterschiede zwischen der Slawistik in den slawischen und nichtslawischen Ländern.

Dabei wird die wichtige Rolle der Universitäten hervorgehoben, die in den slawischen Ländern zum Grossteil eine andere ist als in den nichtslawischen Ländern, wo jede Neugründung einer slawistischen Lehrkanzel einer Sondererklärung bedarf.

Im weiteren wird die Lage der Slawistik in den Nachbar- oder Anreihnerländern — Deutschland, Italien, Skandinavien, in den von Slawen förmlich umkreisten Ungarn und Rumänien und in Frankreich, England und in den Vereinigten Staaten von Nordamerika in den Mittelpunkt der Betrachtungen gezogen.

Bei der Betrachtung des Prozesses im allgemeinen können folgende Etappen in der Entwicklung der Slawistik in nichtslawischen Ländern festgelegt werden:

I. Slawisten ohne Slawistik

II. Slawistik ohne hervorragende einheimische Slawisten

III. Slawistik mit vorwiegend einheimischen Slawistenkräften.

Die genannten Etappen bezeichnen die im Zeiträume geschehenen Veränderungen und deshalb kommen einer Periodisierung in hergebrachtem Sinne gleich.

W. Zeil, H. Pohrt

Die Verfasser betrachten die Lage und die Entwicklung der Slawistik in Deutschland von der frühbürgerlichen Revolution des XVI. Jh. bis 1945. Im Beitrag wird veranschaulicht, daß im Laufe der

rund 400 Jahre sowohl Gegenstand und Methode als auch Funktion und Position slawistischer Forschung und Lehre Wandlungen unterlagen. Großen Einfluß hatte das jeweilige Verhältnis des deutschen Volkes zu den slawischen Völkern, das von der wirtschaftlichen, sozialen und politischen Situation in Deutschland im allgemeinen und von der Politik der herrschenden Klassen gegenüber den slawischen Völkern bzw. Staaten abhängig war. Von Bedeutung waren auch die jeweiligen Ursachen und Anlässe der Beschäftigung mit den slawischen Sprachen und Kulturen in Deutschland. Neben der geographischen Nachbarschaft slawischer Völker gehören zu ihnen wirtschaftliche, politische, wissenschaftliche und religiöse Zielsetzungen sowie das humanistische Interesse an einer kulturellen Annäherung und wissenschaftlichen Zusammenarbeit.

Den noch relativ bescheidenen slawistischen Studien in Deutschland im 16. und 17. Jh. folgte im 18. Jh. ihre wesentliche Erweiterung, insbesondere durch stärkere Einbeziehung historischer Fragestellungen. Diese Tendenz wurde dann durch die im 19. Jh. im Zuge der Entwicklung der vergleichenden Indoeuropäistik erfolgte Einengung auf sprachwissenschaftliche Untersuchungen in wesentlichen Teilen wieder zurückgenommen. In dieser einseitigen Ausrichtung konnte die Slawistik ihrer eigentlichen Bestimmung, die Kultur der slawischen Völker zu vermitteln, nicht gerecht werden. An Versuchen, die Basis der Slawistik zu erweitern, die Literaturen der slawischen Völker in Forschung und Lehre einzubeziehen, hat es in Deutschland seit den letzten Dezennien des 19. Jh. nicht gefehlt.

Die imperialistische deutsche «Ostforschung» und die «Deutschtumforschung» erwiesen sich als ein besonderes Hindernis für die freie Entfaltung der Slawistik, deren Forschung und Lehre die herrschenden Klassen auf ihren reaktionären Kurs zu bringen suchten.

Der entscheidende Durchbruch gelang erst in der DDR, in der sich die Slawistik zu einer wahrhaft völkerverbindenden Disziplin entwickeln konnte.

D. Beauvois

Longtemps les études slaves n'ont eu, en France, qu'un caractère fortuit et marqué par l'amateurisme.

L'étude scientifique des langues et civilisations slaves ne commence qu'en 1840, quand A. Mickiewicz, obtient une chaire dite de Langues et Littératures Slaves au Collège de France. Les travaux

et les cours de Louis Lèger, commencés à Paris en 1868, marquent le début d'une slavistique nouvelle. Avec P. Boyer, R. Labry, A. Lirondelle, E. Haumant, la culture russe devient nettement prépondérante parmi les slavisants: peu à peu, de nouvelles chaires de russe se créent à Strasbourg, Dijon, Lyon. Après la première guerre mondiale, l'évènement essentiel est la création, en 1919, de l'Institut d'Etudes Slaves de Paris. Les slavisants français disposent alors d'une presse propre: le «Monde Slave» d'abord, puis la «Revue des Etudes Slaves».

L'entre-deux guerres est surtout marquée par les cours et les travaux de quelques personnalités fortes comme A. Meillet, A. Mazon, les débuts d'A. Vaillant, mais l'afflux des étudiants ne commence qu'après 1947 quand est créée l'agrégation de russe. Les études connaissent, entre 1947 et 1977, un essor jamais atteint auparavant. Chaque université française a maintenant plusieurs spécialistes de russe et au moins un de polonais. Tchèque, serbo-croate, ukrainien sont enseignés grâce à des lecteurs et le nombre des travaux scientifiques consacrés au monde slave (avec toujours une majorité pour la Russie) augmente considérablement. Parmi ceux-ci la littérature n'est plus la matière-reine.

32 thèses de doctorat d'état ont été soutenues par différents spécialistes entre 1970 et 1977, la civilisation fait l'objet de la moitié d'entr'elles.

L'Institut d'Etudes Slaves, présidé par Jean Bonamour, essaie désormais de jouer un rôle national, de sortir de graves difficultés financières, de relever la Revue des Etudes Slaves.

V. Frejdsøn

From the very start, it was an ideology fraught with deep-going contradictions, in its democratic struggle against oppression and in its narrow-minded and anti-democratic defence of the interests of one's own nation, only. In contrast to nationalism, internationalist ideology corresponds to the social status and interests of the proletariat, though some components of internationalism were created outside the workers' movement, and an internationalist trend is tangible in the views of revolutionary democrats. The ideas of Slavic solidarity are to be evaluated in their social context. They were usually progressive at early stages of the formation of nations as stimulants of liberation movement. Their adherents, however, counterposed Slavs to other nations, to a certain extent.

Marx and Engels stressed, from the point of view of the workers' movement, that the positive influence of separate peoples' liberation struggle on international progress should not be ignored, and each

liberation movement should be regarded strictly in accordance with its real contribution to the cause of international democracy. That was why they evaluated negatively the part some national movements of the Slavs in the Austrian Empire played objectively during the 1848 revolution. However, the subsequent socio-political development of all the Slavonic peoples their ability to form viable national states. The world-wide significance of the socialist development of both Slavonic and non-Slavonic states of Central, Southeast and Eastern Europe is constantly growing.

S. Stetskevich, V. Yakubsky

From the very beginning, in 1920s and early 1930s, Slavonic historical studies achieved considerable results in spite of the difficulties they were facing. Even at that early stage, a new concept of the subject of study was formed, that differed radically from that accepted by scholars from among the nobility and bourgeoisie. Marxist scholars rejected any contrasting of Slavs to other peoples and fought uncompromisingly against the traditional idealistic conception of an everlasting Slavic spirit. As a result, history occupied a more prominent place in Slavonic studies.

The article deals at length with the post-war period in Slavonic studies. A general periodization of history of Southern and Western Slavs was worked out back in late 1940s and early 1950s in which the consistent monistic approach to history found a clear expression. After World War II, the Soviet Slavonic studies dealt mainly with socio-economic problems, with the class struggle and the situation of working people. Later, a system approach was worked out, providing a profound analysis of society as a whole. Such quantitative methods as statistical surveys of mass sources or modelling, etc. became current, which indicates a growing perfection of methods of Slavonic historical studies.

Inasmuch as transitional structures are the most interesting methodologically, the authors describe in detail the problems of national revival closely connected with the processes of capitalist development, formation of the classes of capitalist society, of nations and national cultures, and of the national liberation movement.

Nowadays, comparative studies occupy the most prominent place in Slavonic historical studies, as many problems (e. g. that of people's democratic and socialist revolutions) cannot be solved outside such studies. 1970s marked a growing popularity with the Soviet scholars of comprehensive and comparative studies of Central and South-Eastern Europe as a whole without limiting themselves to Slavonic countries.

V. Dyakov

The idea of Slavic solidarity, born by historic development, became widespread only in the latter half of 18th century and in the 19th century, when feudalism was being replaced by capitalism, nations were taking shape and the struggle for national independence started. Each of the antagonistic social groups understood Slavic solidarity in its own way, and it served different political aims under different historical conditions. E. g. in 1789—1871, a period of progressive bourgeois, democratic and national democratic movements, this idea was often used by progressives, whereas later, up to 1939, it was, as a rule, an instrument of reaction.

Pan-Slavist theories, for instance, that gained currency in Russia after the reforms of 1861, are an example of reactionary interpretation of the «Slavonic idea» not to be mixed up with the doctrines of early Slavophilism that, in spite of certain traces of conservatism, were moderately but evidently oppositional in relation to tsarist government. Austro-Slavic ideas of F. Palacki and his followers can serve as an example of a bourgeois-liberal interpretation of Slavic cooperation treated quite differently, from the national liberation and anti-feudal position, by Polish and Russian revolutionaries, especially by E. Dębowski, P. Sciegienny, A. Herzen, M. Bakunin and N. Chernyshevsky.

From their very start, Slavonic studies have been closely connected with ever-changing ideological and political interpretation of the idea of solidarity of Slavs. The interest for Slavonic problems, the subject, method and sometimes the results of study were, to a great extent, determined by that interpretation.

E. Dudzinskaya

The national liberation struggle of Slavonic peoples of the Ottoman and Habsburg empires accompanied by formation of nations and national cultures aroused the interest of Russian public, especially of Slavophiles. Slavophilism, one of the trends in Russian social thought existing parallel to «Westernism», came into being among Russian nobility when feudalism was being replaced by capitalism due to an all-round crisis of serfdom and appearance of new traits of life, characteristic of capitalism. The Slavophiles' attitude to different groups of Slavic nationalities gradually, in three stages, became different.

The first, Romantic, period started with the 1830s, when Slavophiles became acquainted with J. Kollar's idea of Slavic solidarity

(which he limited to cultural relations) and became its close supporter.

1848 introduced a second stage in Slavophilism. They met the revolutionary outbreaks among Western Slavs with fear and apprehension. Since then the Slavophiles provided real aid only Orthodox Slavs, limiting themselves to «sympathy» with Catholic Western Slavs. In contrast to pan-Slavists, whose views they time and again resolutely refused, the Slavophiles never pronounced for the incorporation of Slav-inhabited lands into the Russian Empire.

On the third stage of the movement, the Slavophiles aided the tsarist government in suppressing the revolutionary situation of 1859—1861 in Russia and the rebellious Poland of 1863. With the growth of revolutionary movement in Russia, the oppositional flavour of the Slavophil treatment of the Slavic question was fading away, parallelly with the all-round evolution of the ideology of Russian liberals who preferred now to negotiate with the powers that be in order to acquire their protection.

Throughout its history, Slavophilism was closely connected with Russian Slavonic studies. The works of many Slavonic scholars testify to a persisting influence Slavophilism had on them even years after Slavophiles ceased their activity.

S. Wollman

Ier Congrès des philologues slaves (Prague, 1929). Point de départ: la philologie slave proprement dite, renonçant à être synonyme des «études slaves», domaine trop large et peu cohérent, se concentre aux recherches comparées linguistiques et littéraires. Conception de la littérature comparée slave, un ordre de recherche qui porte sur les faits littéraires communs d'un groupe des nations; elle ne prétend ni remplacer l'histoire littéraire des différentes nations slaves, ni construire une unité fermée, se considérant une composante de la littérature générale ou mondiale.

IIème Congrès international des Slavistes (Varsovie, 1934). Retour partielle à la conception plus large de Jagić. Commencement des polémiques sur la littérature comparée slave. L'objection confuse que les littératures nationales entrent dans la littérature mondiale comme des unités fermées et délimitées porte les défenseurs à la notion des ensembles ou systèmes organiques internationaux, éléments du vaste système organique de la littérature universelle.

IIIe Congrès (Belgrade, 1939) — non avenu à cause de la guerre, mais connu de ses publications. L'histoire comparée des littératures slaves n'est pas nécessairement conditionnée par l'unité

culturelle; elle doit former un chapitre de l'histoire universelle de littérature. Problème des traditions culturelles et historiques dans leur caractère international.

IVe Congrès (Moscou, 1958). La distinction des dépendances militudes littéraires. Importance des éléments européens pour la réciprocité culturelle (des emprunts, des influences) et des coïncidences typologiques montre le chemin de la crise de la littérature comparée et introduit la renaissance méthodologique.

Ve Congrès (Sofia, 1963). Les contacts internes (proprement dites) et externes. Frontières de la typologie: elle ne peut pas remplacer toute la littérature comparée. Causes communes des similitudes littéraires. Importance des éléments européens pour la reconstruction de l'ensemble slave. Vers le système des genres.

VIe Congrès (Prague, 1968). De l'analyse systématique à la synthèse systématique: le système international dans les vieilles littératures sud-slaves — une littérature générale-intermédiaire; le système slave des genres littéraires et son développement; le réalisme socialiste comme phénomène interslave et international; les littératures générales et l'ensemble littéraire slave; le caractère complémentaire des différents systèmes internationaux.

VIIe Congrès (Varsovie, 1973). Résultat sommaire des recherches précédentes: les littératures slaves, marquées par leur réciprocité extraordinaire, représentent une des tâches les plus importantes de la littérature comparée relevant les forces substantielles de l'évolution littéraire universelle. Nouveaux problèmes d'une potré générale: les littératures slaves et la communauté de la littérature socialiste contemporaine; notion historique et comparative de la structure; possibilités de la comparaison génétique, contactologique et typologique; traits invariants et variables des grands courants littéraires; questions interéthniques du romantisme en Europe Centrale; la «renaissance nationale» comme phénomène européen.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

<p>Аввакум 59
 Авн М. 190
 Аврамович 130
 Агафатгел 59
 Адам Д. 50
 Аделунг И. Х. 130, 150
 Адодуров В. Е. 60, 85
 Аксаков И. С. 244, 267—
 270, 272—277, 279—281
 Аксаков К. С. 69, 240, 265
 Александр I 178
 Александр II 276
 Алексеев М. П. 113, 302
 Алексеев П. А. 61, 85
 Альгу Ж. 190
 Альтер Ф. 43
 Ангелов Б. 117
 Андрианова-Перетц В. П.
 109
 Андял А. 143, 145
 Ансель Ж. 180
 Антон К.-Г. 150, 151, 171
 Априлов В. 99
 Аристов П. М. 109
 Арнаутов М. 111, 259
 Арним фон, Б. 167
 Арто Д. 190
 Ахремович Е. 171
 Ашбот О. 143</p> <p>Бадалич Й. 112
 Базылев Л. 241
 Бакалов Г. 111
 Бакес Ж.-Н. 189
 Бакош М. 309
 Бакунин М. А. 185, 204,
 242, 260
 Бальбин Б. 50, 93
 Бальзак О. 174
 Бандтке Й.-С. 96
 Барац А. 113
 Бардах Ю. 259
 Бастиан 300
 Батовский Г. 38, 258, 294
 Бауманн Г. 170, 171
 Бедрих Я. 151
 Безансон А. 186
 Бекх А. 123, 125
 Бела М. 143
 Белецкий А. Н. 299</p> | <p>Белич А. 118, 125, 159,
 298
 Белла делла, А. 140, 144,
 145
 Белостенец 144
 Белявская И. М. 229, 230
 Беляев И. В. 275
 Беляев И. Д. 240
 Бем А. Л. 297
 Бенеш Э. 180, 253
 Бенешовский М. 129
 Беннигсен А. 187
 Бенсиду С. 190
 Бентковский Ф. 96
 Берар 180
 Берг Н. В. 246
 Берент 188
 Берков П. Н. 295, 302,
 303, 312
 Бернал Д. 42, 54
 Бернекер Э. 79, 159, 161—
 163, 166
 Бернхаген В. 171
 Бернштейн С. Б. 40, 55
 Берында П. 58, 59, 85,
 92
 Бессонов П. А. 70, 275
 Беттати М. 190
 Беценбергер А. 158
 Бидло Я. 22, 37, 294
 Бильфельдт Г. 167, 171,
 173
 Билярский П. С. 66
 Бирнбаум Г. 134
 Бисмарк О. 177
 Биттнер К. 293—295
 Бицакис Э. 190
 Благоев Д. 111, 207, 230
 Благослав Я. 91
 Блан С. 190
 Блок А. 189
 Бобровский М. К. 63
 Бобчев С. С. 254
 Бовуа Д. 5, 190, 260
 Богородицкий В. А. 80
 Богдан И. 143
 Богданович Д. 112
 Богорич А. 92, 130
 Богуславский В. 163
 Бодуэн де Куртене Я.</p> | <p>(И. А.) 10, 25, 37, 78,
 79, 86, 87, 121, 144, 160
 Бодянский О. М. 9, 10,
 51, 65, 86, 97, 98, 240,
 245, 265, 269
 Бой-Зеленский Т. 188
 Божков И. 49
 Больцано Б. 171
 Бомбала Е. 311
 Бонковский Г. Н. 176
 Бопп Ф. 136, 151, 155, 156
 Бортников А. И. 260
 Ботев Х. 108, 114, 199
 Боуринг Д. 40
 Брайтропф 164
 Брандт Р. Ф. 73—75, 79,
 86
 Брашовяну Д. 143
 Бродель Ф. 186
 Брок О. 80, 134, 159
 Брокгауз Ф.-А. 164
 Бромлей Ю. В. 38, 206,
 215, 231
 Брониковский К. 176
 Бртан Р. 116, 117
 Бругман К. 158, 159
 Брукнер А. 105, 125, 133,
 134, 141, 146, 158, 161,
 162, 166, 170, 286, 294
 Буайе П. 178, 180
 Будилович А. С. 20, 37,
 77, 83, 98, 244
 Булич С. К. 61, 76, 80
 Булахов М. Г. 5
 Бурийи Ж. 184
 Бурмейстер А. 189
 Буслаев Ф. И. 66, 73,
 86, 98
 Бутенко А. П. 231
 Бухарин Н. И. 230
 Бушмин А. С. 303
 Балза И. Ф. 128</p> <p>Вазов И. 108, 114
 Вайнгарт М. 23, 37, 110,
 124, 125, 128, 292
 Вайс Й. 106, 110
 Вайян А. 134, 181, 185, 189
 Валда М. Я. 151
 Валев Л. Б. 231</p> |
|---|---|--|

* Составила И. А. Калужская.

- Варлаам 105
 Варский А. 250
 Васильев Л. Л. 75
 Васильевский В. Г. 246
 Вацлавек Я. 168
 Вашица Й. 110
 Вейк ван, Н. 134
 Вейсбейн 179
 Вейссенгоф Ю. 179, 188
 Велчев В. 117
 Венгеров С. А. 246
 Венелин (Гуца) Ю. И. 46, 69, 86, 99
 Верантус (см. Вранчич Ф.)
 Вервес Г. Д. 114
 Веррет Г. 189
 Веселовский А. Н. 37, 104, 285, 286, 288, 290, 293
 Видмар Й. 112
 Виже-Лебрэн Э.-Л. 175, 188
 Викентей 59
 Виктор 59
 Виндиш Э. 158
 Винер Л. 142
 Виноградов В. В. 113
 Винтер Э. 38, 40, 164, 170, 171
 Вишьи де, А. 129
 Вирт П. 167, 169
 Витос В. 254
 Витшенс Г. 308
 Вичас О. 168, 169
 Вогуз де, М. 177
 Водичка Ф. 312
 Воеводская О. Х. 179
 Вознесенский А. Н. 287, 289, 290
 Войнович И. 109, 126
 Волков В. К. 259
 Волков 286
 Волов В. 186
 Вольман С. 6, 116, 305, 309—311
 Вольман Ф. 110, 116, 125, 258, 285, 287, 288, 290, 292—296, 300, 301, 303, 308, 311, 312
 Вольнер В. 158, 160, 172
 Вольтер Ф. 175
 Вольфграм Э. 171, 173
 Вондрак В. 79, 80, 105, 142
 Воровский В. В. 53, 246
 Воронков И. А. 229
 Ворт Д. С. 133, 134, 141, 143
 Востоков А. Х. 10, 46, 51, 64, 65, 69, 73, 86, 95, 136
 Враз С. 99
 Вранчич Ф. 129, 131, 137
 Врублевский В. 201
 Врублевский Т. 173
 Врхлицкий Я. 126
 Вулетич В. 206
 Выка К. 115
 Вычанский А. 187
 Габсбурги 224, 267
 Гавин Б. 260
 Гавранек Б. 116
 Гаврилович А. 112
 Гай Л. 99, 236, 259, 265
 Гайденайх Ю. (см. До-ланский Ю.)
 Галактионов А. А. 279
 Галис А. 134, 145
 Галка В. 96, 154, 265
 Гард П. 144
 Гаупт Г. 187
 Гаупт Л. 152
 Гауптман И. Г. 151
 Гебауер Я. 102
 Гегель Г. В. 197
 Гейне Г. 129
 Гелений 57
 Георг (принц датский) 145
 Георгиев В. 117
 Георгиев Э. 5, 117, 300, 303, 307, 311, 312
 Георгиевич К. 118
 Герасимов Д. 56
 Герберштейн З. 50, 138
 Гердер И.-Г. 137, 149, 192, 197, 206, 292
 Герман М. 179, 188
 Геро 175
 Геров Н. 82
 Герпен А. И. 198, 204, 206, 221, 230, 241, 242
 Геснер К. 50, 130
 Гете И.-В. 138
 Гетц К. 24, 37
 Гизинг Н. 138
 Гильфердинг А. Ф. 9, 10, 68, 70, 86, 102, 265, 269, 275
 Гоголь Н. В. 175, 176, 188
 Годунов Борис 175
 Голенищев-Кутузов И. 297
 Головин А. В. 274
 Голломбек Ю. 109, 294
 Гольберг М. Я. 281
 Горак И. 110, 285—288, 291, 294, 296, 311
 Горалек К. 38—40, 115, 300—302, 310, 312
 Горенкин 63
 Горлицкий И. С. 60
 Горник М. 102
 Горчаков А. М. 270, 276
 Горький М. 112, 115
 Горяинов А. Н. 54
 Готье Ю. В. 257
 Грабак Й. 305, 309, 310
 Грабовский М. 238
 Грабовский Т. 115
 Гранжар 179
 Граник Д. 187
 Грапэн Г. 179, 188
 Грасхоф Н. 309
 Грацианский Н. П. 211, 229, 259
 Грек (Триволис) Мак-сим 59, 85, 91
 Греков Б. Д. 40, 47, 52, 210—212, 257
 Грибоедов А. С. 177
 Григорий Богослов 64
 Григорович В. И. 9, 10, 65, 68, 69, 80, 86, 97, 98, 265
 Гримм В. 150, 151
 Гримм Я. 123, 125, 130, 136, 150—152, 156
 Гришина Р. П. 231
 Гросул В. Я. 221, 230
 Грот К. Я. 20, 33, 37, 40, 245, 251, 260
 Грот Я. К. 73, 269
 Грунский Н. К. 79, 80, 82
 Грушевский М. С. 294
 Гудзий Н. К. 109
 Гуйер О. 79
 Гумбольдт В. 150, 151
 Гундулич И. 117
 Гурский К. 115
 Гус Я. 91, 188, 269
 Гутсман 130
 Гуца (см. Венелин Ю. И.)
 Гюнтер К. 172

- Давыдов И. И. 71
 Даль В. И. 265
 Дамаскин Иоанн 56
 Данилевский Н. Я. 244, 245
 Даничиц Д. 103, 132
 Дантон Ж.-Ж. 192
 Дворник Ф. 134
 Деко Э. 184, 189
 Дембовский Э. 199
 Дени Э. 40, 180, 181, 188
 Державин К. Н. 40, 114
 Державин Н. С. 11, 25, 26, 37, 38, 46, 52, 108, 109, 240, 241, 256, 257, 294
 Державина О. А. 309
 Джефферсон Т. 192
 Джунусов М. 206
 Дильс П. 166
 Димитров Д. 37
 Димитров М. 259
 Динегов П. 40, 117, 306, 307
 Дитякин В. Т. 55, 259
 Лице Й. 172
 Длугош Я. 50
 Дмитриев С. С. 279
 Дмовский Р. 248—251, 260
 Добнер Г. 43
 Добровский Й. 8, 40, 43, 45, 51, 61, 89, 94, 95, 97, 112, 133, 135, 138, 150, 171, 234, 258, 302
 Доланский Ю. 40, 116, 295, 296, 303, 311
 Долгоруков В. А. 274
 Доленга-Ходаковский З. 96
 Достал А. 307
 Достоевский Ф. М. 105, 112, 118, 126, 177, 189, 244, 260, 304
 Дорошевский В. 115
 Достян И. С. 230
 Драганов П. Д. 87
 Драгович Р. 230
 Драгоманов М. П. 221, 230
 Драницын С. Н. 221, 230
 Дринов С. С. 80, 87, 103
 Дудзинская Е. А. 6, 279
 Дукат В. 145
 Дурих В.-М. 45
 Дьянов В. А. 6, 17, 40, 55, 206, 217, 229, 230, 259, 260, 281
- Дювернуа А. Л. 10, 69, 78, 82
 Дюришин Д. 116, 117, 311
 Дюшен 178
 Евфимий Тырновский 90, 91
 Едрыка З. 190
 Екатерина II 46, 178
 Елагин В. А. 240, 273
 Елачиц Й. 267
 Елинек Х. 180
 Еллидифор 59
 Енсен А. 144
 Эссен фон, Г. 139, 144
 Етмарова М. 259
 Ехова Г. 183, 189
 Жабский Т. 171
 Желиговский Л. 254
 Жеромский С. 126
 Живанович Д. 118
 Жилинский О. 310
 Жинзифов Р. 275
 Жирмунский В. М. 113, 301, 302, 312
 Жиро Р. 186, 190
 Жоанэ Ж. 186
 Жост М.-Л. 189
 Жуевич Ж. 272, 281
 Жуков Е. М. 55, 231
 Заборов М. А. 55
 Загайшек 130
 Зайцев В. М. 217, 229
 Зажке Г. 168, 173
 Засулич В. 204
 Захаров В. В. 216
 Эдзеховский М. 249
 Зеленин В. В. 215, 231
 Зеренсен А. 160
 Зизаний Л. 57, 58, 85
 Зих О. 292
 Злыднев В. И. 114
 Зуев Ф. Г. 206, 231, 260
 Иванов Й. 106, 107
 Иванов Н. П. 230
 Ивашкевич Я. 188
 Игнатович Д. 118
 Игнаци Я. 160
 Ильинский Г. А. 23, 37, 76, 79, 86, 105, 124, 125
 Иоани Эказарх Болгарский 89, 106
 Иоасаф 105
 Ират В. 292
- Иречек К. 40, 105
 Исламов Т. М. 279
 Йенч Р. 170
 Йованович В. 192, 206
 Йордан Я.-П. 99, 152
 Кабакчиев Х. 208
 Кадацкий В. Ф. 231
 Казанова 175, 188
 Казан П. 179, 188
 Калайдович К. Ф. 46, 63, 96
 Калениченко П. М. 231
 Калинин 59
 Кани А. 142
 Капнист В. В.
 Каравелов Л. 103, 107, 237, 259, 272
 Карагеоргиевич А. 272, 280
 Карагеоргий 264
 Караджич В. 8, 17, 99, 152, 236, 259, 265
 Каранжо А. 190
 Карасев В. Г. 221, 230, 281
 Кареев Н. И. 246
 Каринский Н. М. 79
 Карич П. 272, 281
 Карпини Плато 174
 Карпов П. Т. 150
 Каррер д'Энкокс А. 190
 Карский Е. Ф. 79, 86, 104
 Карцевский С. 134
 Каспер М. 170
 Касторский М. И. 240
 Катанчич М. П. 131, 132, 140
 Катков М. Н. 68
 Каутский К. 201, 206, 222, 246
 Качановский В. В. 80
 Качаунов С. 55
 Качич-Миошич А. 94
 Кашич Б. 92, 144
 Квагерник Э. 193, 206
 Кедров Б. М. 38, 49, 55
 Кельн Г. 145
 Кеневич С. 187
 Кешчен П. И. 46
 Кербле Б. 187
 Кернер Ф. 151
 Кидрич Ф. 112
 Кипарский В. 134
 Киприан (митрополит) 91

- Киреев А. А. 245
 Киреевский И. В. 240, 265
 Кирилл (Константин) 8, 50, 65, 68, 89, 90, 95, 98, 102—106, 116, 137, 177
 Кишкин Л. С. 295
 Клатик З. 116, 117
 Клапич 144
 Клеванский А. Х. 206, 231, 260
 Климент Охридский 106
 Клоков В. И. 231
 Клярнерувна З. 259, 260
 Кнаут К. 151
 Княжея И. 143
 Колбушевский С. 302, 303
 Колейка 258, 260, 280
 Коллар Я. 96, 234—236, 259, 265, 302
 Коль И.-П. 149
 Колэн М. 189
 Колопанов П. П. 280
 Коменский Я.-А. 92
 Комтэ М. 189
 Кон И. С. 38
 Кон Х. 258
 Конобеев В. Д. 206, 260
 Кондратович К. А. 61
 Коновалов С. 134
 Конрад Н. И. 287
 Константиннович З. 118
 Конфино М. 187
 Кончаловская 178
 Копецкий В. 255
 Копиевич И. Ф. 60, 85
 Копитар Б. 95, 120, 121, 133, 135, 138, 140, 142, 154, 237
 Корбэ К. 188
 Корнило Ф. 189
 Корецкий-Сатановский А. 59, 85
 Корнилов А. А. 246
 Короленко В. Г.
 Королук В. Д. 38, 40, 55, 228, 229
 Корш А. А. 86
 Костенечкий К. 91
 Костомаров Н. И. 99
 Костюшко Т. 192
 Котляревский А. А. 37, 74, 246
 Кокановский Я. 91
 Кочи И. 258
 Кочубинский А. А. 40, 69, 80, 189, 245
 Кошелев А. И. 268, 269, 273, 274, 280, 281
 Кошка Я. 116, 117
 Кошут Л. 192
 Кошутич Р. 253
 Коялович М. О. 275
 Кравцов Н. И. 114
 Крайничанац Т. 253
 Кралик О. 307
 Краль Ю. 167
 Крамарж К. 248, 249, 251, 253
 Красиньский В. 141
 Красицкий И. 177, 188
 Краузе Ф. 172
 Крейчи К. 40, 116, 297, 303, 305, 311
 Крек Г. 103, 120, 142
 Крефт Б. 118
 Кречмер П. 121
 Кржижановский Ю. 115, 305
 Кригер Г. 149
 Крижанич Ю. 8, 45, 50, 58, 85, 120, 122, 131, 132, 140
 Крониа А. 145, 292, 296
 Кросс С. 142
 Краузе Э. 183, 189
 Крумбахер К. 24, 37, 162, 172
 Крушевский Н. В. 121
 Куделка М. 5, 37, 38, 54, 258
 Кудрявский Д. Н. 81
 Куев К. 117, 309
 Куээн В. 176, 177
 Куклин Г. А. 246
 Кулаковский П. А. 245, 259
 Кулиш П. А. 98
 Кульбакин С. М. 75, 78, 79, 81
 Кумердей 130
 Кун А. 156
 Курц Й. 110, 311
 Курциус Г. 158
 Курьлюк Э. 129, 144
 Кучера Х. 134
 Кюстин де 176, 188
 Кюхельбекер В. К. 241
 Лавров П. А. 79, 81, 82, 104, 107, 246
 Лавровский П. А. 68, 70
 Лайтнер Т. М. 133
 Лалич Р. 291, 307
 Ламанский В. И. 70, 74, 83, 102, 244, 245, 265, 269, 275, 276, 279
 Ланг 300
 Ланосович М. В. 130
 Лант Г. 134, 142, 143
 Лаптева Л. П. 280
 Лаух А. 171
 Левин М. 186
 Левский В. 199
 Легоф Ж. 186
 Ледницкий В. 109, 134, 294, 298, 312
 Леже Л. 40, 140, 177, 178, 184, 188, 203
 Лейбзон Б. М. 231
 Лейбниц Г.-В. 43, 45, 50, 120, 131—133, 138, 139, 144, 145, 148, 150
 Лейкина-Свирская В. Р. 47
 Леклерк 175
 Лелевель И. 192, 200, 238, 259
 Леман У. 309
 Лемке М. К. 281
 Ленарт Л. 250
 Ленартович Т. 141
 Ленин В. И. 38, 45, 48, 49, 53—55, 84, 86, 87, 172, 190, 204—207, 219—221, 224, 225, 229—231, 246, 247, 251, 258, 260, 274, 279, 281
 Леонтович Ф. И. 184
 Леонтьев К. Н. 244, 245
 Леопарди Д. 129
 Лермонтов М. Ю. 177, 178
 Лер-Сплавинский Т. 40, 115
 Леруа-Болье А. 178, 188
 Лесаж М. 186
 Лескин А. 79, 101, 134, 141, 156, 158, 159, 161, 163, 164, 172
 Лециловская И. И. 230, 258, 259
 Лецинский С. 175
 Либельт К. 239
 Линде С.-Б. 96
 Линхарт А. 43

- Лиенкур де, Ф. 187
 Линь де, Ш. 175, 188
 Лирондель А. 178, 180
 Лисицина Л. Н. 231
 Лихачев Д. С. 113, 114, 287, 305—307, 310
 Лови М. 190
 Лодерекер 144
 Ломоносов М. В. 43, 45, 46, 50, 60—62, 74, 85, 93, 179
 Лоренц Ф. 79, 166
 Лось Я. (И. Л.) 80, 82
 Лудольф Г.-В. 50, 131, 132, 138, 139, 144, 148, 149, 170
 Лукьяненко А. М. 80
 Лунии М. С. 241
 Лур Т. 190
 Лучиани Д. 259
 Любенский Х. 152
 Людовик XIV 175
 Люксембург Р. 207
 Лютер А. 165
 Лютер М. 269
 Ляпунов Б. М. 79, 80, 133

 Магнушевский Ю. 115, 307
 Мадайчик Ч. 187
 Мадзини Д. 192, 202
 Мажуранич А. 135
 Мазон А. 37, 80, 125, 134, 185, 189, 294
 Макашин С. А. 185
 Максимов Ф. 85
 Малекций А. 160
 Малиа М. 187
 Мальт-Брюн 175
 Манассия 66
 Манашикова Н. П. 216
 Манусевич А. Я. 214, 229
 Манфред А. 3. 206
 Маргалич Е. 143
 Марек А. 234
 Маржерет Ж. 175
 Маринкович Р. 309
 Маринетти Ф. 185
 Маркарьянц Л. А. 229
 Маркевич Г. 115
 Маркевич З. 184
 Марков Д. Ф. 5, 6, 38—40, 55, 114, 221, 228, 230, 231, 258, 282, 297, 300, 302, 305—307, 309—311, 313
 Маркова Л. А. 54
 Маркович С. 199, 206
 Маркс К. 30, 38, 198—203, 205—207, 219, 222, 229, 230, 242, 264, 280
 Маркузе Г. 187
 Марлен 205
 Мароже Д. 189
 Мартель А. 178, 179, 188
 Мархлевский Ю. 208
 Масарик Т. 180, 225, 248, 251, 253
 Матейка Л. 134
 Матиевич 144
 Матияшевич 144
 Матль Й. 133, 304
 Матула В. 259
 Мах К.-Г. 117
 Махал Я. 105, 110, 285—287
 Мацейовский В.-А. 238, 259
 Мацурек Й. 38
 Машковский Л. 255
 Маяковский В. 112, 115
 Маяр (Зильский) М. 237, 259
 Мегисер 129
 Мейе А. 134, 180, 181, 188
 Мейер К.-Г. 166, 167
 Мейер М. 190
 Меннинг К. 37, 142, 144, 145
 Мериан Э. 171
 Мериджи П. 134
 Мерхаутова А. 128, 144
 Метшк Ф. 169, 173
 Мефодий 8, 50, 65, 68, 89, 95, 98, 103—106, 116, 177
 Меховский М. 50
 Мецшке А. 171
 Микалья Д. 134, 140
 Миккола И.-Ю. 80, 134
 Миклошич Ф. 46, 76, 98, 106, 120, 122, 123, 133, 136, 142, 144, 156, 158, 284
 Микулинский С. Р. 54
 Миладинов Д. 102
 Миладинов К. 103
 Милде Г. 171
 Миле И. 186
 Милетич Л. 106
 Миличевич М. 271
 Миллер А. Ф. 55
 Миллер И. С. 213, 215, 229, 230
 Миллер О. Ф. 275
 Миллюков П. Н. 245, 255
 Милютин Н. А. 273, 277
 Мисковский Л. Ф. 142
 Митгоф 132, 139
 Михаил, князь 272
 Михайл Г. 137, 144
 Михайлов А. А. 280
 Михаэлис И.-Д. 150, 171
 Мицкевич А. 97, 114—117, 129, 140, 141, 176, 192, 238
 Мишель В. 190
 Мишле Ж. 176
 Мишулин А. В. 210
 Михутина И. В. 231
 Младенов С. 111, 140
 Можейко Э. 294, 312
 Мончинский Я. 131, 144
 Мор Т. 113
 Морачевский Е. 239, 259
 Морозов Т. С. 277
 Морфилл В. Р. 141, 145
 Москаленко А. Е. 216, 229
 Мош-Бикер Э. 189
 Мраз А. 116, 259
 Мука К.-А. 106, 158, 159, 163, 164, 167, 168, 172
 Мукаржовский Я. 111, 289, 291, 292
 Муравьев М. Н. 274
 Муравьев Н. М. 241
 Мурко М. 24, 37, 80, 107, 133, 156, 166, 172, 285, 292, 311
 Мусс И. 180
 Мутон (издатель) 187
 Мыльников А. С. 5, 258, 259
 Мюнх Г. 173

 Навка М. 167
 Найденов Н. А. 277
 Наполеон Бонапарт 175, 206
 Нарочницкий А. Л. 281
 Нарушевич А. 43, 96
 Нахтгал Р. 107
 Негош П. 104, 189
 Недорезов А. И. 231

- Неелды З. 26, 38, 40, 52,
 111, 241, 257, 259
 Ненашева З. С. 260
 Неринг В. 141, 158, 161,
 172
 Нессельроде К. В. 270
 Нестор летописец 8
 Нидерле Л. 106
 Никандров П. Ф. 279
 Никитин С. А. 17, 47,
 221, 230, 259, 275, 277,
 281
 Николай I 266—268, 280
 Никольский С. В. 300,
 309
 Нич К. 109
 Новакович С. 103
 Новиков Е. П. 70, 86,
 269
 Новиков М. 308, 311
 Новотный П. 117
 Нойман Ф.-В. 165, 168,
 173
 Норвид. Ц. 188

 Облак В. 80, 133
 Обнорский С. П. 79
 Оболенский Д. 281
 Обрадovich Д. 43, 105
 Обренович М. 272
 Обушенкова Л. А. 217,
 229
 Обэн М. 183, 189
 Озолин А. И. 215
 Олеарий А. 50
 Олеш Р. 131, 134, 145
 Ольбрахт 292
 Ольшанский П. Н. 230
 Оман Э. 178, 180
 Орбини М. 50, 93
 Орехов А. М. 230
 Орфелин 130
 Остгофф Г. 159
 Оти Р. 141

 Павел А. 143
 Павлов Т. 111, 112
 Паисий Хилендарский
 94, 238, 259
 Палацкий Ф. 96, 121,
 193, 206, 235, 255, 259,
 273
 Паллас П. С. 61, 130
 Партридж М. А. 141
 Пастрнек Ф. 80, 106, 291
 Пата Й. 110
 Патрик Д. 142
 Пауль Г. 159
 Пауль К. 259
 Пейкерт Г. 39
 Пейкич К. 93
 Пейн Т. 192
 Пелцль Ф. М. 8
 Пенев Б. 111
 Пенningтон А. 141
 Первольф Й. (И. О.) 40,
 87, 102
 Пестель П. И. 192, 241
 Петра С. 311
 Петр Великий 60, 138,
 144, 188
 Петр Й. 172
 Петровский Н. М. 42, 46,
 54
 Пеячевич Ф. К. 93
 Пиккио Р. 307, 310
 Пилсудский Ю. 225
 Писарев Д. И. 243, 260
 Писарев Ю. А. 231
 Пичета В. И. 26, 38, 40,
 52, 211, 229, 257
 Пишут М. 300
 Плетершник М. 80
 Плеханов Г. В. 246
 Поваляев В. М. 230
 Поглубко К. А. 230
 Погодин А. Л. 81, 245
 Погодин М. П. 40, 97,
 240, 265, 271, 276
 Погорелов В. А. 79
 Покровский М. Н. 256
 Поливка И. 79, 105, 285
 Поликарпов-Орлов Ф.
 60, 85
 Померанцева Е. В. 305
 Попков Б. С. 259
 Попов Н. А. 240, 245
 Поржезинский В. К. 79,
 81, 86
 Порт Г. 5, 145, 146, 171—
 173
 Порталь Р. 180, 181, 186,
 188
 Поршнева Б. Ф. 38
 Посевин 50
 Потевня А. А. 40, 72, 73,
 80, 86, 101, 102
 Потоцкий И. 43
 Потт А.-Ф. 151, 155, 156,
 158
 Похлин 130
 Прейс П. И. 10, 13, 51,
 64, 70, 86
 Преображенский А. Г. 80
 Прибировский И. 160
 Прибоевич В. 50
 Принс Д. 142
 Приятель И. 112
 Прокофьева Н. А. 54
 Пропп В. Я. 286, 290
 Пуркине Я. Е. 153, 154
 Пухлов Н. Н. 230
 Пушкаревич К. А. 109
 Пушкин А. С. 51, 106,
 112, 115, 117, 118, 129,
 175, 177, 178, 192, 206,
 292
 Пфефингер 132
 Пфитцнер 294, 312
 Пуфль К. 156, 157, 159,
 160, 172
 Пшибышевский С. 179,
 188
 Пыпин А. Н. 10, 37, 40,
 51, 101, 107, 246, 248,
 258, 268, 280

 Рааб Г. 170, 171
 Радич С. 250, 253
 Радойчич Д. 118
 Радченко К. Ф. 105
 Раевский М. Ф. 269, 272,
 275, 280
 Разумовская Л. В. 47
 Раич И. 94
 Райснер Е. 309
 Ракич М. 272, 281
 Раковецкий И.-Б. 96
 Раковский Г. 192, 238,
 259
 Ранке Л. 17
 Ранье Л. 180
 Рачкий Ф. 103, 237
 Ревуенков В. Г. 229
 Резель Г. 36, 145, 170—
 172
 Резонов П. И. 231
 Рензов Б. Г. 300
 Рей М. 91
 Реймонт В.-С. 179, 188
 Релькович 130
 Решетар М. 142, 145
 Ридли М. 131, 144
 Риго Р. 192
 Рихтар Я.-Б. 149
 Рихтер А. 172
 Робер К. 140, 177, 188
 Робеспьер М. 192
 Робинсон А. Н. 310
 Ровда К. И. 39, 114, 297
 Ровинский П. А. 246

- Розвадовский А.-М. 159
 Розвадовский Я. 79, 109
 Розенбаум К. 311
 Розенберг А. 294
 Романовы 245
 Романовский С. 111
 Рост П. 163, 166
 Роубик Ф. 312
 Рошкловская В. 172
 Рубруквис В. 174
 Рубцов Б. Т. 215
 Румянцев Н. П. 96
 Русакиев С. 117
 Руссо Ж.-Ж. 175
 Рылеев К. Ф. 192, 241
 Рюдигер И. 150, 171
- Савкович М. 111
 Салтыков-Щедрин М. Е. 185, 244, 260
 Самарин Ю. Ф. 265, 270, 273, 274, 280, 281
 Само, князь 211
 Сантагат Д. 141
 Сватковский В. П. 245
 Свенцицкий И. С. 108, 109
 Северьянов С. Н. 79
 Секач 143
 Сечкарев В. 134
 Сидельников С. И. 259
 Сиклай Л. 305, 308, 311
 Симеонова К. 55
 Симмонс Д. 142, 145
 Сироватка О. 39
 Скарга П. 109
 Скерлич Й. 107
 Скок П. 133, 140, 145
 Славик Я. 294
 Славин Г. М. 231
 Славинский Е. 58, 59, 85
 Сладкевич Н. Г. 281
 Словацкий Ю. 114, 238
 Смирнов А. Ф. 215, 230
 Смирнова З. В. 206
 Смирнов-Кутачевский А. М. 286
 Смолер Я.-А. 99, 152, 153, 156, 157, 164
 Смотрицкий М. 50, 57, 60, 61, 66, 85, 92, 149
 Соболевский А. И. 75, 79, 86, 104
 Соколов П. И. 63
 Соломон К. 184
 Соммариша да, Г.-А. 140
 Соссюр де, Ф. 289
- Спарвенфельдт И.-Г. 45, 50, 131, 132, 138
 Спасович В. Д. 101, 246
 Сперавич М. Н. 104, 108, 133
 Срезневский И. И. 9, 10, 51, 66—68, 70, 86, 97, 98, 133, 265
 Сталь де, А.-Л.-Ж. 175, 188
 Стамболийский Р. 254
 Станг Х. 134
 Станислав Я. 116
 Станкевич Н. В. 189
 Станкевич Э. 133, 134, 143
 Старовольский Ш. 93
 Старчевич А. 237
 Стендер-Петерсен А. 134
 Степович А. И. 109
 Стефанов Н. 55
 Стецкевич С. М. 6, 231
 Столетов Н. Г. 277
 Стоун Д. 141
 Святнович Л. 107, 259
 Строев П. М. 63
 Стрычек А. 189
 Стюарт Д. 141
 Судейкина О. Д. 189
 Сумароков А. П. 62, 94
 Сумарокова М. М. 231
 Суворовский В. 96
 Сухотина Т. Л. 184
 Сырку П. А. 105
 Сэн-Приест де 175
- Тальви 138
 Тангы М. 259
 Тапье В. 180, 189
 Тарас Х. 148
 Татищев В. Н. 43, 51, 62, 190
 Тейлор 300
 Теодоров-Балан А. 106
 Тецнер И. 170
 Тигем ван, П. 300, 307
 Тиличев А. Д. 260
 Тихомиров М. Н. 257, 299
 Тихонравов Н. С. 102
 Токажевич Ю. 239
 Токвиль де, А. 177
 Толди Ф. 143
 Толстов Ф. А. 63
 Толстой А. К. 177
 Толстой А. Н. 189
- Толстой Л. Н. 105, 112, 126, 184, 189, 304
 Толстой Н. И. 40, 78
 Тольятти П. 231
 Томмасео Н. 141
 Томсон А. И. 81, 82
 Топольский Е. 55, 187
 Травничек Ф. 294
 Траутман Р. 24, 37, 165—167, 169, 170, 173
 Тредиаковский В. К. 62, 94
 Третьяков С. М. 277
 Тритен Ф. Г. 141
 Трубецкой Н. С. 111, 121, 122, 124, 133, 134, 142, 144
 Трубецкая О. 280
 Трэн Ж. 189
 Тульчинский М. Р. 55
 Туницкий Н. Л. 105
 Тургенев И. С. 169, 176
 Тура Ф. 184
 Тьер А. 176
 Тютчев Ф. И. 189
- Удалцов И. И. 215, 259
 Ужеевич И. 57, 85
 Улашин Г. 23, 125
 Улуян А. А. 230
 Ульянов Г. К. 74
 Унгер М. 173
 Урбан Э. 116
- Фабр Ж. 189
 Фабрициус Б. 149
 Фадеев А. 259
 Фалассей 59
 Фалк К. О. 134
 Фасмер М. 134, 166, 167, 169
 Фатер И.-С. 150, 171
 Федоров Иван 56
 Фенне Т. 131, 144
 Феннелл Й. 141
 Ференц Й. 143
 Ферран М. 189
 Феррел Д. 134, 143
 Ферро М. 190
 Филинович Р. 145
 Филиппо Р. 187
 Филиппов М. М. 246
 Фишель А. 189
 Фишер О. 292
 Фишер Р. 145
 Флакер А. 118
 Фламан Ф. 189

- Флоринский Т. Д. 20,
 74, 83, 84, 87, 136
 Фойгт Г. 173
 Фонвизин Д. И. 189
 Фортинский Ф. Я. 245
 Фортис А. 138, 292
 Фортунатов Ф. Ф. 74,
 75, 79, 86, 104, 135
 Фоше Л. 176
 Франко И. Я. 105, 115, 246
 Франкова С. 171
 Францев В. А. 36, 40,
 245, 260
 Фредегар 229
 Фредро А. 177
 Фрейденберг М. М. 216
 Фрейдзон В. И. 6, 229,
 258, 259
 Френцель А. 57, 139, 148,
 149
 Френцель М. 149
 Фридлиндер Г. М. 309
 Фридрих Вильгельм IV
 153
 Фринта А. 170
 Фрич Й.-В. 193
 Фриш И. 43, 148, 149, 170
 Хаан 143
 Хадрович Л. 143
 Хамм Й. 5, 38, 40
 Харкинс 298
 Харпер С. 142
 Харткнох 164
 Хенике К. 167
 Хермит Р. 189
 Хертель 164
 Хлебовчик Ю. 202, 206
 Ходзько А. 177, 178, 188
 Ходзько Л. 177
 Хойнан Я. 148
 Хомяков А. С. 240, 263—
 265, 271, 279, 280
 Хорник М. 156, 163, 172
 Хорчанский Я. 151
 Хостник М. 82
 Хочишевский Ю. 249, 260
 Храбр (черноризец) 90,
 117
 Храпченко М. Б. 113
 Хрбкова С. Б. 142
 Хренов И. А. 38, 228, 231
 Худяков И. А. 246
 Цайль В. 5, 146, 171—173
 Царский И. Н. 65
 Цвар Г. 170, 172
 Цвар Я. Ф. 152
 Цвигульский А. 189
 Цвиттер Ф. 202, 206
 Цейлер Х. 99, 152
 Цекинич 144
 Цибульский В. 141, 145,
 154, 172
 Цонев Б. 106
 Чарторьский А. 176, 177
 Челаковский Ф.-Л. 96,
 141, 153, 154
 Черкасская Е. А. 270
 Черкасский В. А. 269,
 273, 280, 281
 Чернобаев В. Г. 109
 Черный А. 248
 Чернышевский Н. Г.
 198, 206, 221, 230, 242,
 246, 260, 271, 272, 281
 Чертков А. Д. 240
 Чижевский Д. 134, 287
 Чижов Ф. В. 269, 273,
 280, 281
 Чистов К. В. 39
 Чичерин Б. Н. 244
 Чуркина И. В. 259
 Шаль Ф. 177
 Шамбр Г. 187
 Шароши 143
 Шарьер Э. 175, 188
 Шафарик П.-Й. 8, 19, 36,
 96, 97, 110, 153, 154,
 171, 234—236, 259, 265,
 296, 302
 Шахматов А. А. 75—77,
 80, 83, 86, 104
 Шаховской Д. 189
 Швела Б. 164, 166, 168
 Швелец Ф. 309
 Шевелев А. Г. 230
 Шевченко Т. Г. 105, 107,
 241
 Шевырев С. П. 240
 Шедел Ф. (см. Толди Ф.)
 Шекспир В. 118
 Шелли П.-Б. 129
 Шердль В. И. 69, 87
 Шестак М. 206
 Шийковский М. 109
 Шириня К. К. 231
 Шишков А. С. 46, 63
 Шипманов И. 40, 106
 Шлегель А.-В. 150
 Шлегель Ф. 150—151
 Шлейхер А. 130, 136,
 155, 156, 159, 163, 172
 Шлепер А.-Л. 45, 134,
 149, 150, 171
 Шлимперт Г. 172
 Шмаус А. 134
 Шмелев 189
 Шмеллер И.-А. 152, 171
 Шмераль Б. 255
 Шмераль Я. Б. 231
 Шмидт Г.-Ф. 24, 37, 165,
 170, 173
 Шмидт И. 152, 156, 158
 Шнитман А. Н. 230
 Шолта Й. 170, 172
 Шольвин Р. 160
 Шрам С.-Р. 186
 Шталь И.-К. 149, 170
 Штрайтберг В. 158, 159
 Штур Л. 99, 235, 259, 265
 Шугай Н. 292
 Шустер У. А. 38, 229
 Шустер-Шевц Г. 172
 Щепкин В. Н. 79, 81
 Щерба Л. В. 79, 80, 82,
 83, 86
 Эбель Г. 158
 Эджертон В. 134, 143, 298
 Эйзенманн Л. 180, 188
 Эйхлер Э. 170
 Эйшгоф Ф.-Г. 176
 Экономид К. 63
 Эрот Д. 187, 190
 Эльтберг Я. 260
 Энгельгарт Б. М. 292
 Энгельс Ф. 38, 199—207,
 219, 222, 229, 230, 280
 Эрлих В. 309
 Эшли 141
 Юглер 144
 Юнгман Й. 96, 234, 259
 Ягич В. (И. В.) 10, 21—
 25, 27, 33, 37, 40, 42,
 45, 54, 56, 61, 73, 74,
 79, 80, 86, 87, 100, 104,
 120—125, 132, 133, 136,
 141, 142, 144, 145, 160,
 161, 163, 172, 284, 291
 Ягодич Р. 38, 142
 Язборовская И. С. 206,
 230
 Якобсон Р. О. 40, 111, 133,
 134, 144, 291, 292, 294
 Якубец М. 115
 Якубец Я. 40
 Якубский В. А. 6, 229
 Ямбрешич 144
 Явечек О. 38
 Янушевский Б.-В. 171, 172
 Яцимирский А. И. 105, 108

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-----------------------	---

ПРЕДМЕТ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Д. Ф. МАРКОВ (СССР)	Славистика как комплекс научных дисциплин	7
М. КУДЕЛКА (ЧССР)	О славистике как сфере научного познания	18
А. С. МЫЛЬНИКОВ (СССР)	Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы . .	40
М. Г. БУЛАХОВ (СССР)	Основные этапы развития славянского языкознания в России (до 1917 г.) . .	56
Э. ГЕОРГИЕВ (НРВ)	Об основных этапах развития славистики в славянских странах	88
Й. ХАММ (Австрия)	О специфике развития славистики в неславянских странах	119
В. ЦАЙЛЬ, Г. ПОРТ (ГДР)	Этапы развития славистики в Германии до 1945 г.	146
Д. БОВУА (Франция)	О периодизации истории французской славистики	174

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ С ИСТОРИЕЙ НАУКИ

В. И. ФРЕЙДЗОН (СССР)	Национальное и интернациональное в истории славянских народов (диалектика взаимоотношений и отражение в общественной мысли XIX—начала XX в.)	191
С. М. СТЕЦКЕВИЧ, В. А. ЯКУБСКИЙ (СССР)	О методологии советских исследований по истории славянских народов	207
В. А. ДЬЯКОВ (СССР)	Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.)	232

Е. А. ДУДЗИНСКАЯ (СССР)	Русские славянофилы и зарубежное славянство	261
С. ВОЛЬМАН (ЧССР)	Методологические вопросы сравнительного изучения славянских литератур на съездах славистов	282
РЕЗЮМЕ		314
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ		326

TABLE DES MATIÈRES

PRÉFACE		5
-------------------	--	---

OBJET DE L'ÉTUDE SLAVE, PÉRIODES DE L'HISTOIRE
DE L'ÉTUDE SLAVE

D. MARKOV (URSS)	La slavistique comme une complexe des matières scientifiques	7
M. KUDĚLKA (SGGR)	Etude slave comme domaine de la connaissance scientifique	18
A. MYLNIKOV (URSS)	Définition des périodes dans l'histoire de l'étude slave mondiale: buts et principes	40
M. BOULAKHOV (URSS)	Etapas essentielles du développement de la linguistique slave en Russie (jusqu'à 1917)	56
E. GHEORGHIEV (Bulgarie)	Etapas essentielles du développement de l'étude slave dans les pays slaves	88
J. HAMM (Autriche)	Sur la spécification du développement de la slavistique aux pays non slaves	119
W. ZEIL, G. POHRT (RDA)	Etapas du développement de l'étude slave en Allemagne avant 1945	146
D. BEAUVOIS (France)	Périodes de l'histoire de l'étude slave en France	174

PROBLÈMES MÉTHODOLOGIQUES DE L'ÉTUDE SLAVE
DANS LEURS CORRELATION AVEC L'HISTOIRE DE LA SCIENCE

V. FPEJDSOŃ (URSS)	Le national et l'international dans l'histoire des peuples slaves (dialectique des relations et expression dans la pensée sociale au 19-e et au début du 20-e siècles)	191
E. STETSKEVITCH, V. IAKOUBSKI (URSS)	Methodologie des recherches soviétiques de l'histoire des peuples slaves	207
V. DIAKOV (URSS)	Interprétations politiques de l'idée de solidarité slave et développement de l'étude slave (fin 18-e s. jusqu'à 1939) . . .	232
E. DOUDZINSKAIA (URSS)	Slavophiles russes et communauté slave à l'étranger	261
S. WOLLMAN (SCCR)	Questions méthodologiques de l'étude comparative des littératures slaves	282
RÉSUMÉ		314
INDEX		326

VERZEICHNIS

VORWORT	5
-------------------	---

GEGENSTAND DER SLAWISTISCHEN FORSCHUNGEN,
FRAGEN DER PERIODISIERUNG DER GESCHICHTE
DER SLAWISTIK

D. MARKOW (UdSSR)	Slawistik als Komplex der wissenschaftlichen Disziplinen	7
M. KUĐĚLKA (Tschechoslowakei)	Über die Slawistik als die Sphäre der wissenschaftlichen Erkenntnis	18
A. MYLNIKOW (UdSSR)	Periodisierungsprobleme der Geschichte der Weltslawistik: Ziele und Prinzipien	40
M. BULACHOW (UdSSR)	Hauptetappen der Entwicklung der slawischen Sprachwissenschaft in Russland (bis 1917)	56

E. GEORGIJEW (Bulgarien)	Über die Hauptetappen der Entwicklung der Slawistik in den slawischen Ländern	88
J. HAMM (Österreich)	Zur Spezifik der Entwicklung der Slawistik in den nichtslawischen Ländern	119
W. ZEIL, H. POHRT (DDR)	Entwicklungsstadien der Slawistik in Deutschland bis 1945	146
D. BEAUVOIS (Frankreich)	Über die Periodisierung der Geschichte der französischen Slawistik	174

**EINZELNE METHODOLOGISCHE PROBLEME
DER SLAWISTIK IN IHRER WECHSELSEITIGEN VERBINDUNG MIT
DER WISSENSCHAFTSGESCHICHTE**

W. FREJDSOŃ (UdSSR)	Das Nationale und Internationale in der Geschichte der slawischen Völker (Dialektik der wechselseitigen Verbindungen und Widerspiegelung im gesellschaftlichen Gedanken des 19. — Anfang des 20. Jh.)	191
S. STEZKEWITSCH, W. JAKUBSKI (UdSSR)	Über die Methodologie der sowjetischen Forschungen auf dem Gebiet der Geschichte der slawischen Völker	207
W. DJAKOW (UdSSR)	Politische Interpretationen der Idee der slawischen Solidarität und die Entwicklung der Slawistik (Ende des 18. Jh. bis 1939)	232
J. DUDSINSKAJA (UdSSR)	Russische Slawophilen und das ausländische Slawentum	261
S. WOLLMAN (Tschechoslowakei)	Methodologische Fragen des vergleichenden Studiums der slawischen Literaturen	282
ZUSAMMENFASSUNG		314
INDEX		326

CONTENTS

PREFACE	5
-------------------	---

THE SUBJECT OF SLAVONIC STUDIES
AND THE PROBLEMS OF PERIODIZATION
OF THEIR HISTORY

D. MARKOV (USSR)	Slavistics as a complex of scientific disciplines	7
M. KUDĚLKA (Czechoslovakia)	Slavonic Studies as Scientific Knowledge	18
A. MYLNIKOV (USSR)	Periodization of the History of Slavonic Studies: Its Aims and Principles	40
M. BULAKHOV (USSR)	Main Stages of the Development of Slavonic Linguistics in Russia Prior to 1917	56
E. GHEORGHIEV (Bulgaria)	The Development of Slavonic Studies in Slavonic Countries	88
J. HAMM (Austria)	On the specifics of the development of slavonic studies in non-slavonic countries	119
W. ZEIL, H. POHRT (GDR)	Slavonic Studies Development in Germany Prior to 1945	146
D. BEAUVOIS (France)	Periodization of the History of Slavonic Studies in France	174

SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SLAVONIC STUDIES
IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF SCIENCE

V. FREJDSOŃ (USSR)	The National and the International in the History of Slavonic Peoples: Their Interrelation and Reflection in Social Thought of the 19th early 20th Centuries	191
S. STETSKEVICH, V. YAKUBSKY (USSR)	Methodology of the Soviet Studies in Slavonic History	207
V. DYAKOV (USSR)	Political Interpretation of the Idea of Solidarity of Slavs as Reflected in the Development of Slavonic Studies from the Late 18th Century up to 1939	232

E. DUDZINSKAYA (USSR)	Russian Slavophiles and Foreign Slav Peoples	261
S. WOLLMAN (Czechoslovakia)	Methodological Problems of the Comparative Study of Slavonic Literatures . . .	282
SUMMARY		314
INDEX		326

Статьи, написанные на иностранных языках, перевели:

М. Куделка (чешский) — Н. Е. Костыгова

Э. Георгиев (болгарский) — М. В. Никулина

Й. Хамм (сербскохорватский) — Ю. Д. Беляева, Т. П. Блинова,
Т. Ф. Семенова

В. Цайль, Г. Порт (немецкий) — Н. А. Богаева

С. Вольман (чешский) — М. Ю. Досталь, Н. Е. Костыгова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства
Г. В. Моисеевко

Художник
А. А. Люминарский

Художественный редактор
И. В. Разина

Технический редактор
З. Б. Павлюк

Корректоры
М. М. Баранова, А. А. Смогилева

ИБ № 5236

Сдано в набор 10.12.77.
Подписано к печати 17.01.78.
Т-03814. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 23,1
Тираж 1950 экз. Тип. вак. 950
Цена 1 р. 90 коп.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
1-я типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ